

Российская академия наук
Институт психологии

СОЦИАЛЬНАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Часть 2

Новые научные направления

Ответственные редакторы

Ю. В. Ковалева, Т. А. Нестик

Издательство
«Институт психологии РАН»
Москва – 2018

УДК 159.9
ББК 88
С 69

Все права защищены. Любое использование материалов данной книги полностью или частично без разрешения правообладателя запрещается

Редакционная коллегия:

*Ю. В. Ковалева (отв. ред.), Т. А. Нестик (отв. ред.), А. Е. Воробьева,
Т. В. Дробышева, Т. П. Емельянова, Н. Н. Хащенко*

С 69 Социальная и экономическая психология. Часть 2: Новые научные направления / Отв. ред. Ю. В. Ковалева, Т. А. Нестик. — М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. — 523 с. (Труды Института психологии РАН)

ISBN 978-5-9270-0387-7

УДК 159.9
ББК 88

Вторая часть сборника научных трудов, посвященного 45-летию лаборатории социальной и экономической психологии ИП РАН и 70-летию академика РАН А. Л. Журавлева, включает статьи авторов по новым и остроактуальным социально-психологическим направлениям, формирующим будущий тренд развития отрасли. К рассмотрению предлагаются вопросы формирования и проявления личности в современных социальных условиях, предъявляющих все новые требования к ее возможностям. Среди них проблемы личности и инноваций, глобальных рисков, вторичной социализации в новых экономических условиях, а также нравственного выбора и ценностей на переломных этапах развития общества. Затрагивается ряд проблем группы и межгрупповых отношений, например, в условиях цифровой экономики, жизни в мегаполисе, современных профессиональных требований. Можно отметить и появление новых групп — объектов социально-психологического анализа, таких как волонтеры и мигранты. Отдельный раздел посвящен проблемам, относящимся к обществу в целом, его новым свойствам и формам. Так, представлены исследования проблем интернета и сетевых сообществ, цифровых следов, роботизации, глобализации в целом. Все эти работы объединяет направленность в будущее — постановка проблемы развития общества в новых условиях и попытка увидеть в ее решении перспективы социальной психологии.

Работа выполнена по гранту РФФИ № 18-013-20073

ISBN 978-5-9270-0387-7

Содержание

Т. В. Дробышева, А. Л. Журавлев
К истории становления и развития лаборатории
социальной и экономической психологии
Института психологии РАН (по материалам интервью) 11

Раздел 1 ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ И МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

А. А. Акбарова
Взаимосвязь гармоничности ценностей
с социальной зрелостью в экономической сфере 47

В. Л. Бозаджиев
Политическая социализация в дошкольном возрасте. 54

Е. С. Быкова
Психологическое исследование типологических характеристик
инновационной личности 66

М. А. Гагарина
Личностные черты, готовность к риску
и финансовая грамотность должников. 75

Т. В. Дробышева
К вопросу о формах экономической социализации личности:
обоснование дифференциации 84

Т. В. Дробышева, М. А. Романовская
Социально-психологические свойства личности
в разных условиях ранней социализации в семье —
с наемным работником (няней) и без него. 99

<i>А. Н. Капустина</i>	
Волонтерская деятельность и ценностно-мотивационная сфера личности	116
<i>А. Н. Лебедев</i>	
Проблема нравственного выбора и саморазвитие личности	124
<i>Л. Ш. Мустафина</i>	
Структура социальных представлений о совести у верующих и неверующих старшеклассников	130
<i>Т. А. Нестик</i>	
Типы отношения личности к глобальным рискам и его социально-психологические предикторы	140
<i>Т. А. Шкурко</i>	
Социально-психологические факторы оценки воспринимаемого возраста человека	160

Раздел 2 ПСИХОЛОГИЯ ГРУППЫ И МЕЖГРУППОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

<i>А. А. Алдашева., М. А. Логинова, О. В. Рунец</i>	
Феномен доверия у представителей волонтерского движения	169
<i>М. Ю. Войтенко, Т. В. Дробышева</i>	
Взаимосвязь удовлетворенности условиями проживания в мегаполисе и социально-психологического благополучия личности детей	182
<i>И. В. Грошев, Ю. А. Давыдова, А. А. Краснослободцев</i>	
Городской саундшафт как составляющая социальной психологии города	198
<i>Е. В. Забелина, Ю. В. Честюнина, Э. З. Ягнакова</i>	
Особенности экономического сознания студенческой молодежи в условиях глобализации (результаты кросс-культурного исследования России и Японии)	210
<i>О. А. Коронец, А. Э. Фёдорова</i>	
Токсические практики управления персоналом: социально-психологические аспекты	220

<i>О. В. Кружкова, И. В. Воробьева, Р. Ю. Порозов</i>	
Социально-средовые и индивидуально-субъективные функции вандализма в городской среде	229
<i>В. А. Лабунская</i>	
Восприятие мигрантами себя в качестве «мишеней дискриминации» как фактор принятия ими наблюдаемого дискриминационного поведения Другого	236
<i>Г. Н. Ларина</i>	
Свобода группы как предмет социально-психологического исследования	243
<i>В. Ю. Печковская</i>	
Социально-психологические и этнокультурные факторы выбора школы родителями дошкольников	250
<i>Е. Н. Покатиловская, Л. В. Шibaева</i>	
Образ города проживания в представлениях жителей с разной городской идентичностью	260
<i>Л. Г. Почебут, Д. С. Безносков</i>	
Социально-психологическая теория социального капитала организации	269
<i>Ю. Э. Ширков, А. Н. Рчеулишвили</i>	
Компетентность в интерпретации результата творческой работы группы	276

Раздел 3 ПСИХОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА И СЕТЕВЫХ СООБЩЕСТВ

<i>В. А. Баранова, М. А. Утробина</i>	
Ролевой репертуар женщины в современном обществе	291
<i>Н. В. Борисова</i>	
Социально-психологические условия становления правового сознания современной российской молодежи.	298
<i>М. И. Воловикова, А. Л. Журавлев</i>	
Об актуальности исследования феномена «нравственной элиты»	307

<i>А. Е. Воробьева</i>	
Доверие молодежи к интернет-магазинам	314
<i>Т. П. Емельянова, Д. А. Шмидт</i>	
Романтические отношения и готовность к браку, репрезентируемые интернет-сообществами (опыт анализа визуальных сообщений)	321
<i>А. Л. Журавлев, Ю. В. Ковалева</i>	
Основные подходы к пониманию глобальной психологии	337
<i>П. А. Кисляков, Е. А. Шмелева</i>	
Ориентация будущих STEM-специалистов на социально-профессиональные навыки в условиях перехода к цифровой экономике.	351
<i>Д. А. Китова</i>	
Психологические угрозы в Интернете: состояние и перспективы исследований	358
<i>Т. Н. Лобанова</i>	
Трудовые интересы в условиях перехода к цифровой экономике	368
<i>О. И. Маховская, Т. И. Семенова</i>	
Феномен сетевой агрессии в закрытых сообществах молодых матерей	377
<i>И. А. Мироненко</i>	
Российская психология перед лицом «глобальных рисков»	386
<i>Ю. С. Мурзина, В. П. Позняков</i>	
Возможности использования цифровых следов для прогнозирования поведения личности	397
<i>Т. А. Нестик</i>	
Социально-психологические предикторы отношения личности к искусственному интеллекту и роботизации	406
<i>Э. В. Патраков</i>	
Представления педагогов и родителей о жизнедеятельности подростков в сети Интернет: эмпирическое исследование.	429

А.Л. Силинг, Т.А. Нестик

Социально-психологические предикторы отношения
к ближайшему, среднесрочному и отдаленному будущему
у участников форсайт-сессий 438

В.Н. Шабанова, Т.А. Нестик

Групповая рефлексивность и проблема отношения
к соблюдению требований безопасности в трудовых
коллективах производственных подразделений АЭС 454

Е.В. Шляховая

Доверие как условие принятия решений в VUCA-мире. 463

Аннотации (Abstracts) 471

Об авторах 517

*Посвящается 45-летию лаборатории
социальной и экономической психологии ИП РАН
и 70-летию академика РАН
Анатолия Лактионовича Журавлева,
работающего в ней со дня основания
и прошедшего путь от аспиранта до заведующего*

К истории становления и развития лаборатории социальной и экономической психологии Института психологии РАН (по материалам интервью)

Т. В. Дробышева, А. Л. Журавлев

В истории становления и развития отечественной социальной психологии выделяется «восстановительный» период (с конца 1950-х и примерно до середины 1970-х годов¹), который пока недостаточно привлекает внимание историков науки. Можно согласиться с тем, что для рефлексии происходившего требуется больше времени, что еще живы свидетели и участники тех событий, по-разному их трактующие, и что граница между этим периодом и современностью еще не столь четко выражена и т.п.... Однако процессы глобализации психологической науки в целом и социальной психологии в частности, которые проявляются не только в интеграции и взаимообогащении мирового научного знания, но и связаны со снижением идентичности отечественной науки, требуют реконструкции этого периода в истории социальной психологии. Его отличительной чертой стал поиск социальной психологией своего места в пространстве как отечественной психологической науки, так и мировой социальной психологии. Данное обстоятельство указывает на *актуальность* психолого-исторического исследования, ориентированного на анализ ключевых событий, вклада научных организаций и конкретных ученых в становление и развитие отечественной социальной психологии.

Идентичность российских социальных психологов формировалась постепенно, в процессе дискуссий в психологическом сообществе, участниками которых становились специалисты разных отраслей не только психологии, но и социологии, философии, истории

Работа выполнена по Государственному заданию ФАНО № 0159-2018-0003.

- 1 Завершение «восстановительного» периода А. Л. Журавлев связывает с выходом коллективной работы «Методологические проблемы социальной психологии» / Отв. ред. Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1975.

и т. п. Поиск предмета и объекта исследования, определение системы основных понятий, методологии, методов и методик, структуры социальной психологии, ее связей с другими отраслями отечественной и мировой науки – все это определяло содержание научного дискурса «восстановительного периода». Хорошо известен факт начала дискуссии 1960-х годов, связанный с публикацией в конце 1959 г. статьи А. Г. Ковалева (1959) в «Вестнике ЛГУ». Однако в учебной литературе данные об этом историческом времени представлены, как правило, обобщенно. В частности, недостаточно развернуто изложен вклад конкретных научных подразделений, их взгляды и позиции по тем вопросам, которые и определили впоследствии аутентичность российской социальной психологии, ее место в мировой науке. К примеру, современным исследователям мало известно о том, что в 1963 г. на Втором всероссийском съезде психологов, проходившем в Ленинграде, доктор философских наук Екатерина Васильевна Шорохова, доктор медицинских наук Константин Константинович Платонов и доктор философских наук Николай Сергеевич Мансуров представили пленарный доклад, посвященный социальной психологии, и организовали работу отдельного Симпозиума по социальной психологии с целью активизации дискуссии о необходимости оформления ее статуса как самостоятельной научной отрасли. В том же году в журнале «Вопросы психологии» эти авторы опубликовали статью, изложив в ней свои аргументы о необходимости оформления такого раздела психологической науки (Платонов, Мансуров, Шорохова, 1963), а спустя десять лет двое из них – Шорохова и Платонов – организовали в новом Институте психологии Академии наук СССР научное подразделение – Сектор социальной психологии, который чуть позже трансформировался в лабораторию социальной психологии ИП АН СССР.

История становления и развития современной лаборатории социальной психологии ИП РАН не ограничивается «восстановительным периодом». «Линия жизни» научного подразделения насчитывает несколько этапов, каждый из которых хотя бы косвенно, но отражает происходящие процессы в отечественной социальной психологии: смену проблематики, поиск междисциплинарных связей, новых объектов исследования, теоретических концепций и подходов и т. п.

По нашему мнению, выявление и анализ вклада конкретного научного подразделения в процессе становления и развития оте-

чественной социальной психологии представляет интерес в связи с пониманием как факторов формирования профессиональной идентичности специалистов научной отрасли, так и роли разных субъектов – групповых (научные коллективы) и индивидуальных (конкретных ученых) – в этом процессе.

Целью настоящего исследования явился анализ жизненного пути конкретного научного подразделения: выделение содержания и факторов формирования социально-психологической проблематики на разных стадиях развития организации. *Новизной* данной работы стала разработка подхода к изучению исторического материала с помощью авторского варианта метода исследовательского интервью.

В качестве носителя исторического знания выступил академик РАН Анатолий Лактионович Журавлев, стоявший у истоков (с конца 1973 г.) становления научного подразделения, непосредственный участник и свидетель тех событий, которые происходили в течение 45 лет существования лаборатории, длительный период времени (с июня 1987 г. и до февраля 2016 г.) – ее руководитель, ныне руководитель научного направления «Социальная и экономическая психология» в Институте психологии РАН, а также научный руководитель Института.

Содержание *метода исследовательского интервью* представлено в разных работах специалистов (Квале, 2003; и др.). В данном исследовании его применение преследовало цель сбора и анализа исторического материала для реконструкции некоторых этапов развития отечественной социальной психологии на примере жизненного пути конкретного научного подразделения.

Ниже представлено содержание интервью с А. Л. Журавлевым. Вопросы задавала Т. В. Дробышева.

Т. Д.: Анатолий Лактионович, пять лет назад я задавала вам вопросы, связанные с историей становления и развития нашей лаборатории. Ответы на них тогда опубликованы не были, а в настоящее время они и сами стали историей... Однако в преддверии 45-летия нашей лаборатории и в связи с вашим юбилеем хотелось бы вернуться к тем вопросам... Уточните, пожалуйста, дату открытия лаборатории социальной и экономической психологии ИП РАН?

А. Ж.: Да, наша лаборатория имеет длительную историю своего становления и развития, которая уже насчитывает 45 лет с декабря 1973 г.

Основанием для ее открытия явилась реорганизация Сектора философских проблем психологии Института психологии Академии наук СССР (ИП АН СССР). Сектор существовал в структуре Института с его основания. В декабре 1973 г. из него выделилось новое структурное подразделение, которое на первом этапе стало называться «Сектор социальной психологии». Сектор философских проблем также продолжил свою работу, его с декабря 1973 г. возглавляла Людмила Ивановна Анцыферова. Функции руководителя нового Сектора, по совместительству, приняла на себя Екатерина Васильевна Шорохова, которая в этот период исполняла основные свои обязанности заместителя директора Института по науке. Позднее (с середины 1980-х годов) Сектор социальной психологии был переименован в лабораторию социальной психологии ИП АН СССР.

Далее лаборатория претерпела еще две реорганизации. Одна из них произошла в 1992 г., когда в качестве нового директора Института работал А. В. Брушлинский. К тому моменту в ней сформировались два основных направления исследований – в области психологии межгрупповых отношений и психологии малых групп. Будучи заведующим лабораторией, я выступил на заседании Ученого совета Института с обоснованием выделения из лаборатории социальной психологии нового подразделения – лаборатории психологии межгрупповых отношений, которую предложил возглавить Петру Николаевичу Шихиреву. Фактически лаборатория создавалась под его проблематику, хотя инициатива ее организации принадлежала мне, как руководителю лаборатории. Смысл этой инициативы состоял в использовании потенциала Петра Николаевича и сохранении его в качестве сотрудника Института. Оставшаяся часть лаборатории была переименована в лабораторию психологии малых групп и коллективов. Таким образом, социально-психологическое направление исследований в Институте психологии РАН в 1992 г. стало включать два вектора работ – в области психологии межгрупповых отношений и в области психологии малых групп и коллективов. Конечно, это решение вызывало много вопросов и сомнений у членов ученого совета. Однако моя аргументация была построена на том, что исследованиями проблематики в области общей психологии занимались четыре лаборатории Института. Следовательно, выделение двух подразделений с целью более глубокого изучения проблем социальной психологии было также целесообразным в связи с величайшей актуальностью стоящих перед ней фундаментальных и прикладных задач.

В начале 1990-х годов сложилась трудная ситуация в стране в целом и в Академии наук в частности, связанная с недофинансированием научной деятельности. Многие сотрудники стали переходить в другие организации, искать дополнительные виды работ. В 1994 г. по личным обстоятельствам Петр Николаевич Шихирев перешел работать в другую организацию. По этой причине лаборатория межгрупповых отношений была закрыта, а лаборатории психологии малых групп и коллективов было возвращено ее первоначальное название — «Лаборатория социальной психологии». Однако на этом преобразования не завершились. В 1990-е годы в лаборатории сформировалось и развивалось научное направление исследований экономико-психологических проблем. Оно было очень востребовано как междисциплинарная область исследований и имело перспективы развития. В связи с этим по инициативе директора ИП РАН Андрея Владимировича Брушлинского лаборатория была переименована в лабораторию социальной и экономической психологии. Сейчас сложно назвать точную дату этого события. Могу лишь примерно назвать период — вторая половина 1990-х годов.

Т. Д.: По вашему мнению, каковы субъективные и объективные предпосылки выделения лаборатории как самостоятельного структурного подразделения в рамках Института психологии АН СССР? Также хотелось бы знать, кто или что способствовало организации лаборатории в тот период?

А. Ж.: Сложно назвать все предпосылки. Попробую перечислить, по моему мнению, самые значимые, обусловленные, прежде всего, сложившейся в то время обстановкой в Институте.

Первое обстоятельство было связано с тем, что еще в период работы Сектора философских проблем ИП АН СССР ряд ее сотрудников весьма успешно выполнял работы, ориентированные на разработку социально-психологических проблем. Речь идет о Екатерине Васильевне Шороховой, которая занималась вопросами методологии, предметного поля социальной психологии, изучения конкретных социально-психологических феноменов, и Константине Константиновиче Платонове, который имел непосредственное отношение к развитию разных отраслей психологии и очень хорошо понимал перспективность развития отечественной социальной психологии (тогда — общественной психологии). Также в это время в секторе философских проблем психологии работала Маргарита Исидоровна Бобнева. Она перешла в ИП АН из Института социологии АН СССР

и сразу же стала заниматься исследованиями социально-психологической направленности. В этот же период в Институт пришел работать и Пётр Николаевич Шихирев. В рамках подготовки своей кандидатской диссертации под руководством Юрия Александровича Замошкина он стал проводить теоретические исследования, связанные с проблемами социальной установки. Т. е. сложился коллектив ученых-исследователей, во-первых, заинтересованных в развитии социально-психологической проблематики, во-вторых, уже выполнявших работы в этом направлении.

Вторым обстоятельством стало сложившееся к концу 1973 г. отношение руководства Института к социальной психологии как отрасли психологической науки. Речь идет в первую очередь о Борисе Фёдоровиче Ломове и Екатерине Васильевне Шороховой. Они очень хорошо понимали перспективность таких исследований, их социальную значимость и практическую востребованность.

Т. Д.: ...А состояние общественной среды, психологической науки в целом, как-то способствовало организации лаборатории социальной психологии в Институте психологии АН СССР?

А. Ж.: Да, конечно. Во-первых, к тому времени уже существовали два научных психологических подразделения, сотрудники которых в течение одиннадцати лет, т. е. с 1962 г., целенаправленно занимались разработкой социально-психологических проблем. Речь идет, во-первых, о лаборатории социально-психологических проблем при кафедре психологии Ленинградского государственного университета, которая была организована по инициативе и при поддержке заведующего кафедрой Бориса Герасимовича Ананьева и которую на общественных началах возглавил тогда еще кандидат наук, доцент кафедры Евгений Сергеевич Кузьмин (см. подробнее: Свенцицкий и др., 2018; Семенов и др., 2017). За прошедшие одиннадцать лет (с 1962 по 1973 г.) сотрудниками этой лаборатории был накоплен большой объем научно-исследовательского и практического материала в области изучения трудовых коллективов промышленных предприятий. Они выполняли много хозяйственных работ, что свидетельствовало не только о научной, но и о практической востребованности социально-психологического знания.

Вторая лаборатория социально-психологической направленности была создана в Курске при кафедре психологии Курского педагогического института. Ее организовал и возглавил профессор Уманский Лев Ильич. В лаборатории занимались изучением и под-

готовкой молодежных лидеров. Проблема молодежного лидерства Уманским и его учениками рассматривалась и как социально-психологическая, и как психолого-педагогическая. Социально-психологический аспект их работ был связан с изучением взаимодействия лидеров (личности) с разными группами и коллективами. Замечу, что востребованность этих работ в то время была чрезвычайно высокой (см. подробнее: Чернышев и др., 2016).

Иными словами, работа двух социально-психологических лабораторий, созданных на базе вузов, была очень плодотворной. Сотрудники этих подразделений не только накопили научно-исследовательские материалы, но и доказали практическую востребованность социальной психологии. Данное обстоятельство (прежде всего, накопленный опыт исследований) можно рассматривать как одно из объективных условий, способствовавших созданию лаборатории социальной психологии в структуре Института психологии АН СССР.

Во-вторых, к моменту открытия лаборатории в Институте психологии в Ленинградском и Московском государственных университетах были организованы кафедры социальной психологии с целью подготовки специалистов в этой области психологии. В 1968 г. первая такая кафедра была открыта на факультете психологии ЛГУ, ее возглавил доктор психологических наук Кузьмин Евгений Сергеевич. Спустя четыре года, в 1972 г., аналогичная кафедра была организована на факультете психологии МГУ имени М. В. Ломоносова, а ее руководителем стала доктор философских наук Андреева Галина Михайловна, которая до этого работала на кафедре исторического материализма философского факультета МГУ М. В. Ломоносова и была приглашена на должность заведующего кафедрой руководством факультета психологии Университета. Т. е. к концу 1973 г. обе кафедры уже накопили полезный опыт профессиональной подготовки специалистов. Это обстоятельство было свидетельством того, что социальная психология стала востребованной и как учебная дисциплина.

В-третьих, еще одна предпосылка создания лаборатории социальной психологии в Институте была связана с богатым опытом работы зарубежных коллег, самим состоянием социальной психологии в мире, которая активно развивалась как научная дисциплина, т. е. разрабатывались концепции, теоретические подходы, изучались новые социально-психологические феномены, вводились новые понятия и т. д. Американская и западноевропейская социальная пси-

хология к тому времени уже имела статус востребованной и перспективной научной дисциплины с широким спектром возможностей прикладного применения ее знаний. Таким образом, наряду с созданием лабораторий и кафедр социальной психологии, опыт мирового научного социально-психологического сообщества выступил в качестве значимого фактора организации в Институте психологии АН СССР социально-психологической лаборатории.

Т. Д.: Какие научно-исследовательские задачи стояли перед лабораторией в то время?

А. Ж.: Это те задачи, для решения которых и создавалось специальное подразделение. Они были поставлены руководством Института перед сотрудниками, аспирантами и соискателями лаборатории и разрабатывались ими в период 1970-х годов. Конечно, их конкретные решения отражали состояние социальной психологии в стране. По моему мнению, главной задачей выступало теоретическое оформление социальной психологии как научной дисциплины в процессе обсуждения научных представлений о предмете и объекте социальной психологии, системе понятий, вопроса о ее методах, теоретико-методологических подходах, концепциях и т. д. В качестве дискуссионной площадки по этим вопросам выступил специально организованный в Институте психологии научный семинар. Результатом двухлетних обсуждений на семинаре вышеупомянутых принципиальных вопросов стала коллективная монография, которая была опубликована в 1975 г. в издательстве «Наука» (Методологические проблемы..., 1975). С моей точки зрения, это была фундаментальная работа, в которой был представлен результат глубокого теоретического осмысления актуальных проблем развития социальной психологии.

Более конкретные задачи, которые решались на разных уровнях анализа (теоретическом, эмпирическом и практическом), были связаны с изучением проблемы взаимодействия коллектива и личности, проблем межличностных отношений, структуры и развития коллектива. Это направление исследований возглавлял Константин Константинович Платонов. Уникальным итогом этих работ стала монография «Коллектив и личность», изданная также в 1975 г. (Коллектив и личность, 1975). Безусловно, выпуску этих двух фундаментальных изданий предшествовал длительный период исследований, который являлся ресурсом выполненной работы по проблеме взаимодействия коллектива и личности. Данные факты косвенно подтверждают ранее высказанное суждение, что становление научного

направления исследований социально-психологических проблем в Институте осуществлялось в рамках научной деятельности Сектора философских проблем психологии. Впоследствии сотрудники выделившегося Сектора социальной психологии успешно продолжили данное направление, и до конца 1970-х годов тема взаимодействия личности и малой группы, первичного коллектива доминировала в исследованиях и лаборатории социальной психологии Института.

Еще одно направление, которое разрабатывалось в лаборатории с начала 1970-х годов под руководством Маргариты Исидоровны Бобневой, было связано с изучением психологических механизмов регуляции социального поведения, прежде всего механизмов нормативной регуляции. Результаты этого направления исследований были опубликованы в сборниках научных трудов и авторской монографии (Бобнева, 1978; Психологические механизмы..., 1979; Психологические проблемы..., 1976).

В эти же годы перед коллективом лаборатории стояла еще одна задача, причем научно-практического характера, связанная с развитием психологии трудовых производственных коллективов. Это научное направление разрабатывалось под руководством Ольги Ивановны Зотовой, которая пришла в лабораторию из Института социологии АН СССР. Спектр разрабатываемых проблем включал вопросы психологии трудового коллектива, адаптации личности работника в первичном трудовом коллективе, формирования социально-психологического климата коллектива, проблемы руководства трудовым коллективом и т. д.

Невозможно перечислить все задачи, которые стояли перед лабораторией на первом этапе ее деятельности. Однако стоит привести здесь специальную задачу, решение которой включало анализ состояния и тенденций развития зарубежных исследований, прежде всего в американской и западноевропейской социальной психологии. Несмотря на вспомогательный характер этой задачи, ее решение давало возможность сотрудникам лаборатории ориентироваться на мировой исследовательский опыт в плане сопоставления результатов, разработки новых феноменов, методов и приемов исследования, поиска альтернативной методологии и т. п. Данным направлением исследований непосредственно занимались Пётр Николаевич Шихирев и Станислав Кузьмич Рошин.

Т. Д.: Анатолий Лактионович, если не ограничиваться только «восстановительным периодом» в развитии деятельности лаборатории,

то можно ли выделить ключевые направления ее работы и в другие исторические периоды ее жизнедеятельности?

А. Ж.: Да, конечно. Думаю, будет уместно выделить эти периоды по десятилетиям. Задачи первого периода деятельности лаборатории я выше обозначил. Они были сформулированы еще Шороховой и Платоновым в связи с созданием лаборатории (это те примерно пять направлений, о которых говорилось ранее). В 1970-е годы сотрудники лаборатории занимались решением поставленных перед ними более конкретных задач в рамках выделенных направлений. Об этом я также рассказывал.

В период 1980-х годов в Институте психологии АН СССР получили широкое распространение комплексные целевые программы (КЦП), в рамках которых строилась деятельность научных подразделений. В 1981 г. ученым советом и руководством Института была утверждена Комплексная целевая программа деятельности и нашей лаборатории. Тематика программы была связана с разработкой широкого круга психологических проблем совместной деятельности. В ее создании принимали участие все сотрудники лаборатории, но ключевые идеи разрабатывались по поручению научного руководителя лаборатории при моем непосредственном участии. Результаты данных исследований были изданы в 1988 г. в виде коллективного научного труда (Совместная деятельность..., 1988). Часть программы была реализована в рамках конкретного научно-практического направления исследований совместной деятельности на примере коллективных форм организации труда, которые в тот период назывались «бригадной формой» и активно внедрялись на производстве. Это направление работ было очень востребовано на практике. В частности, нами была создана модель трудового коллектива как субъекта, выполняющего совместную трудовую деятельность. В. А. Хашенко разрабатывал важнейшую проблему коллектива как субъекта управления, а также управленческую проблематику более широкого содержания. В целом результаты серии исследований социально-психологических проблем бригадной формы организации труда как частного варианта коллективной его формы были представлены в нескольких изданиях, но я бы выделил среди них книгу «Социально-психологические проблемы бригадной формы организации труда» – первую крупную работу лаборатории по этой тематике, вышедшую в 1987 г. (Социально-психологические проблемы..., 1987), а затем был издан целый цикл работ.

Конечно, в этот период в лаборатории разрабатывались и другие направления исследований. Однако ключевая проблематика была связана с изучением психологии совместной деятельности, а несколько позднее – жизнедеятельности малых групп, трудовых коллективов и организаций.

Начиная с 1991 г. и до конца 1990-х годов научные направления исследований в лаборатории определяли те социально-экономические трансформации, которые происходили в нашей стране. Стержневое направление деятельности лаборатории было связано с проблемой социально-психологической динамики личности и группы в условиях социально-экономических изменений в российском обществе. В этот период все парциальные темы исследований были сконцентрированы вокруг нее. Изменения касались очень многих сфер жизнедеятельности общества. Перечислить все направления работ, выполнявшихся в то время в лаборатории, не представляется возможным. Поэтому я назову одно из ключевых – это изменения конкретных форм собственности в организациях, на промышленных предприятиях, в первую очередь в условиях приватизации, и их влияния на социально-психологические феномены разного уровня (личностные и межличностные, внутригрупповые и межгрупповые и т. д.). Данные работы выполнялись нашими ведущими сотрудниками, включая Е. В. Шорохову, которая с 1988 г. продолжала работать в лаборатории в качестве главного научного сотрудника и занималась выполнением теоретических и историко-психологических исследований.

Также очень важным направлением деятельности лаборатории в 1990-е годы стало формирование сначала новых разделов социальной психологии как научной дисциплины, а впоследствии и как междисциплинарных отраслей, по своему содержанию во многом социально-психологических. Речь идет о *психологии предпринимательства* и *психологии рекламы*, разработкой которых в те годы занимались, соответственно, Владимир Петрович Позняков и Александр Николаевич Лебедев. Конец 1990-х годов ознаменовался выпуском ряда коллективных монографий, сборников научных трудов, включая «Социальную психологию экономического поведения» (Социальная психология экономического поведения, 1999), которая послужила неким «предвестником» оформления нового статуса экономической психологии в Институте психологии РАН.

В начале 2000-х годов тематика деятельности лаборатории также была обусловлена происходящими в стране событиями: дефолт

1998 г., смена политических лидеров в 2000 г. и т. д. Конечно, в этот период продолжались ранее разрабатываемые темы, ориентированные на анализ социально-психологической динамики в связи с изменениями в российском обществе. При этом, однако, началось и активное оформление новой междисциплинарной отрасли — *экономической психологии*. Здесь надо упомянуть ряд крупных работ, которые начинали разрабатываться в 1990-е годы, но окончательно оформились в начале 2000-х годов (см.: Проблемы экономической психологии, 2004, 2005). Это исследования нравственной регуляции экономического поведения) в целом и экономического самоопределения в частности, выполненные Аллой Борисовной Купрейченко совместно с ее учениками. Еще одно направление работ было представлено в диссертационных исследованиях и монографиях Надежды Анатольевны Журавлевой и Татьяны Валерьевны Дробышевой. Оно было связано с анализом развития ценностного сознания под влиянием радикальных экономических изменений. В самостоятельное научное направление исследований в области экономического самосознания выделились работы Валерия Александровича Хащенко. Было продолжено изучение проблем психологии предпринимательской деятельности и психологии рекламы. В этот же период, с приходом в 2005 г. в лабораторию Татьяны Петровны Емельяновой, стало активно формироваться новое направление исследований макросоциальных проблем современного общества, которые выполнялись в русле социогуманитарной парадигмы.

Современный период, начиная с 2010 г. и по настоящее время, сложно анализировать, поскольку он еще продолжается. Примерно к 2013 г. были завершены исследования периода начала 2000-х годов вышеупомянутых сотрудников лаборатории, которые оформились в виде монографических изданий. Поэтому хронологически этот новый период я бы обозначил с 2014 г. и по настоящее время. Его ключевой темой стали исследования социально-психологических явлений социетального уровня. Ранее лаборатория занималась в большей степени вопросами иного характера — межгрупповыми отношениями в организации, первичными трудовыми коллективами, межличностными отношениями в малых группах и т. п. Социетального уровня исследования, конечно, присутствовали в тематике лаборатории, но парциально, т. е. не были ключевыми, да и разрабатывались только в последние 5–6 лет. Пожалуй, впервые за несколько десятилетий своей деятельности лаборатория обратилась к совершенно

новому уровню анализа социально-психологических явлений. Станет ли это новое направление ключевым, пока сказать сложно. Этот этап еще не оформился как период, поскольку он явно не завершен.

Т. Д.: Анатолий Лактионович, пять лет назад (в 2013 г.), отвечая на вопрос о современных направлениях, теоретических подходах и т. п. в исследованиях, которые проводятся в лаборатории, вы перечислили следующие: психологическая концепция отношений; психология маркетинговых коммуникаций; исследования нравственно-психологических факторов экономического самоопределения; приложение теории социальных представлений к исследованию природы различных социальных групп; изучение ценностной детерминации ранней экономической социализации личности; роли актуального экологического сознания в жизнедеятельности личности и группы; социально-психологические факторы принятия решения в условиях социального выбора; роль жизненных ценностей в социальном планировании в организации; групповое отношение к времени; этнофункциональная парадигма в исследовании менталитета; факторы макропсихологических явлений (терроризма, коррупции и др.); ценностно ориентационные характеристики различных этносов; проблема нравственного самоопределения современной молодежи; феномен коллективных переживаний и его роль в группах разного размера...

Кроме перечисленного мной и того, что вы уже упомянули ранее, определяя ключевые тенденции начала 2000-х годов, что-то еще изменилось за это время? Появилось ли что-то новое в тематике лаборатории? Исчезли ли какие-то ранее актуальные направления, подходы? По вашему мнению, какие основные факторы определяют принципиальные изменения научной проблематики лаборатории?

А. Ж.: Во-первых, это человеческие факторы. В академических кругах существует формула «научный сотрудник – научное направление». Уход из жизни двух ведущих научных сотрудников, профессоров Е. Н. Резникова и А. Б. Купрейченко, принципиально изменил содержание научной деятельности лаборатории. Переход в последние годы ряда ведущих научных сотрудников, докторов наук А. А. Грачева, А. Н. Лебедева, В. А. Хашенко и кандидатов наук В. А. Соснина и Ю. В. Ковалевой, в другие подразделения Института, конечно, повлиял на структуру научных направлений лаборатории. Напомню, что за все эти годы она претерпевала много реорганизаций, но не такого масштаба. Однако в развитии любой организации процессы интеграции и дифференциации присутствуют всегда. Это закономерные

процессы, которые определяют изменения в содержании деятельности научного коллектива. К *научно-организационным факторам* относится смена руководителя лаборатории в феврале 2016 г. Традиционно смена руководства научным коллективом приводит к появлению новых научных идей, замыслов, подходов. Думаю, что наша лаборатория не является исключением. Но это вопрос будущего, пока сложно сказать что-то конкретно, так как прошло мало времени. Наряду с названными выше изменениями, я бы выделил *социальный фактор* – это изменение проблематики в связи с происходящими важнейшими процессами в развитии социально-психологической науки. Речь идет о тенденциях перехода от микросоциального уровня анализа социально-психологических проблем к макросоциальному. Новая направленность научной деятельности лаборатории сформулирована с учетом таких тенденций в ее основной теме НИР – «Психология коллективного субъекта в условиях совместной жизнедеятельности». Замечу, что с 1981 г. я непосредственно занимался вопросами изучения и коллективного субъекта, и совместной жизнедеятельности, но ранее эти феномены, во-первых, не были интегрированы в общую тему, во-вторых, феномен «коллективный субъект» никогда не был включен в формулировку темы лаборатории. Таким образом, новое направление научной деятельности лаборатории социальной и экономической психологии ИП РАН связано с изучением совместной жизнедеятельности разных социальных групп, включая большие социальные группы, глобальные сообщества и т. п.

Наряду с изменением ключевой темы, следует подчеркнуть более широкое значение – это обращение сотрудников лаборатории к социетальному уровню анализа социально-психологических проблем, что, по моему мнению, соответствует новым тенденциям развития мировой психологической науки. Причем разработка нового направления осуществляется при сохранении интереса к традиционным проблемам социальной психологии личности и группы. Изучение ответов на социальные вызовы, угрозы и риски создает новое направление в проблематике исследований, выполняемых сотрудниками лаборатории. Замечу, что в этом состоит заметный тренд во всех социально ориентированных науках, и это очень интересный ракурс развития основной темы лаборатории.

Еще одним новым направлением ее научной деятельности, о котором нельзя не сказать, является изучение *глобального информационного пространства* как среды обитания, среды жизнедеятельнос-

ти социальных групп. Я имею в виду изучение *психологии сетевых сообществ*. В лаборатории уже появились работы, направленные на анализ психологических особенностей сетевых сообществ. Также проводятся исследования отношения к новым информационно-коммуникационным технологиям, к глобальным рискам и т. п. Думаю, что эта тенденция продолжится... тем более что этими проблемами увлечен Т. А. Нестик, заведующий лабораторией.

Т. Д.: Анатолий Лактионович, пять лет назад я спрашивала вас о перспективах развития социально-психологической проблематики в нашей лаборатории. Напомню, вы ответили, что они связаны, во-первых, с изучением принципиально новых социальных групп, возникающих, к примеру, в интернет-пространстве, с поиском новых способов и средств коммуникации, оснований объединения людей в группы и т. п. Во-вторых, с изучением массового поведения людей, механизмов воздействия на массы, анализом возможностей управления ими. В связи с чем вы предполагали, что особый интерес будут вызывать протестные социальные образования и протестные движения по отношению к властным политическим структурам, другим социальным группам, по отношению к традиционным ценностям, нормам и правилам жизни в сообществах. В-третьих, вы говорили, что в перспективе продолжатся исследования социально-психологических механизмов и факторов возникновения и распространения негативных социальных явлений в российском обществе. Также вы отметили, что ожидается появление новых научных направлений на границе социальной психологии и смежных социогуманитарных наук. Это было отнесено вами, прежде всего, к психологии нравственности, психологии социальной справедливости, экономического неравенства и т. п. Вы считали, что особый интерес будет вызывать исторический анализ развития социально-психологических явлений в российском обществе, т. е. проблемы, пограничные с исторической психологией, в частности связанные с развитием научных представлений о менталитете...

Не знаю, можно ли подводить итоги намеченного спустя пять лет, но напрашивается ряд вопросов: в какой степени реализовался Ваш прогноз? Какие из перечисленных выше перспектив за эти годы действительно воплотились в конкретные исследования?

А. Ж.: Конечно, делать прогнозы — дело неблагодарное. То, о чем вы сказали, в моем понимании, не было собственно прогнозом развития лаборатории. Если более точно выразить мысль, то речь шла о формулировании перспектив развития лаборатории с опорой на оценку

ее возможностей при учете изменения социальных и других условий. В этом плане большая часть из перечисленных перспектив уже состоялась. Задача руководителя заключается в том, чтобы способствовать созданию таких условий, чтобы максимально реализовать потенциал сотрудников научного подразделения. Также нужно принимать во внимание, что, планируя перспективы, руководитель оценивает возможности научного подразделения, наличие какого-то «задела» в изучении проблемы, т. е. степень ее разработанности к моменту планирования.

Примером сказанного являются исследования лаборатории 2000-х годов, связанные с изучением *новых социальных групп* – предпринимателей, деловых женщин, безработных, представителей среднего класса. Однако надо помнить, что данные социальные группы были выделены в качестве объекта исследования лаборатории еще в 1990-е годы, и лишь в последующем они стали изучаться более глубоко и комплексно.

В настоящее время как перспективу я бы отметил выделение социальных (точнее, социально-психологических) групп, различающихся по их отношению к новым технологиям (группы «технооптимисты» и «технопессимисты»). Эти группы ранее не выделялись и не описывались в исследованиях лаборатории. Их порождение является следствием изменения в обществе отношения к интенсивному развитию новых технологий. Думаю, руководитель этого направления исследований, Тимофей Александрович Нестик, вместе с коллегами продолжит работу по этим проблемам. Также следует отметить перспективное исследование, выполненное Светланой Витальевной Тихомировой и ее учеником Сергеем Каплиным, предметом которого явились психологические характеристики представителей социальных групп интернет-активистов. К этой же категории новых социальных групп относятся и семьи с наемным работником, описанные в исследованиях Татьяны Валерьевны Дробышевой и Марии Романовской. Несмотря на то, что данные группы квалифицируются как малые группы (ранее упомянутые группы определялись как большие социальные группы), следует подчеркнуть, что речь идет именно о группах, а не диадах или даже триадах.

Можно продолжить примеры реализации тех перспектив в изучении социальных групп, которые перечислены. Тем не менее давайте обратимся к другой категории реализованных возможностей лаборатории – к исследованиям массового сознания и поведения.

По этой теме в 2017 г. в рамках социально-психологического направления исследований ИП РАН выполнена специальная работа, в которой принимали участие в том числе сотрудники нашей лаборатории. Ее перспективность связана с изменением критериев формирования больших социальных групп, выделением глобальных форм больших групп, новых форм проявления массовости, массовых явлений (Журавлев и др., 2017).

Теперь об исследованиях негативных социальных явлений. По моему мнению, данное направление работ, запланированное пять лет назад, реализовалось весьма успешно. Речь идет об исследованиях терроризма, коррупции, угрозы распространения и применения ядерного оружия. Результаты этих межлабораторских исследований были опубликованы в серии научных трудов Института. Также сотрудники нашей лаборатории принимали активное участие в разработке программ и проведении исследований в области исторической детерминации и современного состояния российского менталитета. Базовым научным подразделением по этой теме была, конечно, лаборатория истории психологии и исторической психологии, но и наши сотрудники – Татьяна Петровна Емельянова и Александр Владимирович Сухарев – представили результаты своих исследований в виде научных статей (Историогенез..., 2015) и т. д.

Т. Д.: А какие из возможностей так и остались не реализованы... и, как вы думаете, почему?

А. Ж.: Это, прежде всего, психологический анализ протестных движений. Я интересовался развитием этих исследований в других научных организациях, социологов и психолингвистов. Будучи директором Института, делал попытки как-то инициировать данные работы в нашей организации, включая лабораторию. Однако мы так и не смогли включиться в этот процесс исследований, поскольку, во-первых, в Институте, в том числе в лаборатории, совсем не оказалось опыта предыдущих исследований, близких по тематике протестным движениям, во-вторых, не нашелся сотрудник, который был бы заинтересован в исследованиях в области политической психологии.

Не состоялось последовательное развитие в том виде, как задумывалось, такого научного направления, как психология нравственности. С 2010 по 2013 г., благодаря усилиям, прежде всего, А. В. Юревича и М. И. Воловиковой, было выпущено пять томов коллективных научных трудов Института, в которых принимали достойное участие

сотрудники нашей лаборатории. Тем не менее далее это направление не стало развиваться в полном объеме. Возможно потому, что у каждого научного направления есть своя динамика, свои закономерности развития. Потребовалось несколько лет для накопления новых данных, новых подходов, формулировки новых гипотез. В 2018 г., т. е. через 5 лет после издания последнего сборника научных трудов по этому направлению, планируется выход нового тома коллективного труда в области духовно-нравственных проблем современной личности. Конечно, базовым подразделением здесь выступает другая лаборатория – лаборатория психологии личности, но и наши сотрудники приняли авторское участие в этой работе. Пять лет назад было сложно предположить, что развитие этого направления исследований потребует большего времени, чем мне тогда казалось.

Не буду подробно останавливаться на всех нереализованных проектах. Соглашусь лишь с тем, что не все идеи, замыслы и планы в полной мере мы смогли осуществить.

Т. Д.: Появилось ли что-то принципиально новое в проблематике, что вы не смогли предвидеть тогда? Что именно?

А. Ж.: Да, конечно. Есть то, что спрогнозировать было очень сложно в связи с интенсивной динамикой изменения социальной реальности. К примеру, в настоящее время и в лаборатории, и в социогуманитарных науках в целом обнаруживается новый тренд, связанный с изучением *влияния социальных вызовов, рисков, угроз* и т. п. на развитие современного общества, в том числе на его психологию. Я по-прежнему слежу за публикациями других специалистов, занимающихся этими феноменами, сопоставляю с работами, которые выполняются в нашей лаборатории. По моему мнению, в ближайшие годы этот тренд должен оформиться в нашей лаборатории в одно из ключевых научных направлений. Однако пять лет назад предвидеть это я не смог, так как для этого не было выраженных предпосылок, как мне казалось.

Другой пример связан с исследованиями негативных явлений. Пять лет назад трудно было предположить, что *коррупция* в стране не только не будет приостановлена, преодолена хотя бы на каком-то уровне, но что ее масштабы существенно вырастут до уровня губернаторов, министров, их заместителей, создав реальную угрозу для экономической безопасности страны. Активная работа по преодолению коррупции велась в нашем обществе, поэтому сложно было предположить размах и интенсивность ее современной динамики.

В связи с этим не планировалось проводить столько исследований, сколько их было выполнено за эти пять лет. Так же как и исследования не планировались в таком объеме издания, публикации и т. д.

Аналогичная ситуация сложилась и относительно исследований *терроризма*. Трудно было предположить, что терроризм также выйдет на новый, более масштабный уровень и примет форму международного, которая потребует ведения боевых действий нашими военно-космическими силами за пределами страны. В большей мере можно было предположить, и это подсказывал здравый смысл, предыдущий исторический опыт, что страны договорятся между собой и приостановят нарастание терроризма, но получилось иначе.

Иными словами, интенсивность развития негативных социальных явлений в обществе, причем не только в российском, выступает в роли фактора, определяющего изменение структуры научных направлений в современной социальной психологии, а также значимости проводимых исследований. Пять лет назад я предполагал, что внимание исследователей к социальным угрозам будет все-таки нарастающим, но то, что это может стать ведущим трендом в социальной психологии, предположить я не мог.

Т. Д.: Анатолий Лактионович, появились ли за эти пять лет какие-то новые, возможно, менее масштабные направления, чем те, о которых вы сказали, но представляющие интерес для социальной психологии как для отрасли психологической науки? Я имею в виду исследования, которые вы не планировали тогда?

А. Ж.: Да, безусловно, появились. Речь идет, например, о так называемых «больших данных» (big data), их значении для развития конкретных наук, социальных функций в современном обществе, применении на практике. Несколько лет назад было известно, что существует интерес к изучению «больших данных», но спрогнозировать его такой резкий подъем было весьма сложно. Тем более трудно было предположить, что это направление станет важной тенденцией развития мировой науки. И это касается не только и даже не столько социальной психологии, сколько других отраслей науки, хотя принципиально вырос этот интерес у исследователей благодаря научно-практической деятельности именно психологов. В настоящее время применение «больших данных» позволяет специалистам прогнозировать социальное, политическое, экономическое поведение больших социальных групп, конкретных людей по «цифровым следам», которые они оставляют в интернет-пространстве. Конечно, совре-

менная социальная психология не сможет развиваться без учета и реализации данной тенденции.

Т. Д.: С позиции сегодняшнего дня, принимая во внимание структурные изменения в лаборатории, современные запросы общества, новые тенденции, каковы перспективы развития социально-психологической проблематики в лаборатории?

А. Ж.: По моему мнению, эти перспективы во многом связаны с тем, о чем уже выше говорилось и пять лет назад не прогнозировалось, но стало остро актуальным сегодня и может выступить основанием для реализации возможностей лаборатории в ближайшей перспективе. Речь идет, во-первых, об использовании «больших данных» в социально-психологических исследованиях как одном из способов повышения надежности и точности получаемых фактов, результатов исследований. Социальных психологов часто критикуют за низкий уровень повторяемости данных, полученных в их исследованиях. Во-вторых, это исследования психологических составляющих глобальных социальных процессов в самых разных областях жизнедеятельности человека и общества – энергетической, транспортной, экологической, демографической и др. Данное направление в перспективе должно определять пути развития *глобальной социальной психологии*. По сути, глобальные социальные сообщества – это новый объект исследований в современной социальной психологии. В-третьих, в нашей лаборатории есть возможности для изучения прогнозирования процессов развития отечественной и мировой социальной психологии. В настоящее время частично уже организованы и проводятся мероприятия (форсайты), целью которых является мониторинг развития социальной психологии.

Думаю, что эти три основных направления социально-психологических исследований в нашей лаборатории повысят научную значимость и социальную востребованность их результатов.

Т. Д.: А как же традиционные исследования в области социальной психологии личности или группы? Мы не должны продолжать эти работы?

А. Ж.: Говоря об этих трех направлениях, я имел в виду их в качестве новых возможностей, которые ранее не прогнозировались. Конечно, принципиально важно продолжать и *традиционные* для лаборатории научные направления. Их разрабатывать сложно, потому что многое уже известно, и трудно найти «белые пятна». Изучать абсолютно новые явления также непросто, так как мало что известно,

и непонятно, в каком направлении они будут развиваться. Поэтому такие исследования носят *поисковый* характер.

В целом эти две тенденции развития новых и традиционных исследований в лаборатории не противоречат друг другу. К примеру, традиционное для лаборатории исследование ценностного сознания сохраняет свою актуальность и значимость для социальной психологии. Так же, как и другие сложившиеся научные направления. Вторым примером — это исследования коллективной памяти, выполняемые Татьяной Петровной Емельяновой и ее учениками, или серия исследований коллективных переживаний, чувств, эмоций, в разработке которых принимали участие разные сотрудники лаборатории, даже отличающиеся методологическими подходами. Это те традиционные исследования, продолжение и развитие которых очень важно для современной социальной психологии.

Долгое время у нас доминировала когнитивная социальная психология, но изучение когнитивных феноменов не исчерпывает всю социально-психологическую проблематику. Думаю, что очень важно и далее изучать коллективные эмоции и чувства, феномены групповой саморегуляции, самоорганизации, саморазвития и т. п. Это и реальная перспектива, и возможное будущее социальной психологии.

Т. Д.: Возможно, я повторяюсь, но в настоящее время, в чем вы видите сильные стороны лаборатории? Иными словами, как вы оцениваете ресурсы ее жизнеспособности? В чем именно они заключаются?

А. Ж.: Эти ресурсы основаны на тех условиях, которые вытекают из новых возможностей. Возможности складываются сами, и мы их конструируем, но неизвестно, воспользуемся мы ими или нет. Говоря о сильных сторонах — условиях, способствующих развитию лаборатории, я бы привел конкретный пример. На новый период деятельности научного подразделения сформулирована основная тема — «Психология коллективного субъекта в условиях совместной жизнедеятельности групп». Тема имеет некоторые заделы, что создает уверенность в реализации запланированного. Благоприятность этого условия состоит в том, что за ближайший период можно проанализировать, обсудить, сформулировать новые научные направления и новую проблематику. Это — сильная сторона основной темы. Ее слабая сторона состоит в том, что можно повториться и не создать ничего принципиально нового, можно продвинуться, но в рамках более-менее известного. И так бывает!

Когда формулировали основную тему НИР лаборатории (а ее обсуждения начались еще осенью 2015 г.), я был против такой формулировки, считая, что начинающий руководитель лаборатории должен предложить что-то новое, более близкое ему самому. Но в последнее время я изменил свою точку зрения по этому вопросу. Наоборот, считаю, что так сформулированная общая тема и есть сильная сторона лаборатории, благоприятные условия, но — это только ее возможности. Воспользуется ли лаборатория этими условиями или нет, зависит от нее самой.

Второй сильной стороной лаборатории является ее молодой руководитель с современным образованием, мировоззрением, пониманием происходящих в обществе процессов. Это дает ему колоссальные возможности для того, чтобы сформулировать новую проблематику лаборатории и, что еще более важно, — ее реализовать, добиться развития лаборатории.

Третья ее сильная сторона заключается в том, что социально-психологическая проблематика разрабатывается не только в самой лаборатории, но и в других научных подразделениях Института. Эта проблематика реализуется в социальной психологии труда и организационной психологии, в психологии дискурса, в психологии стресса, в исторической психологии и психологии манипуляций и т. п. Задача лаборатории в настоящее время заключается в том, чтобы стать центром, интегратором исследований социально-психологических проблем в Институте. Ее сотрудники должны быть востребованы специалистами из других научных подразделений, занимающихся социально-психологической проблематикой. Эти интеграционные возможности могут быть реализованы при условии, если лаборатория предложит какие-то крупные научные проекты, в которые привлечет коллег из других лабораторий, занимающихся социально-психологическими вопросами. Прежде всего, эти проекты должны быть направлены на интеграцию разработок социально-психологических проблем, реализуемых и развиваемых в лаборатории психологии личности, психологии труда, эргономики, инженерной и организационной психологии. Но этим надо воспользоваться в ближайшее время, так как интересы соответствующих специалистов могут поменяться. В заключение еще раз сделаю акцент на том, что это — только возможности лаборатории. Их реализация зависит от нее самой.

Т. Д.: Возвращаясь к первым этапам становления лаборатории социальной психологии ИП РАН, хотелось бы обсудить ряд вопросов, свя-

занных с ее научным руководством. После формальной процедуры по реорганизации структурного подразделения — сектора в лабораторию, в 1987 г. встал вопрос о назначении на эту должность руководителя. Как и кем принималось это решение?

А. Ж.: Обсуждение этого вопроса в Институте активно началось поздней весной, в апреле — мае 1987 г. Решающую роль здесь сыграли два руководителя — директор Института психологии Борис Фёдорович Ломов и его заместитель по науке Екатерина Васильевна Шорохова. Ломов четко сформулировал свою позицию о необходимости назначения отдельного человека (до этого функции руководителя по приказу выполняла Е. В. Шорохова) на должность руководителя лаборатории социальной психологии с целью организации конкретных исследований в этой области психологии. В тот период у Екатерины Васильевны была более гибкая позиция: можно назначить, а можно не назначить, можно сделать это по рекомендации директора Института, а можно выбрать путем обсуждения на собрании коллектива лаборатории и голосования по нескольким кандидатурам. Позже я узнал, что спустя некоторое время, видимо, проанализировав все за и против, Екатерина Васильевна написала докладную записку на имя директора, в которой подробно изложила обоснование моей кандидатуры на эту должность. Решение о назначении, конечно, принимал директор. Думаю, что в этом вопросе он ориентировался на перспективы развития лаборатории, которые были изложены в докладной записке Шороховой, по ее рассказу.

Т. Д.: *С вашей точки зрения, почему Екатерина Васильевна предложила именно вас в качестве кандидата на эту должность? Насколько я знаю, в лаборатории были и другие кандидатуры... Чем она руководствовалась в своем выборе?*

А. Ж.: Долгое время я и сам задавал себе этот вопрос. Только спустя годы, имея опыт руководства разными подразделениями — лабораторией и Институтом — и анализируя ту информацию, которой я владел, смог сформулировать свои предположения относительно ее доводов, о которых, кстати, она мне позднее прямо говорила, но все это было позднее.

Первая причина была связана с тем, что лаборатория с 1981 г. работала по программе в области психологии совместной деятельности. Екатерина Васильевна открыто давала оценку того, что эта программа была примерно на 80% сформирована по моим предложениям. В 1980-е годы проблема совместной деятельности была для меня

ключевой, и я запланировал большой объем исследований. *Второе* обстоятельство: к этому времени была издана книга «Социально-психологические проблемы бригадных форм организации труда», в которую большей частью вошли результаты исследований, проводимых аспирантами и соискателями лаборатории (далеко не только моими) на предприятиях города Москвы и других городов под моим научным руководством. На завершающей стадии, находясь в издательстве «Наука», была другая коллективная работа – монография по совместной деятельности (Совместная деятельность..., 1988). *Третье* обстоятельство было связано с тем, что под моим научным руководством в лаборатории работала заметная группа аспирантов: Сергей Ширяев, Валерий Хашенко, Александр Лебедев, Владимир Самсонов, Наталья Фролова, Виктор Безносиков. К 1987 г. некоторые из них уже завершили свои исследования, другие еще только публиковали результаты работ, выступали с докладами в лаборатории, продолжали собирать данные. Эта была достойная сторона научной жизни лаборатории. Следующее, *четвертое*, обстоятельство, по моему мнению, было связано с тем, что к 1987 г. в Институте уже четвертый год работал молодежный тематический научный семинар, посвященный проблемам совместной деятельности. Научным руководителем семинара являлась Екатерина Васильевна, а я выполнял по ее поручению обязанности заместителя. Таким образом, к моменту назначения я уже имел некоторый опыт организационной работы и руководства научной деятельностью.

Конечно, все эти обстоятельства не отменяли того, что в это время в лаборатории работали и другие сотрудники, чьи кандидатуры также рассматривались на эту должность. Это были ведущие сотрудники лаборатории. Их вклад в ее развитие, с моей точки зрения, был к тому времени намного выше. В первую очередь я имею в виду Станислава Кузьмича Рошина, который долгое время занимался организационными делами лаборатории, т. е. готовил планы НИР, научные отчеты, обеспечивал информационную поддержку лаборатории, продолжительное время выполнял обязанности заместителя научного руководителя общесоюзного методологического семинара по социальной психологии (руководила им также Екатерина Васильевна Шорохова). Замечу, что он проявлял качества хорошего руководителя, характерного для академических организаций. Второй кандидатурой на эту должность мог быть Пётр Николаевич Шихирев, который работал в лаборатории с первых дней ее основания (с 1973 г.).

Это был состоявшийся ученый, к 1987 г. у него уже были изданы две монографии (Шихирев, 1979, 1985) по состоянию исследований в области социальной психологии в США и Западной Европе.

Еще раз подчеркну, что вклад и Рощина, и Шихирева в текущие дела лаборатории был, безусловно, выше. Поэтому для меня оставался острым вопрос о том, почему готовилось и предполагалось другое решение, и я его поставил перед Ломовым и Шороховой. Аргументом Ломова было подчеркивание необходимости развития лаборатории в направлении организации именно конкретных эмпирических исследований. Он говорил, что теоретически мы сильны, но нам нужны крупные эмпирические исследования. По его же словам, в моей кандидатуре его привлекал тот факт, что у меня был большой исследовательский опыт (с 1973 по 1987 г.) работы, в том числе с аспирантами, на промышленных предприятиях. Т. е. видение руководителя Института относительно перспектив развития лаборатории социальной психологии в тот период строилось в первую очередь на этом факте. Вторым аргументом для Ломова, со слов Шороховой, стали научные интересы других кандидатов. Т. е. и Рощин, и Шихирев в большей степени были крупными специалистами в области зарубежной социальной психологии и в меньшей – информированы о проблемах отечественной социальной психологии. Напомню, что в «восстановительный период» одним из центров формирования отечественной социальной психологии как научной дисциплины являлся факультет психологии Ленинградского государственного университета. В тот период Ломов был одним из тех, кто активно формировал структуру отечественной психологической науки. Т. е. второй аргумент для Ломова был также значимым. Третьим аргументом принятия решения Ломовым была ранее сформулированная установка К. К. Платонова о том, что заведующий научным подразделением в академическом исследовательском институте должен иметь базовое психологическое образование. Из трех возможных кандидатов такое образование было только у меня. Станислав Кузьмич имел юридическое образование, а Петр Николаевич защищал диплом специалиста-международника. Кроме того, в тот период активно развивались два направления социальной психологии – социологическое и психологическое. Ломов, будучи сподвижником Евгения Сергеевича Кузьмина, считал, что в лаборатории социальной психологии нашего Института должно развиваться именно психологическое направление социальной психологии.

Вот те аргументы, которые были приведены мне в разговорах с Ломовым и Шороховой.

Т.Д.: Как я поняла, психологически вы все-таки не были готовы к этому решению. Лично для вас насколько сложным было принятие такого решения? Были ли сомнения в его правильности?

А.Ж.: Крайне сложным! По целому ряду причин, а не только в связи с тем, что я говорил выше. Важным фактором, порождавшим мои сомнения тогда, являлся мой возраст (около 39 лет). Я считал, что для руководства научным подразделением академического Института у меня недостаточно жизненного опыта. Второе обстоятельство было связано с тем, что Лаборатория имела высокой уровень научной репутации. В ней работали такие ученые, как Константин Константинович Платонов – энциклопедист, специалист в разных областях психологической науки, обладавший высокой компетентностью в области и теории психологии, и организации эмпирических исследований, и Ксения Александровна Абульханова-Славская – крупный методолог и теоретик в области общей психологии и психологии личности. В тот период в лаборатории работали и Екатерина Васильевна Шорохова, и Станислав Кузьмич Рошин, и Петр Николаевич Шихирев, т. е. те ведущие специалисты-ученые, которые также создавали научную репутацию лаборатории. Мой же опыт научной работы (с 1973 г., с аспирантуры) был еще небольшой, и я это очень хорошо осознавал. Третье обстоятельство, порождавшее мои сомнения и тревогу, заключалось в том, что в 1987 г. до защиты будущей докторской диссертации у меня была длинная диссертация. Я понимал, что, принимая решение возглавить лабораторию, я еще больше ее увеличиваю. Поэтому решающую роль в принятии моего решения сыграли аргументы и неформальная позиция Бориса Фёдоровича Ломова. Кроме того, у меня был исследовательский опыт в изучении психологических проблем руководства. Мне как молодому исследователю было любопытно на практике получить какой-то опыт и сопоставить его с теоретическими знаниями.

Т.Д.: Анатолий Лактионович, последний вопрос. Как вы оцениваете с позиции сегодняшнего дня вклад научной творческой деятельности лаборатории в становление и развитие отечественной социальной психологии. Если можно, кратко выделите хотя бы несколько основных положений.

А.Ж.: Вы хорошо понимаете, насколько сложен данный вопрос, так как ответ на него требует глубокого анализа итогов работы лабо-

ратории в разные исторические периоды, а в таком нашем разговоре многое можно просто упустить, и это будет явно незаслуженно. Подробно анализировать научный вклад лаборатории здесь неуместно, а если говорить тезисами, кратко, как вы просите, то я могу повторить то, о чем уже мы говорили. Но все-таки...

Во-первых, сотрудники лаборатории внесли существенный вклад в *оформление социальной психологии как научной дисциплины*, разработав научные представления по всем основным науковедческим признакам, по которым традиционно судят о научном статусе той или иной дисциплины, отрасли науки и т. п. Были сформулированы представления о предмете и объекте социальной психологии, выделена специфика методов социально-психологического исследования, предложены основные понятия и выполнен анализ их соотношения с целым рядом общепсихологических и социологических понятий, проанализированы связи и различия социальной психологии со смежными и социогуманитарными дисциплинами и т. д. В целом можно утверждать, что социальная психология состоялась как научная отрасль психологии во многом благодаря научной деятельности лаборатории, при этом ни в коем случае не умаляя достоинств тех вкладов, которые совершали другие научные и образовательные подразделения социально-психологического профиля.

Во-вторых, на основе результатов теоретических и эмпирических исследований, выполненных именно в лаборатории социальной (и экономической) психологии ИП АН СССР (РАН), состоялась целая совокупность активно развивавшихся научных направлений, которые постепенно оформились, с одной стороны, в *междисциплинарные* отрасли психологии, пограничные с разными отраслями психологической науки, например: психологией личности (социальная психология личности), психологией труда (социальная психология труда), экологической психологией (социально-экологическая психология) и др. С другой стороны, на базе нашей лаборатории формировались такие научные направления, которые послужили основой оформления *относительно самостоятельных отраслей психологической науки*, в которых социально-психологические составляющие оставались важнейшими. К таким отраслям относятся, например: психология управления, организационная психология, политическая психология, психология нравственности. С третьей стороны, в 1990-е годы и в начале 2000-х годов в лаборатории интенсивно развивались теоретические и эмпирические исследования, позволившие сформировать

роваться крупным научным направлениям, таким как: психология российского предпринимательства, психология рекламы и маркетинговой коммуникации, психология потребительского поведения, психология принятия решений, психология экономического самоопределения, психология экономического благополучия, психология экономической социализации и др., которые в своей совокупности составили содержание *современной экономической психологии*. Поэтому закономерным стало дополнение в названии лаборатории — не только социальной, но и экономической психологии. В-третьих, основные научные направления исследований, которые разрабатывались в лаборатории в 1970—1980-е гг., наряду с работами многих других научных центров, были приняты за основу при создании социологических и социально-психологических служб на промышленных предприятиях и организациях нашей страны. Результаты исследований использовались в качестве обоснования содержания работы таких служб. Выпускник нашей лаборатории, кандидат психологических наук Виктор Николаевич Безносиков работал в Госкомитете по труду и социальным вопросам, принимал непосредственное участие и отвечал за разработку нормативных документов, направленных на создание и успешную работу этих служб. Выпускник нашей же лаборатории, кандидат психологических наук Александр Алексеевич Грачев возглавил крупную социально-психологическую службу НПО «Курганприбор». Он продуктивно работал при очень тесном взаимодействии руководства и научно-производственного объединения, и самой службы с нашим Институтом, и в частности с лабораторией. О конкретном вкладе лаборатории в решение значимых практических задач и в развитие практической социальной психологии в целом можно было бы многое сказать, но ограничимся только сказанным выше.

В-четвертых, нельзя не отметить весомый вклад сотрудников лаборатории в разработку исследовательского инструментария социальной психологии — это всегда был не вспомогательный вопрос, предвещающий исследования, а относительно самостоятельное научное направление работы, результаты которого способствовали повышению методического и, следовательно, научного уровня исследований лаборатории. Научные программы, адаптация и модификация методик, развитие методов, разработка различных приемов исследования и т. д. — все это рассматривалось в качестве самостоятельной научной продукции лаборатории и оформлялось в виде от-

дельных научных изданий. Начало этому направлению исследований было положено в лаборатории еще в 1977 г., когда вышло крупное издание «Методология и методы социальной психологии», а затем были «Методики социально-психологической диагностики личности и группы» (1990), «Совместная деятельность: методы исследования и управления» (1992), «Методики социально-психологического исследования личности и группы» (1995), «Современная психология: состояние и перспективы исследований. Часть 5. Программы и методики социально-психологического исследования» (2002) и др. Результаты этой работы лаборатории, безусловно, оказывали влияние на общий научный уровень исследований в отечественной социальной психологии, реально способствуя тому, чтобы она становилась и конкретной, и точной отраслью психологической науки, где примеры измерения и оценки всегда были связаны с психофизикой и психофизиологией.

В-пятых, пожалуй, самым впечатляющим итогом научного творчества сотрудников лаборатории являются сформулированные ими концепции при разработке многочисленных проблем, которых за 45-летнюю историю лаборатории исследований было немало, например: психологическая концепция совместной трудовой деятельности и коллективного субъекта, концепция психологических отношений индивидуального и группового субъекта в условиях совместной жизнедеятельности, концепция субъективного экономического благополучия личности, концепция детерминации экономического самосознания личности и группы, концепция группового отношения к времени, концепция вторичной экономической социализации и многие другие. Их становление осуществлялось в результате многолетних теоретических и эмпирических исследований, каждая из этих концепций проходила разные стадии, включала в себя выделенные и неоднократно подтвержденные закономерности, выдерживала строгую научную экспертизу и практическую апробацию, т. е. являлась надежным итогом подлинной творческой деятельности и самих авторов — разработчиков концепции, и в целом лаборатории как научного коллектива. И здесь многим можно гордиться, причем в каждый исторический период функционирования и развития лаборатории.

Самые важные разработки лаборатории приобрели классическую значимость, вошли в учебники и учебные пособия по социальной психологии, другие же ожидают своего исторического осмыс-

ления и оценки. В это же время продолжается оформление новых социально-психологических концепций, разработка новых актуальных проблем, выделение устойчивых, повторяющихся закономерностей — во всем этом и состоит творческая жизнедеятельность достаточно зрелого научного подразделения Института психологии РАН.

Заключение

Обосновывая важность изучения «восстановительного периода» в истории отечественной социальной психологии, авторы исследования опирались на объективно существующие факты зарождения в этот период нескольких ветвей ее развития, о которых разрозненно упоминается в научной и учебной литературе. Так, наиболее известны, благодаря современным публикациям, обоснования выделения в отечественной науке двух вариантов социальной психологии — *социологической* и *психологической* (см. работы А. Л. Свенцицкого, П. Н. Шихирева, Г. М. Андреевой и др.). Косвенное подтверждение такой дифференциации можно обнаружить и в одном из выпусков серийного издания «Человек и общество» (Человек и общество, 1971), вышедшем под общей редакцией известного психолога Б. Г. Ананьева и социолога Л. И. Спиридонова, которые содержательно разделили выпуск на два раздела, включавших два разных подхода к изучению одного и того же явления социализации — социологический и психологический.

О зарождении других направлений развития отечественной социальной психологии упоминается крайне редко. В то время как, по мнению А. Л. Журавлева, в 1960-е годы (основные годы «восстановительного периода») социально-психологические идеи зарождались в разных науках независимо друг от друга, что указывает на гетерогенность этого процесса. Так, на факультете философии Ленинградского государственного университета оформлялась *философская* ветвь социальной психологии. Формированием и развитием социально-психологических идей здесь занимался Борис Дмитриевич Парыгин, его ученики и коллеги-последователи (см. подробнее: Журавлев, Мироненко, 2016). Параллельно на факультете социологии того же университета Владимир Александрович Ядов, Андрей Григорьевич Здравомыслов, Игорь Семенович Кон и их коллеги разрабатывали социологический подход к анализу социально-психологических проблем. *Общепсихологический* подход к социальной пси-

хологии зарождался в работах Александра Григорьевича Ковалева, который в этот же период возглавлял кафедру психологии Ленинградского пединститута им. А. И. Герцена. *Эволюционно-исторический* подход Бориса Фёдоровича Поршнева (Социальная психология и история, 1966) обосновал общее направление объединения социально-психологических исследований с историческими. Наконец, собственно психологическое направление в это время формировалось параллельно в двух городах — Ленинграде и Москве. В публикациях, посвященных созданию и развитию сначала лаборатории, а затем и кафедры социальной психологии ЛГУ, подробно изложено становление социально-психологических идей, характерных для научной школы Е. С. Кузьмина (см.: Свенцицкий и др., 2018; Семенов и др., 2017; и др.) В то время как московская часть психологической социальной психологии значительно позднее обрела институциональные формы (в 1972 г. на факультете психологии МГУ им. М. В. Ломоносова была организована кафедра социальной психологии, а через год, в 1973 г., — первое научное подразделение по социальной психологии в ИП АН СССР). Социально-психологические идеи, сформулированные Е. В. Шороховой и К. К. Платоновым еще в 1960-е годы, в период их работы в Секторе философских проблем психологии Института философии АН СССР, более сорока лет активно развивались в организованном при их непосредственном участии секторе, а затем и лаборатории социальной психологии Института психологии АН СССР (РАН).

Анализ «линии жизни» конкретного научного подразделения от начала его организации и до настоящего дня, представленный активным участником тех исторических и современных событий, проработавшим в лаборатории 45 лет и возглавлявшим ее в течение 28 лет и 8 месяцев, если быть точным, позволил выделить ряд *закономерностей развития* социально-психологических идей, связанных с состоянием как российского общества, так и психологической науки в целом. Обращает на себя внимание тот факт, что на первых этапах формирования социально-психологической проблематики в научном подразделении (1970-е годы) так же, как и в социальной психологии в целом, ключевые задачи решались через построение теоретической модели социальной психологии как научной отрасли, определение ее предметного поля, понятийного аппарата, методологии, методов и методик исследования. Далее, в 1980-е годы происходило интенсивное накопление эмпирического материала

и развитие ее прикладных отраслей – социальной психологии управления, организационной психологии, психологии производственного коллектива, промышленной психологии и т. п., а позже, в 1990-е годы, – активное становление социально-экономической (или экономической) психологии. Современные тенденции в отечественной и зарубежной социальной психологии, ориентированные на резкое усиление социетального, более того, глубинного анализа социально-психологических проблем, успешно согласуются с теми направлениями исследований, которые в настоящее время развиваются в лаборатории социальной и экономической психологии ИП РАН, работающей в течение 45 лет.

Литература

- Бобнева М. И.* Социальные нормы и регуляция поведения / Отв. ред. Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1978.
- Журавлев А. Л., Мироненко И. А.* Вклад Б. Д. Парыгина в развитие отечественной социальной психологии // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 3. С. 4–23. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document260.pdf> (дата обращения: 30.08.2018).
- Журавлев А. Л., Соснин В. А., Китова Д. А., Нестик Т. А., Юревич А. В.* Массовое сознание и поведение: тенденции социально-психологических исследований. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
- Историогенез и современное состояние российского менталитета / Отв. ред. В. А. Кольцова, Е. В. Харитоновна. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015.
- Жвале С.* Исследовательское интервью. М.: Смысл, 2003.
- Ковалев А. Г.* О социальной психологии // Вестник ЛГУ. 1959. № 11. Сер. «Экономика. Философия. Право». Вып. 2. С. 70–81.
- Коллектив и личность / Под ред. К. К. Платонова и др. М.: Наука, 1975.
- Методологические проблемы социальной психологии / Отв. ред. Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1975.
- Платонов К. К., Мансуров Н. С., Шорохова Е. В.* Проблемы общественной психологии // Вопросы психологии. 1963. № 5. С. 73–82.
- Проблемы экономической психологии. В 2 т. Т. 1. / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. Б. Купрейченко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.

- Проблемы экономической психологии. В 2 т. Т. 2 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. Б. Купрейченко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
- Психологические механизмы регуляции социального поведения / Отв. ред. Е. В. Шорохова, М. И. Бобнева, М.: Наука, 1979.
- Психологические проблемы социальной регуляции поведения / Под ред. Е. В. Шороховой, М. И. Бобновой. М.: Наука, 1976.
- Психология совместной жизнедеятельности малых групп и организаций / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. В. Шорохова. М.: Социум—Изд-во «Институт психологии РАН», 2001.
- Свенцицкий А. Л., Журавлев А. Л., Дробышева Т. В.* История и опыт социально-психологической школы факультета психологии Санкт-Петербургского (Ленинградского) государственного университета (интервью с А. Л. Свенцицким) // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2018. Т. 3. № 1 (9). С. 93–122. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document600.pdf> (дата обращения: 30.08.2018).
- Семенов В. Е., Журавлев А. Л., Дробышева Т. В.* История и опыт социально-психологической школы НИИКСИ Санкт-Петербургского (Ленинградского) государственного университета. Интервью с В. Е. Семеновым в связи с 75-летием со дня рождения // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2. № 2. С. 197–229. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document354.pdf> (дата обращения: 30.08.2018).
- Совместная деятельность: методология, теория, практика / Отв. ред. А. Л. Журавлев, П. Н. Шихирев, Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1988.
- Социально-психологические проблемы бригадной формы организации труда / Отв. ред. Е. В. Шорохова, А. Л. Журавлев. М.: Наука, 1987.
- Социально-психологические исследования руководства и предпринимательства / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. В. Шорохова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1999.
- Чернышев А. С., Журавлев А. Л., Дробышева Т. В.* Теоретический и практический опыт научной школы Уманского-Чернышева: история и перспективы (интервью А. С. Чернышева в связи с его 80-летием и 45-летием кафедры психологии Курского государственного университета) // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1.

№4. С. 223–255. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document287.pdf> (дата обращения: 30.08.2018).

Человек и общество. Проблемы социализации индивида / Под общ. ред. Б. Г. Ананьева, Л. И. Спиридонова. Вып. IX. Л.: ЛГУ, 1971.

Шихирев П. Н. Современная социальная психология США. М.: Наука, 1979.

Раздел 1

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ И МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Взаимосвязь гармоничности ценностей с социальной зрелостью в экономической сфере

А. А. Акбарова

Социальная зрелость является сложным понятием, включающим в себя большое количество показателей, в которых социальная зрелость проявляется. Среди главных черт социальной зрелости чаще всего выделяется направленность личности на самостоятельную организацию общественно полезной деятельности, сознательное выполнение общественных требований, творческую активность и положительное отношение к окружающим людям (Каменова, 2004). В результате обобщающего теоретического анализа было выявлено, что социальная зрелость – это актуализированная способность личности к осуществлению социально ценной деятельности, а также умение использовать социум как пространство для удовлетворения своих жизненных интересов и потребностей. А. Л. Журавлев, отмечая широту понятия социальной зрелости, указывает на самоопределение личности во всех сферах жизнедеятельности субъекта (Журавлев, 2007). В представленном исследовании рассматривается один из аспектов социальной зрелости – ее проявление в сфере экономической активности.

Экономическая активность личности заключается в ее движении к оптимальной позиции в системе экономических отношений (трудовых, имущественных, распределительных, потребительских и т. д.) на основе ее отношения к социально-экономическим условиям и их динамике, а также представлений о смысле и целях жизни, жизненных принципах, ценностных идеалах и запретах, собственных притязаниях, ожиданиях и потенциальных возможностях как динамично развивающихся во времени психологических образований (Журавлев, Купрейченко, 2007, с. 55).

Экономическое поведение тесным образом связано с социальной активностью личности, поскольку оно осуществляется в обществе, определяется характером социального взаимодействия с большими

и малыми группами, социальными представлениями и общественными ценностями, правилами, нормами (Забелина, 2016). В связи с этим, представляется целесообразным рассматривать экономическую активность в качестве вида социальной активности, определяющим показателем которой выступают ценностные ориентации личности. В экономической активности субъект проявляет и защищает свои ценности, принципы и идеалы, поэтому в данной работе гармоничность системы ценностей рассматривается в качестве показателя сформированности, зрелости экономического поведения личности (Журавлев, Купрейченко, 2006). Представленное исследование в своих теоретических основаниях опирается на точку зрения А. Л. Журавлева и А. Б. Купрейченко о том, что экономическая активность субъекта регулируется его ценностно-смысловой сферой, т. е. субъект принимает решения и действует в экономической среде сообразно своим ценностным представлениям. Авторы отмечают, что «ценностно-смысловое обуславливание выбора характерно для многих видов экономических отношений и экономической активности субъекта: самообеспечения, экономического обмена, потребительского поведения и др.» (Журавлев, Купрейченко, 2012, с. 9).

Гипотеза исследования: существует значимая взаимосвязь между гармоничностью выраженности ценностей и экономическим поведением. В частности, предполагается, что чем более сформированной системой ценностных ориентаций обладает субъект, тем более конструктивной и эффективной будет его экономическая активность.

Объектом исследования выступает современная молодежь. Выбор объекта исследования обуславливается тем, что в молодом возрасте (примерно от 18 до 30 лет) происходит вторичная экономическая социализация, при которой субъект непосредственно способен вступать в экономические отношения на основе экономического опыта, знаний, представлений о социально-экономических явлениях (Дробышева, Журавлев, 2016). Предметом исследования является ценностно-смысловая сфера субъекта, изучаемая в связи с ее определяющим влиянием на экономическую активность личности.

В исследовании приняло участие 347 молодых людей, мужчины и женщины в возрасте 18–30 лет, из них 178 женщин и 169 мужчин. Для изучения ценностей применялась методика Л. М. Смирнова «Базовые ценности и антиценности россиян» (Смирнов, 2003),

для изучения экономической активности – методика, разработанная А. Б. Купрейченко и А. Л. Журавлевым для изучения экономического самоопределения (Журавлев, Купрейченко, 2007).

Все ценности были распределены в 4 группы: ценности, направленные на достижение благ, в том числе материальных («Индивидуальное благополучие»); ценности, направленные на духовное развитие («Личностный рост»); ценности, направленные на отношения со значимыми другими («Отношения со значимыми другими»); а также общественно-полезные ценности («Общественное благополучие»). Показатель гармоничности выраженности ценностей рассчитан по группам ценностей посредством вычисления стандартного отклонения от максимального показателя. Согласно предположению, чем выше отклонение, тем ниже показатель гармоничности по группам ценностей.

Затем был проведен корреляционный анализ между показателями гармоничности выраженности (отклонения от максимума) групп ценностей и антиценностей и оценками различных аспектов экономической активности (использован критерий корреляции Спирмена).

В результате проведения корреляционного исследования были выявлены значимые связи между показателем выраженности ценностных ориентаций, направленных на индивидуальное благополучие, и выбором экономической стратегии. Так, большая направленность личности на индивидуальное благополучие связана со стремлением к конкурирующим отношениям с другими людьми в экономической сфере, к экономическому риску для повышения доходов. Кроме того, чем выше гармоничность индивидуальных ценностных ориентаций, тем более важен для субъекта уровень материального состояния его друзей. При этом в качестве источника дохода признается только собственный бизнес и не принимается такой источник дохода, как пособия от государственных и общественных организаций. Т. е., чем менее выражена гармоничность ценностных ориентаций, направленных на индивидуальное благополучие, тем чаще источником дохода для субъекта выступают пособия от государства, а чем более выражена гармоничность индивидуальных ценностей, тем чаще источником доходов является собственный бизнес.

Можно заключить, что значимость индивидуальных ценностей в ценностно-смысловой сфере субъекта связана с активной экономической стратегией, направленной на приобретение и повышение

доходов, совершение рискованных действий для достижений материальных благ, при этом важное значение имеет личностная активность и самостоятельность субъекта.

При анализе корреляционных связей между показателем выраженности ценностных ориентаций, направленных на личностный рост, и показателями экономической активности было выявлено, что субъекты, для которых важно духовное и личностное развитие, высоко оценивают важность уровня материального состояния друзей. Кроме того, в качестве способа повышения дохода они предпочитают поиск дополнительной работы. Можно предположить, что в представлении респондентов одним из атрибутов личностного развития выступает уровень материальных доходов, в связи с чем они предпочитают иметь друзей, обеспеченных материально и, как следствие, духовно. Поиск дополнительной работы может рассматриваться как возможность для развития своих личностных качеств в новом месте.

Помимо этого, было выявлено, что гармоничность ценности отношений с окружающими людьми связана с поиском дополнительной работы в качестве способа увеличения дохода, а гармоничность выраженности ценности общественного благополучия связана с оценкой важности материального состояния друзей. При высокой гармоничности ценностных ориентаций, призванных построить отношения со значимыми другими людьми, молодые люди чаще для повышения дохода ищут дополнительную работу. Связь гармоничности ценности межличностных отношений с поиском дополнительной работы для увеличения дохода можно объяснить стремлением субъекта быть финансово обеспеченным для помощи близким.

Далее был проведен корреляционный анализ между гармоничностью выраженности отвержения антиценностей и различными аспектами экономической активности. Антиценности отражают противоположность выделенным четырем группам ценностей: «Вред для индивидуального благополучия», «Вред для личностного роста», «Вред для отношений с другими людьми», «Вред для общественного благополучия».

Было выявлено, что респонденты с гармоничной выраженностью отвержения антиценностей «Вред для индивидуального благополучия» высоко оценивают свой уровень экономической активности в настоящее время, но они не готовы к тому, чтобы изменять этот уровень. Также выявлена положительная связь уровня гармонич-

ности группы антиценностей «Вред для индивидуального благополучия» и источника существующего дохода в виде пенсии, алиментов. Чем выше степень гармоничности отвержения антиценностей, способных нанести вред индивидуальному благополучию индивида, тем меньше вероятность того, что респондент предпочтет получать источник дохода от государственных и общественных структур. Т. е. респонденты, отвергающие антиценности вреда для индивидуального благополучия, обладают высокой экономической активностью, среди источников дохода скорее будут предпочитать также собственную экономическую активность в противовес ожиданию выплат со стороны государственных структур. И можно сказать, что субъектов такое положение устраивает, поскольку изменений относительно уровня своей экономической активности они в ближайшее время не планируют.

Стоит также добавить, что высокая гармоничность группы антиценностей «Вред для личностного роста» значимо связана с высокой экономической активностью. Молодые люди, отвергающие антиценности, которые могут помешать личностному развитию, обладают высокой экономической активностью, что можно объяснить реализацией личностных целей и устремлений субъектов в активной экономической деятельности.

Значимых связей между антиценностью «Вред для отношений с другими людьми» и аспектами экономической активности обнаружено не было. Однако выявлена корреляционная связь между гармоничностью выраженности отвержения антиценностей, способных нанести вред общественному благополучию, и готовностью изменить экономическую активность, а также выбором способа повышения дохода: дивиденды с ценных бумаг (акций, облигаций и т. п.) и сдача недвижимости в аренду. При более высокой негармоничности отвержения антиценностей, направленных на общественное благополучие, с одной стороны, выше готовность изменить свою экономическую активность, а с другой стороны, чаще способами повышения дохода избираются получение дивидендов с ценных бумаг, а также сдача недвижимости в аренду. Т. е. молодые люди, для которых ценности, направленные против общественного благополучия, являются приемлемыми, готовы повышать свой доход такими способами, как сдача недвижимости в аренду и получение дивидендов, что можно охарактеризовать как пассивные способы получения прибыли.

Заключение

Общим выводом, который можно сделать исходя из проведенного исследования, является установление положительной связи между ценностями, связанными с индивидуальным благополучием и духовным развитием с активной экономической деятельностью. Те молодые люди, для которых собственное благополучие не является значимым, скорее предпочтут пассивное ожидание материальных благ извне, чем будут проявлять активность по их добыванию.

Кроме того, приемлемость антиценностей, направленных на препятствие индивидуальному благополучию, личностному росту и общественному благополучию, связана с экономической пассивностью молодых людей, в то время как гармоничность отвержения антиценностей, как правило, связана с высокой личностной позицией в отношении экономической деятельности. Полученные результаты представляются объяснимыми, поскольку если для субъекта выступает значимой ценностью собственное благополучие, то с высокой вероятностью он будет предпринимать для этого активные действия (например, для достижения высокого уровня дохода). Также ценность личностного развития проявляется в экономической активности, поскольку духовное развитие как таковое находит способы реализации во всех сферах жизнедеятельности.

Можно также заключить, что молодые люди, для которых ценность близких отношений является значимой, проявляют готовность повышать свой доход с помощью поиска дополнительной работы. Кроме того, молодым людям, для которых ценность общественного благополучия является значимой, важно знать, каким уровнем материального дохода обладают их друзья, например, для оказания своевременной помощи и поддержки. Т.е. поведение молодых людей направлено действительно на других людей и общество в целом при гармоничной выраженности соответствующих ценностных ориентаций. Ценностные ориентации во многом связаны с экономической деятельностью, регулируя степень ее активности и направленности.

Литература

Дробышева Т. В., Журавлев А. Л. Система факторов экономического сознания в условиях вторичной экономической социализации личности и группы // Институт психологии Российской акаде-

- мии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 2. С. 207–232. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document223.pdf> (дата обращения: 30.08.2018).
- Журавлев А. Л.* Социально-психологическая зрелость: обоснование понятия // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 2. С. 44–54.
- Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б.* Самоопределение личности и группы в изменяющихся экономических условиях // Вестник РУДН. Психология и педагогика. 2006. № 1 (3). С. 6–19.
- Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б.* Экономическое самоопределение молодежи: структура и детерминация // Вестник практической психологии образования. 2007. № 1. С. 50–55.
- Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б.* Феномены экономического самоопределения: социально-психологические механизмы действия // Психология в экономике и управлении. 2012. № 2. С. 6–17.
- Забелина Е. В.* Психологическое время и экономическое сознание личности: теоретическая модель // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 4. С. 115–144. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document282.pdf> (дата обращения: 15.03.2018).
- Каменева Е. Г.* Развитие социальной зрелости студентов в педагогическом вузе // Вестник Оренбургского государственного ун-та. 2004. № 9. С. 72–76.
- Смирнов Л. М.* Базовые ценности и антиценности современных россиян // Базовые ценности россиян: Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы. М.: Дом интеллектуальной книги, 2003.

Политическая социализация в дошкольном возрасте

В. Л. Бозаджиев

Судьба любого общества в значительной мере зависит от того, какие социально-политические ценности, нормы и правила определяют прежде всего поведение и деятельность живущих в этом обществе людей. Конечно, человек не рождается с какими бы то ни было политическими знаниями, как не рождается он личностью, и тем более он не рождается гражданином и политиком. И гражданином, и личностью его признают государство, общество, сформировав в нем необходимые качества. Для гражданина это законопослушность и лояльность к государству, его политической системе, для личности — соответствие требованиям-ожиданиям, предъявляемым человеку группой или всем социальным окружением. Процесс включения индивида в политическую систему посредством оснащения его опытом данной системы, позволяющим человеку стать полноправным участником политической жизни общества, ориентироваться в сложных общественно-политических процессах, делать сознательный выбор в политике, осуществляется в ходе политической социализации.

Политическая социализация имеет стадийный характер, обусловленный возрастными изменениями в ходе развития личности. Однако главная роль в этом процессе принадлежит детскому и юношескому возрасту. Уже в первые годы жизни происходят основные изменения, закладываются основы политической социализации и формирования личности гражданина. Ребенок знакомится с конфигурацией властных отношений в семье, что впоследствии сказывается на восприятии им политической власти в государстве. В три – четыре года через семью, ближайших родственников, через СМИ ребенок приобретает в достаточно доступных для него формах первые сведения о политике (Шестопад, 2010).

В дошкольном образовательном учреждении (ДОУ) происходит знакомство будущего полноправного гражданина своей стра-

ны с официальными политическими ценностями, транслируемыми через детскую литературу, песни, праздники, некоторые учебные дисциплины, осваиваемые в детском саду, и др. При этом на процесс политической социализации продолжают оказывать влияние семья и другие неполитические факторы – группы сверстников, искусство и культура, СМИ и др.

Процесс политической социализации личности приводит к двук единому результату. Во-первых, обеспечивается и поддерживается непрерывное, бесперебойное функционирование политической системы общества при смене поколений в политике. Во-вторых, формируется политически зрелая личность, центр которой образуют выработанные в процессе политической социализации базовые политические убеждения, принципы, идеалы, позволяющие грамотно оценивать политические события, осуществлять соответствующее политическое поведение.

В нашем исследовании мы обратили внимание на процесс политической социализации в старшем дошкольном возрасте. Это период интенсивного психического развития, когда начинает складываться личность ребенка, формируются эмоционально-волевая сфера, интересы, усваиваются нравственные нормы, формируется произвольность поведения. Такое формирование определяется социальным окружением ребенка, обстановкой в семье и в детском саду. В ДОУ осуществляется образовательный процесс, несущий в себе множество функций, из которых приоритетной является социальная, предполагающая вовлечение в процесс воспитания всего социального окружения детей, психологическую поддержку как детей, так и родителей, компенсацию негативных влияний социальной среды, обеспечение полноценности процесса социализации ребенка-дошкольника (Певцова, 2011).

Федеральные государственные образовательные стандарты выдвигают перед ДОУ ряд требований и ставят конкретные задачи социально-личностного развития в контексте социализации будущего гражданина российского общества. Политическая социализация в ДОУ обычно тесно коррелирует с патриотическим воспитанием. Дети разучивают песни и стихи, готовясь к детсадовским мероприятиям, посвященным государственным праздникам: Дню защитника Отечества, Международному женскому дню 8 Марта, Дню Победы, Дню России, Дню Государственного флага и др. Практически каждый из этих праздников несет на себе оттенок общественно-по-

литической истории и современной жизни страны. В детском саду происходит знакомство детей с государственными символами России. Различная информация, получаемая ребенком от воспитателей детского сада, от других источников, дает свои результаты, формируя политически грамотного, политически активного гражданина своей страны.

Как уже было сказано, в эмпирическом исследовании мы обратились к процессу политической социализации в старшем дошкольном возрасте. Нами была специально разработана методика, представляющая собой тест-опросник, предназначенный для выявления особенностей политической социализации детей старшего дошкольного возраста (5,5–7 лет), в частности выявления преобладания когнитивного или эмоционального компонентов политической социализации.

Методика представляет собой развернутый план индивидуальной беседы с элементами игры. Основное внимание обращается на показатели, характеризующие когнитивную и эмоциональную составляющие ответов.

Вопросы для беседы

1. Ребенку предъявляются картинки с флагами государств: Австрии, Бельгии, Германии, США, Франции, Великобритании, Белоруссии, Украины, Российской Федерации, бывшего СССР, Италии, Испании, Казахстана, Словении, Словакии. Вопросы:
 - а) какой флаг для тебя самый приятный (красивый)? Почему именно этот?
 - б) где среди них флаг России?
2. Предъявляются картинки с фотографиями политических деятелей РФ (президента, председателя правительства, министра иностранных дел, министра обороны, лидеров наиболее известных политических партий – всего не более 7 фотографий). Вопросы:
 - а) где здесь президент России? Как его зовут?
 - б) кого еще ты знаешь из тех, кто изображен на фотографиях?
3. Предъявляются картинки с гербами различных государств (Российская Федерация, бывший СССР, Германия, США, Украина, Белоруссия, Казахстан – всего не более 7). Вопрос: где здесь Государственный герб России?

4. Предъявляется аудиозапись музыки Государственного гимна России (без слов). Вопросы:
 - а) музыка приятная (красивая и т. п.) или нет? Что ты испытываешь, переживаешь, что чувствуешь, слыша эту музыку?
 - б) что это за музыка?
 - в) когда и при каких обстоятельствах тебе приходилось ее слышать?
 - г) приходилось ли тебе когда-нибудь петь (подпевать) гимн России?
5. Какой город является столицей России?
6. Какие ты знаешь государственные праздники и когда они отмечаются?
7. Какой из этих праздников для тебя самый лучший (самый веселый, приятный, добрый и т. п.)?
8. Какой государственный праздник, по-твоему, самый важный, самый главный? Почему?
9. Как бы ты ответил на вопрос, что такое Россия? Что ты можешь сказать о ней?
10. Как ты думаешь, что значит любить свою Родину?
11. Знаешь ли ты какие-нибудь песни, стихи, рассказы о Родине? Может быть, те, которые вы учили в детском саду (попросить пропеть, прочитать, рассказать).
12. Когда была Великая Отечественная война?
13. Что за праздник «День Победы»?
14. С кем воевала наша страна в годы Великой Отечественной войны?
15. Твои родители, бабушки или дедушки ходят на выборы? Тебе приходилось ходить вместе с ними?
16. Приходилось ли тебе ходить с родителями на праздничные мероприятия, демонстрации? Какие? В честь чего? Понравилось ли тебе?
17. Тебе понравилось отвечать на вопросы?
18. Легко было отвечать на вопросы?
19. Какой вопрос тебе понравился больше всего?
20. Какой вопрос тебе понравился меньше всего?

Для обработки данных вопросы анкеты разбиты на две группы, отражающие показатели политической социализации: политические знания и политические эмоции и чувства.

№	Выявляемые компоненты политической социализации	Номер вопроса в методике
1	Когнитивный компонент (политическая грамотность – знания в области политики)	1 (б); 2 (а; б); 3; 4 (б); 5; 6; 12; 13; 14; 15
2	Эмоциональный компонент (политические эмоции и чувства)	1 (а); 4 (а); 7; 8; 9; 10; 11; 16; 17; 19; 20

По ключу подсчитывается количество баллов по показателям каждого из компонентов. Баллы ставятся за варианты, выбранные испытуемым. За невыбранные варианты ответов баллы не ставятся. Максимальное количество баллов как по когнитивному, так и по эмоциональному компоненту может составить 58. Вопрос № 18 баллами не измеряется, но ответ на него может интерпретироваться как в когнитивном, так и в эмоциональном плане.

Ключ

Когнитивный компонент			Эмоциональный компонент		
№ вопроса	Количество баллов	Примечание	№ вопроса	Количество баллов	Примечание
1	Б – 5		1	а – 1–5	Количество баллов определяется степенью эмоциональности при ответах испытуемых
2	а – 5		4	а – 1–5	
	б – 3		7	1–5	
3	5		8	1–5	
4	б – 5		9	1–5	
5	5		10	1–5	
6	За каждый названный государственный праздник – 1 балл		11	1–8	
12	1–5	Учитывается полнота ответа	16	1–5	
13	1–5		17	1–5	
14	1–5		19	1–5	
15	5				

В качестве испытуемых выступили 122 воспитанника трех дошкольных образовательных учреждений в возрасте от 5,5 до 7 лет. Сразу следует отметить, что по результатам исследования политической

социализации у 79% испытуемых дошкольников оказалось преобладание когнитивного компонента над эмоциональным.

Что конкретно показали ответы испытуемых на вопросы, задаваемые исследователем в ходе индивидуальных бесед?

Предлагаемые детям картинки с государственными флагами и гербами различных стран, фотографиями известных российских политических деятелей должны были, по нашему предположению, вызвать больший интерес у детей и, соответственно, вызвать немалый эмоциональный отклик. То же относится и к предъявлению детям музыки Государственного гимна РФ. Результаты, однако, оказались несколько неожиданными. С одной стороны, картинки и музыка действительно вывали немалый интерес, быстро привлекали внимание, тем более что они были в числе первых вопросов. В то же время, для 25% респондентов, как мы далее увидим, вопросы с картинками и музыкой оказались в числе понравившихся меньше всего.

Отвечая на вопрос о том, какой из предъявленных флагов различных государств самый красивый, приятный, только 20% наших дошкольников воспринимали таковым Государственный флаг РФ. Правда, несколько человек указали на флаги Словакии и Словении, которые по своему цветовому сочетанию напоминают Государственный флаг России.

Задание показать картинку с Государственным гербом РФ оказалось несколько сложнее. Несколько человек не знали, что такое герб. Были такие, у кого возникала ассоциация с изображениями на монетах. Тем не менее 70% дошкольников с этой задачей справились успешно.

Музыку Государственного гимна России узнали сразу 65% респондентов. У многих детей в момент прослушивания музыки появлялась улыбка. Один из мальчиков сказал, что это музыка «русская», «старинная». Некоторые девочки с удовольствием «напевали» гимн без слов. И все же дети чаще всего с трудом подбирали слова, с помощью которых можно было бы выразить свои эмоции и чувства в связи с восприятием изображений Государственного флага России и других стран, восприятием музыки Государственного гимна РФ. Испытуемые нередко затруднялись сказать, что они переживают, чувствуют, воспринимая предъявляемый им материал. Иногда говорили, что ничего не чувствуют, иногда просто молчали, пожимая плечами.

Фотографии президента РФ и других политических деятелей также вызвали определенный интерес у детей. Нередко они достаточно быстро узнавали тех, кого видели по телевизору, в интернете. Правда, не всегда могли назвать должность политика. В. В. Путина как президента РФ назвали 82% опрошенных. Министра обороны России узнали 17% испытуемых, министра иностранных дел – 5% опрошенных детей, В. В. Жириновского – 13%.

Столицу РФ назвали 69% испытуемых. 31% опрошенных не смогли это сделать, некоторые из них при этом заметно волновались и даже нервничали («Мне об этом не говорили. Спрошу у родителей», – ответил один из дошкольников).

В ходе беседы с испытуемыми мы попытались выявить, какие они знают государственные праздники, какой праздник для них самый лучший (самый веселый, приятный, добрый и т. п.), какой из этих государственных праздников и почему самый важный, самый главный? Больше половины детей назвали от трех до пяти государственных праздников. В то же время 30% не смогли назвать ни одного. 5% испытуемых не понимали, что такое государственный праздник, однако после объяснения исследователя смогли назвать некоторые из них. Правда иногда в их числе называли свой день рождения, пасху и др. В ходе беседы 69% опрошенных в числе государственных праздников назвали Новый год, 57% – Международный женский день, 53% – День Победы, 38% – День защитника Отечества, 21% – 1 мая.

Большинство опрошенных нами детей (77%) самым важным праздником считают День Победы, столько же – Новый год, на третьем месте – 8 Марта (31%). Что касается самого лучшего праздника, по мнению детей, таковым является День Победы (36%), Новый год (34%), 8 Марта (27%), День защитника Отечества (15%).

Что касается вопроса о Дне Победы, то ответы испытуемых были достаточно эмоциональными, несмотря на то, что дети в основном отражали отношение взрослых к этому празднику. О празднике 9 Мая наиболее типичными были ответы:

- «В этот день мы выиграли войну против немцев, мы победили. Это была страшная война и большая, где участвовало очень много стран».
- «Закончилась война, и мы победили».
- «Это праздник, когда празднуют те, кто был на войне. Спасибо нашим дедушкам и бабушкам».

- «В этот день идут парады во всех странах, и все радуются».
- «Всех врагов победили. Был такой праздник, я к бабушке ездил».

Практически все опрошенные нами дети 9 Мая ходили с родителями, бабушками, дедушками на парад. Им нравилось на празднике («Было весело, много людей, военная техника, фотографирование около вечного огня или около фонтана, салют и т. п.»), но эмоций, связанных с осознанием того, в честь какого события был этот праздник, дети, как правило, не показывали.

Следует заметить, что на вопрос о том, против кого наш народ воевал в годы Великой Отечественной войны, правильно ответили 70% респондентов («воевали против немцев, против фашистов, против Германии, против Гитлера»). 4% ответили – против врагов, против злых людей, против других стран. Около 30% детей не смогли ответить на этот вопрос.

Отвечая на вопрос, приходилось ли ходить с родителями на праздничные мероприятия (посвященные самым различным государственным праздникам), 41% детей ответили утвердительно. В основном это были мероприятия в честь 9 Мая (26%).

На вопрос «Что такое Россия? Что ты можешь сказать о ней?» ответы были получены следующие: «Страна»; «Страна, где мы живем»; «Наш народ»; «Наш город, мне он нравится, потому что праздники» и т. п., «Это большая страна, и Америка хочет постоянно украсть у нас Россию» и др.

Мы попытались выяснить представления детей о том, что значит любить свою Родину. На этот вопрос дошкольники хотя и с трудом, но отвечали. Чувствовалось, что им очень хотелось ответить на этот вопрос, хотя они понимали, что это трудно. Один мальчик попросил повторить вопрос и воскликнул: «Ого! Сложный вопрос!», потом долго думал и с огорчением сказал, что не может ответить. Было видно, что дети понимали важность этого вопроса, думали над ответом, иногда размышляли вслух. Было заметно их волнение: кто-то, раздумывая, перебирал пальцы, кто-то расстраивался и даже злился, когда не мог найти ответа. В итоге одна треть опрошенных детей ответили, что любить свою Родину – значит защищать ее. Примерно столько же ответили – беречь природу, не сорить. Другие ответы: уважать старших; любить семью, защищать близких; гордиться своей Родиной, хвалить ее; знать свою страну и др.

В ходе беседы с детьми мы попросили их сказать, какие они знают песни, стихи, рассказы о Родине и, возможно, пропеть, прочитать,

рассказать их. Только 10% испытуемых смогли справиться с этой задачей; 71% не знают таких стихов или песен; 20% заявили, что знают, но пропеть или рассказать стесняются.

Процесс политической социализации, как уже отмечалось, предполагает включение индивида в социально-политические процессы и отношения в обществе, формирование активного участника политической жизни общества, политически активного гражданина. В этой связи нашим испытуемым и был задан вопрос, ходят ли их родители, бабушки или дедушки на выборы. Приходилось ли ребенку ходить вместе с ними? Утвердительно ответили на первую часть вопроса 40% опрошенных. 34% заявили, что взрослые члены их семьи на выборы не ходят. 26% не смогли ответить на этот вопрос, заявив, что ничего об этом не знают.

Взрослые, если и ходят на голосование, то детей берут с собой далеко не всегда. Чаще всего встречающиеся или похожие ответы детей: «Дед ходит. Я ни разу с ним не ходил. В следующий раз обязательно пойду»; «Родители каждый год ходят, но папа говорит, что эти выборы все бесполезные, и мама с ним не спорит»; «Мама на выборы не ходит, считает, что и без нее там справятся, а бабушка ходит каждый год, но меня с собой не брала». Следует отметить, что вопрос об участии в выборах немало заинтересовал детей. Даже не представляя себе достаточно четко и правильно, что такое выборы и в чем смысл голосования, дети поняли, что это что-то «взрослое» и «важное», поэтому не случайно многие дошкольники говорили: «Я, когда вырасту, обязательно пойду на выборы и буду выбирать».

В заключение беседы подавляющее большинство опрошенных нами дошкольников (88%) заявили, что им понравилось отвечать на вопросы. Один из мальчиков сказал, что это была интересная игра, в такую игру он еще не играл.

На вопрос, легко ли было отвечать, 42% респондентов ответили утвердительно. Для 27% отвечать было не очень легко, а для каждого третьего – трудно. Характерно, что, подводя итог беседы, дети отмечали необходимость и трудность «думания», размышления над ответами: «Было легко отвечать на вопросы, но было тяжело размышлять»; «Много думал, было нелегко».

Большинству дошкольников (52%) больше всего понравились вопросы о праздниках. Каждому четвертому – вопросы с картинками, с фотографиями. Прочие вопросы как наиболее понравившиеся

ся отметили 23% респондентов. Относительно понравившихся вопросов дети говорили не столько об их содержании, сколько о форме, в которой был задан вопрос (с картинками, с музыкой). Естественно, что меньше всего понравились те вопросы, которые оказались для испытуемых самыми трудными.

Заслуживает внимания вопрос об источниках получения детьми информации, имеющей отношение к истории и политической жизни страны. Конечно, это прежде всего семья и детский сад. Но простейший анализ этих источников позволяет прийти к некоторой дифференциации. Так, что касается государственных символов России, то большую часть информации дошкольники получают в детском саду. Государственный гимн РФ, как правило, детям читают воспитатели или дают его прослушивать в аудиозаписи. Изображения Государственного флага и Государственного герба России висят в специально оформленном месте, о котором дети, как правило, знают и показывают его исследователю. Хотя в то же время встречались испытуемые, которые с удивлением узнавали, что в детском саду есть уголок, где на стендах изображены государственные символы России, фотопортрет президента страны. В одном из дошкольных образовательных учреждений, где проводилось исследование, оказалось, что целенаправленно слова гимна с детьми никто не учил — ни в семье, ни в детском саду.

В семье дошкольники также получают информацию об истории страны, о государственных символах, государственных праздниках и т. п. По отзывам детей, кому-то родители читают и рассказывают разные истории о стране, ее природе, кто-то слушал Государственный гимн с родителями на хоккее, на военном параде или демонстрации. Нередко дети смотрят с интересом новости по телевизору, но, как правило, не столько с родителями, сколько с дедушками и бабушками.

В ходе разговора с исследователем дети в большинстве своем были весьма активны, общительны, открыты, отвечали с большим интересом. Больше половины испытуемых (57%) на вопросы отвечали достаточно серьезно, раздумывая, размышляя, иногда волнуясь, переживая и даже нервничая. Особый эмоциональный отклик вызвали вопросы, касающиеся государственных флагов различных стран, государственных праздников и о том, когда они отмечаются, что за праздник «День Победы», кто из членов семьи воевал и какие имеет награды.

Заключение

Подводя итог сказанного, еще раз отметим, что полученные в ходе исследования политической социализации данные выявили преобладание у значительного большинства старших дошкольников когнитивного компонента над эмоциональным. Вполне вероятно, что в силу низкой вербализации в детском возрасте испытуемые не могли в более или менее полной мере выразить вслух свои эмоции, чувства, возникающие в связи с восприятием информации, предъявляемой исследователем. Например, как отмечалось выше, дети чаще всего с большим трудом подбирали слова, с помощью которых можно было бы выразить свои переживания в связи с восприятием изображений Государственного флага России и других стран, восприятием музыки Государственного гимна РФ. В таких случаях они иногда говорили, что ничего не чувствуют, иногда просто молчали.

Приходится констатировать, что процесс политической социализации в старшем дошкольном возрасте проходит скорее стихийно. Семья как институт политической социализации участвует в этом процессе довольно пассивно, либо не считая этот аспект воспитания, формирования ребенка как будущего гражданина государства, как активного участника общественно-политических процессов важным, либо полагаясь в этом вопросе лишь на образовательные учреждения. Последние, однако, далеко не всегда ведут эту работу активно и целенаправленно, часто даже формально. Если дети и узнают что-то, связанное с политической жизнью в стране или с ее историей, то, скорее, от случая к случаю. Мы это связываем с растущей в современном российском обществе политической пассивностью значительной части граждан, снижением политической культуры взрослой части общества (в том числе персонала ДОУ), что, несомненно, накладывает отпечаток на воспитание подрастающего поколения, формирование его политической культуры, на процесс и результат политической социализации.

Литература

Кон И. С. Ребенок и общество: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Академия, 2003.

В. Л. Бозаджиев

Ольшанский Д. В. Основы политической психологии: Учебное пособие для вузов. Екатеринбург: Деловая книга, 2001.

Певцова Е. Основные концепции правового образования // Учитель. 2011. № 4. С. 43–47.

Шестопап Е. Б. Политическая психология: Учебник. М.: Аспект-Пресс, 2010.

Психологическое исследование типологических характеристик инновационной личности

Е. С. Быкова

Инновационная личность сформирована условиями современности и необходима обществу сегодня для развития инновационной экономики. Инновационность является одним из наиболее сложных объектов психолого-педагогических исследований. Сложности исследования связаны и с недостаточной точностью дефиниций, и с дискуссионностью некоторых методологических оснований.

Значительный вклад в разработку теоретических аспектов инновационной деятельности внесли зарубежные исследователи Й. Шумпетер, М. Киртон, Г. Менш, Б. Санто, Б. Твисс. В Российской науке изучение инновационности началось относительно недавно по сравнению с зарубежными исследованиями; свой вклад внесли А. И. Пригожин, В. А. Сластенин, Л. С. Подымова и др. Инновационная проблематика представлена в работах Н. Кондратьева, О. С. Советовой, Н. М. Лебедевой, С. Р. Яголковского.

Перед современным обществом стоит вопрос о природе инновационной личности, о факторах и условиях, влияющих на развитие инновационности. Была сформулирована гипотеза исследования о том, что структура взаимосвязей показателей инновационности с творческими характеристиками, толерантностью к неопределенности и типами взаимодействия со средой будет различна для типов Д. Кейрси: богатство и теснота связей выражена для интуитивных типов.

На сегодняшний день не существует единого определения понятия «инновационность», поэтому в научной среде дискуссии по этому вопросу являются актуальными. «Инновационный человек» — более широкая категория, означающая, что каждый гражданин должен стать адаптивным к постоянным изменениям: в собственной жизни, в экономическом развитии, в развитии науки и технологий — активным инициатором и производителем этих изменений (Яголковский, с. 34).

В. Е. Ключко считает, что инновационный потенциал человека можно представить состоящим из трех основных блоков, иерархически связанных между собой (Ключко, 2010). Во-первых, это личностные качества, такие как толерантность к неопределенности, способность к оправданному риску, ответственность, потребность в самореализации, мотивация достижения, рефлексивность, креативность (качества интеллекта, интеллектуальная инициатива). Во-вторых, это компетенции, прежде всего, такие, как проектная компетентность, коммуникативная компетентность, информационная компетентность. В-третьих, витальность (особенности ценностно-смысловой организации жизненного мира, жизнестойкость, суверенность, трудоспособность, мобилизационный потенциал, уровень саморегуляции, ориентация человека на определенное качество жизни).

А. В. Спивак ставит вопрос об определении инновационности субъекта. Во-первых, это характеристика особенностей его ума (индивидуального или коллективного) и направленности поведения, во-вторых, возможность реализовать этот ум и поведение в экономической среде, в хозяйственной организации. В-третьих, одобрение направленности и результатов креативного поведения обществом (Спивак, 2009).

А. Н. Лебедев обнаружил, что положительное отношение к инновациям характерно, прежде всего, для работников со следующими психологическими качествами (цит. по: Советова, 2000): а) высокой креативностью и гибкостью мышления; б) интернальностью и активностью личности в достижении своих целей.

В. Д. Шадриков (1991) отмечает, что ведущими свойствами творческого мышления являются способность находить множество разных вариантов решения при одних и тех же условиях и способность находить непротиворечивые решения противоречивых ситуаций.

С. Р. Яголковский под инновационностью понимает способности человека воспринимать новые идеи и технологии, а также осмысливать их и творчески дорабатывать. Поэтому он выделяет сенсорную инновационность (связана с поиском и принятием риска) и когнитивную инновационность (тенденция получать удовольствие от нового опыта) (Яголковский, 2011).

Проанализировав и сравнив подходы различных ученых и исследователей к пониманию инновационной личности, мы пришли к следующим выводам: во-первых, необходимым компонентом ин-

новационности являются творческие способности; во-вторых, определение данного понятия требует дальнейших исследований. Поэтому для определения личностных факторов инновационности мы использовали следующий пакет психометрических методик: Д. Кейрси – «Темперамент и психологический портрет», С. Баднер – «Методика определения толерантности к неопределенности», Р. Стернберг – «Проблемы реального мира», Ф. Вильямс – «Оценка творческих характеристик личности» и «Оценка дивергентного мышления» и Н. М. Лебедева, А. Н. Татарко – «Шкала самооценки инновативных качеств личности».

Эмпирическую базу исследования составили студенты Новосибирского государственного технического университета. Общее количество испытуемых – 177 человек; из них 62% мужского пола и 38% женского пола; возраст испытуемых 20–22 года.

Е. А. Удалова отмечает, что в одних и тех же условиях и при одинаковых же программах обучения люди по-разному проявляют свои способности в самых различных областях жизни (Удалова, 2007). Нами была использована типология Д. Кейрси, поскольку в ее основе лежат особенности стремлений и ценностных ориентаций личности.

На рисунке 1 представлено распределение средних значений по шкалам инновативности. Мы видим следующую картину: значение по шкале «креативность» преобладает для типов NF и SP, «ори-

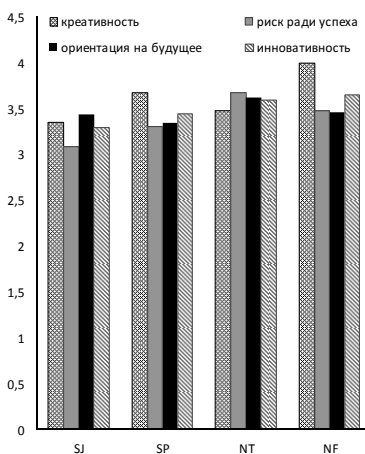

Рис. 1. Распределение средних значений по шкалам инновативности для типов Д. Кейрси

ентация на будущее» и «риск ради успеха» – для интуитивных типов (NT и NF). Преобладание общего показателя инновативности у интуитивных типов можно объяснить ценностными предпочтениями типов темперамента: для интуитивно-логического типа характерна разработка идей, полет мысли, новаторство, а интуитивно-чувствующий тип – творческий, стремящийся к самовыражению.

Мы подсчитали значимость различий по критерию Манна–Уитни в выраженности шкал инновативности: «риск ради успеха» и общий показатель «инновативность» преобладает для интуитивных типов (NT и NF), а показатель «креативность» для типа NF на уровне значимости $p \leq 0,01$. Можно утверждать, что инновативными являются люди с интуитивным типом, что позволяет им легко и открыто воспринимать любую информацию и смотреть в будущее.

Для более детального исследования и подробного понимания картины инновативности с учетом типологических характеристик для типов Д. Кейрси был проведен корреляционный анализ взаимосвязей шкал инновативности с творческими и типологическими характеристиками, толерантностью к неопределенности с использованием R-критерия ранговой корреляции Спирмена.

На рисунке 2 представлены взаимосвязи шкал инновативности только с одной типологической характеристикой – «экстраверсия».

В силу бедной картины взаимосвязей можно предположить, что данный тип темперамент не склонен к инновативности, возможно, из-за того, что данный тип личности избегает всего неясного. Тип SJ всегда думают о деле, стремясь внести в него порядок, организованность и завершенность. Таким личностям свойственно

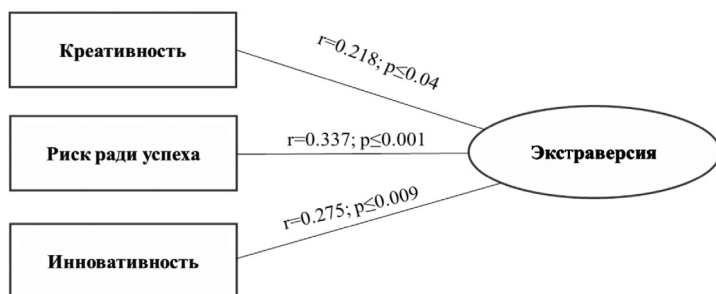

Рис. 2. Связи личностных характеристик со шкалами инновативности для сенсорно-рационального типа (SJ)

серьезное и ответственное отношение к различным видам деятельности и общения, которые осознаются ими как выполнение определенных обязанностей, причем рационально обоснованных.

Основная характеристика людей типа SP – это стремление к свободе, следование своим импульсам, готовность рисковать; это художественные натуры. Они живут настоящим моментом. Этими характеристиками можно объяснить полученные взаимосвязи шкалы «риск ради успеха» с «экстраверсией», «любопытностью» на рисунке 3.

Рис. 3. Связи личностных характеристик со шкалами инновативности для сенсорно-иррационального типа (SP)

Отрицательная связь с «адаптацией» ($R_s = -0,643; p \leq 0,01$) указывает на то, что для человека с таким типом темперамента, который находится в постоянном движении не характерно подстраиваться под ситуацию. Данная картина взаимосвязей указывает на то, что «инновативность» сенсорно-иррационального типа связана с «риском». Получается, что такой человек способен быстро реагировать, рисковать, но могут возникнуть трудности из-за недостатка в последовательности действий. Отсутствие связей со шкалой «ориентация на будущее» можно объяснить тем, что тип SP живет «здесь и сейчас», такие личности предпочитают действовать сейчас, а не ожидать будущего, любят вносить в жизнь игровые и непредсказуемые элементы.

Рис. 4. Связи личностных характеристик со шкалами инновативности для интуитивно-логического типа (NT)

На рисунке 4 мы видим корреляционные связи для типа темперамента NT. Шкала «Креативность» имеет большое количество связей с такими показателями, как «интуиция», «беглость», «оригинальность» и «разработанность». Получается, что тип NT творческий, может не только предлагать идеи, но и разрабатывать их. «Риск ради успеха» положительно связан с «новизной» ($R_s = 0,761; p \leq 0,01$), что можно объяснить способностью к изменениям, и умению смотреть на вещи с разных точек зрения. Таким образом, инновативность NT – это стремление к получению нового знания, открытость, возможность рассмотрения всех возможных вариантов.

Для интуитивно-чувствующего типа на рисунке 5 получились взаимосвязи со всеми шкалами инновативности и самая богатая картина взаимосвязей. Шкала «Креативность» имеет положительные взаимосвязи с творческими характеристиками, такими как «гибкость», «оригинальность» и «разработанность», указывает на то, что NF генерирует идеи и разрабатывает их. Функция «интуиция» позволяет вглядываться в будущее и, возможно, этим можно объяснить положительную взаимосвязь «креативности» с «интуицией» ($R_s = 0,72;$

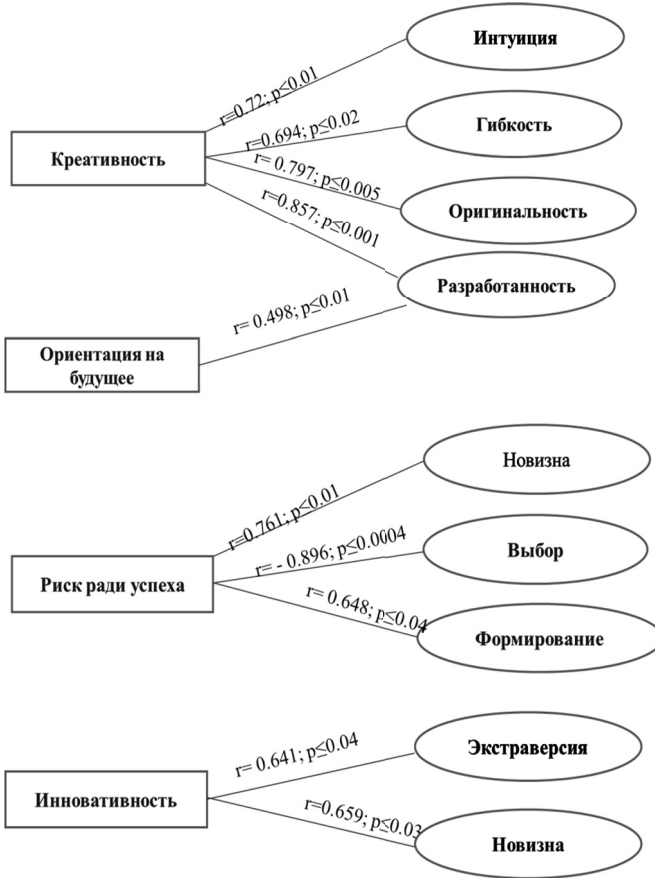

Рис. 5. Связи личностных характеристик со шкалами инновативности для интуитивно-чувствующего типа (NF)

$p \leq 0,01$). Шкала «Риск ради успеха» отрицательно связан с типом взаимодействия со средой «выбор» и положительно с типом «формирование». Это указывает на то, что тип NF активно взаимодействует со средой, а уходит, когда сталкивается с трудностями. Шкала «Ориентация на будущее» положительно связана с «разработанностью» ($R_s=0,498; p \leq 0,01$), и это говорит о том, что интуитивно-чувствующий тип разрабатывает идею, которая будет работать в будущем, т. е. с учетом тенденций будущего.

Таким образом, интуитивно-чувствующий – это творческий тип и находится в постоянном поиске, открыт новому.

Анализ взаимосвязей показателей инновационности для типов Д. Кейрси, выполненный с использованием R-критерия ранговой корреляции Спирмена, показал, что картина инновативности для разных типов темперамента имеет свои особенности.

Как видно из полученных результатов, типы Д. Кейрси по-разному инновативны в силу типологических особенностей. Поэтому необходимо учитывать личностные характеристики с целью понимания, какие функции может выполнять человек, чтобы быть инновационно успешным. Данные результаты и учет особенностей личности могут послужить толчком к подбору и формированию «инновационных команд». Результаты исследования, демонстрируют, что инновационный человек готов идти на риск, продуктивен в сложных и неопределенных ситуациях.

Проведя эмпирическое исследование и проанализировав его результаты, мы пришли к следующим выводам.

1. Профили распределения показателей инновационности личности определяются принадлежностью к типу темперамента по Д. Кейрси: интуитивные типы (NF и NT) более инновативные, чем сенсорные типы (SJ и SP).
2. Структура взаимосвязи показателей инновационности с творческими характеристиками (по Ф. Вильямсу), толерантностью к неопределенности будет различна для типов Д. Кейрси: богатство и теснота связей выражены для интуитивных типов (NT, NF).
3. Инновационная личность интегрирует в себя личностные переменные, такие как творческие характеристики, толерантность к неопределенности и активность во взаимодействии со средой.

Литература

Клочко В. Е., Краснорядцева О. М. Особенности операционализации понятия «инновационный потенциал личности» // Вестник ТГУ. 2010. № 339. С. 151–154.

Советова О. С. Основы социальной психологии инноваций: Учебное пособие. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2000.

- Спивак А. В.* Формирование инновационных и креативных лидеров бизнеса // Креативная экономика. 2009. № 7 (31). С. 130–145. URL: <http://www.creativeconomy.ru/articles/2934> (дата обращения: 25.04.2018).
- Удалова Е. А.* Соционика в работе с персоналом, или Что показывает MBTI. М.: Колесо Самсары, 2007.
- Шадриков В. Д.* Способности, одаренность, талант // Развитие и диагностика способностей. М.: Наука, 1991
- Яголковский С. Р.* Психология инноваций: подходы, модели, процессы. М.: НИУ ВШЭ, 2011.

Личностные черты, готовность к риску и финансовая грамотность должников

М. А. Гагарина

Актуальность данной работы обусловлена тем, что впервые на российской выборке путем эмпирического исследования показана связь *долгового поведения* с личностными чертами, готовностью к риску и финансовой грамотностью, а также поднимается вопрос о роли *чувства долга* в регуляции долгового поведения. Идея о том, что чувство долга имеет универсальную природу и может регулировать совершенно разные формы долгового поведения как в случае финансового долга, например, перед банком, так и в ситуации, когда речь идет о чувстве долга перед Родиной, не нова и уже освещалось в научных публикациях (Лебедев, 2014). К моральной природе денежного долга также обращаются философы, указывая на то, что «невозможно выделить чисто экономическое содержание долговых отношений. Вступая в них, люди всегда испытывают вину, превосходство, зависимость, ощущение нечистой совести — все эти моральные чувства управляют поведением человека по собственным законам» (Юдин, 2015, с. 29).

Для того чтобы описать долговое поведение (поведение должника), нами был проведен анализ публикаций по экономической психологии, в названии которых присутствуют слова «долг», «задолженность», «должник».

В ряде работ под должниками имеют в виду всех лиц, имеющих любые займы (Achtziger, 2015) или просто кредитные карты, и тех, у кого есть просроченные платежи и задолженности по кредитам (Gathergood, 2012). Кроме того, могут быть выделены отдельно заемщики, мелкие и серьезные должники — на основании потенциальной возможности своевременной и полной оплаты как по заемным обязательствам, так и коммунальным платежам; в последнем случае задолженность образуется без заимствования (Lea, 1995).

Для нашего исследования не имеет значения, образовался ли долг в результате займа или нет, тем более что по данным, опубли-

кованным в журнале «Банковское дело» за 2016 г.¹, злостные неплательщики за коммунальные услуги являются активными заемщиками с низкой платежной дисциплиной.

В качестве предикторов долгового поведения рассматриваются самоконтроль и временная перспектива (Webley, 2001). Должники продемонстрируют значимые различия в установках – сниженный оптимизм и финансовую самооценку, менее выраженный интернальный локус контроля в финансовой сфере. Показана также роль социального окружения, например, должники чаще имеют должников среди друзей и знакомых (Lea, 1995). Достаточно хорошо разработанной является проблема связи установок, или аттитюдов, с долговым поведением. Есть исследования, подтверждающие связь личностных черт с размером задолженности: положительную для экстраверсии и доброжелательности и обратную для сознательности (Brown, 2014).

Еще один аспект, который заслуживает внимания, – это долговое аверсивное поведение. Аверсивное поведение – это поведение, направленное на уменьшение количества долгов, а не общей суммы задолженности через погашение небольших долгов первыми. Неумение заемщика предвидеть во что обращаются проценты по кредиту, ведет к росту задолженностей (Amar, 2011).

Обобщив все вышесказанное, в качестве факторов долгового поведения можно отметить социально-экономические и демографические: уровень дохода, возраст, наличие детей, факт принятия заемного поведения социальным окружением; психологические факторы: уровень субъективного контроля, личностные черты, самоконтроль и самооценку, установки и убеждения в отношении долга; финансовая грамотность и морально-нравственные чувства. В отношении последних (по аналогии с антисоциальным и рисковым поведением) невыплата долгов будет отрицательно связана с чувством вины и положительно с чувством стыда (Макагон, Ениколопов, 2014).

Цель данной работы – комплексный междисциплинарный анализ долгового поведения как социально-психологического явления.

Теоретико-методологическую основу исследования составляют: отечественные и зарубежные работы по экономической психологии и смежным дисциплинам. Долговое поведение предполагается ана-

1 Неплательщики за услуги ЖКХ – и в банках должники // Банковское дело. 2016. № 8. С. 55.

лизировать в рамках системного подхода – как результат взаимодействия экономических, психологических, социальных и юридических факторов.

Гипотезы исследования:

- 1) сделано предположение, что по результатам самоотчетных методик заемщики отличаются от незаемщиков более терпимым отношением к займам. Заемщики, не выполняющие свои долговые обязательства, в отличие от законопослушных обладают меньшей финансовой грамотностью, менее выраженным чувством вины и более выраженным чувством стыда, по личностным чертам – большей экстраверсией, доброжелательностью и меньшей сознательностью;
- 2) предполагалось, что респонденты, выбирающие институциональную форму займа, будут отличаться от тех, кто обращается к друзьям и знакомым, менее выраженным чувством вины;
- 3) дополнительное предположение заключалось в том, что оценки экспертов подтвердят данные самоотчетов по опроснику «Большая пятерка»: большую экстраверсию, доброжелательность и меньшую сознательность у должников по сравнению с законопослушными заемщиками.

Эмпирическая база и программа исследования

В соответствии с поставленной целью наше исследование было организовано следующим образом:

- анализ самоотчетов опрошенных (N=465 чел.), куда вошли такие параметры, как социально-демографические характеристики, вид занятости, тип займа, личностные черты (опросник «Большая пятерка» А. Г. Грецова)¹, личностные факторы принятия решений («Опросник ЛФР-25» Т. В. Корниловой)², долговые аттитюды («Опросник долгового поведения» М. А. Гагариной)³ и склонность к аверсивному долговому поведению (задачи

1 *Грецов А. Г., Азбель А. А.* Психологические тесты для старшеклассников и студентов. СПб.: Питер, 2012.

2 *Корнилова Т. В.* Диагностика «личностных факторов» принятия решений // Вопросы психологии. 1994. № 6. С. 99–109.

3 *Психологические барьеры модернизации российской экономики в сфере финансов.* М.: Спутник+, 2014. С. 22–36.

«3 тыс. руб.» и «30 тыс. руб.»)¹ финансовая и юридическая грамотность (задачи, описанные в наших предыдущих исследованиях)², склонность к переживанию чувства вины и стыда (Опросник склонности к переживанию чувств вины и стыда – Макагон, Ениколопов, 2014);

- опрос экспертов – сотрудников кредитных организаций и судебных приставов (N=260), которым предлагалось оценить должников и законопослушных заемщиков с помощью методики «Личностный дифференциал» и «Короткого портретного опросника Большая пятерка»³. Таким образом, общая выборка исследования составила 729 респондентов, из них 204 человека никогда не прибегали к займам, 265 – заемщики (204 – законопослушные заемщики, или «плательщики», и 61 человек имеют просроченные платежи и невыплаты по займам, или «должники») и 260 – эксперты.

Поскольку долг – это то, что взято взаймы и подлежит возврату, в категорию должников попадают все респонденты, прибегающие к заемному поведению (заемщики). В этом смысле любое заемное поведение будет являться долговым, в рамках которого можно выделить законопослушное (своевременная оплата в полном объеме) и законопослушное, а также институциональное и неинституциональное заимствование.

Средний возраст заемщиков (N=265) в нашем исследовании составил 39 лет, по оценке экспертов (N=260) – 36 лет. Незаемщики (N=204) оказались достоверно моложе, средний возраст – 28 лет.

По результатам опроса заемщиков, наиболее популярным является потребительский кредит, затем следует заем у друзей и знакомых и ипотека. По данным экспертов – популярным является потреби-

- 1 Гагарина М. А., Сулейманова С. С. Социально-психологические особенности и уровень финансовой грамотности должников // Интернет-журнал «Мир науки» 2016. Т. 4. № 4. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/04PSMN416.pdf> (дата обращения: 15.10.2018).
- 2 Гагарина М. А. Ответственность и юридическая грамотность заемщиков как факторы отсутствия долгов // Научное обозрение: гуманитарные исследования. 2017. № 7. С. 79–88.
- 3 Егорова М. С., Паршикова О. В. Психометрические характеристики «Короткого портретного опросника Большой пятерки» (Б5-10) // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 45. С. 9. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 15.05.2018).

тельский кредит. Он же является самым популярным по невозврату (по результатам опроса приставов).

Для определения *различий между заемщиками и теми, кто не прибегает к заемному поведению*, нами было проведено сравнение групповых средних (Т-критерий Стьюдента). Респонденты, не прибегающие к заемному поведению, показали более низкий уровень финансовой грамотности (2,7 vs 3,1; $t=-3,4$; $p\leq 0,0007$) в области кредитования и большую склонность к аверсивному поведению (0,5 vs 0,4; $t=2,3$; $p\leq 0,022$). Вероятно, это связано с отсутствием опыта и, как следствие, недостаточным пониманием механизмов накопления процентов по кредиту.

Заемщики по сравнению с незаемщиками оказались более нетерпимы к долгу (18,9 vs 17,3; $t=-2,0$; $p\leq 0,043$) и склонны к более негативной оценке поведения при чувстве вины (5,1 vs 4,2; $t=-4,64$; $p\leq 0,000007$), которое выражается в плохом самоощущении человека при совершении неправильного действия, чем те, кто не прибегает к займам.

По результатам большой пятерки, заемщики оказались более сознательными (10,1 vs 8,9; $t=-2,6$; $p\leq 0,0085$) и более доброжелательными (9,1 vs 8,2; $t=-2,2$; $p\leq 0,0254$). Сознательные индивиды – ответственные, внимательные, аккуратные, настойчивые, склонные к порядку и планированию. Данная шкала включает в себя минимум шесть черт более низкого порядка: самоконтроль – импульсивность, внимание, мотивацию достижения, ответственность, законопослушность и следование стандартам. Доброжелательные индивиды – щедрые, вежливые, способные к эмпатии (сопереживанию и сочувствию), склонные к взаимодействию и сотрудничеству; согласно зарубежным исследованиям, доброжелательность положительно, а сознательность отрицательно взаимосвязаны с необеспеченными долгами (Brown, 2014).

У заемщиков более высокие значения по рациональности (18,0 vs 15,2; $t=-5,4$; $p\leq 0,000000$) и готовности к риску (10,8 vs 9,1; $t=-3,3$; $p\leq 0,00099$) по методике Т. В. Корниловой: для них характерна большая готовность к самоконтролю действий при заведомой неполноте или недоступности необходимых ориентиров, а также готовность полагаться на свой потенциал и готовность обдумывать свои решения и действовать при возможно полной ориентировке в ситуации.

Далее мы сравнили *респондентов, нарушающих и не нарушающих свои долговые обязательства*. Различий оказалось не так много: пла-

тельщики (N=202) оказались более финансово грамотными и менее склонными к аверсивному поведению. Должники (N=61) в большей степени оказались осведомлены о том, в какой степени они защищены 230-ФЗ «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности»¹. Качественный анализ ответов показал, что законопослушные заемщики склонны допускать ошибки в ответе на вопрос на знание закона, переоценивая вероятность негативных последствий. Каких-либо различий личностных черт, факторов принятия решений или переживания моральных чувств выявлено не было. Таким образом, подтвердилась гипотеза про меньшую финансовую грамотность должников и не подтвердилась относительно того, что нарушение долговых обязательств связано с личностными чертами и степенью выраженности моральных чувств.

Институциональный и неинституциональный заем. Респонденты, прибегающие к займам в кредитных учреждениях (N=115) и у родственников (N=86), друзей, знакомых, не различаются ни по уровню финансовой, ни по уровню юридической грамотности.

По опроснику долгового поведения они различаются по всем шкалам. Избегание долгов – долг как стиль жизни для институциональных заемщиков, в отличие от тех, кто прибегает к неинституциональному займу, – характерны более высокие значения (29,2 vs 25,1; $t=3,16$; $p\leq 0,002$). Т.е. для них заем – это необходимость, они скорее откажутся от покупки чего-либо, чем прибегнут к заимствованию. Если им все же приходится прибегнуть к займу, то они сделают все возможное, чтобы скорее вернуть долг. Рациональное–иррациональное долговое поведение (29,5 vs 24,9; $t=2,98$; $p\leq 0,003$). Прежде чем прибегнуть к заимствованию, такие люди просчитывают соотношение доходов и расходов, стоимость займа с учетом процентов и принимают решение на основании этих расчетов. Эмоциональное непринятие долга – терпимое отношение (20,6 vs 16,5; $t=3,55$; $p\leq 0,0005$). Такие личности не любят занимать и давать в долг, считают заем денежных средств чем-то неприятным, вызывающим сильный дискомфорт и в какой-то мере унижающим их достоинство. Интернальность–экстернальность в долговом поведении (23,9 vs 20,6; $t=2,6$; $p\leq 0,01$). Чувствуют себя ответственными за возврат заимствованных средств своевременно и в полном объеме.

1 Консультант Плюс. URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/46863.html> (дата обращения: 06.07.2018),

Интересно, что у тех, кто выбирает неинституциональный заем, менее выражено стремление к исправлению положения в случае возникновения чувства вины, которое отражает поведенческие намерения, направленные на исправление или компенсацию за причиненный ущерб. Совокупность описанных различий между институциональными и не институциональными заемщиками позволяет сказать, что чувство долга более выражено у институциональных заемщиков. Эти результаты согласуются с полученными Ю. Е. Мужичковой (2015): в обыденном представлении понятие долга в большей степени связано с возможностью невозврата, чем понятие кредита. При этом к невозврату (рisku) в отношении долга перед другим лицом более склонны люди с экстравертированными установками личности, в то время как возможность невозврата кредита более проявляется у людей с интровертированной установкой личности. Но данные результаты противоречат предположению Г. Б. Юдина, что предпочтение займа в кредитной организации есть способ избежать морального чувства долга (Юдин, 2015): «...императив освобождения от обязательств, который движет потребительским кредитованием, предполагает перевод всех обязательств в количественную (и в конечном счете денежную) форму. Благодаря этому долги лишаются элемента морального давления, ведь должник знает, что каждая минута невозвращенного долга оплачивается им по установленной цене и не содержит ни капли щедрости кредитора. Будучи исчисленным, обязательство содержит условия своего прекращения, условия выхода из отношения» (Юдин, 2015, с. 40).

По результатам оценок экспертов, должники по сравнению с заемщиками, выполняющими свои обязательства, оцениваются по методике «Личностный дифференциал» более негативно. По личностным чертам «Короткого портретного опросника Большая пятерка» получены достоверные различия по всем шкалам. Гипотеза об оценке экспертами должников по личностным чертам как лиц с большей экстраверсией и доброжелательностью и меньшей сознательностью подтвердилась для сознательности и была отклонена для двух других личностных черт.

Выводы

Заемщики обладают более высоким уровнем финансовой грамотности: лучше ориентируются в накоплении процентов по кредиту

и менее склонны к аверсивному долговому поведению. Они более сознательны, рациональны, склонны полагаться на собственный потенциал в ситуации неопределенности. Более доброжелательны.

Достоверные различия между заемщиками, выполняющими свои долговые обязательства в полном объеме, и теми, кто имеет просрочки платежей, есть только в области финансовой и юридической грамотности. Плательщики являются более финансово грамотными, а должники лучше осведомлены о том, в какой степени закон защищает их от коллекторов.

Респонденты, предпочитающие займы у друзей и родственников, характеризуются более положительным отношением к долгу, перекалыванием ответственности за возврат долга на третьих лиц и внешние обстоятельства, нежеланием тратить время на расчеты и поиск более дешевого займа. В случае каких-либо поступков, ведущих к чувству вины, они не склонны предпринимать действия по исправлению ситуации и, следовательно, обладают менее выраженным чувством долга.

Литература

- Лебедев А. Н.* Проблемы патриотического воспитания студентов российского вуза // Гуманитарные науки. Вестник финансового университета. 2014. № 2 (14). С. 60–69.
- Макогон И. К., Ениколопов С. Н.* Апробация методики измерения склонности к переживанию чувств вины и стыда (GASP) // Вопросы психологии. 2014. № 4. С. 1–8.
- Мужичкова Ю. Е.* Психология обыденных представлений о долгах и кредитах // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2015. № 4. С. 37–44.
- Юдин Г. Б.* Моральная природа долга и формирование ответственного заемщика // Вопросы экономики. 2015. № 3. С. 28–45.
- Achtziger A., Hubert M., Kenning P., Raab G., Reisch L.* Debt out of control: The links between self-control, compulsive buying and real debts // Journal of Economic Psychology. 2015. № 49. P. 141–149.
- Amar M., Ariely D., Ayal Sh., Cryder C., Rick S.* Winning the battle but losing the war: The Psychology of Debt Management // Journal of Marketing Research. 2011. V. XLVIII (Special Issue 2011). P. 38–50.
- Brown S., Taylor K.* Household finances and the “Big five” personality traits // Journal of Economic Psychology. 2014. № 45. P. 197–212.

М. А. Гагарина

- Gathergood J.* Self-control, financial literacy and consumer over-indebtedness // *Journal of Economic Psychology*. 2012. № 33. P. 590–602.
- Lea S. E. G., Webley P., Walker C. M.* Psychological factors in consumer debt: money management, economic socialization and credit use // *Journal of Economic Psychology*. 1995. № 16. P. 681–701.
- Webley P., Nyhus E. K.* Life-cycle and dispositional routes into problem debt // *British Journal of Psychology*. 2001. № 92 (3). P. 423–446.

К вопросу о формах экономической социализации личности: обоснование дифференциации

Т. В. Дробышева

Интерес отечественных и зарубежных специалистов к изучению феномена «экономическая социализация» (ЭС) сформировался в разные исторические периоды¹, однако пик исследований пришелся на 1980–1990-е годы, характеризующиеся социально-экономической динамикой не только в российском обществе, но и во многих восточноевропейских странах. В понимании содержания и структуры ЭС российские исследователи долгое время опирались на работы западных коллег (А. Э. Берти, А. Бомби, К. Е. Варнерид, Дж. Дикинсон, П. Лунт, Б. Дж. Стаси, А. Фернем, К. Ролан-Леви, С. Ли, П. Уэбл и др.). Так, проведенный несколько лет назад одним из авторов статьи анализ отечественных исследований в области ЭС показал, что понимание феномена как частного случая (вида) социализации объединило взгляды разных авторов (Дробышева, 2011; Евдокимова, 2014; Миронова, 2013; и др.). Содержательные различия в трактовках были связаны с тем, какой аспект изучаемого явления выступал в качестве ключевого: более узкий – усвоение (присвоение) элементов экономической культуры (знания, нормы, ценности, образцы поведения, роли, традиции) или более широкий – становление экономического мышления, экономического сознания, экономической культуры и поведения. В любом случае, основные работы как в отечественной, так и в зарубежной экономической психологии долгое время проводились на детях, подростках и учащейся молодежи.

Работа выполнена по Государственному заданию ФАНО № 0159-2018-0003 «Психология коллективного субъекта в изменяющихся условиях совместной жизнедеятельности».

- 1 Об этом подробно изложено в статьях, диссертациях и монографиях многих отечественных исследователей (см.: Т. В. Дробышева, А. С. Евдокимова, А. Л. Журавлев, Т. Ю. Миронова, М. Н. Стельмашук, С. А. Цветков и др.).

жи, что позволило специалистам поставить вопрос о выделении нового научного направления – «экономическая психология развития» (Дробышева, 2017; Дробышева, Журавлев, 2016а; и др.).

Исследования феноменов ЭС, выполненные на взрослых, традиционно относятся к другим разделам экономической психологии, например: психологии денег, психологии бедности и богатства, психологии занятости и безработицы и т. п. Однако за прошедшие годы в области изучения ЭС был накоплен новый фактологический материал, сформировались новые направления исследований, авторские концепции, требующие иного уровня анализа понятийного аппарата ЭС, что определило *проблему* выделения и описания разных форм ЭС. Она связана с поиском специфики формирования и изменения экономического сознания и поведения личности (или группы), факторов и механизмов, их обуславливающих, в разных условиях жизнедеятельности, на разных стадиях ее становления и развития.

Целью данного исследования стало обоснование подхода к выделению форм экономической социализации. Он включает анализ *критериев дифференциации* первичной и вторичной экономической социализации, а также ресоциализации, их содержания, структуры и процессуальных характеристик, указывающих на различия в функциях.

Первичная и вторичная социализация: критерии дифференциации

Впервые подробное описание двух типов социализации было изложено Т. Бергером и П. Лукманом в их работе «Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания» (Berger, Luckmann, 1966). Обосновывая подход к дифференциации первичной и вторичной ЭС как разных форм одного и того же процесса, мы в данной публикации во многом опирались на характеристики рассматриваемых феноменов, предложенных Бергером и Лукманом.

Так, по мнению этих исследователей, благодаря первичной социализации человек становится членом общества, вторичная же социализация позволяет уже социализированному индивиду входить в новые сектора объективного мира. Граница между первичной и вторичной социализацией, по их мнению, определена тем, сформирован или нет в сознании индивида обобщенный образ Другого и всего, что его сопровождает.

Т. е., несмотря на то, что первичная социализация в первую очередь описывается Бергером и Лукманом как период детства, они жестко не проводят границу по возрастному критерию, делая акцент на его качественном содержании. Мы считаем данное замечание существенным для дальнейшего понимания, хотя и относительно условных, но границ между первичной и вторичной ЭС.

Таким образом, в разрабатываемом нами подходе в качестве *критериев дифференциации* первичной и вторичной ЭС принимаются: ведущая роль значимых Других (у Бергера и Лукмана — «значимые другие») и устойчивость конструируемой картины мира экономических отношений в процессе первичной ЭС по сравнению с вторичной. По нашему мнению, в концепции Бергера и Лукмана роль посредников первичной социализации (значимых Других) явно завышена. С нашей точки зрения, сохраняя их высокую значимость, следует говорить об их приоритете как посредников, но не об абсолютном доминировании, принимая при этом возможность проявления самим субъектом первичной ЭС активности, самостоятельности в процессе интернализации¹ им экономических знаний, опыта, норм, ценностей, моделей поведения.

Вторичная социализация в концепции вышеупомянутых авторов представляет собой интернализацию институциональных и институционально обоснованных «подмиров», которые представляют собой «частичные реальности, характеризующиеся нормативными, эмоциональными и когнитивными компонентами» (Бергер, Лукман, 1995, с. 225). Можно сказать: то, что принято и присвоено в процессе первичной социализации, выступает основой процесса вторичной социализации и придает ему специфичный характер и направленность. Также заметим, что, несмотря на парадигмальные различия в подходах к исследованию процессов социализации, данная мысль

1 Используя термин *интернализация*, заметим, что в его понимании мы в большей степени разделяем взгляды А. В. Серого, который считает, что интернализация — это не только сознательное и активное восприятие социальных явлений и объектов, но и активное воспроизводство в своей деятельности принятых на определенном смысловом уровне норм и ценностей (см.: *Серый А. В.* Психологические механизмы функционирования системы личностных смыслов. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2002). С нашей точки зрения, интернализация предполагает не только и не столько восприятие, сколько присвоение воспринимаемой социальной реальности.

согласуется и со взглядами Б. Ф. Ломова, по мнению которого, качества, свойства личности, сформированные на одном этапе социализации, становятся детерминантами на следующем ее этапе (Ломов, 1984; и др.). Сходных воззрений на взаимосвязь процессов первичной и вторичной социализации придерживаются и современные специалисты, занимающиеся проблемами политической, этнической и других видов социализации. К примеру, исследователи в области политической социализации, разделяя взгляды на дифференциацию первичной и вторичной социализации, отмечают специфику каждого процесса, не позволяющую делать перенос выявленных закономерностей о факторах, механизмах, содержании первичной политической социализации на функционирование вторичной политической социализации (Е. Б. Шестопал, Л. Я. Гозман, Ю. А. Левада и др.).

Выделяя специфику вторичной ЭС, мы придерживаемся аналогичных взглядов, а именно: присвоенное на этапе первичной ЭС является основой для вторичной. Продолжая данную мысль, заметим, что и многообразие вариантов вторичной экономической социализации в большинстве своем обусловлено различием вариантов первичной ЭС. Причем, если новая реальность требует трансформации того, что интернализировано в процессе первичной социализации индивида, его вторичная социализация по характеру протекания (эмоциональность, высокая степень идентичности со значимыми Другими, зависимость от них и т. п.) будет схожа с первичной.

Действительно, обращаясь к периоду 1990-х годов, характеризуемому как период «экономической трансформации» российского общества, сложно не вспомнить примеры, когда «новое знание» в области экономики, соответствующие нормы поведения принимались и усваивались взрослым населением практически так же, как детьми и подростками. Однако было и различие, заключающееся в том, что для детей, подростков и юношества в качестве значимых Других выступали их родители, более информированные сверстники, преподаватели основ экономических знаний, СМИ и т. п. В то время как взрослые «учились» всему, непосредственно включаясь в процессы «ваучеризации», «приватизации» и т. п., а иногда «садились за парты», получая экономическое или какое-то другое дополнительное образование, которое увеличивало их шанс на вторичную ЭС в новой социальной реальности. Тем не менее высокий уровень эмоциональности, зависимости от значимых Других (по сути, носителей этой новой реальности) делал сходным характер этих двух процессов.

Приведенный выше пример позволяет поставить вопрос о границе ресоциализации и вторичной социализации. Бергер и Лукман считали, что в ресоциализации «прошлое перетолковывается для того, чтобы оно соответствовало нынешней реальности», в то время как «во вторичной социализации настоящее интерпретируется так, чтобы оно находилось в последовательном взаимоотношении с прошлым» (Бергер, Лукман, 1995, с. 263). Иными словами, основанием для ресоциализации является настоящее, а для вторичной социализации — прошлое (там же). Применительно к процессам *вторичной экономической социализации* можно сказать, что восприятие и присвоение нового знания — экономических представлений, установок, норм экономического поведения, ценностей и т. п. (базирующихся на ранее усвоенном в процессе первичной экономической социализации), не требующего полной трансформации ранее усвоенного, отражает ее специфику. Ситуация, когда многим россиянам требовалось отказаться от усвоенного ранее мира экономических отношений для успешной ЭС в настоящем, в полной мере может быть рассмотрена нами как пример экономической ресоциализации. Все вышеизложенное имеет принципиальное значение для определения критериев не только первичной и вторичной ЭС, но и ресоциализации. Выделение дифференцирующих критериев вторичной ЭС и ресоциализации позволит в дальнейшем выделить ключевые направления в исследованиях каждой из этих форм ЭС.

Основатели социального конструкционизма косвенно указывали на завершение первичной социализации (при условии ее успешного протекания) в период детства. Однако в исследованиях разных видов социализации сдвиг границ по возрастному критерию будет, несомненно, различаться. Так, исследователи профессиональной социализации относят процессы первичной социализации к периоду обучения в вузе (Л. В. Мурзагалина и др.), а некоторые специалисты в области политической, гражданской, правовой социализации рассматривают этот же период уже как условие вторичной социализации (П. Б. Савинов, Т. В. Якушенко и др.).

С нашей же точки зрения, социализация в сфере экономических отношений требует от ее субъекта высокого уровня обобщения познаваемого, что позволяет говорить о совокупности критериев дифференциации первичной и вторичной ЭС. Их совокупность подробно изложена в более ранних наших публикациях (Дробышева, Журавлев, 2016а, б и др.)

**Первичная и вторичная экономическая социализация:
сравнительный анализ феноменов в разных подходах
к их исследованию**

Наиболее распространенные взгляды на ЭС в трактовках зарубежных исследователей (К. Е. Варнерид, А. Фернэм, П. Лунт, П. Уэбли, С. Ли, К. Ролан-Леви и др.) основаны на том, как понимается индивидом мир экономики, как происходит усвоение им экономических знаний, элементов экономической культуры (в первую очередь ценностей и норм), соответствующего опыта, приобретение навыков экономического поведения и т. п. или как он конструирует экономическую картину мира и как впоследствии проявляет усвоенное в своем экономическом поведении (сберегательном, инвестиционном, потребительском, обменном и т. д.), активно включаясь в систему экономических отношений общества. В зависимости от теоретического подхода (структурно-генетический, социально-конструкционистский и т. п.) в качестве *показателей успешной ЭС* авторами рассматриваются: сформированность базовых элементов экономического сознания или способность принимать решения в конкретных ситуациях, связанных с потреблением, сбережением, обменом; степень осведомленности или понимания (к примеру, в рамках модели психического) тех экономических явлений или объектов, с которыми индивид сталкивается в своей жизни, и т. п. Такие подходы основаны на исследованиях экономического сознания и поведения детей, подростков, учащейся молодежи, которые и составляют содержание соответствующего раздела зарубежной экономической психологии. Можно утверждать, что в данном случае речь идет о *первичной ЭС личности*.

Аналогичные взгляды на ЭС разделяют и те отечественные авторы, которые в определении феномена также акцентируют внимание на первичной социализации: процесс усвоения и воспроизводства индивидом экономической культуры, системы экономических связей и отношений в обществе, становления и развития экономического сознания и экономического поведения личности (Евдокимова, 2014); процесс и результат вхождения в систему экономических отношений, формирование экономического сознания путем усвоения экономических норм, ценностей и установок, реализующихся на основе смены детерминант и характеризующихся нелинейностью динамики (Миронова, 2013). Экономическая социализация рассматривается и как процесс становления экономического мыш-

ления, экономического сознания, экономической культуры и поведения (Козлова, 1998). Близкие по содержанию трактовки феномена встречаются и в публикациях других авторов (И. В. Ермаковой, З. Г. Хановой, О. С. Посыпановой, Н. В. Азарёнок и др.).

Таким образом, для приведенных определений первичной ЭС характерно: во-первых, указание на приобретение (или усвоение) знаний об экономике, навыков, моделей поведения и установок относительно мира экономики; ее понимание как процесса освоения (усвоения) экономических ролей, норм и ценностей как элементов экономической культуры. Во-вторых, рассмотрение ЭС как процесса формирования (анализируются внешние воздействия) либо становления и развития экономического сознания, мышления, экономического поведения. Данные дефиниции можно было бы отнести к универсальным, т. е. без уточнения — первичная или вторичная ЭС. Однако акцент на процессах формирования или становления все же указывает на первичный характер ЭС в данных определениях.

В последние годы в отечественной экономической психологии появились дефиниции ЭС, прямо или косвенно указывающие либо на ее *понимание как вторичной*, либо на *разделение функций первичной* (усвоение, присвоение) и *вторичной* (воспроизводство) ЭС. К примеру, ЭС определяется «как специфическая часть общего двустороннего социализационного процесса, включающая в себя, с одной стороны, усвоение человеком социально-экономического опыта благодаря вхождению в систему экономических связей и отношений, а с другой — воспроизводство им системы этих связей и отношений за счет активной деятельности (*экономической активности, профессионально-трудовой деятельности*)» (Дубовская, Кораблинов, 2013, с. 6). Поскольку в этом определении усвоение социально-экономического опыта не ограничено (общее или частичное), а его воспроизводство рассматривается в контексте экономической активности (форма участия человека в общественном производстве. — *Т. Д., А. Ж.*), профессионально-трудовой деятельности, то можно сказать, что данная трактовка ЭС включает две ее *стадии* — первичную и вторичную. Другим примером данного подхода является определение, содержание которого, с одной стороны, как и в ранее приведенных, указывает на первичность ЭС: «процесс усвоения и воспроизводства индивидом системы экономических связей и отношений в обществе, становления и развития форм экономического сознания и поведения личности» (Цветков, 2011, с. 30). С другой стороны, конкре-

тизируя это определение, автор уточняет, что под экономическим поведением он понимает «активность хозяйствующего субъекта, проявляющуюся в сфере производства, воспроизводства, обмена и потребления благ» (там же, с. 31–32). В таком случае можно предположить: либо автор пытается в одном определении охватить все стадии ЭС, либо речь идет о технике формулировки понятий в таком стиле, (когда дефиниция предназначена для одного ракурса исследования ЭС, а к ней затем «прикладываются» уточнения, предназначенные для другого аспекта ЭС).

Итак, с одной стороны, в вышеприведенных дефинициях отсутствуют признаки того, что усвоенное или присвоенное экономическое знание, опыт и элементы экономической культуры могут быть реализованы в экономическом поведении детей, подростков, молодых людей, которые еще не заняты в производстве товаров и услуг, но являются активными потребителями, участвуют в процессах сбережения и обмена и т. п. Иными словами, в определениях присутствует ограничение ЭС по критерию первичность/вторичность. С другой стороны, такой ракурс понимания исследователями феномена ЭС снимает традиционные для более ранних подходов возрастные границы и косвенно указывает на ее вторичный характер.

Еще один подход к трактовке ЭС связан с попыткой авторов сделать акцент на актуальной ситуации развития личности на *стадии перехода от первичной к вторичной ЭС*. По мнению исследователей, она способствует приобретению молодыми людьми полезных для социальной адаптации знаний о реальной жизни, развитию соответствующих ценностей, овладению экономическим мышлением и нормативными навыками хозяйственной деятельности (Константиновский и др., 2010). Содержательно близкое к этому, но более развернутое определение ЭС учащейся молодежи в концепции Р. М. Шайдулиной включает: «процесс усвоения молодыми людьми социально-экономического опыта (знаний, умений, ценностей); формирование компетентной личности, способной не только к эффективной деятельности по специальности, конкурентоспособной на рынке труда, но и обладающей экономически значимыми качествами, мобильностью, с целью оптимального включения после окончания вуза в систему социально-экономических отношений, их успешной адаптации к изменяющимся в результате научно-технического прогресса производственно-экономическим условиям и интеграции в динамичную рыночную среду» (Шайдулина, 2014, с. 15).

Два последних примера трактовок ЭС личности, по нашему мнению, наглядно демонстрируют желание авторов зафиксировать в дефинициях показатели *психологической готовности личности к переходу от первичной к вторичной ЭС*. Конечно, в данных определениях также присутствуют ограничения, к примеру, по возрастному критерию или по времени реализации присвоенного ранее экономического опыта, знаний и т. п. в экономическом поведении, в экономической деятельности. Однако такой взгляд на ЭС позволяет исследователям обозначить границу перехода от первичной к вторичной ЭС, выделить критерии и показатели этой готовности.

Обоснование подхода к выделению форм экономической социализации

Возвращаясь к определению изучаемого феномена, следует сформулировать авторскую позицию в понимании ЭС, которая трактуется как *процесс и результат включения индивида в систему экономических отношений общества, благодаря чему он становится субъектом экономических отношений*. Присваивая социально-экономический опыт (овладевая им), элементы экономической культуры (нормы и правила, ценности и идеалы, традиции и т. п.), а также преобразуя их в собственные установки, ценности, нормы экономического поведения, индивид становится *субъектом* экономических отношений данного общества. В процессе ЭС человек не только овладевает объективированным опытом. Взаимодействуя с окружающими людьми и социальными институтами, он получает собственный социально-экономический опыт, а воспроизводство присвоенного проявляется в разных направлениях его активности. Речь здесь идет не только об экономической активности, но и общей активности в экономическом поведении.

Поскольку приведенное выше определение претендует на универсальный характер, то можно заметить, что специфика первичной либо вторичной ЭС может быть раскрыта посредством выделения особенностей содержания, структуры, а также их обуславливающих факторов и механизмов. Данная специфика предполагает существование разных форм ЭС.

Так, в контексте *первичной ЭС* имеется в виду рассмотрение личности как субъекта не экономической деятельности, а экономического поведения, т. е. речь идет о субъекте, характеризуемом прояв-

лением активности, связанной с распоряжением ограниченными ресурсами, включенном в экономические отношения потребления, обмена, сбережения. Присвоение элементов экономического опыта и культуры на стадии первичной ЭС носит сплошной характер. Содержанием *вторичной* ЭС является интернализация *нового* экономического знания, экономического опыта, элементов экономической культуры (ценностей, норм, традиций и т. п.), образцов экономического поведения и последующая адаптация личности к изменившимся социально-экономическим условиям в развитии общества либо изменившимся экономическим условиям жизнедеятельности самого человека.

Рассматривая специфику процессов социализации, А. В. Мудрик выделяет стихийную, относительно направляемую и относительно социально контролируруемую социализацию, понимая их как составляющие социализации в целом (Мудрик, 2013). Все три составляющие социализации, в подходе Мудрика, представляют собой области взаимодействия человека и социализирующих агентов (от друзей, семьи, родителей — до школы, государства, властных структур и т. п.). Все эти области взаимодействия характеризуются временными показателями: стихийная, к примеру, продолжается в течение всей жизни человека, две другие — парциально, в разные периоды его жизни.

Близкое по смыслу понимание процессов социализации обнаруживается в работах К. К. Платонова, который определял три пути формирования личности в процессе ее социализации: стихийный, целенаправленный и самоформирование (Платонов, 1986). По его мнению, роль целенаправленных внешних воздействий, осуществляемых с помощью обучения и воспитания, а также роль самоформирования (оно включает и саморегуляцию поведения) заключается в «регуляции стихийных воздействий (сверстников, улицы, референтных групп, СМИ и т. п.) на личность в нужном направлении» (там же, с. 234). Продолжая его мысль, можно предположить, что, чем старше человек, тем в большей степени его развитие определяется процессами самоформирования.

В любом случае в условиях и первичной, и вторичной ЭС присвоение экономического опыта, элементов экономической культуры, знаний и т. п. реализуется в процессах как стихийного, неконтролируемого, так и целенаправленного воздействия, включая самоформирование. Однако соотношение этих процессов в рамках первичной и вторичной ЭС будет различаться. В условиях вторич-

ной ЭС возрастает роль самоформирования во взаимосвязи с целенаправленными внешними воздействиями (обучение новым знаниям, формирование новых навыков, стилей поведения, позволяющих адаптироваться к новым социально-экономическим условиям жизни). Говоря об экономической ресоциализации, можно предположить, что здесь будет наблюдаться воздействие всех трех ее составляющих. Таким образом, стихийные и контролируемые процессы ЭС, а также самоформирование могут рассматриваться как *динамические характеристики ЭС*. Их соотношение в пространстве первичной, вторичной ЭС и ресоциализации различается.

Итак, анализируя содержание и структуру¹, а также процессуальные характеристики первичной и вторичной ЭС (процесс ресоциализации в данной статье глубоко не анализируется), можно сделать вывод о том, что существует устойчивое сочетание признаков первичности, вторичности и даже повторяемости (как в случае ресоциализации) процессов ЭС, которые позволяют рассматривать их как разные ее формы.

Однако существуют и другие подходы к выделению форм социализации. Так, опираясь на выделенные Платоновым аспекты социализации, С. А. Цветков выделяет «базовые формы социализации»: *стихийную* — «процесс социализации, имеющий ситуативный характер (через общение в семье, в различных неплановых социальных группах, через СМИ», *целевую* — «плановый процесс социализации, реализуемый через различные социальные институты...» и *саморазвитие* — «самоорганизация личности на основе имеющегося опыта и значимых ориентиров развития...» (Цветков, 2011, с. 33–34). Автор не раскрывает основания, по которым он выделяет данные формы, отсутствуют и развернутые аргументы в пользу данной концепции. Тем не менее сам факт введения термина «базовые формы социализации» представляет интерес для исследователей. К примеру, можно говорить о таких базовых формах ЭС, как первичная, вторичная и ресоциализация. В той же работе Цветков утверждает, что существуют такие варианты социализации, как *добровольная* и *вынужденная*, ко-

1 К примеру, в первичной ЭС выделяются познавательный, ценностно-нормативный и поведенческий компоненты. Эмоциональные переживания имманентно включены в каждый компонент. Вторичная ЭС включает познавательный, ценностно-нормативный, эмоциональный и поведенческий, т.е. эмоциональные переживания выделяются в самостоятельный компонент.

торые, с нашей точки зрения, имеют больше шансов на определение их как форм (или видов) ЭС. К примеру, вторичная экономическая социализация может протекать как в добровольной, так и в вынужденной формах. Их различие может быть построено на объективных (изменение экономического статуса в связи с потерей работы или адаптация к новым электронным формам денежных платежей и т. п.) и/или субъективных (например, субъективное восприятие своего экономического статуса как очень низкого) основаниях.

Питер Штомпка ввел понятие *«предвосхищающая социализация»* имея в виду, что она может быть реализована в ситуации, когда тот или иной человек еще не включен в ту группу, членом которой он хочет быть. Однако он начинает заранее готовиться к тому, чтобы стать одним из членов этой группы (Штомпка, 2005). Применительно к ЭС такая форма социализации представляется весьма распространенной. К примеру, человек, который хочет принадлежать к группе богатых людей начинает подражать стилю и образу жизни богатых, их внешнему оформлению социального облика, стремится к тем же формам досуга и времяпрепровождения и т. п. Такая форма экономической социализации наиболее характерна для молодежи, причем, как правило, незрелой в социальном и личностном плане. Вспоминая 1990-е годы, нулевые годы XXI в., когда прилавки российских рынков и магазинов были заполнены дешевыми подделками товаров дорогих европейских торговых марок, можно припомнить факты аналогичного поведения и взрослых людей. Однако возможна не только негативная, но и позитивная реализация предвосхищающей формы ЭС. Важную роль здесь будут играть процессы самоформирования. Результатом такой формы ЭС станет не мимикрия, а объективное достижение человеком высокого экономического статуса за счет повышения образования и самообразования, экономической и трудовой активности.

Еще одна форма социализации, описанная Штомпкой, – *«обратная социализация»* (там же). Она построена в контексте концепции М. Мид о префигуративной культуре, которая, по нашему мнению, отражает состояние современного общества. Оно характеризуется высокой степенью неопределенности, радикальностью и интенсивностью изменений. В связи с чем «новые культурные влияния... распространяемые главным образом с помощью средств массовой информации... проникают в молодежную среду, захватывают молодое поколение, минуя родителей и учителей, а порой даже вопреки

их установкам и советам» (Штомпка, 2005, с. 421). В результате меняется вектор социализации. Не родители являются носителями нового, а дети транслируют элементы новых знаний и опыта родителям. К примеру, в условиях вторичной ЭС такая форма социализации успешно может быть реализована в направлении приобщения современных родителей к новым формам денежных платежей и электронных денег (криптовалюте). Их принятие молодежью в условиях первичной ЭС внутренне менее конфликтно, в то время как старшее поколение пока отвергает саму возможность их применения (исключения составляют профессиональные группы).

Конечно, формы первичной и вторичной ЭС зависят от социальных условий (кризисные/стабильные, определенные/неопределенные, прогнозируемые/непрогнозируемые), а также от совокупности факторов, ее обуславливающих. Например, можно выделить две формы (подформы) вторичной ЭС в зависимости от уровня анализа факторов. На *макросоциальном* уровне исследуются социально-психологические, экономико-психологические эффекты макроэкономических, макросоциальных изменений в обществе и аналогичных явлений политической жизни. Объектом таких исследований часто становятся представители больших социальных групп. *Микросоциальный* уровень анализа вторичной ЭС связан с исследованиями изменений в жизнедеятельности конкретного человека или социальной группы.

Еще один вариант выделения форм ЭС обусловлен доминированием стихийных либо целенаправленных процессов социализации. Таким образом, можно дифференцировать *институциональную и неинституциональную формы первичной ЭС*.

Заключение

Завершая анализ, заметим, что описанные разными авторами формы социализации построены на основе специфичной *функции*, указывающей на особенности протекания процессов социализации. Выделенные нами критерии дифференциации первичной и вторичной ЭС, а также ресоциализации, различия в трактовках первичной и вторичной ЭС, прямо или косвенно указывающие на их разные функции (первичная ЭС – приобщение к экономической культуре и экономическому опыту; вторичная – интернализация только нового опыта, элементов экономической культуры в изменяющейся

социальной среде), позволяют утверждать возможность принятия выше перечисленных форм ЭС как «базовых» по отношению к другим: превосходящей, обратной, институциональной, неинституциональной, вынужденной, добровольной и т. п.

В перспективе развития данного направления исследований требуется более глубокий анализ структурных компонентов базовых форм ЭС, признаков успешности/неуспешности ЭС в каждой из выделенных форм.

Литература

- Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: Академия-Центр—Медиум, 1995.
- Дробышева Т. В.* Современное состояние и проблемы исследования экономической социализации в отечественной науке // Психология в экономике и управлении. 2011. № 1. С. 55–61.
- Дробышева Т. В.* Вторичная экономическая социализация: критерии дифференциации и проблемы исследования // Вестник университета Российской академии образования. 2017. № 4. С. 43–49.
- Дробышева Т. В., Журавлев А. Л.* Система факторов экономического сознания в условиях вторичной экономической социализации личности и группы // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 2. С. 207–232. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document223.pdf> (дата обращения: 30.08.2018).
- Дробышева Т. В., Журавлев А. Л.* Динамика экономического сознания: факторы вторичной экономической социализации // Экономическая психология: прошлое, настоящее, будущее. 2016. № 3–2. С. 129–135.
- Дубовская Е. М., Кораблинов Р. А.* Экономическая социализация в транзитивном обществе // Социальная психология и общество. 2013. № 4. С. 5–21.
- Евдокимова А. С.* Социально-психологические факторы экономической социализации личности: Дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2014.
- Козлова Е. В.* Психологические особенности экономической социализации на разных этапах детства: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1998.
- Константиновский Д. Л., Вознесенская Е. Д., Чередниченко Г. А., Хохлушкина Ф. А.* Жизненные траектории молодежи: 10 лет спустя: Со-

- психологическое исследование. М.: Институт социологии РАН, 2010.
- Ломов Б. Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
- Марцинковская Т. Д.* Проблема социализации в историко-генетической парадигме. М.: Смысл, 2015.
- Миронова Т. Ю.* Социально-психологические особенности экономической социализации подростков и юношей. Курск, 2013.
- Мудрик А. В.* Социализация человека. М.—Воронеж: НПО «Модэк», 2011.
- Платонов К. К.* Структура и развитие личности. М.: Наука, 1986.
- Шайдулина Р. М.* Педагогическое проектирование системы экономической социализации будущих инженеров на этапе вузовского обучения: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Уфа, 2014.
- Штомпка П.* Социология. Анализ современного общества. М.: Логос, 2005.
- Цветков С. А.* Психологическая проблема экономической социализации и ресоциализации незанятого населения в России конца XX—начала XXI века. Владимир, 2011.
- Berger P. L., Luckmann T.* The social construction of reality. A treatise in the sociology of knowledge. Garden City: Anchor Books, 1966.

Социально-психологические свойства личности в разных условиях ранней социализации в семье — с наемным работником (няней) и без него

Т. В. Дробышева, М. А. Романовская

Формирование свойств личности на разных стадиях ее социализации связано с выявлением системы факторов формирования, становления и развития личности как субъекта социальных отношений. Проблемы ранней социализации в семье являются предметом исследований специалистов разных отраслей психологии. Ими накоплен фактологический материал, подтверждающий гипотезу о том, что условия социального развития ребенка в раннем возрасте определяют специфику его социализации на следующем этапе его развития (С. П. Акутина, М. А. Василенко, С. Ю. Мещерякова, О. Е. Смирнова, Д. И. Фельдштейн, Э. Эриксон и др.). Роль матери и отца, родителей (вместе), а также бабушек, включенных в процесс воспитания ребенка в семье на стадии ранней социализации, рассматриваются в психологических исследованиях в контексте формирования и развития качеств и свойств личности ребенка, его способностей, черт характера, интеллекта, отношения к отцу или матери и т. п. (Ю. В. Борисенко, Г. А. Виленская, О. Г. Калина, И. С. Клещина, Е. А. Сергиенко, Т. Н. Тихомирова, А. Б. Холмогорова и др.). Особое внимание здесь уделяется вопросам материнской привязанности (М. А. Василенко, Е. О. Смирнова, Р. Ж. Мухамедрахимов, И. А. Фурманов, А. Б. Холмогорова и др.). Однако психологические эффекты включенности в семью наемного работника, оказывающего профессиональные услуги по уходу за ребенком раннего возраста (с рождения до 3 лет), ранее не изучались. С нашей же точки зрения, выявление этих эффектов имеет важное значение для понимания роли значимого Другого, не связанного узами родства, но частично выполняющего функции матери. По нашему мнению, профессиональ-

Исследование проведено по Государственному заданию № 0159-2018-0003 «Психология коллективного субъекта в изменяющихся условиях совместной жизнедеятельности».

ное взаимодействие няни с воспитанником раннего возраста может изменять содержание и направленность его социализации на следующих стадиях развития и проявляться в общении и взаимодействии ребенка со сверстниками. Психологическим основанием такого взаимодействия являются проявления социально-психологических свойств личности, которые начинают формироваться в условиях семьи с момента рождения ребенка.

Проблема исследования социально-психологических свойств личности и их факторов на стадии ранней социализации в семье с наемным работником обусловлена, с одной стороны, неразработанностью понятия «социально-психологические свойства личности», отсутствием его операционализации, с другой стороны – многообразием подходов к изучению факторов, условий, детерминации развития психики и поведения, личности ребенка в семье.

В данной работе социально-психологические свойства личности рассматриваются как устойчивые психические явления, которые характеризуют личность как субъекта социальных отношений. Они формируются и проявляются во взаимоотношениях с окружающими людьми в процессе общения, познания, деятельности. Личность представляет собой единство индивидуальных, типических и социально-психологических характеристик и свойств. Социальная среда определяется свойствами и характеристиками личности. Основанием для выделения социально-психологических свойств личности выступает характер взаимодействия личности с социальной действительностью. Совокупность этих видов взаимодействия определяет и совокупность социально-психологических свойств.

В связи с этим в качестве предмета исследования нами были выделены следующие свойства: *активность, направленность на взаимодействие, эмпатия и самостоятельность* (как автономность, независимость).

В нашей работе изучение условий социализации в семье включает анализ системы факторов, обуславливающих формирование и развитие личности. Опираясь на концепцию системной детерминации Б. Ф. Ломова (1984) была сформирована модель исследования факторов социально-психологических свойств личности в разных условиях ранней социализации в семье (с наемным работником и без него).

Следуя положениям концепции Ломова, согласимся с тем, что последовательно сменяющие друг друга детерминанты определяют процесс социального развития личности. Каждый следующий

этап развития предопределен внешними и внутренними факторами предыдущего этапа. Считаем, что изучаемые нами социально-психологические свойства формируются в процессе взаимодействия личности с субъектами социального окружения, в первую очередь близкими (родителями), и реализуемы во взаимодействии с другими. Они связаны с личностными характеристиками: уровнем самооценки, уровнем притязаний, уровнем ситуативной тревожности, которые обуславливают проявление изучаемых нами социально-психологических свойств во взаимодействии детей со сверстниками.

В качестве *социально-психологического эффекта* социализации детей из семей с наемным работником изучалась выраженность их социально-психологических свойств. Одной из *причин* изучаемого эффекта выступили *стратегии профессионального взаимодействия* наемного работника (няни), осуществляемые им в общении с воспитанником. Как *другая причина* выраженности социально-психологических свойств данных детей будет рассмотрена *психологическая готовность матери* перенести на няню свои функции по уходу за ребенком (от рождения до 3 лет), а иногда и по формированию материнской привязанности. Обе причины (стратегии няни и психологическая готовность мамы к переносу своих функций) образуют *комплексную причину* изучаемого эффекта (выраженность социально-психологических свойств личности детей). В качестве *внутренних факторов* социально-психологических свойств выступили личностные характеристики детей, сформированные к актуальному этапу их развития. Речь идет о ситуативной тревожности, самооценке и уровне притязаний. Также в модель исследования включили социометрический статус детей в группе, опыт общения с сиблингами и фактор половой принадлежности детей.

Целью исследования стало выявление и последующий анализ выраженности социально-психологических свойств личности в зависимости от условий ранней социализации в семье, т. е. с наемным работником, частично выполняющим функции матери по уходу за ребенком, и без него.

Основная гипотеза: Выраженность социально-психологических свойств личности детей зависит от условий ранней социализации в семье. В семьях с наемным работником уровень проявления детьми направленности, самостоятельности, эмпатии, активности во взаимодействии со сверстниками ниже, чем в семьях без няни.

Описание выборки

В исследовании принимали участие дети дошкольного возраста от 4,5 до 6 лет (82 чел.), а также мамы этих дошкольников (82 чел.) и их няни (41 чел.). Общий объем выборки – 205 чел. Все дети были разделены на две группы (по 41 чел.) по критерию наличие/отсутствие няни в семье (с рождения до 3 лет). Дети, воспитывающиеся в раннем возрасте в семье с няней, были отнесены к экспериментальной группе (далее – группа 1); дети, не имевшие в раннем возрасте няни, вошли в контрольную группу (далее – группа 2). Обе группы были выровнены по численному составу, уровню материального достатка (средний, выше среднего, высокий), составу семьи (полная), полу (поровну мальчики и девочки). В группу 1 были отобраны дошкольники, которые воспитывались в семьях с нянями с рождения и до 3 лет при условии полной рабочей недели наемного работника в семье (не менее 46 ч.).

Методы и методики исследования

Блок методик для детей. Для выявления выраженности социально-психологических свойств (активности, направленности, самостоятельности, эмпатии) личности детей, проявляемых ими во взаимодействии со сверстниками, применяли: метод стандартизированного наблюдения в группе, проективную методику Рене Жиля («Фильм-тест»), метод экспериментальной ситуации «Игра в мозаику» (авторы Е. О. Смирнова, В. М. Холмогорова). Способность проявлять эмпатию во взаимодействии со сверстниками измеряли с помощью методики «Незаконченные истории» (авторы Е. О. Смирнова, В. М. Холмогорова). Для выявления особенностей распознавания эмоциональных состояний других применяли методику «Эмоциональные лица» (автор Н. Я. Семаго). Изучение направленности интересов и желаний осуществляли с помощью методики И. М. Витковской «Цветик-семицветик».

Для выявления личностных характеристик детей применяли: метод социометрии (социометрический статус в группе), методику «Лесенка» (автор В. Г. Щур) (уровень самооценки), а также «Тест тревожности» (авторы Амен, Темпл, Дорки) (уровень ситуативной тревожности). С целью измерения уровня притязаний использовали методику «Конверты» (авторский вариант методики «Изучение уров-

ня притязания детей в различных видах деятельности» Г. А. Урунтаевой, Ю. А. Афонькиной).

Блок методик для мам. Анализ психологической готовности мам к переносу своих функций на няню проводился с опорой на следующие методы: авторская анкета, ориентированная на выявление представлений мамы о процессе воспитания ребенка; сочинение «Мой ребенок», методика изучения детско-родительских отношений «АСВ» (автор Э. Г. Эйдемиллер, В. В. Юстицкис). Дополнительно применяли: методику ценностных ориентаций Е. Б. Фанталовой, тест Т. Элерса «Мотивация достижений».

Блок методик для нянь. Для выявления стратегий профессионального взаимодействия нянь с воспитанниками и их родителями применяли: авторский опросник и модифицированный вариант методики «Незаконченные предложения».

Методы статистического анализа соответствовали поставленным в работе задачам. В работе применяли: дескриптивную статистику, частотный и медианный, дискриминантный анализ; различия выявляли по Н-критерий Краскела–Уоллиса, Манна–Уитни; взаимосвязи анализировали по критерию Спирмена (все при $p \leq 0,05$).

Анализ текстов мини-сочинений осуществлялся с помощью контент-анализа. Матрица включала 5 категорий и 3 подкатегории. В качестве индикаторов выступили слова и словосочетания.

Результаты эмпирического исследования

Сравнительный анализ выраженности социально-психологических свойств личности детей из семей с наемным работником и без него

На первом этапе основного исследования выявляли различия (по критерию Манна–Уитни при $p \leq 0,05$) в выраженности социально-психологических свойств (направленность, эмпатия, активность, самостоятельность) личности у детей из семей с наемным работником (няней) (группа 1) и без няни (группа 2). Для более точного анализа выделенных различий в дальнейшем применяли дискриминантный анализ. Его результаты показали следующее. Две группы респондентов различаются по набору переменных ($\lambda = 0,785$; $\chi^2 = 17,04$; $p \leq 0,014$), указывающих на проявление: эмпатии во взаимодействии со сверстниками; характера направленности (на себя/на другого); выраженности самостоятельности/зависимости детей от взросло-

го, активности/пассивности детей в разных ситуациях взаимодействия со сверстниками.

В дискриминантную функцию вошли следующие переменные (все с положительным знаком). Это несколько *параметров оценки эмпатии*: адекватность восприятия эмоций сверстника, предпочитаемые формы помогающего поведения, чувствительность к сверстнику; *параметры оценки направленности*: модус направленности (эгоизм/альтруизм), оценка действий партнера по взаимодействию; один *параметр оценки самостоятельности*: привлечение внимания взрослому в разных ситуациях взаимодействия со сверстниками; один *параметр оценки активности*: степень вовлеченности во взаимодействие со сверстниками. В результате анализа получено 92,2% правильно классифицированных случаев. Из числа испытуемых 1-й группы 4 человека были ошибочно отнесены ко 2-й группе и 2 человека из 2-й группы по значениям вышеперечисленных переменных также ошибочно были приписаны к 1-й группе.

Результаты *медианного анализа показателей свойств*, различающихся в двух группах, продемонстрировали следующее. У детей из 1-й группы (семьи с наемным работником) *выраженность эмпатии* во взаимодействии с другими детьми характеризуется реакциями сопереживания сверстнику, неадекватными ситуациями взаимодействия (79%), проявлением провокационной и прагматической помощи (73,6%), а также негативной реакцией на успех сверстника (60,5%). В то время как дети из 2-й группы (воспитывавшиеся в семьях без няни), наоборот, демонстрировали адекватное ситуации взаимодействия сопереживание сверстникам (86,8%), чаще позитивно реагировали на успех сверстника (63%) и предпочитали искренне помогать другим детям в сложившихся ситуациях взаимодействия (63%).

Аналогичный анализ выраженности показателей *направленности* на партнера/себя во взаимодействии со сверстниками показал, что большая часть детей из группы 1 в разных ситуациях взаимодействия с партнером предпочитает такие стратегии, как «избегание» («уход») (60,5%) и меньшая их часть – «сотрудничество» (39,5%). Большая часть респондентов из группы 2, наоборот, во взаимодействии со сверстниками предпочитает стратегии «сотрудничество» и «компромисс» (71%), а меньшая их часть – «избегание» (29%). Выявили, что в процессе игрового взаимодействия дети из группы 1 чаще демонстрируют направленность на свои интересы, чем дру-

гого (68,4%), а их сверстники из группы 2 – на интересы партнера по взаимодействию (76,3%).

Интересно, что статистически значимые различия были обнаружены по одному из параметров оценки *самостоятельности* – зависимость/независимость от взрослого. Обнаружено, что зависимость детей от взрослого в ситуациях взаимодействия со сверстниками в группе 1 существенно выше (71%), чем в группе 2 (47,3%). При этом респонденты из 1-й группы (29%) реже, чем дети из 2-й группы (52,6%), проявляют инициативу во взаимодействии с другими детьми и реже выступают в роли организатора совместной деятельности (47,3% и 55%).

Таким образом, социально-психологические свойства личности детей дошкольного возраста, проявляемые ими во взаимодействии со сверстниками и формирующиеся в разных условиях ранней социализации, т. е. в семье с наемным работником (няней) и без него, отличаются по выраженности семи из семнадцати заявленных в анализе показателей эмпатии, направленности, самостоятельности и активности личности. В 1-й группе респондентов обнаружены трудности в проявлении респондентами эмпатии как на уровне адекватности восприятия эмоций другого, так и на уровне оказания помощи сверстнику, проявления чувствительности по отношению к нему. Эгоистическая направленность данных детей на себя, свои интересы в процессе взаимодействия со сверстниками связана с негативными (иногда демонстративными) оценками действий и личности партнера по взаимодействию. Данные дети компенсируют проблемы взаимодействия со сверстниками усиленным привлечением внимания взрослого (воспитателя, помощника воспитателя в детском саду), ситуации взаимодействия с которым для них более привычны (перенос сложившихся отношений с няней).

Напомним: данные пилотажного исследования показали, что именно няни (независимо от типа профессионального взаимодействия), выступающие посредниками в отношениях своих воспитанников со сверстниками на этапе ранней социализации, не считают формирование эмпатии, альтруизма и т. п. своей профессиональной задачей. По их мнению, этим должны заниматься родители. Однако мамы, принимающие няню в семью, считают, что няня должна знакомить ребенка с правилами поведения в обществе, но не должны образовывать с ребенком эмоциональную привязанность.

Социально-психологические свойства личности, проявляемые детьми 2-й группы (т. е. воспитывающихся в семьях без няни) в про-

цессе взаимодействия со сверстниками, характеризуются следующим. В возрасте 4–5 лет дети, воспитанные до трех лет в семье без наемного работника, адекватно воспринимают эмоции сверстника, умеют проявлять чувствительность по отношению к нему, в большей степени готовы оказать безусловную, чем прагматическую или провокационную помощь сверстнику. Они чаще проявляют альтруизм во взаимодействии со сверстниками и позитивно оценивают действия и личность партнера по взаимодействию (возможно, это связано с базовым доверием к другому). Данные дети реже обращаются к взрослому как партнеру по взаимодействию, предпочитая группу сверстников, и активно включены в это взаимодействие.

Таким образом, гипотеза о более низком уровне выраженности социально-психологических свойств личности, проявляемых во взаимодействии со сверстниками, в группе детей из семей с наемным работником, чем в группе их сверстников, не имевших няни, подтвердилась.

Резюмируя вышеизложенное, следует заметить, что выраженность всех исследуемых свойств личности, проявляемых детьми в процессе взаимодействия со сверстником (и чужими взрослыми), позволяет нам предположить, что уровень социально-психологической зрелости, характеризуемой по нескольким «специфичным признакам» (см. Журавлев, 2007), в 1-й группе детей ниже, чем во 2-й группе. Говоря о признаках социально-психологической зрелости личности на этапе ее первичной социализации, мы предположили, что критерии зрелости могут быть измерены в четырехвекторной системе координат: «направленность на себя – на другого», «автономность, самостоятельность – зависимость», «способность к эмпатии» (в дошкольном возрасте «сопереживание – равнодушие»), «активность – пассивность». Все они характеризуют особенности взаимодействия ребенка со сверстниками и значимыми взрослыми в условиях межличностного общения.

Анализ взаимосвязи социально-психологических свойств и личностных характеристик детей из семей с наемным работником

Поскольку в дискриминантную модель вошли три показателя оценки эмпатии – *адекватное восприятие эмоций сверстника, чувствительность к сверстнику и предпочитаемая форма помогающего поведения*, то в дальнейшем выявляли связь этих переменных с личностными характеристиками детей (по критерию Спирмена при $p \leq 0,05$).

Результаты исследования показали, что *выраженность эмпатии*, проявляемой во взаимодействии со сверстниками, у данных детей связана с *высоким уровнем ситуативной тревожности личности* (исключая ситуацию взаимодействия с родителями), особенно проявляемой ими в ситуациях взаимодействия с чужими взрослыми; *низким социометрическим статусом в группе сверстников* и *неустойчивостью уровня притязаний*. Возможно, что *психологическим механизмом* специфики проявления эмпатии этих детей является их ситуативная тревожность, которая обуславливает и неустойчивость уровня притязаний данных детей. Низкий социометрический статус в данном случае является следствием низкого уровня выраженности таких признаков эмпатии, как адекватное восприятие эмоций сверстника, чувствительность к сверстнику и провокационная форма помогающего поведения.

Выявлялась связь между такими *показателями направленности*, как «*модальность направленности*» и «*оценка действий партнера по взаимодействию*». Результаты корреляционного анализа обнаружили связь *эгоистической направленности* детей во взаимодействии со сверстниками и их завышенной самооценкой, опытом взаимодействия с сиблингами в семье и низким социальным статусом в группе. Данные связи показывают, что недостаточный опыт взаимодействия детей с сиблингами (братьями и сестрами в семье), их завышенная самооценка определяют их эгоистическую направленность во взаимодействии со сверстниками. *Оценка (негативная) действий партнера по взаимодействию* также связана с такими характеристиками личности, как уровень притязаний, уровень рефлексивной самооценки, показателями высокой тревожности детей во взаимодействии со взрослыми, сверстниками и показателями низкой тревожности со старшими детьми.

Таким образом, можно сделать вывод, что именно направленность личности на взаимодействие со сверстниками в группе детей, воспитывающихся в условиях семьи с наемным работником, обусловлена совокупностью характеристик: неустойчивым уровнем притязаний, неадекватно завышенной самооценкой и, наоборот, заниженной рефлексивной самооценкой, а также повышенным уровнем ситуационной тревожности. Следствием эгоистической направленности является низкий социометрический статус данных детей в группе сверстников.

Среди всех показателей оценки *самостоятельности/зависимости* ребенка от взрослого во взаимодействии со сверстником

в дискриминантную модель вошел один показатель – *«привлечение внимания взрослого во взаимодействии с другими»*. Выявлено, что зависимость от взрослого как свойство детей, воспитывающихся в раннем возрасте в семьях с няней, обусловлена комплексом их личностных характеристик: высоким уровнем общей ситуационной тревожности и низким уровнем тревожности в повседневных действиях, заниженной самооценкой, а также ограниченностью опыта взаимодействия с сиблингами. Так же как и в предыдущих случаях (показатели низкой эмпатии, эгоистической направленности во взаимодействии со сверстником), привлечение внимания взрослого способствует низкому социометрическому статусу в группе детей.

Среди всех показателей активности детей, проявляемой во взаимодействии со сверстниками, в дискриминантную модель также вошел только один показатель – *«степень вовлеченности во взаимодействие с другими детьми»*. Статистически значимые корреляционные связи между данным параметром активности и характеристиками детей выявили следующее. Обнаружена связь вовлеченности во взаимодействие, с одной стороны, и с низким уровнем социометрического статуса, рефлексивной самооценки и высоким уровнем общей тревожности – с другой.

Таким образом, активность «нянечных детей», определяемая по степени включенности во взаимодействие со сверстниками, обусловлена высокой тревожностью детей и низкой рефлексивной самооценкой. Обнаружено, что статус детей в группе определяется и степенью вовлеченности детей во взаимодействие со сверстниками.

Обобщая результаты исследования выявленных связей социально-психологических свойств личности детей, воспитывающихся в раннем возрасте в семье с няней, их личностных и других (социально- и индивидуально-психологических) характеристик, следует заметить. Данные связи в определенной степени раскрывают содержание самодетерминации личности, поскольку рассматриваются нами в качестве «внутренних» факторов социально-психологических свойств. В то же время низкий социометрический статус детей в группе обусловлен выраженностью описанных выше показателей социально-психологических свойств.

Далее будет представлен анализ изучаемых свойств с комбинированной причиной изучаемого нами эффекта – стратегиями взаимо-

действия нянь с воспитанниками и социально-психологическими характеристиками их мам, указывающими на их психологическую готовность к переносу своих функций на няню.

Анализ связи социально-психологических свойств детей и социально-психологических характеристик мам из семей с наемным работником

Предваряя результаты корреляционного анализа, кратко опишем социально-психологический портрет мам детей из семей с наемным работником (Романовская, 2015). Их характеризует высокий уровень мотивации достижений в социальной сфере. В сфере семейных и личных отношений — неуверенность в себе, в своих способностях воспитывать ребенка. Это ведет к искаженному стилю воспитания ребенка, резкой смене стиля воспитания, отсутствию запретов и санкций в сочетании с доминирующим контролем над поведением ребенка. Все эти характеристики выступают предпосылкой готовности мамы к приглашению в семью наемного работника.

Корреляционный анализ выявил связь *проявлений эмпатии детей* и социально-психологических характеристик мам. Напомним, что в дискриминантную модель вошли несколько параметров проявлений эмпатии детьми: сопереживание — равнодушие по отношению к сверстнику, реакция на успех ровесника, формы помогающего поведения, готовность к просоциальному поведению, адекватность восприятия эмоций сверстника, чувствительность к сверстнику. Среди них взаимосвязь с характеристиками мамы обнаружили: *адекватность восприятия эмоций сверстника, чувствительность к сверстнику и формы помогающего поведения*. Низкие показатели эмпатии детей по этим параметрам связаны с завышенными оценками социальных, нравственных, волевых качеств ребенка, их ожиданиями высоких достижений от детей. В качестве стилевых характеристик воспитания мамы данных детей предпочитают не использовать санкции и запреты. Возможно потому, что они не уверены в выбранном стиле и постоянно его меняют. При условии, что большинство нянь считает, что воспитание эмпатии у ребенка — это прерогатива родителей, а мамы этим не занимаются тоже, можно сделать предварительный вывод о том, что низкие показатели эмпатии у детей, воспитывающихся в семье с наемным работником, являются социально-психологическим результатом их специфичной социализации в раннем возрасте.

Корреляционный анализ показателей *направленности детей на взаимодействие со сверстниками* и социально-психологических характеристик их мам показал наличие связи между показателем *модальности направленности* (эгоистическая—альтруистическая) и *оценкой детьми действий партнера по взаимодействию* (сверстник—взрослый). Выявлено, что показатели направленности взаимодействия ребенка со сверстниками обусловлены внутриличностной конфликтностью матери, ее приоритетной ориентацией на карьеру, а не на семью, а также отклонениями в воспитании ребенка, которые связаны, возможно, с ее неудовлетворенностью существующими отношениями с отцом ребенка. По всей видимости, искаженные представления матери (в результате недостаточного количества времени, проводимого с ребенком) о личностных качествах ее ребенка выполняют функцию защиты образа «Я как мать».

Корреляционный анализ *показателей самостоятельности—зависимости детей* и социально-психологических характеристик их мам показал следующее. Данное свойство включало два параметра проявления, включенных в дискриминантную модель: привлечение внимания взрослого и *зависимость—независимость*. Среди них взаимосвязь с характеристиками мамы обнаружил только один параметр — привлечение внимания взрослого. Показано: чем выше показатели самореализованности мамы, тем самостоятельнее ее ребенок и тем меньше он зависим от взрослого.

Обнаружена связь между показателем *активности—пассивности детей (степень вовлеченности во взаимодействие)* со сверстниками и представлениями их мам о нравственных и социальных качествах ребенка. Чем менее выражены негативные представления мамы, тем выше показатели эмоциональной включенности ребенка во взаимодействие со сверстником.

Резюмируя, заметим: среди изучаемых нами социально-психологических характеристик мам чаще всего образовывали связи со свойствами ребенка, указывающими на низкий уровень его социально-психологической зрелости, следующие характеристики: высокий уровень мотивации достижений; тип воспитания ребенка, связанный с «воспитательной неуверенностью», «фобией утраты ребенка», «расширением родительских чувств», «проекцией на ребенка собственных нежелательных качеств», «неразвитостью родительских чувств», «внесением конфликта между супругами в сферу воспитания»; резкая смена стиля взаимодействия с ребенком; отсутствие за-

претов и санкций в сочетании с доминирующим контролем над поведением ребенка. Амбивалентность и негативная модальность оценок нравственных, волевых, эмоциональных и социальных качеств ребенка в представлениях мам, по всей видимости, отражается в предпочитаемых ею стилях его воспитания, большинство из которых рассматриваются как отклонения в воспитании. На этапе пилотажного исследования нами было обнаружено, что в семьях, где присутствует наемный работник по уходу за ребенком, свое представление о стиле воспитания мама переносит на няню. Можно только предположить, что неуверенность мамы в себе, своих способностях воспитывать ребенка (а может быть, и страх ответственности за ребенка) при высокой мотивации достижений, а также, возможно, ее неудовлетворенность взаимоотношениями с мужем, которые она переносит на своего ребенка и т. п., — все эти характеристики выступают предпосылкой готовности мамы к приему в семью наемного работника, выполняющего ее функции по уходу за ребенком.

Гипотеза о том, что социально-психологические свойства личности детей, воспитывающихся в раннем возрасте в семье с наемным работником (няней), зависят от мотивации достижения мамы, ее представлений о своем ребенке и предпочитаемого стиля воспитания, подтвердилась.

Анализ связи социально-психологических свойств детей из семей с наемным работником и стратегий взаимодействия их нянь

Более развернутое изложение данных результатов представлено в одной из статей авторов (см. Дробышева, Романовская, 2017). В связи с чем кратко представим полученные результаты о связи социально-психологических свойств детей и стратегий профессионального взаимодействия их нянь.

Итак, выявлена связь (по критерию Спирмена при $p \leq 0,05$) между выраженностью *эмпатии* у воспитанников (*предпочтение прагматичной помощи сверстнику, неадекватность поведения в ситуации взаимодействия*) и предпочитаемыми нянями стратегиями профессионального взаимодействия с ребенком в ситуациях его общения с другими детьми («абстрактное воспитание»), в процессе общения няни в семье с воспитанником или его родителями («самоконтроль» и «осознание своего статуса»).

Также выявлена связь между *эгоистической направленностью* ребенка во взаимодействии со сверстниками, с одной стороны, и стра-

тегиями няни на воспитание у ребенка правил поведения в обществе («информирование»); ее установками на наказание воспитанника; предпочитаемыми стратегиями взаимодействия с воспитанником («успокоить» и «пожалеть») в ситуациях межличностного общения; предпочитаемыми стратегиями вмешательства во взаимодействие воспитанниками со сверстниками («активное вмешательство»), с другой стороны. Эгоистичная направленность воспитанника связана и с теми профессиональными стратегиями няни, которые она предпочитает в ситуациях общения с его родителями: беспрекословное «выполнение необходимого функционала» и «снижение значимости ситуации, тревожащей ребенка или маму» (информация либо не доносится до мамы в полном объеме, либо смягчается образ самой ситуации).

В результате корреляционного анализа выявлена связь между стратегиями взаимодействия ребенка (показатель направленности) в конфликтных ситуациях («подавление», «избегание») и предпочитаемыми нянями профессиональными стратегиями: «абстрактное воспитание», «активное вмешательство», «уход», «поиск причины конфликта». Также обнаружена связь между стратегиями взаимодействия ребенка со сверстниками и убежденностью няни в том, что эмпатию развивают родители, а использовать запреты в процессе воспитания должна она. К тому же няни направляют внимание ребенка на общение не с детьми, а с ней.

Выявлена связь показателя *активности детей*, проявляемой ими во взаимодействии со сверстниками (*инициативность*), и стратегиями профессионального взаимодействия их нянь. Обнаружено, что низкие показатели инициативности детей связаны с установкой няни на перенос ответственности за воспитание эмпатии на родителей, а также предпочитаемой ими стратегии вмешательства в отношения ребенка со сверстниками («успокоить, пожалеть», если обидели воспитанника, и «активное вмешательство» в конфликтных ситуациях с другими детьми). Низкая инициативность данных детей связана также с предпочитаемыми нянями стратегиями общения в семье с родителями: беспрекословное «выполнение необходимого функционала», «снижение значимости ситуации, тревожащей ребенка или маму».

Резюмируя, скажем: социально-психологические свойства данных детей связаны со следующими характеристиками нянь: их установкой на перенос ответственности за воспитание эмпатии у ребен-

ка на его родителей; стремлением няни заменить общение ребенка со сверстниками на общение со взрослым (няней); устойчивым использованием одних и тех же стратегий вмешательства в случае конфликтного взаимодействия воспитанника с другими детьми («активное вмешательство», «уход», «отсроченное информирование ребенка о нормах социального поведения»). Также важную роль в формировании социально-психологических свойств воспитанников играют те стратегии, которые няня применяет в ситуациях общения с его родителями, особенно мамой воспитанника: «выполнение необходимого функционала», «самоконтроль», «снижение значимости», «осознание своего статуса».

В частности, воспитание в семье с няней определяет низкий уровень эмпатии ребенка, эгоистическую направленность на взаимодействие со сверстниками, низкий уровень проявлений его интереса и инициативы во взаимодействии со сверстниками и выбор стратегий, направленных на разрушение процесса общения. Высокая зависимость ребенка от взрослого как партнера по общению и посредника в его взаимодействии со сверстниками зависит от самого факта присутствия няни в семье и выполнения ею функций по уходу за ребенком.

Заключение

Результаты исследования показали, что социально-психологические свойства ребенка 4–5 лет, которые он проявляет в процессе взаимодействия со сверстниками и взрослыми, зависят от условий его ранней социализации в семье.

Так, восприятие мамой своего ребенка, ее ожидания связаны с социально-психологическими свойствами ее ребенка. В частности, ориентация мамы на индивидуалистические ценности в совокупности с высокой мотивацией достижений, неадекватной оценкой личностных качеств ребенка обуславливают нарушение стиля воспитания, который она транслирует наемному работнику. Профессиональное поведение няни, которая включается в систему отношений матери и ребенка в качестве посредника, нивелирует, усиливает или смягчает влияние матери на ребенка.

В процессе работы было обнаружено, что такие стратегии профессионального взаимодействия няни с ее воспитанником и его мамой, как «абстрактное воспитание», «самоконтроль», «осознание ста-

туса» в совокупности с ее нежеланием развивать эмпатию у ребенка, усиливают, с одной стороны, воспитательную неуверенность мамы, с другой стороны, дополнительно снижают уровень социально-психологической зрелости ребенка. Способность детей к проявлению эмпатии во взаимодействии со сверстниками зависит и от присутствия в семье других детей. Возможно, в семьях с нянями общение детей с сиблингами каким-то образом компенсирует низкий уровень эмпатии исследованных детей, что требует дополнительной проверки в будущих исследованиях.

Доминирующие в профессиональном поведении стратегии няни — «активное вмешательство», «успокоить, пожалеть», «снижение значимости» — в сочетании с карьерными амбициями мамы и неустойчивым уровнем притязаний, низкой самооценкой и высоким уровнем ситуативной тревожности самого ребенка связаны с его эгоистической направленностью во взаимодействии со сверстниками.

Таким образом, причины выявленных особенностей развития тех или иных социально-психологических свойств ребенка лежат в области взаимодействия мамы и няни, их заботы о воспитании ребенка, их представлений, установок и ожиданий. К примеру, пассивность ребенка в общении с другими детьми обусловлена дисгармонией мотивационно-личностной сферы мамы, ее предпочтением потворствующей или доминирующей гиперпротекции в воспитании ребенка. Няня, активно вмешиваясь в процесс взаимодействия ребенка с другими детьми, используя те же, что и мать, доминирующие стратегии, усиливает эффект. Сформированные у ребенка в семье высокий уровень ситуативной тревожности и низкая рефлексивная самооценка также ограничивают его активность во взаимодействии со сверстниками, что проявляется в низком социальном статусе ребенка в группе сверстников.

Сам факт наличия няни в семье с ребенком раннего возраста обуславливает зависимость его от взрослого как партнера по взаимодействию. Усиливает эту зависимость низкая материнская самооценка, ее чрезмерно низкая либо высокая мотивация достижений, отсутствие условий для самореализации. Выраженность этих характеристик связана с негативной модальностью оценки эмоциональных и социальных качеств ребенка в представлениях его мамы, которые также обуславливают зависимость взаимодействия ребенка со взрослым.

В заключение следует сделать вывод, что выявленный эффект — выраженность социально-психологических свойств детей, воспитывающихся с рождения наемным работником (няней), — обусловлен совокупностью «внешних» и «внутренних» факторов, образующих многоуровневую взаимосвязанную систему детерминант.

Литература

- Дробышева Т. В., Романовская М. А.* Взаимосвязь социально-психологических свойств детей из семей с наемным работником и профессиональных стратегий их нянь // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Психологические науки». 2017. № 3. С. 38–48.
- Журавлев А. Л.* Социально-психологическая зрелость: попытка обосновать понятие // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 2. С. 44–54.
- Ломов Б. Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
- Романовская М. А.* Социально-психологические характеристики мам «нянечных детей» // Семья, брак и родительство в современной России. Вып. 2. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 68–74.

Волонтерская деятельность и ценностно-мотивационная сфера личности

А. Н. Капустина

Волонтерская (добровольческая) деятельность в большинстве исследований рассматривается как социально значимая, как вклад в социальный сектор и экономическое развитие общества. К ней относятся как к трансляции ценностей и традиций и как к более успешной интеграции личности в общество (Азарова, Яницкий, 2008). Известно, что волонтерство способствует формированию просоциальных жизненных стратегий, успешному построению межличностных взаимоотношений, является источником социальных связей, интересного досуга, а также дает основу для становления профессионалом в той или иной деятельности человека (Зимин, 2013). Однако в нашей стране, несмотря на глубокие культурные традиции, волонтерская деятельность пока не стала столь распространенной и общепринятой нормой поведения (Тихонов, 2012). Поэтому ощущается необходимость изучения различного вида волонтерства среди российской молодежи, выявления мотивов к этой деятельности, ценностей, психологических проявлений самореализации личности, способной к свободному самовыражению и активной социальной позиции.

Цель исследования – изучение ценностно-мотивационной сферы личности студента-волонтера. Основная гипотеза: волонтерская деятельность, являясь ресурсом самореализации личности, способствует формированию социально-психологических свойств, проявляющихся в мотивационных, ценностных и смысложизненных ориентациях личности. В исследовании применялись комплексный и сравнительный подходы и использовались следующие методы:

- метод опроса (анкетирование и интервью);
- контент-анализ;
- ценностный опросник Ш. Шварца;

- методика диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере;
- тест «Смысложизненные ориентации».

Математико-статистическими методами явились критерии различий t-критерий Стьюдента, U-критерий Манна–Уитни, корреляционный анализ Спирмена.

Выборка состояла из студенческой молодежи Санкт-Петербурга – 160 человек (средний возраст 22,3 года, 76 мужчин; 84 женщины). Из них выделена контрольная группа (81 человек, из них 39 мужчин, 42 женщины) и экспериментальная, состоящая из волонтеров (79 человек – 36 мужчин, 43 – женщины). Экспериментальная группа была разделена на две подгруппы по основным двум видам волонтерской деятельности: социального волонтерства (помощь людям) – 37 человек (21 женщина, 16 мужчин) и событийного (сервисного) – 42 человека (22 женщины, 20 мужчин).

Контент-анализ результатов анкетирования позволил сделать следующие выводы.

1. ИмPLICITные представления об образе волонтера и в контрольной группе и в группе волонтеров имеют общее определенное понимание: волонтер – человек готовый безвозмездно выполнять общественно-полезную деятельность (83%); приносить пользу окружающему миру (76%); имеющий устойчивые жизненные принципы (68%); направляющий свои усилия на гармонизацию общества (57%).
2. При ответе на вопрос «С каким словом у Вас ассоциируется понятие «волонтерская деятельность» 90% респондентов выбрали глагол «помогать». Это свидетельствует о том, что в обществе понятия «волонтерская деятельность» и «помощь» являются синонимичными.
3. Среди вариантов ответов экспериментальной группы о добровольческой деятельности выделились два ее вида: *событийное (сервисное) волонтерство* – деятельность в помощи проведения различных массовых мероприятий (спортивных, выставочных, участие в форумах, презентациях, фестивалях и т.д.), которое предпочитает 44% всей экспериментальной выборки. Другим приоритетным направлением явилось *социальное волонтерство* – помощь людям (пожилым, детям, инвалидам, пострадавшим от стихийных бедствий, социальных катаклизмов, терактов и т.д.),

им занимаются 39% нашей выборки. Эти результаты позволили разделить экспериментальную выборку на две равномерные по своим демографическим характеристикам группы в зависимости от сферы волонтерской деятельности, что послужило основой для проведения между ними сравнительного анализа результатов исследования.

Сравнительный анализ по результатам изучения ценностных ориентаций (методика Ш. Шварца) не обнаружил статистически значимых различий между контрольной выборкой и экспериментальной и ни в одной из исследуемых групп – по полу. В качестве основных предпочитаемых ценностей всеми респондентами (N=160) были выбраны безопасность, самостоятельность, самоуважение. Отвергаемыми явились власть, конформность, принятие своей участи. В виде тенденций существуют различия по группе ценностей, обозначенной Шварцем как «универсализм», в пользу контрольной выборки. Сравнение социальных и сервисных волонтеров выявило содержательное различие в предпочитаемых ценностях. Так, для группы социальных волонтеров помимо общих для всех респондентов важными оказались и такие ценности, как доброта, смысл жизни, зрелая любовь. Для группы сервисных – достижение, успешность, гедонизм.

Таким образом, можно говорить о том, что представители молодежи всех сравниваемых нами групп не склонны к конформному поведению и принятию жизни такой, какая она есть: они выбирают ее преобразование. Волонтеры, выбравшие сервисное добровольчество, хотят жить жизнью, полной впечатлений и новизны, достигать социального признания, что обеспечивает им чувство успешности и самоуважения. Для социальных волонтеров основными ценностями являются направленность на построение глубоких позитивных эмоциональных отношений с другими людьми, готовность прийти на помощь другим людям, что придает им ощущение гармонизации окружающего мира (Почебут, Мейжис, 2010; Шварц и др., 2012).

Сравнительный анализ исследования смысловых ориентаций личности (Д. А. Леонтьев, 2000) во всех группах выявил по шкале «Лocus контроль – Я» различия по полу ($p < 0,01$; критерий У Манна–Уитни): женщины оказались более склонные верить в свои силы и возможности влиять на события собственной жизни. Сравнение между контрольной группой и экспериментальной выявило статистически значимые различия по шкалам «Лocus контроля – Я» и «Ло-

кус контроля – жизнь» ($p \leq 0,01$) Для контрольной выборки результаты по этим шкалам находятся в диапазоне средних значений, тогда как в группе волонтеров показатели этих шкал попадают в диапазон высокого уровня. Выраженность смысложизненных ориентаций студентов-волонтеров с высокой достоверностью связана с направленностью личности на свой внутренний мир. Сравнение групп внутри экспериментальной выборки выявило более высокие показатели по этим шкалам у социальных волонтеров ($p \leq 0,05$). Исходя из этого результата можно предположить, что волонтеры, занимающиеся социальным добровольчеством, более свободно принимают самостоятельные решения и воплощают их в жизнь, чем их коллеги. Это обусловлено тем, что в деятельности, предполагающей непосредственное взаимодействие с другими людьми, необходимо проявлять больше творческих способностей, уметь быстро находить варианты выхода из сложившихся ситуаций и взять на себя ответственность за принятие решений (Винокурова, Корыстылева, 2004). При работе сервисных волонтеров на мероприятиях их действиями руководят организаторы, и чаще всего модели поведения волонтера заранее определены.

Изучение социально-психологических установок в мотивационно-потребностной сфере личности (методика Потемкиной) показало следующее.

1. «Ориентация на эгоизм» у всей выборки ($N=160$) находится на уровне средних оценок и выражает известную долю «разумного эгоизма», который необходим в принятии себя, обуславливая такое отношение к себе как самоуважение (Ильин, 2013).
2. Сравнительный анализ между контрольной и экспериментальной группами выявил, что для всех волонтеров ориентации мотивационно-потребностной сферы на «результат», «процесс», «альтруизм» выражены высоко и в равной степени ($p \leq 0,001$).
3. Вся экспериментальная выборка ($N=79$) характеризуется как высоко мотивированная с гармонично выраженными установками на самореализацию личности и организацию своей духовной жизни (Поттмкина, 1999).
4. Сравнительный анализ между двумя группами волонтеров выявил статистически достоверные различия (критерий U Манна–Уитни) в пользу социальных волонтеров по двум шкалам: «ориентация на процесс» и «ориентация на альтруизм» ($p \leq 0,05$).

Социальные волонтеры в большей степени, чем их коллеги, ориентированы на процесс, нежели на результат. Это свидетельствует о том, что они испытывают удовлетворенность в самом процессе своей деятельности. При этом их процессуальная направленность не препятствует ориентации на результативность, которая достигается при оказании помощи другим людям.

Высокие показатели социальных волонтеров, ориентирующихся на альтруизм, отражают сформулированные ими в ходе нестандартизированного интервью их гуманистические принципы – «служить человечеству, улучшая самих себя». Выяснилось, что основными источниками мотивации выбора социального волонтерства оказались пережитые личностью кризисные ситуации и стремление к преодолению внутриличностного конфликта. Респонденты утверждали, что сознательное и добровольное служение людям, желание помочь им способствует ощущениям своей самореализованности, нужности другим и придает чувство уверенности в себе и в своих силах. Их высказывания соответствуют теоретическим обоснованиям альтруизма (Ильин, 2013).

Корреляционный анализ совокупной выборки экспериментальной группы (N=79) отражает связи исследуемых показателей. Выявлено, что центральными признаками в статистически значимых взаимосвязях на 1% уровне ($r=0,401$) оказались показатели мотивационно-потребностной сферы «ориентация на альтруизм» и «ориентация на процесс», а также показатели смысложизненных ориентаций «Локус контроль – Я» и «Локус контроль – жизнь». Взаимосвязи признака «Ориентация на альтруизм» имеет значимую положительную связь с показателем ценностных ориентаций «Доброта» ($r=0,404$) и отрицательную с показателями группы ценностей «Конформность» ($r=-0,443$). Центральный признак «Ориентация на процесс» имеет высокоположительные связи с показателями группы ценностей «Традиции» и «Цель жизни» ($r=0,586$; $r=0,469$) и отрицательную – с ценностью «Власть» ($r=-0,497$). Обращает на себя внимание тесная отрицательная связь центрального признака «Локус контроль – жизнь» с показателем ценностей «Гедонизм» ($r=-0,425$). Это может объясняться тем, что наслаждение жизнью и чувственные удовольствия не являются ведущими жизненными ориентирами для личности волонтера. Следует отметить, что все центральные признаки находятся в тесной взаимозависимости, образуя единый комплекс ценностно-мотивационной сферы личности волонтера.

Заключение

Проведенное исследование позволило обобщить основные результаты. Контент-анализ показал, что имплицитные представления об образе волонтера у всех респондентов имеют общее синонимическое понимание, в котором отсутствуют какие-либо негативные характеристики, что говорит о позитивном восприятии образа волонтера и его деятельности у современной молодежи. Сравнительный анализ результатов исследования ценностных ориентаций (методика Шварца) не обнаружил статистически значимых различий по полу ни в одной из изучаемых групп. Также не выявлены достоверные различия между контрольной и волонтерской выборками. Общими для всех респондентов ($N=160$) в качестве основных предпочитаемых ценностей оказались безопасность, самостоятельность, самоуважение. Отвергаемыми – власть, конформность, принятие своей участи. Таким образом, можно говорить о том, что студенческая молодежь нашей выборки не склонна к конформистскому поведению и выбирает активную жизненную позицию, являющуюся основой уважительного отношения к себе. Обнаружены различия в выборе предпочитаемых ценностей между социальными волонтерами и сервисными. Наряду с общими со всей выборкой ценностями, социальные волонтеры предпочитают и такие ценности, как доброта, смысл жизни, зрелая любовь. Для них ведущими становятся позитивные эмоциональные отношения с другими людьми. Событийные (сервисные) волонтеры выбирают еще и достижения, успешность, стимулирование, определяющие самореализацию личности как достижение социального признания.

Сравнительный анализ результатов исследования смысложизненных ориентаций личности (методика Леонтьева) во всех группах выявил различия по полу в шкалах «Локус контроль – Я» и «Локус контроль – жизнь» в пользу женской выборки ($p \leq 0,01$). Полученный факт говорит о том, что женщины в большей степени, чем мужчины, уверены в своих силах и могут лучше контролировать события своей жизни. Сравнение показателей между контрольной группой и экспериментальной, выявил высоко значимые различия по шкалам «Локус контроль – Я» и «Локус контроль – жизнь» в пользу группы волонтеров ($p \leq 0,01$). Этот факт говорит о том, что человек, занимающийся добровольческой деятельностью, более склонен к осмыслению своей жизни, контролю своих поступков и поведения, готов принимать решения и воплощать их в жизнь. По этим же шкалам

социальные волонтеры имеют более высокие показатели, чем группа сервисных ($p \leq 0,05$).

Изучение мотивационно-потребностной сферы личности (методика Потемкиной), не обнаружив различий по полу, выявило различия между основными группами по шкалам «ориентация на процесс» и «ориентация на альтруизм» в пользу экспериментальной выборки ($p \leq 0,01$). «Ориентация на процесс» показывает, что волонтеры испытывают удовлетворенность в самом процессе своей деятельности. При сравнении 2 групп волонтеров «Ориентация на альтруизм» оказалась более выраженной у социальных волонтеров ($p \leq 0,05$), отражая еще в большей степени их альтруистическую направленность и гуманистические принципы.

Корреляционный анализ показателей экспериментальной выборки ($N=79$) выявил, что центральными признаками явились переменные мотивационной сферы «ориентация на альтруизм», «ориентация на процесс» и методики СЖО «Локус контроль – Я» и «Локус контроль – жизнь». Они находятся в тесной положительной взаимосвязи друг с другом, а также с показателями ценностей – доброта, традиции, самостоятельность ($p \leq 0,01$; $r=0,407$) и имеют обратные связи с отвергаемыми ценностями – власть и конформизм ($p \leq 0,01$; $r=-0,419$), подтвердив тем самым, что эти ценности для волонтера не являются жизненными ориентирами. Изучение ценностных ориентаций не обнаружило ни в одной из групп выборки статистически значимых различий по полу. Данный факт говорит о том, что на формирование ценностной структуры личности влияние пола не существенно.

Исследование, подтвердив выдвинутую гипотезу, выявило, что волонтерская деятельность является ресурсом саморазвития и самореализации личности, способствует формированию мотивационных потребностей, смысловых ориентаций, альтруистической направленности, общих базовых ценностей, являющихся в целом основными характеристиками ценностно-мотивационной сферы личности студентов-волонтеров.

Литература

Азарова Е. С., Яницкий М. С. Психологические детерминанты добровольческой деятельности. // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 306. С. 120–126.

- Зимин В. А.* In nomine Domini: Восприятие просоциального поведения в России: исторический анализ // Психология, социология и педагогика. 2013. № 4 (19). Общая рубрика. URL: <http://psychology.snauka.ru/2013/04/2097> (дата обращения: 12. 11. 2017).
- Ильин Е. П.* Психология помощи. Альтруизм, эгоизм, эмпатия. СПб.: Питер, 2013.
- Леонтьев Д. А.* Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). М.: Смысл, 2000.
- Методика диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере О. Ф. Потёмкиной // Практическая психодиагностика: Методики и тесты. Самара: Бахрах, 1999. С. 641–649.
- Почебут Л. Г., Мейжис И. А.* Социальная психология. СПб.: Питер, 2010. С. 205–257.
- Винокурова А. Л., Корыстылева Л. А.* Ценностные ориентации и удовлетворенность самореализацией у практических психологов // Психологические проблемы самореализации личности. Вып. 8 / Под ред. Л. А. Коростылевой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 62–75.
- Тихонов Р. В.* Изучение мотивационной сферы волонтеров: пилотажное исследование // Психология XXI века: Материалы международной научно-практической конференции молодых ученых «Психология XXI века», апрель 2012 года, Санкт-Петербург. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012. С. 374–376.
- Шварц Ш., Бутенко Т. П., Седова Д. С., Липатова А. С.* Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал ВШЭ. 2012. № 2. С. 44–70.

Проблема нравственного выбора и саморазвитие личности

А. Н. Лебедев

Определивший основные принципы психологии, такие как принцип детерминизма, развития, единства сознания и деятельности, С. Л. Рубинштейн в 1920-е годы в качестве одной из исследовательских задач рассматривал изучение *творческой самодетерминации*, или *творческого саморазвития*. Позже он сформулировал представления о *нравственной личности*, в основе поведения которой — осознанные нравственные поступки (Рубинштейн, 1958). По сути дела, Рубинштейн обратил внимание на идею *саморазвития личности*, хотя большинство ученых были ориентированы на изучение биологических и социальных факторов. В то время в силу ряда причин эти идеи Рубинштейна, к сожалению, не получили должного развития в отечественной науке. Лишь относительно недавно сформировалось новое направление в науке, которое получило название психологии нравственности (Журавлев, Юревич, 2013).

Концепция *саморазвития* стала популярной в мировой психологии во второй половине XX в. И прежде всего она была реализована в *теории самодетерминации* психологов Э. Деси и Р. Райана. Их подход можно отнести к так называемым *феноменологическим теориям*, в соответствии с которыми личность развивается в рамках субъективного восприятия действительности. Утверждается, что объективная реальность осознается и воспринимается каждым человеком индивидуально. Он самостоятельно способен строить свою судьбу, принимать решения и нести ответственность за те поступки, которые совершает. Человек по природе своей позитивен и стремится

Исследование проводится в рамках НИР лаборатории психологии личности ИП РАН «Личность в современной России: психологические характеристики, социальные проявления, факторы формирования» (ФАНО № 0159-2016-0006) по индивидуальной теме: «Психологические механизмы самодетерминации и саморазвития личности».

к *самореализации* и *саморазвитию*. Теорию самодетерминации Деси и Райана относят к позитивной психологии, основная задача которой – выявление или формирование позитивных качеств личности и исправление негативных.

В рамках данной теории рассматриваются такие основные потребности человека, как потребность в автономии, компетентности и связях с другими людьми. Когда удовлетворены базовые потребности, в соответствии с теорией, повышается уровень субъективного благополучия (*well-being*), возрастают жизненные силы человека и возникают условия для его саморазвития. Под автономией авторы теории понимают ситуацию, когда самооценка поступков человека совпадает с его личными интересами и ценностям. Она обеспечивается отсутствием контроля со стороны социального окружения.

В свою очередь, потребность в компетентности реализуется в социальной группе при условии, что совместная деятельность эффективна. Это происходит в том случае, если социальное окружение ставит перед человеком задачи оптимальной сложности и дает положительную оценку результатам. Потребность в единении с окружающими опредмечивается при наличии заботы и позитивного отношения группы к личности. Деси и Райан говорят о необходимости также и внутренней мотивации, понимая ее, по сути, как «врожденное свойство», основанное на стремлении к достижению своих интересов и совершенствовании своих способностей при решении задач «оптимального уровня сложности». Авторы также отмечают значение влияния на «внутреннюю мотивацию» внешних факторов (награды, позитивные внешние оценки и стили межличностного взаимодействия).

Второй подход, на который следует обратить внимание при изучении механизмов *саморазвития личности*, основан на так называемой теории хаоса и принципах синергетики, разработанной немецким физиком и методологом Г. Хакеном (2003). Он предполагает методологический переход от принципа каузального детерминизма к детерминизму стохастическому. Здесь случайность рассматривается как причина некоего события, а личность как открытая система, способная к самоорганизации и саморазвитию. Анализируя процессы саморазвития систем, Хакен полагает, что для любых объектов (физических, биологических, социальных, психологических) механизмы самоорганизации и саморазвития являются общими. Поскольку личность, как и психика в целом, открыта внешним

воздействиям и информации, ее предлагали рассматривать как открытую систему, способную к саморазвитию.

К сожалению, в рамках данных подходов природа нравственного выбора до сих пор остается нераскрытой. Поэтому может быть рассмотрен третий подход к решению проблемы. Он предполагает изучение *понятия личности* не как *свойства психики*, а как ее *наивысшего уровня* (Ломов, 1984). В этом случае *саморазвитие личности*, ее *направленность*, *свойства* и пр. определяются не только биологическими и социальными факторами, но и рефлексивным мышлением человека. На основе рефлексивного мышления реализуется *когнитивная, коммуникативная и регулятивная функции психики*.

Понятие *рефлексии* в психологии часто рассматривается в рамках *феномена самоанализа*. Считается, что предметом *рефлексивного мышления* являются сами мысли и действия человека, т. е. принимаемые им решения и реальные поступки. По мнению Рубинштейна, способность к рефлексии — это «умение человека осознавать границы своего «Я». Без этого качества, как полагал он, невозможно развитие полноценной, зрелой личности. Рефлексивный акт — это умение человека «остановить поток собственных мыслительных процессов и переключиться с автоматического мышления на осознание своего психического и духовного внутреннего мира» (Рубинштейн, 1958).

Человек с низкой способностью к рефлексии ежедневно совершает ряд одних и тех же ошибочных действий машинально. Например, А. Эйнштейн утверждал, что совершать ежедневно одни и те же ошибочные действия и при этом ожидать разных результатов — «путь к безумию», поскольку без рефлексии сбои в мыслительных процессах будут со временем накапливаться и расти, подобно снежному кому.

По мнению В. В. Давыдова, в развитой форме мышление функционирует именно как рефлексивный способ действия. В ходе преобразования окружающей действительности оно подвергает критическому рассмотрению основания и закономерности каких-либо изменений. Оно также систематически пересматривает схемы этих преобразований сообразно изменяющимся обстоятельствам. Таким образом, именно это, по его мнению, является механизмом развития личности. Очевидно, что непосредственно из «биологически заданных» способностей и непосредственного социального влияния такое развитие вывести невозможно. Биологическое и социальное влияют на развитие личности, преломляясь через ее *рефлексивное мышление*.

Говоря об этом виде мышления, многие исследователи подчеркивают тот факт, что *рефлексия* – форма интеллектуальной активности, направленная на неоднозначные условия решения задачи или принятия решений (Щедровицкий, 2005). Если в условиях *логического решения* отдельные *этапы задачи* выводятся один из других, то *рефлексивное мышление* не исключает *случайности*. Поэтому анализ собственных действий или поступков человека – рефлексия – предполагает, что многие из них не могут быть предсказаны заранее. Эта ситуация становится крайне актуальной, например, при необходимости выбора из субъективно равнозначных (неразличимых) альтернатив или альтернатив, различающихся несущественными для правильного решения признаками. Т.е. выбор из двух и более относительно равнозначных вариантов однозначно не определен и, в известном смысле, является случайным, что может объяснить, например, *феномен самовыражения* в художественном и музыкальном творчестве (Moles, 1973).

Сегодня для многих исследователей выход из области изучения психических свойств в область психических процессов кажется нарушением научной логики и традиций. Однако при изучении личности, на наш взгляд, это единственный путь, позволяющий рассмотреть какие-то новые возможности для движения вперед в этом вопросе. В этом случае *рефлексивное мышление* невозможно понять без принципа обратной связи и признания того факта, что *рефлексировать* можно лишь *непредвиденный результат*. В противном случае речь должна идти не о *рефлексии*, а о *целеполагании, планировании, вероятностном прогнозировании* и пр. (Ломов, 1984).

Феномен *относительно случайного выбора* позволяет поставить вопрос о том, что является *материалом* для *рефлексии* и, следовательно, *источником непредсказуемой новизны* в формировании *личностной направленности*. Это согласуется с известной фразой о том, что «не ошибается только тот, кто ничего не делает». Данный подход предполагает анализ ситуаций равнозначного выбора, когда ценность и последствия поступка неясны субъекту, и он не может предсказать результат своего выбора. Особенно это значимо в ситуациях нравственного выбора, когда просчитать последствия либо не представляется возможным, либо проблема выходит за рамки понятий расчета и пользы.

Рефлексивное мышление, основанное на пробах и ошибках, оказывается крайне важным при осуществлении некоей *поисковой актив-*

ности субъекта, которая неизбежно реализуется в ситуации, когда отсутствуют какие-либо внешние или внутренние стимулы. Поисковая активность появляется в том случае, когда у субъекта нет возможности использовать прошлый опыт в новых условиях или когда этот опыт оказывается бесполезным или даже вредным.

Здесь вполне можно допустить, что в определенные периоды жизни, причем не только в молодом, но и зрелом возрасте, человек активно проявляет некую нецеленаправленную (поисковую) *активность самовыражения*, которая напрямую не зависит от врожденных и социальных факторов. Она отражается в таких мотивировках, как «найти себя», «проявить себя», доказать что ты «чего-то стоишь», отличиться, выделиться и пр. В этом случае «дистинктивное» поведение может быть «опредмечено» в выборе каких-либо видов социально ориентированной деятельности (игровой, учебной, спортивной, профессиональной и др.). И во многом случаях такой личный выбор будет определяться относительно случайными факторами.

Во многих жизненных ситуациях человек, не имеющий соответствующего опыта, знаний или отработанных моделей поведения, сталкивается с необходимостью выбора одной альтернативы из достаточно большого числа субъективно равнозначных. Здесь применение уже имеющегося опыта часто оказывается неэффективным, заводит в тупик, и человек вынужден прибегать к случайному выбору. Причем таких субъективно равнозначных альтернатив на протяжении его жизни может быть неограниченное количество, и к выбору приходится прибегать неоднократно. Именно поэтому *рефлексивное мышление* должно рассматриваться не только как логический, но и как логико-стохастический процесс (Лебедев, 2016).

Таким образом, если ограничиваться понятийным аппаратом психологии личности (структура, функции, свойство, состояние и пр.), то проблему саморазвития решить практически не удастся, так как логика каузального детерминизма заставляет рассматривать либо биологические, либо социальные факторы развития. При этом случайные события в жизни человека, создающие ситуации неопределенности, по сути дела игнорируются при разработке теорий (Росс, Нисбетт, 1999). Чтобы понять, как в реальности происходит саморазвитие, следует включить в модель *мыслительную поисковую активность* человека с *элементами неопределенности*.

Логично предположить, что *направленность саморазвития личности* и многие ее свойства оказываются вероятностным явлени-

ем и не могут однозначно выводиться из предшествующих этапов ее развития. И если темперамент или черты личности сохраняются без изменений долгое время, то мотивация, направленность, нормы и ценности, нравственные установки в достаточной степени вариативны. Поэтому во многом невозможно заранее определить, как сложится жизнь конкретного ребенка и что он будет представлять собой в зрелом возрасте. Разумеется, что данная модель не отрицает существования целеустремленных, последовательных в своих действиях личностей.

Литература

- Журавлев А., Юревич А.* Психологические исследования нравственности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Карпов А. В.* Психология рефлексивных механизмов деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.
- Лебедев А. Н.* Логико-стохастические задачи в нейромаркетинге // Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. №4. С. 94–114. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document281.pdf> (дата обращения: 11.10.2017).
- Ломов Б. Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
- Росс Л., Нисбетт Р.* Человек и ситуация. Перспективы социальной. М.: Аспект Пресс, 1999.
- Рубинштейн С. Л.* О мышлении и путях его исследования. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958.
- Хакен Г.* Тайны природы. Синергетика: учение о взаимодействии. Ижевск: ИКИ, 2003.
- Щедровицкий Г. П.* Мышление. Понимание. Рефлексия. М.: Наследие ММК, 2005.
- Moles A.* Sociodynamique de la culture. Paris: Mouton, 1973.
- Deci E. L., Ryan R. M.* Handbook of self-determination research. Rochester: University of Rochester Press, 2002.
- Deci E. L., Ryan R. M.* Self-determination theory: A macrotheory of human motivation, development and health // Canadian Psychology. 2008. Т. 49. С. 182–185.

Структура социальных представлений о совести у верующих и неверующих старшеклассников

Л. Ш. Мустафина

Человек социален по своей природе, и общество задает определенные нормы, ориентиры, преломляя которые, личность выстраивает свою жизненную линию. Известно, что в формировании целостной гармоничной личности участвуют внутренние механизмы, одним из которых является совесть, регулирующая помыслы и действия личности, направляя ее в ситуации морального выбора.

Определить категорию «совесть» существующими в психологии методами представляется крайне сложным, так как высока вероятность социальной желательности ответов респондентов и работы защитных механизмов психики. Концепция социальных представлений в такой ситуации является, видимо, самым продуктивным решением.

Отношение к совести в целом может определять нравственную направленность человека и социума. В несходных условиях социального бытия формируются различные интересы, установки, ценностные ориентации, а одно и то же явление может приобретать разное значение в зависимости от типа общества или социальной среды. Правильное отношение к нравственным феноменам закладывается через воспитательную работу в семье, в детском саду, в школе.

Еще в начале 90-х годов XX в. Т. А. Флоренская в своей книге описывает опыт практической психологической работы с подростками. Автор отмечает, что молодые люди очень редко обращаются к кому-либо с вопросами духовного и мировоззренческого характера. Подростки озабочены вопросами взаимоотношений со сверстниками, родителями, вопросами профессиональной ориентации и т. п. В разговоре на любую из этих тем раскрывается особая значимость для молодых людей нравственных и мировоззренческих проблем,

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 14-18-03271.

которые в повседневной жизни современного подростка не являются «модными» и отступают на второстепенный план. Наиболее показательны в этом отношении обращения суицидального характера, где собеседники жалуются на пустоту и бессмысленность своей жизни, говорят о том, что «так жить нельзя...». В процессе психотерапевтической работы с нравственной сферой подросток находит опору и основание для преодоления жизненных невзгод и разочарований, для переосмысления своей жизни (Флоренская, 1991, с. 84).

Следует отметить, что к настоящему времени (по сравнению с началом 1990-х годов) ситуация относительно нравственного воспитания подрастающего поколения мало изменилась. По телевидению и в интернете транслируются передачи, фильмы, разнообразные ток-шоу, пропагандирующие не свойственные российскому менталитету ценности индивидуализма, славы, материального обогащения. И подростки с незрелой, еще хрупкой системой ценностей впитывают эти образы поведения, взгляды на жизнь, и, как следствие, меняется мироощущение молодежи, ценностные ориентации, отношение к нравственным категориям и к их значимости в жизнедеятельности, изменяются поведение и деятельность подростков. О современной неблагоприятной ситуации в духовной сфере населения, и прежде всего молодежи, пишут многие исследователи. Верующая молодежь чаще находится в более благоприятном социальном окружении и формируется под воздействием религиозного воспитания, общения на духовно-нравственные темы, такой молодежи с детства прививается привычка нравственного самоконтроля. Поэтому и представления о нравственных категориях у верующих старшеклассников, как мы предполагаем, могут быть более содержательными и глубокими по сравнению с представлениями неверующих подростков.

Религиозная идентичность у детей и подростков изучалась в 2000-х годах наряду с национальной и этнолингвистической идентичностью на Украине, в Грузии, Азербайджане и России (Развитие..., 2001). В России данное исследование проводилось в Москве и Смоленске. Однако в России регионы имеют свои специфические отличия по религиозному, этническому составу населения. Особый интерес представляет республика Татарстан, где живет примерно одинаковое количество русских и татар, государственные языки — татарский и русский, религиозные объединения отделены от государства, наибольшее распространение получили две религии: ислам и православное христианство.

Социальные представления – это любые формы убеждений, взглядов, знаний членов социальной группы по отношению к изменяющейся жизни. «Социальное представление всегда демонстрирует что-то, свойственное тому, кто его передает, – его вклад в интерпретацию. Тем самым представление – это не просто воспроизведение, а создание, оно предполагает некоторую долю автономии и индивидуальной или коллективной креативности» (Жодле, 2007, с. 378).

Ядро социальных представлений имеет постоянный и устойчивый характер, связано с коллективной памятью, с историей группы, ее ценностями и нормами, а периферия – изменчива, вариативна, зависит от индивидуального опыта респондентов и отражает тенденции развития социальных представлений.

Что касается работ, посвященных изучению представлений о совести, первые исследования появились в последнее десятилетие. Л. А. Чигарькова изучала влияние социокультурного контекста на формирование представлений о совести. Автор показывает, что для уфимских старшеклассников важным оказывается следование нормам и правилам общества, в котором они живут, а московские старшеклассники более склонны к рефлексии, к тому, чтобы рассматривать, понимать, осознавать себя – собственные действия, мысли и чувства в соотношении с нормами и правилами (Чигарькова, 2009). В исследовании Л. Э. Зотовой, где респондентами выступили московские студенты, обнаружили следующие результаты. Большая часть студентов (35%) понимают совесть как внутреннюю инстанцию (установку), идентифицируют совесть с чувством стыда 14% студентов, с внешними контролирующими инстанциями совесть связывают 16% студентов. 12% опрошенных Л. Э. Зотовой студентов не смогли сформулировать представление о совести (Зотова, 2015). Е. Е. Бочарова делает вывод о наличии амбивалентного отношения к совести у представителей современной молодежи. Ядерная часть представлений студентов содержит высоконравственные качества человека, но в зоне потенциальных изменений социальных представлений о совести обнаружили негативно окрашенные элементы, что может свидетельствовать о возможной трансформации социальных представлений о совести в дальнейшем (Бочарова, 2015). В работе И. Г. Самойловой и В. С. Матвеевой было выявлено, что основными у молодежи являются представления о совести как нравственном долге и ответственности перед другими (Самойлова и др., 2017). Ранее проведенное нами эмпирическое исследова-

ние выявило значимые взаимосвязи между представлениями о совести, нравственной направленностью молодежи (Мустафина, 2009) и ценностными ориентациями (Мустафина, 2017). Несмотря на возрастающий с каждым годом интерес исследователей к теме социальных представлений о совести, остается неизученным аспект взаимовлияния религиозности молодежи и ее представлений о совести.

Гипотеза исследования: социальные представления о совести у верующих старшеклассников будут характеризоваться большей содержательной полнотой ядра социальных представлений, чем социальные представления неверующих старшеклассников.

Выборка. Объект исследования – школьники 9–11 классов (14–16 лет), проживающие в Москве и Казани. Всего 175 человек, 97 старшеклассников из Казани и 78 старшеклассников из Москвы. В таблице 1 представлены данные по отнесению самими подростками себя в ту или иную категорию по религиозной принадлежности.

Таблица 1
Религиозная идентичность старшеклассников
Москвы и Казани (%)

Город	Верующие					Неверующие	Не указал
	Православие	Ислам	Христианство*	Буддизм/Иудаизм	Верующие		
Казань	60	29	1	2	8	34	1
	Всего: 65					Всего: 34	1
Москва	83	10	0	2	5	24	0
	Всего: 76					Всего: 24	0

Примечание: * – за исключением православного.

При выборе этого возраста респондентов мы исходили из того, что в старшем школьном возрасте происходит преобразование в самых различных сферах психики, формирование самосознания, мировоззрения, стабилизируется самооценка, на основе чего подросток начинает ощущать себя самостоятельной личностью. В текущем исследовании важно, что в этот период происходит формирование моральных качеств личности.

Методы исследования. Эмпирические данные собирались в 2016 г. Чтобы выявить структуру социальных представлений о совести (ядро и периферию), используется анкета, составленная по результатам первого этапа исследования, оценочная шкала Ж.-К. Абрика, математико-статистический анализ (описательная статистика, корреляционный анализ, для выявления различий – критерий U Манна–Уитни). Применяющаяся авторская анкета состоит из 39 высказываний о совести (Воловикова и др., 2017). Утверждения анкеты можно разделить на 2 группы по характеру установки: позитивные высказывания и негативные (отрицающие наличие или значение совести). Позитивные высказывания о совести также можно условно разделить на: суждения о природе совести, о ее влиянии на жизнедеятельность человека и общества, на утверждения, отождествляющие понятия «совесть» и «стыд», высказывания о независимости совести от внешних оценок и утверждения, наиболее полно и глубоко выражающие содержание понятия совести.

Подросткам было предложено оценить по шкале Лайкерта, в какой степени данные высказывания совпадают с их мнением о совести. При обработке заполненных анкет использовалась формула вычисления коэффициента позитивных ответов ТСП (*фр.* – *taux catégorique positif*):

$$\text{ТСП} = (n(4) + n(5)) / N \times 100,$$

где: $n(4)$ – число ответов «согласен», $n(5)$ – число ответов «совершенно согласен», N – общее число ответов (Емельянова, 2006, с. 243).

В ядро социальных представлений входят элементы (утверждения), коэффициент позитивных ответов которых ≥ 63 .

Также нами было сформулировано рабочее определение совести: совесть – это внутренняя убежденность в том, что является добром и злом, нравственная самооценка своих помыслов и самоконтроль поступков, которые предотвращают действия, вызывающие стыд и раскаяние. Для того чтобы поступать по совести, человеку необходимо обладать умом и способностью рассуждать, а также силой воли для осуществления велений совести.

Результаты исследования

Мы сравнили структуру социальных представлений о совести в группах верующих и неверующих старшеклассников. Результаты демонстрируют, что ядро представлений верующих старшеклассников со-

держит 16 элементов, в то время как ядро социальных представлений неверующих – 10 элементов (таблица 2).

В обеих группах ядро представлений о совести представлено высказываниями с позитивным смыслом, только у верующих старшеклассников в ядре представлений добавочно присутствуют утверждения, выражающие независимость совести от внешних оценок («Совесь независима от мнения окружающих», «Человек с совестью – сильный и внутренне свободный»), характеризующие положительное влияние совести на жизнедеятельность человека и общества («Совесь помогает уважать других и самого себя», «Совесь способствует нормальным отношениям между людьми») и акцентирующие внимание на взаимосвязи совести и ума человека («Совесь предполагает наличие у человека ума и способности рассуждать»). Получается, что старшеклассники, считающие себя верующими, имеют более полное и глубокое представление о феномене совести, чем их неверующие сверстники. Возможно, данные различия объясняются традицией тщательного анализа своих поступков, мотивов, желаний (например, на исповеди) и большим вниманием к вопросам совести в рамках религиозного мировоззрения, что отражается в более полном и глубоком понимании феномена совести у верующих подростков.

Некоторые старшеклассники разделяют цинично-прагматичное отношение к совести, выше процент среди неверующих респондентов по большинству суждений с негативным смыслом. При этом выявился парадоксальный результат: среди верующих старшеклассников в два раза выше процент, чем среди неверующих подростков, соглашающихся с суждениями, «Человек не делает плохих поступков, чтобы потом не стыдиться» и «Человек с совестью – слабый и боязливый», что косвенно показывает отношение к совести как к внешнему, социально ориентированному нравственному регулятору, незрелость суждений и слабое понимание сущностных аспектов совести. Здесь следует подчеркнуть, что утверждения с негативным смыслом в целом по выборке как верующих, так и неверующих респондентов не входят в ядро социальных представлений, а относятся к периферии социальных представлений о совести.

Заключение

Сравнение двух выборок с помощью критерия U Манна–Уитни показало статистически значимые различия. Так, верующие старшекласс-

Таблица 2
Ядро представлений о совести
в группах верующих и неверующих школьников

Высказывания	Коэффициент позитивных ответов верующих школьников	Коэффициент позитивных ответов неверующих школьников
<i>Суждения, наиболее полно и глубоко выражающие содержание феномена совести</i>		
(2) Совесть связана с осознанием своих поступков, ответственностью и нравственным долгом перед другими	<u>92</u>	88
(4) Совесть — это форма самосознания и самоконтроля человека	<u>77</u>	67
(18) Совесть предполагает наличие у человека ума и способности рассуждать	67	48
(26) Совесть — это внутренний голос человека, который подсказывает, как правильно поступать	<u>77</u>	76
<i>Понятия о характере развития совести, ее природе — приобретенный характер</i>		
(9) У разных людей совесть развита в разной степени	91	88
(13) В человеке совесть закладывается воспитанием	80	79
(31) Человек сам у себя воспитывает совесть	75	64
<i>Понятия о характере развития совести, ее природе — врожденный характер</i>		
(30) Совесть есть у всех людей, только не все ее слушают	70	55

Высказывания	Коэффициент позитивных ответов верующих школьников	Коэффициент позитивных ответов неверующих школьников
<i>Независимость совести от внешних оценок</i>		
(24) Совесть независима от мнения окружающих	<u>64</u>	58
(36) Человек с совестью – сильный и внутренне свободный	<u>70</u>	39
<i>Регулирующая функция совести</i>		
(3) Совесть помогает не выходить за рамки приличия и чувствовать грань дозволенного	<u>70</u>	<u>79</u>
(10) Совесть – регулятор поведения и человеческих поступков	<u>81</u>	<u>76</u>
(16) Совесть помогает уважать других и самого себя	<u>78</u>	45
(23) Совесть формирует личность человека	<u>77</u>	<u>67</u>
(39) Совесть способствует нормальным отношениям между людьми	<u>67</u>	42
<i>Связь совести с умом человека</i>		
(19) От совести зависит способность совершать обдуманные поступки	<u>73</u>	67

Примечание: Ядро социальных представлений отмечено подчеркиванием.

ники чаще, чем их неверующие сверстники, согласны с утверждениями «Совесть предполагает наличие у человека ума и способности рассуждать», «Совесть помогает все делать лучше», «Человек с совестью – сильный и внутренне свободный», «Человек сам у себя воспитывает совесть», «Совесть есть у всех людей, но не все ее слушают». Неверующие подростки статистически чаще соглашались с тем, что «Совесть – это бред, от которого нужно отвыкать» и что «Совесть мешает жить».

Таким образом, гипотеза исследования подтвердилась, т. е. ядро социальных представлений верующих старшеклассников о совести содержательно полнее, и они имеют более четкое и ясное представление о феномене совести, чем неверующие старшеклассники. Полученные результаты ожидаемы и закономерны в связи с особыми характеристиками религиозного мировоззрения и привычкой верующей молодежи к нравственному самоконтролю.

Литература

- Бочарова Е. Е.* Совесть в представлениях студенческой молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития. 2015. Т. 4. № 3. С. 241–244.
- Воловикова М. И., Мустафина Л. Ш.* Исследование социальных представлений о совести учащейся молодежи // Мир образования – образование в мире. 2017. № 1 (65). С. 141–149.
- Емельянова Т. П.* Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2006.
- Жодле Д.* Социальное представление: феномены, концепт и теория // Социальная психология / Под. ред. С. Московичи. СПб.: Питер, 2007. С. 372–394.
- Зотова Л. Э.* Особенности Я-концепции студентов с различным уровнем совестливости // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Психологические науки». 2015. № 1. С. 40–46.
- Мустафина Л. Ш.* Исследование социальных представлений о совести у российской молодежи (на примере учащейся молодежи) // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2009. № 22. С. 74–76.

- Мустафина Л. Ш.* Взаимосвязь представлений о совести и ценностных ориентаций у молодежи // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2. № 4. С. 29–42. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document394.pdf> (дата обращения: 20.04. 2018).
- Развитие национальной, этнолингвистической и религиозной идентичности у детей и подростков / Под ред. М. Барретта, М. Воловиковой, Т. Рязановой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2001.
- Самойлова И. Г., Матвеева В. С.* Представления о совести молодых людей с разным уровнем осмысленности жизни // Вестник Костромского государственного университета. Серия «Педагогика. Психология. Социокинетика». 2017. Т. 23. № 1. С. 44–47.
- Флоренская Т. А.* Диалог в практической психологии. М.: Институт психологии АН СССР. 1991.
- Чигарькова Л. А.* Влияние социокультурного контекста на формирование представлений о совести // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Психологические науки. 2009. Вып. 563. С. 100–114.

Типы отношения личности к глобальным рискам и его социально-психологические предикторы

Т. А. Нестик

Глобальные риски и массовое сознание

Сегодня человечество достигло такого уровня технического развития, когда вероятность его выживания напрямую зависит от способности государств и международных союзов к сотрудничеству в предотвращении глобальных рисков. Под *глобальными рисками* понимаются вероятные события или условия, которые могут нанести серьезный урон одновременно нескольким странам или отраслям мировой экономики в ближайшие 10 лет (The Global Risks Report, 2018). Предотвращение глобальных рисков требует сложных, долгосрочно ориентированных решений, которые должны учитывать не только ответственность перед ныне живущими 7,5 миллиардами людей, но и будущими поколениями. Если предположить, что человечество просуществует не более 10 тысяч лет, то от нашего сегодняшнего отношения к глобальным рискам зависит судьба 2000 миллиардов жизней (Global Catastrophic Risks, 2017). Глобальные риски тесно связаны между собой, поэтому их оценка и классификация должны учитывать не только источник риска (например, падение астероида, извержение супервулкана, пандемия, разрушение экосистемы, ядерная война, созданный в лабораториях мутаген, превращенный в оружие искусственный интеллект, последствия применения геотехнологий), но и целый ряд других факторов. К ним можно отнести также значимость для выживания человечества социальных и природных систем, подверженных рискам; механизмы распространения угрозы; провалы в системе предотвращения и преодоления таких катастроф (Avin et al., 2018).

Позиция политических лидеров и национальных элит при разработке ответа на глобальные вызовы формируется с учетом ожида-

Исследование выполнено по гранту РНФ № 18-18-00439 «Психология человека в условиях глобальных рисков».

ний и ценностей более широких социальных групп. Онлайн-опрос, проведенный агентством ComRes по заказу Фонда глобальных вызовов (Global Challenges Foundation) в апреле 2018 г. среди более 10 тыс. жителей десяти стран, свидетельствует о растущей озабоченности рядовых граждан глобальными рисками. Как показало исследование, 59% опрошенных согласны с тем, что мир сегодня находится в большей опасности, чем два года назад. Наибольшее число таких ответов было получено в Бразилии (75%), России (69%) и Германии (69%). Единственной страной, большинство жителей которой считают, что мир стал безопаснее, оказался Китай. В США наблюдается раскол между жителями инновационного побережья и жителями центральной индустриальной и аграрной части страны: по сравнению со вторыми первые больше озабочены глобальными рисками и считают, что мир в большей опасности, чем раньше. В целом по выборке наибольшую озабоченность у респондентов вызывают политическое насилие (88%), оружие массового уничтожения (85%), экологические угрозы и природные катастрофы (85%), изменение климата (83%), угроза пандемий и эпидемий (75%). При этом более 69% опрошенных считают, что для защиты человечества от глобальных угроз необходимо создание новой международной организации. В исследовании были выявлены региональные и поколенческие различия в оценке глобальных рисков. Так, в США, России и европейских странах наибольшее беспокойство вызывают вооруженные конфликты и ядерная угроза, тогда как в Индии и Китае больше всего озабочены изменением климата и природными катастрофами. Если поколение «беби-бумеров» больше озабочено политическим насилием и возможностью ядерного конфликта, то поколение «миллениумов» больше тревожат климатические изменения и риски, связанные с внедрением технологий искусственного интеллекта (Attitudes to global risk and governance survey, 2018).

Связанные с глобальными рисками коллективные страхи используются в избирательных кампаниях и информационных войнах. Однако социально-психологические механизмы формирования отношения личности и группы к глобальным рискам до сих пор остаются не проясненными. Под *отношением к глобальным рискам* понимаются характерные для членов определенной социальной группы особенности антиципации, переживания и осмысления (1) глобальных угроз, а также (2) совместной деятельности представителей своей и чужих групп, направленной на их создание, ис-

пользование или предотвращение (Журавлев, Нестик, 2016; Нестик, 2016).

Имеющиеся данные об отношении людей к конкретным рискам (ядерной угрозе, изменению климата, терроризму и др.) позволяют с уверенностью говорить о существовании множества *типов отношения к глобальным рискам*. Так, исследования представлений о глобальном потеплении у американцев позволили выделить несколько сегментов аудитории (Myers et al., 2012): «алармисты» (12%), «озабоченные» (27%), «осторожные» (25%), «безразличные» (10%), «скептики» (15%), «противники» (10%). При изучении отношения к ядерной угрозе в массовом сознании были выделены девять ориентаций (Hamilton et al., 1986): «романтики» (вера в здравомыслие политиков), «гедонисты» (стремление перед концом света успеть взять от жизни все), «стоики» (вера в неизбежность войны и выживание части человечества), «сторонники утрашения» (вера в то, что угроза ответного удара предотвратит войну), «альтруистические фаталисты» (признание неспособности предотвратить войну в сочетании со стремлением сделать как можно больше для окружающих), «сторонники разоружения» (вера в возможность предотвратить катастрофу силами общественности), «теисты» (убеждение «все в руках Господа»), «элиминационисты» (вера в необходимость уничтожения потенциальных агрессоров превентивным ядерным ударом), «стремящиеся выжить» (вера в то, что, подготовившись, можно пережить катастрофу).

В своих исследованиях Р. Экерсли выделяет три основных психологических типа отношения к возможному исчезновению человечества с лица земли: нигилистическое, фундаменталистское и активистское (Randle, Eckersley, 2015). При нигилистическом отношении признание неизбежности катастрофы сопряжено с гедонизмом и стремлением жить во благо близких людей («Будущее мира не сулит ничего хорошего, так что лучше сосредоточиться на своей жизни и благе своих близких», «Следует наслаждаться той жизнью, которая у нас есть, а не тревожиться по поводу возможного будущего человечества»). Фундаментализм характеризуется убеждениями в том, что мы выступаем в окончательную войну добра и зла, и для сохранения человечества необходимо вернуться к традициям и религиозным ценностям («Мы присутствуем при финале борьбы добра и зла в мире»; «Чтобы разрешить глобальные противоречия и угрозы, нам нужно вернуться к традиционным религиозным

учениям и ценностям»). Наконец, активизм предполагает веру в то, что для спасения мира необходимы радикальные изменения и объединение усилий («Если мы хотим лучшего будущего для нашего мира, нам нужно изменить свое мировоззрение и образ жизни», «Моя надежда на будущее связана с растущим глобальным движением людей, которые хотят построить свободный от войн, честный и устойчивый мир»). Кросс-культурное онлайн-исследование, проведенное в США, Англии, Канаде и Австралии, показало, что активизм значительно преобладает над нигилизмом и фундаментализмом: 78% ответов по сравнению с 48% и 36%, соответственно (Randle, Eckersley, 2015). Возможно, это объясняется тем, что для большинства респондентов, принявших участие в опросе, очевидна невозможность дальнейшего сохранения сложившегося положения в мире. Другое объяснение может быть связано с тем, что опрос проводился онлайн, и на него откликнулись в основном те, кто верит в способность людей влиять на будущее.

Психологические исследования отношения к глобальным рискам до сих пор были сосредоточены на отдельных типах глобальных рисков — таких как глобальное потепление, природные бедствия, ядерная угроза — и ограничивались в основном когнитивными процессами (Нестик, Журавлев, 2018). Социально-психологические механизмы формирования отношения личности и группы к глобальным рискам остаются мало изученными.

Эмпирическое исследование отношения личности к глобальным рискам и его социально-психологической детерминации

Для измерения отношения личности к глобальным угрозам и способам их предотвращения нами был разработан опросник «Отношение к глобальным рискам», состоящий из 61 пункта. При его разработке мы исходили из теоретической *структуры* установочных образований, в которую входят ценностно-мотивационные, аффективные, когнитивные и поведенческие компоненты. При разработке опросника использовались некоторые позиции из методики «Отношение к ядерной угрозе» М. Ньюкомба. Апробация опросника проводилась в 2018 г. на выборке взрослых россиян N=924 (32% — мужчины, 68% — женщины; возраст респондентов составлял от 17 до 57 лет, средний возраст — 24,06 года). Конфирматорный факторный анализ с ис-

пользованием структурного моделирования в программе Amos v. 20 подтвердил выделенную нами структуру отношения к глобальным рискам ($\chi^2=2741,804$; $df=946$; $CMIN/DF=2,898$; $p \leq 0,001$; $CFI=0,909$; $GFI=0,884$; $RMSEA=0,045$; $Hi\ 90=0,047$; $Pclose=1,000$). Все коэффициенты ковариации и регрессии статистически значимо отличаются от нуля. Мы подтвердили факторную валидность методики и показали, что выделенные факторы являются индикаторами общей шкалы. Итоговая версия опросника включает 9 субшкал.

Аффективный компонент представлен шкалой «Тревога в отношении глобальных рисков» (α Кронбаха=0,722; $M=3,08$; $SD=0,951$; 4 пункта, например: «Я чувствую страх, когда задумываюсь о будущем наших детей и внуков»; «Я никогда не волновался по поводу глобальных рисков, таких как ядерная война, глобальные эпидемии, изменение климата и т. п.»).

Когнитивные компоненты представлены шестью шкалами, отражающими представление о вероятности глобальных катастроф и ориентацию на те или иные способы совладания с ними (подробнее о способах см.: Психология повседневного и травматического стресса..., 2016; Стресс, выгорание, совладание..., 2011; и др.). *Первая* шкала, отражающая веру в прогнозируемость и возможность предотвращения глобальных рисков, получила название «Убеждение в необходимости сотрудничества для прогнозирования и предотвращения глобальных рисков» (α Кронбаха=0,733; $M=3,52$; $SD=0,744$; 6 пунктов, например: «Чтобы выжить, человечеству придется сплотиться и научиться договариваться перед лицом общей опасности»; «Чтобы предотвратить глобальные катастрофы, необходимо искать компромиссные решения и добиваться баланса сил»). *Вторая* шкала получила название «Фаталистическое игнорирование», т. е. сосредоточение на своей жизни и благе своих близких перед неизбежной катастрофой (α Кронбаха=0,722; $M=2,82$; $SD=0,786$; 6 пунктов, например: «Учитывая возможность глобальной катастрофы, нужно сосредоточиться на настоящем и успеть получить от жизни удовольствие»; «Мы ничего не можем сделать, чтобы предотвратить глобальную катастрофу, поэтому нет смысла о ней задумываться»). *Третья* шкала получила название «Религиозный и государственный авторитаризм», т. е. возвращение к традиционным религиозным ценностям и контроль над гражданами (α Кронбаха=0,622; $M=2,28$; $SD=0,829$; 4 пункта, например: «Чтобы разрешить глобальные противоречия и угрозы, нам нужно вернуться к традиционным религиозным уче-

ниям и ценностям»; «Чтобы снизить риск глобальных катастроф, государства должны лучше контролировать действия своих граждан, даже если это потребует отказа от некоторых свобод»). *Четвертая* шкала когнитивного компонента получила название «Допустимость выживания одних за счет других» и отражает ориентацию на радикальные способы предотвращения глобальных угроз (α Кронбаха=0,699; $M=2,14$; $SD=0,740$; 6 пунктов, например: «Перед лицом глобальной угрозы можно пожертвовать интересами жителей одной из стран ради всего человечества»; «Нет ничего предосудительного в том, чтобы использовать страх людей перед глобальными угрозами в предвыборной кампании»). *Пятая* шкала когнитивного компонента названа «Оптимизм в отношении глобального будущего» и отражает убеждение в неэффективности алармизма по поводу глобальных угроз (α Кронбаха=0,646; $M=3,26$; $SD=0,710$; 6 пунктов, например: «Я не доверяю прогнозам грядущих катастроф, которые публикуются в СМИ»; «Лучший способ предотвратить многие катастрофы – поддерживать оптимизм и ставить амбициозные цели»). Наконец, *шестая* шкала когнитивного компонента «Апокалиптизм» отражает ожидание близкого конца существования человечества (альфа Кронбаха=0,617; $M=1,85$; $SD=0,794$; 3 пункта, например: «С вероятностью более 50% человечество исчезнет с лица Земли в ближайшие 10 лет»).

Ценностно-мотивационный компонент отношения к глобальным рискам был выделен на этапе эксплораторного факторного анализа как фактор «Ценность выживания человечества», однако в результате конфирматорного факторного анализа эта шкала была исключена из опросника и в дальнейшем может быть использована как самостоятельная методика (α Кронбаха=0,651; $M=3,23$; $SD=0,869$; 5 пунктов, например: «Выживание человечества – высшая ценность, ради которой можно пожертвовать всем остальным»; «Думаю, человечество не заслуживает того, чтобы его спасали»).

Поведенческий компонент представлен двумя шкалами, которые были объединены в общую «шкалу готовности к действиям по защите от глобальных рисков», вошедшую в модель как латентная переменная второго уровня. *Первая* шкала получила название «Готовность участвовать в предотвращении глобальных рисков» (α Кронбаха=0,950; $M=2,43$; $SD=1,451$; 6 пунктов, например: «Я готов своими действиями поддерживать общественные инициативы, направленные на предотвращение глобальных катастроф»; «Я готов жертвовать деньги на сохранение природы, если уверен в том, что они

будут использованы по назначению»). *Вторая* шкала поведенческого компонента получила название «Готовность к активным действиям для защиты от глобальных рисков себя и своих близких» (α Кронбаха=0,930; $M=2,13$; $SD=1,315$; 6 пунктов, например: «Я стараюсь предугадать последствия некоторых глобальных рисков и быть готовым действовать наилучшим образом после их наступления»; «Я принимаю меры, чтобы природная или техногенная катастрофа не застала врасплох меня и членов моей семьи»).

Чтобы уточнить социально-психологические характеристики, влияющие на отношение личности к глобальным рискам, в 2018 г. мы провели эмпирическое исследование, участниками которого стали 551 студент вузов четырех городов: Москвы ($N=114$; 39% – мужчины; 61% – женщины; средний возраст 26 лет), Симферополя ($N=206$; 22% – мужчины; 78% – женщины; средний возраст 22 года), Норильска ($N=126$; 40% – мужчины; 60% – женщины; средний возраст 19,7 лет) и Архангельска ($N=101$; 25% – мужчины; 75% – женщины; средний возраст 21 год). В программу исследования вошла методика «Отношение к глобальным рискам», апробация которой была описана выше, шкала глобальной социальной идентификации (GSI) Дж. Риза, «Социальные аксиомы» (SAS) М. Бонда и К. Леонга, краткий пятифакторный опросник черт личности ТИPI-R Д. Гослинга, «Шкала связи с природой» Ф. Мейера и К. Франца в адаптации К.А. Чистопольской, субтест «Экологическая ответственность» и шкала «Экологическая осведомленность» из «Опросника экологического сознания» В.И. Панова, скрининговая версия «Теста жизнестойкости» С. Мадди в адаптации Е.Н. Осина; «Шкала социального доверия» из опросника World Values Survey, «Шкала темного будущего» З. Залеского, а также «Опросник моральных оснований» (MFQ) Дж. Хайдта в адаптации О.А. Сычева.

С помощью кластерного анализа по методу К-средних были выделены *6 типов отношения личности к глобальным рискам*. Достоверность различий полученных групп была повторно подтверждена с помощью анализа ANOVA ($p \leq 0,001$). Были также выделены значимые различия между данными группами по целому ряду индивидуально-психологических и социально-психологических характеристик.

Первый кластер получил название «*Радикальные пессимисты*» ($N=96$), так как по сравнению с другими группами его представители больше склонны верить в близкий конец существования человечества, характеризуются самой низкой ориентацией на сотрудни-

Таблица 1
 Типы отношения к глобальным рискам
 (результаты кластерного анализа, N=551)

Характеристики отношения к глобальным рискам	Кластеры (типы отношения)					
	1	2	3	4	5	6
	N=96	N=70	N=80	N=90	N=141	N=74
Готовность участвовать в предотвращении глобальных рисков	2,8	4,1	2,0	3,1	2,8	3,8
Готовность к активным действиям для защиты от глобальных рисков себя и своих близких	2,7	3,1	1,7	2,9	2,1	3,7
Необходимость сотрудничества для прогнозирования и предотвращения рисков	3,1	3,9	3,3	3,6	3,4	4,1
Фаталистическое игнорирование: сосредоточение на своей жизни и благе своих близких перед неизбежной катастрофой	3,2	2,3	3,4	3,1	2,6	2,7
Религиозный и государственный авторитаризм: возвращение к традиционным религиозным ценностям и контроль над гражданами со стороны государства	2,7	1,8	2,0	3,0	1,9	3,1
Радикальные решения: допустимость выживания одних за счет других	2,6	1,7	2,5	2,5	1,7	2,4
Оптимизм в отношении глобального будущего	3,1	3,1	3,4	3,1	3,2	3,8
Апокалиптизм: ожидание близкого конца человеческого рода	2,9	1,8	1,6	2,4	1,6	1,6
Тревога по поводу глобальных рисков	2,8	3,7	2,1	4,0	3,1	3,2
Ценность выживания человечества	2,8	2,9	2,8	3,6	3,4	3,8

чество для прогнозирования и предотвращения рисков и наиболее высокой поддержкой выживания одних ценой других. Данная группа отличается наиболее низким показателем интрагруппового доверия. *Второй* кластер получил название «Активисты» (N=70). Отнесенные к нему респонденты характеризуются наиболее высокой готов-

ностью участвовать в коллективных действиях по предотвращению глобальных катастроф. Данная группа характеризуется относительно высоким доверием к представителям своей группы, а также наиболее высоким показателем прогрессивизма по опроснику моральных оснований, который интерпретируется как преобладание индивидуалистических ценностей заботы и справедливости над лояльностью, уважением авторитетов и традиций. Кроме того, в этой группе наиболее высокой оказалась тревога по поводу будущего. *Третий* кластер – «*Игнорирующие*» (N=80) – включает респондентов, которые характеризуются самой низкой тревогой в отношении глобальных угроз, а также самой низкой готовностью к каким-либо действиям, направленным на их предотвращение или защиту себя и близких. Для них более, чем для других групп, характерно сосредоточение на своей жизни перед неизбежной катастрофой. В этой группе самые низкие показатели глобальной идентичности, связи с природой и экологической ответственности, религиозности, доброжелательности и ориентации на заботу о других. Ее представители наименее склонны верить в вознаграждение за усилия. *Четвертый* кластер получил название «*Встревоженные традиционалисты*» (N=90), так как его представители наиболее обеспокоены глобальными рисками и склонны верить в то, что для предотвращения катастрофы необходимы возвращение к традиционным религиозным ценностям и контроль над гражданами со стороны государства. Для них характерны высокая религиозность, добросовестность и доброжелательность, вера в вознаграждение за усилия, ориентация на гармонию в отношениях, чистоту и святость, лояльность и заботу. Они отличаются высокой экологической ответственностью, наиболее сильной идентификацией себя с россиянами и родным городом. Вместе с тем в этой группе по сравнению с другими они более склонны считать современное общество несправедливым. К *пятому* типу – «*Пассивные прагматики*» (N=141) – были отнесены респонденты, для которых характерна низкая готовность к каким-либо действиям в связи с глобальными рисками, которая сочетается с неприятием религиозного и государственного авторитаризма и радикальных решений как способов предотвращения угроз. Данная группа характеризуется эмоциональной стабильностью, относительно слабой идентификацией себя с человечеством, россиянами и родным городом, а также самыми низкими показателями ориентации на лояльность и уважения к авторитетам. Наконец, *шестой* кластер «*Оптимисты*» (N=74) объединил респон-

Таблица 2

Сравнение типов отношения к глобальным рискам
по индивидуально-психологическим
и социально-психологическим характеристикам

Личностные характеристики	Типы отношения к глобальным рискам						Достоверность различий (F ANOVA, p)	
	1	2	3	4	5	6		
Экологическая ответственность	11,61	11,86	8,19	12,65	10,77	10,42	4,88	≤0,001
Связь с природой (Maier, Frantz, 2004)	2,79	2,93	1,62	3,09	2,31	2,66	14,24	≤0,001
Вовлеченность (HS)	2,86	2,94	2,95	2,95	3,15	3,47	5,41	≤0,001
Контроль (HS)	2,75	2,96	2,91	2,84	3,02	3,18	4,33	0,001
Принятие риска (HS)	2,92	3,00	3,13	2,73	3,08	3,33	5,32	≤0,001
Жизнестойкость (HS)	2,85	2,97	2,99	2,84	3,08	3,33	5,59	≤0,001
Глобальная социальная идентичность	2,36	2,88	2,27	2,95	2,46	3,11	8,84	≤0,001
«Темное будущее» (шкала З. Залесского)	3,32	3,86	3,25	3,72	3,11	2,74	6,40	≤0,001
Экстраверсия	4,16	4,33	4,16	4,68	4,65	5,08	6,86	≤0,001
Доброжелательность	4,19	4,28	4,04	4,57	4,23	4,21	2,35	0,04
Добросовестность	4,61	4,93	4,73	5,43	5,06	5,08	5,04	≤0,001
Эмоциональная стабильность	3,99	3,76	4,15	3,83	4,25	4,11	1,94	0,085
Открытость к новому опыту	4,33	4,81	4,51	4,82	4,64	4,85	2,57	0,026
Религиозность (SAS)	2,34	2,19	1,57	3,04	1,83	2,46	13,50	≤0,001
Социальный цинизм (SAS)	3,00	2,72	2,44	3,29	2,49	2,52	5,45	≤0,001
Вера в вознаграждение усилий (SAS)	3,33	3,29	2,45	3,87	3,02	3,11	7,62	≤0,001
Контроль над судьбой (SAS)	2,62	2,04	1,88	2,91	1,94	2,38	10,15	≤0,001
Зависимость от судьбы (SAS)	2,40	1,41	1,32	2,46	1,52	1,66	20,58	≤0,001
Ориентация на гармонию в отношениях между людьми (SAS)	3,08	2,86	2,11	3,66	2,52	2,89	12,51	≤0,001
Социальная сложность (SAS)	3,43	3,59	2,98	4,01	3,31	3,41	3,54	0,004

Продолжение таблицы 2

Личностные характеристики	Типы отношения к глобальным рискам						Достоверность различий (F ANOVA, p)	
	1	2	3	4	5	6		
Шкала заботы (MFQ)	2,72	3,37	2,35	3,54	2,81	3,10	10,25	≤0,001
Шкала справедливости (MFQ)	2,72	3,48	2,53	3,61	2,91	3,19	9,99	≤0,001
Шкала лояльности (MFQ)	2,46	2,27	1,89	3,05	2,19	2,86	12,62	≤0,001
Шкала уважения к авторитетам (MFQ)	2,24	2,04	1,75	2,90	1,91	2,62	15,21	≤0,001
Шкала чистоты и святости (MFQ)	2,46	2,78	2,04	3,31	2,36	2,94	12,87	≤0,001
Прогрессивизм (MFQ)	0,33	1,06	0,55	0,48	0,71	0,34	13,78	≤0,001
Ингрупповое доверие (WVS)	2,60	3,34	2,97	3,40	3,10	3,09	5,89	≤0,001
Озабоченность угрозой природных катастроф и ухудшения экологической обстановки в городах	3,05	3,60	1,99	4,07	2,76	3,07	18,05	≤0,001
Озабоченность антропогенными угрозами (политические кризисы, коррупция, преступность, международные конфликты, терроризм и гонка вооружений)	2,72	3,10	1,67	3,48	2,37	2,66	18,49	≤0,001
Озабоченность техногенными угрозами (риск выведения из строя электронных систем, непредвиденные последствия развития новых технологий)	2,73	2,80	1,84	3,63	2,35	2,64	15,37	≤0,001
Идентификация с Россией	2,74	2,41	1,93	3,19	2,48	2,95	6,77	≤0,001
Идентификация с родным городом	2,49	2,22	1,59	2,94	2,20	2,74	8,90	≤0,001

дентов с наиболее высоким оптимизмом в отношении будущего человечества и наиболее выраженным убеждением в необходимости сотрудничества для прогнозирования и предотвращения глобальных рисков, а также наибольшей ценностью выживания человечества.

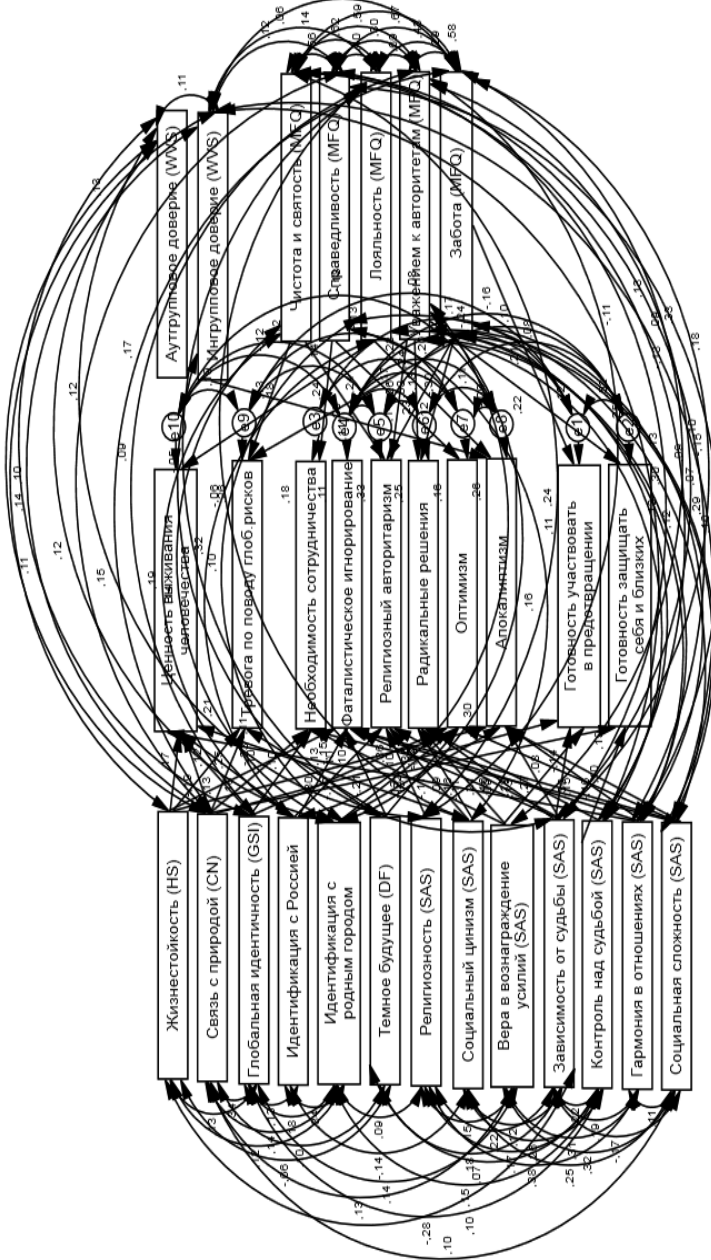

Рис. 1. Предикторы отношения личности к глобальным рискам (результаты структурного моделирования в программе Amos SPSS v. 20)

Как и «Активисты», представители данной группы готовы к действиям для защиты от глобальных угроз. Для них характерна наиболее выраженная глобальная идентичность, наиболее высокие показатели жизнестойкости и экстраверсии, при этом они меньше тревожатся по поводу будущего, чем другие участники исследования.

Проведенное нами структурное моделирование в программе SPSS Amos v. 20 позволило выявить ряд *предикторов отношения личности к глобальным рискам* ($\chi^2=529,333$; $df=275$; $CMIN/DF=1,925$; $p \leq 0,001$; $CFI=943$; $GFI=0,920$; $RMSEA=0,045$; $Hi90=0,51$; $Pclose=0,904$).

Ценность выживания человечества прямо связана с глобальной идентичностью ($\beta=0,131$), идентификацией себя с россиянами ($\beta=0,179$), ориентацией на лояльность нормам своей группы ($\beta=0,180$) и на гармонию в отношениях ($\beta=0,127$). Ее предикторами также являются высокая жизнестойкость ($\beta=0,170$) и низкий социальный цинизм ($\beta=-0,101$). Ценность выживания человечества оказалась тем выше, чем ниже связь с природой ($\beta=-0,186$). Предикторами *тревоги по поводу глобальных рисков* оказались связь с природой ($\beta=0,248$), ценность заботы о людях ($\beta=0,235$), тревога по поводу будущего ($\beta=0,300$), а также в меньшей степени – жизнестойкость ($\beta=0,116$) и ориентация на чистоту и святость ($\beta=0,133$).

Убеждение в необходимости сотрудничества для прогнозирования и предотвращения глобальных рисков прямо связано с ориентацией на справедливость ($\beta=0,236$), верой в вознаграждение усилий ($\beta=0,129$), представлением о сложности общества ($\beta=0,184$), глобальной идентичностью ($\beta=0,103$) и связью с природой ($\beta=0,100$).

Предикторами *оптимизма в отношении будущего человечества* и неприятия алармизма оказались признание сложности общества ($\beta=0,298$), ориентация на справедливость ($\beta=0,140$), низкая тревога перед будущим ($\beta=-0,134$). Оптимизм оказался в равной степени связан с глобальной ($\beta=0,098$) и локальной идентичностью ($\beta=0,098$). *Апокалиптизм*, т. е. вера в близость глобальной катастрофы, которая положит конец существованию человечества, прямо связан с убеждением в предопределенности судьбы ($\beta=0,272$), ориентацией на лояльность ($\beta=0,121$) и гармонию в отношениях ($\beta=0,148$). Обнаружена его отрицательная связь с жизнестойкостью ($\beta=-0,145$), убеждением в сложности общества ($\beta=-0,162$), ингрупповым доверием ($\beta=-0,111$), а также идентификацией с родным городом ($\beta=-0,122$).

Предикторами *оправдания радикальных решений для защиты от глобальных рисков*, в том числе выживания за счет жителей дру-

гих государств, оказалось уважение к авторитетам ($\beta=0,232$), одновременно вера в зависимость от судьбы ($\beta=0,155$) и стремление ее контролировать ($\beta=0,177$). Готовность оправдывать радикальные меры тем выше, чем меньше вера в вознаграждение усилий ($\beta=-0,105$), чем выше социальный цинизм ($\beta=0,089$) и чем ниже ценность заботы о людях ($\beta=-0,299$). *Фаталистическое игнорирование* прямо связано с верой в предопределенность судьбы ($\beta=0,162$), социальную сложность ($\beta=0,129$) и значимость гармонии в отношениях ($\beta=0,094$), при этом оно отрицательно связано с гражданской идентичностью ($\beta=-0,129$), жизнестойкостью ($\beta=-0,230$) и тревогой по поводу будущего ($\beta=-0,206$). *Религиозный и государственный авторитаризм*, т. е. убеждение в необходимости возврата к традиционным ценностям и жесткого контроля над гражданами со стороны государства, прямо связан с религиозностью ($\beta=0,225$), уважением к авторитетам ($\beta=0,258$), значимостью чистоты и святости ($\beta=0,200$), верой в зависимость от судьбы ($\beta=0,206$), идентификацией с россиянами ($\beta=0,100$). Он отрицательно связан с социальным цинизмом ($\beta=-0,108$), при этом у него негативная связь и с ценностью заботы ($\beta=-0,131$).

Готовность участвовать в коллективных действиях по предотвращению глобальных рисков прямо связана с переживанием своей связи с природой ($\beta=0,357$), ценностью заботы о людях ($\beta=0,206$), верой в вознаграждение усилий ($\beta=0,080$), а также отрицательно связана с верой в предопределенность судьбы ($\beta=-0,145$). Предикторами готовности к активным действиям для защиты от глобальных рисков себя и своих близких оказались связь с природой ($\beta=0,350$), уважение к авторитетам ($\beta=0,222$), стремление контролировать свою судьбу ($\beta=0,103$).

Опираясь на результаты, полученные в ходе структурного моделирования, можно сделать вывод о группах предикторов отношения личности к глобальным угрозам, которые выполняют разные психологические функции.

Так, *включение личностью себя в широкие социальные категории* (глобальная и гражданская идентичность) влияет, прежде всего, на ценностно-мотивационные, аффективные и когнитивные компоненты отношения к глобальным рискам: повышает ценность выживания человечества, озабоченность глобальными рисками, ориентацию на сотрудничество для прогнозирования и предотвращения глобальных рисков. Идентификация личности себя с биосферой земли (связь с природой) сильнее всего влияет на поведенческие компо-

ненты (готовность защищать себя и близких, участвовать в коллективных действиях по предотвращению глобальных угроз). Однако при этом она снижает ценность выживания человечества. По-видимому, признание себя частью живого мира снижает страх личности перед уходом человечества с планеты. Иными словами, биосферная идентичность может служить *психологической защитой* при угрозе социальной идентичности — глобальной, гражданской и локальной. Локальная идентичность (идентификация себя с родным городом) и внутригрупповое доверие (доверие семье, соседям, знакомым людям) повышают оптимизм в отношении будущего человечества и снижают апокалиптические ожидания. По-видимому, идентификация себя с малой родиной и близкими задействует *психологические ресурсы совладания* личности с тревожной информацией о глобальных угрозах, ориентирует на прагматические и позитивные цели.

Как показывают результаты данного исследования, тревога по поводу будущего выполняет *мобилизующую функцию*: она повышает озабоченность глобальными рисками, снижает оптимизм в отношении будущего человечества и делает личность более восприимчивой к алармизму в новостных лентах. Вместе с тем она не оказывает никакого влияния на готовность личности к коллективным или индивидуальным действиям по предотвращению рисков и самозащите.

Помимо идентификационных и аффективных механизмов важную роль в формировании отношения к глобальным рискам играют *когниции*. Можно выделить три группы убеждений личности, выполняющих различные психологические функции при совладании с глобальными угрозами.

Основная функция *первой* группы — *стабилизирующая*. Это убеждения, которые способствуют *совладанию с тревогой перед глобальными угрозами через повышение конформности*. К ней относятся религиозность, ориентация на чистоту и святость в моральных оценках, а также на уважение к авторитетам, которые усиливают убеждение в необходимости возвращения к традиционным ценностям и контролю над гражданами, поощряя нормативное поведение при приближении катастрофы. С одной стороны, они способствуют управляемости и мобилизации общества, с другой — сокращают пространство поиска новых решений, когнитивно упрощают ситуацию и могут провоцировать к радикальным вариантам действий. Данный когнитивный механизм аналогичен эффектам, хорошо описанным в теории управления ужасом Дж. Гринберга, Т. Пищинского и Ш. Соломо-

на: после напоминания о смерти или угрозах для жизни у испытуемых усиливаются групповая идентичность и аутгрупповая агрессия, возрастает конформность, стремление следовать групповым ценностям и нормам (Solomon et al., 1991; McGregor et al., 1998; Nelson et al., 1997; Denyingdeath, 2016).

Вторая группа убеждений выполняет противоположную психологическую функцию — *преадаптации к угрозам будущего через повышение толерантности к неопределенности*. К этой группе относятся жизнестойкость, ориентация на справедливость и заботу о людях, вера в наличие множества различных решений в ситуации неопределенности (социальная сложность), а также вера в вознаграждение усилий. Они повышают оптимизм в отношении будущего человечества, веру в возможность прогнозирования и предотвращения глобальных угроз через сотрудничество, снижают ориентацию на радикальные решения. Как известно, моральные основания справедливости и заботы характерны для индивидуалистического мировоззрения (Kivikangas et al., 2017). Это дает основания для предположения о том, что диалог для совместной выработки решений с участием заинтересованных сторон будет более характерной реакцией на приближающиеся глобальные угрозы для социальных групп с либеральными ценностями, тогда как для групп с консервативным мировоззрением более вероятна стратегия совладания через рестриктивные меры, различного рода запреты и ограничения в областях, связанных с риском.

Третья группа убеждений выполняет *защитную функцию в условиях дефицита социальных ресурсов для совладания с рисками*, когда личность убеждена, что перед лицом глобальных угроз рассчитывать можно только на себя. Социальный цинизм (негативный взгляд на природу человека, убежденность в несправедливости общества и недоверие социальным институтам), а также убеждение в предопределенности судьбы, сочетающееся с верой в возможность как-то на нее влиять, блокируют участие в коллективных действиях для предотвращения рисков, усиливают апокалиптизм и повышают ориентацию на радикальные решения.

Заключение

Результаты проведенных эмпирических исследований позволяют сделать следующие *выводы*.

Во-первых, в ходе конфирматорного факторного анализа подтверждена трехкомпонентная *структура отношения личности к глобальным рискам*. Разработанный и апробированный опросник «Отношение к глобальным рискам» позволяет измерить различные компоненты отношения личности к глобальным рискам: аффективные (тревога в отношении глобальных рисков); когнитивные (убеждение в необходимости сотрудничества для прогнозирования и предотвращения глобальных рисков; фаталистическое игнорирование; религиозный и государственный авторитаризм как средство спасения; допустимость радикальных решений и выживания одних за счет других; оптимизм в отношении глобального будущего; апокалиптизм), а также поведенческие компоненты (готовность участвовать в предотвращении глобальных рисков; готовность к активным действиям для защиты от глобальных рисков себя и своих близких). Вместе с тем пока не удалось подтвердить предположение о том, что ценность выживания человечества входит в структуру отношения к глобальным рискам, являясь его ценностно-мотивационным компонентом. На наш взгляд, это может указывать на то, что ценностно-мотивационные компоненты различаются в зависимости от оценки личностью вероятности и близости гибели человечества. Иными словами, пока существованию человечества ничего не угрожает, оно не воспринимается как ценность. Безусловно, нужны дальнейшие исследования, чтобы прояснить, при каких условиях существование человечества становится ценностью, релевантной для личности.

Во-вторых, на основании ценностно-мотивационного, аффективного, когнитивных и поведенческих компонентов отношения личности к глобальным рискам были выделены шесть его типов: *«радикальные пессимисты»*, *«активисты»*, *«игнорирующие»*, *«встревоженные традиционалисты»*, *«пассивные прагматики»* и *«оптимисты»*. Результаты сравнения данных типов по ряду индивидуально-психологических и социально-психологических характеристик указывают на то, что отношение к глобальным рискам тесно связано с внутригрупповым доверием, социальной идентичностью и уверенностью личности в своей способности влиять на будущее. Оказалось, что тревога по поводу глобальных рисков сочетается с консервативными ценностями (*«встревоженные традиционалисты»*), а вера в близость глобальной катастрофы — с низким социальным доверием и поддержкой радикальных решений (*«радикальные пессимисты»*). Эти результаты

заставляют задуматься о том, какое влияние алармистские новости в СМИ оказывают на общество (например: «Ученые предупредили о грядущей катастрофе», «Землю ждет аномальная жара», «Предсказано скорое наступление глобальной катастрофы»). Можно предположить, что вместо повышения рефлексивности и поддержки долгосрочно ориентированных сложных решений алармизм вызывает совсем другие защитные реакции: недоверие социальным институтам (социальный цинизм), поддержку рестриктивных (ограничительных), авторитарных и агрессивных мер. Протест против таких мер, в свою очередь, может быть одной из причин роста численности «пассивных прагматиков», характеризующихся слабой групповой идентификацией, не приемлющих всякий авторитаризм, нормы лояльности и уважения к авторитетам.

В-третьих, выделены *три группы предикторов отношения личности к глобальным угрозам (идентификационные, аффективные, когнитивные)*, которые выполняют разные психологические функции. Социальная идентификация — прежде всего, включение личностью себя в широкие социальные категории — повышает ценность выживания человечества, озабоченность глобальными рисками, ориентацию на сотрудничество для прогнозирования и предотвращения глобальных рисков. Тревога по поводу будущего мобилизует личность, делает ее более восприимчивой к алармизму по поводу глобальных угроз в новостных сообщениях. Наконец, убеждения личности выполняют стабилизирующую функцию через повышение конформности (религиозность, ориентация на чистоту и святость в моральных оценках, а также на уважение к авторитетам), функцию преадаптации к угрозам будущего через повышение толерантности к неопределенности (жизнестойкость, ориентация на справедливость и заботу о людях, социальная сложность, вера в вознаграждение усилий), а также защитную функцию в условиях дефицита социальных ресурсов для совладания с рисками (социальный цинизм, убеждение в существовании судьбы и возможности как-то на нее влиять).

Литература

Журавлев А. Л., Нестик Т. А. Психологические особенности глобальных рисков и отношение к ним в обществе // Психология отношения человека к жизнедеятельности: Проблемы и перспективы:

- тезисы докладов международной научно-практической конференции. Владимир, 2016. С. 12–17.
- Нестик Т. А.* Глобальные риски как психологический феномен // Пути к миру и безопасности. 2016. № 1 (50). С. 24–38.
- Нестик Т. А., Журавлев А. Л.* Отношение к глобальным рискам: социально-психологический анализ // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 1. С. 127–138.
- Психология повседневного и травматического стресса: угрозы, последствия и совладание. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Стресс, выгорание, совладание в современном контексте. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
- Attitudes to global risk and governance survey 2018. Stockholm: Global Challenges Foundation, 2018. URL: <https://api.globalchallenges.org/static/files/ComRes2018.pdf> (дата обращения: 21.08.2018).
- Avin S., Wintle B. C., Weitzdörfer J., ÓhÉigeartaigh S. S., Sutherland W. J., Rees M. J.* Classifying global catastrophic risks // Futures. September 2018. doi: 10.1016/j.futures (дата обращения: 02.01.2018).
- Denying death: An interdisciplinary approach to terror management theory/ Ed. by Lindsey Harvell, Gwendelyn S. Nisbett. N. Y.: Routledge, 2016.
- Global Catastrophic Risks – 2017. A report of the Global Challenges Foundation/Global Priorities Project. Oxford, 2016.
- Hamilton S. B., Chavez E. L., Keitlin W. G.* Thoughts of Armageddon: The relationship between nuclear threat attitudes and cognitive/emotional responses // International Journal of Mental Health. 1986. V. 15. P. 189–207.
- Kivikangas J. M., Lönnqvist J.-E., Ravaja N.* Relationship of moral foundations to political liberalism-conservatism and left-right orientation in a Finnish representative sample // Social Psychology. 2017. V. 48 (4). P. 246–251. doi: 10.1027/1864-9335/a000297 (дата обращения: 02.01.2018).
- McGregor H. A., Lieberman J. D., Greenberg J., Solomon S., Arndt J., Simon L., Pyszczynski T.* Terror management and aggression: Evidence that mortality salience motivates aggression against worldview-threatening others // Journal of Personality and Social Psychology. 1998. V. 74 (3). P. 590–605. doi:10.1037/0022–3514.74.3.590.
- Myers T., Nisbet M., Maibach E., Leiserowitz A.* A public health frame arouses hopeful emotions about climate change // Climatic Change. 2012. № 113. P. 1105–1112.

- Nelson L. J., Moore D. L., Olivetti J., Scott T.* General and personal mortality salience and nationalistic bias // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1997. V. 23 (8). P. 884–892.
- Randle M. J., Eckersley R.* Public perceptions of future threats to humanity and different societal responses: a cross-national study // *Futures*. 2015. V. 72. P. 4–16.
- Solomon S., Greenberg J., Pyszczynski T.* A terror management theory of social behavior: The psychological functions of self-esteem and cultural worldviews // *Advances in Experimental Social Psychology*. 1991. V. 24 (C). P. 93–159. doi: 10.1016/S0065-2601(08)60328-7.
- The Global Risks Report 2018. 13th Edition. World Economic Forum, 2016. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GRR18_Report.pdf (дата обращения: 21.08.2018).

Социально-психологические факторы оценки воспринимаемого возраста человека

Т. А. Шкурко

Омоложение является одной из актуальных проблем современности, которая решается как «снаружи» (через омоложение внешне-го облика), так и «изнутри» (посредством разнообразных процедур и технологий, восстанавливающих теломеры, влияющие на продолжительность жизни человека – Блэкберн, Эпель, 2017). Экономический аспект этой темы очевиден: желание современного человека выглядеть моложе своих лет запускает огромную индустрию соответствующих технологий и научных исследований, которые имеют как прикладной (отвечают на вопрос, насколько эффективна та или иная технология, будь то пластическая хирургия или косметическое средство, с точки зрения омоложения), так и фундаментальный характер (позволяют понять, как человек при восприятии внешности «конструирует» возраст другого, на какие его элементы опирается и т. д.).

Сегодня специалисты оперируют понятием «years saved» («спасенные годы») (Zimm et al., 2013), которое отражает разницу между *хронологическим возрастом человека* и тем возрастом, на который он выглядит. *Воспринимаемый возраст* является результатом *отражения внешнего облика* человека и представляет собой возраст *объекта восприятия*, приписанный ему *субъектом восприятия*. В современной науке наблюдается всплеск интереса к анализу факторов *воспринимаемого возраста человека*, так как он напрямую связан с его биологическим возрастом и является показателем риска смертности (Christensen et al., 2009; Uotinen et al., 2005). Учеными изучены ге-

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 17-18-01260 «Социальная психология внешнего облика: функции, значимость, удовлетворенность, обеспокоенность, интерпретации в межличностном и внутригрупповом взаимодействии в молодежной среде».

нетические (Uotinen et al., 2005), экологические (Rexbye et al., 2006), медико-эстетические факторы (Vulpitt et al., 2001; Chang et al., 2016), влияющие на *воспринимаемый возраст человека*. В ряде наших работ (Шкурко, Николаева, 2015; Шкурко, Сериков, 2017; Labunskaya, Shkurko, 2017) в качестве ключевого фактора *этого феномена* рассматривается *внешний облик человека*. Нами описан вклад различных *компонентов внешнего облика* в структуру восприятия возраста, что позволило понять, на что в первую очередь опирается *субъект восприятия* при анализе возраста другого человека. Также нами (Шкурко, Лабунская, 2017) обнаружена динамика интенсивности и модальности отношений к другому человеку (симпатии/антипатии, уважения/неуважения, близости/отдаленности) в связи с увеличением его *хронологического и воспринимаемого* возраста. При этом влияние *гендерно-возрастных, социально-демографических и психологических факторов* изучено недостаточно, чему и посвящено данное исследование.

Предметом исследования выступили *гендерно-возрастные и социально-демографические* характеристики объекта и субъекта восприятия возраста, *параметры точности оценки возраста, хронологической, психологической, воспринимаемый возраст, самооценка воспринимаемого возраста, самооценка внешнего облика*.

Гипотезы исследования: 1) оценка *воспринимаемого возраста* может быть обусловлена *гендерно-возрастными и социально-демографическими* характеристиками субъекта и объекта восприятия; 2) оценки *воспринимаемого возраста* человека могут различаться в зависимости от презентации объекта восприятия (ростовое/портретное фото) субъекту восприятия; 3) *самооценка внешнего облика объекта восприятия* может обуславливать его *воспринимаемый возраст*.

Для доказательства поставленных гипотез были выдвинуты следующие эмпирические задачи исследования:

- 1) провести анализ влияния *хронологического, психологического и самооценки воспринимаемого возраста* на точность восприятия возраста другого человека;
- 2) провести анализ *гендерного и социально-демографических факторов* (семейное положение, уровень материального благополучия) оценки *воспринимаемого возраста* другого человека;
- 3) проанализировать влияние типа визуальных презентаций возраста (ростовая или портретная фотография) на оценку возраста изображенных на них людей;

- 4) проанализировать влияние *гендерно-возрастных* характеристик *объекта восприятия* на оценку его *воспринимаемого возраста* другими людьми;
- 5) выявить взаимосвязь *самооценки внешнего облика* «моделей» и их *воспринимаемого возраста* (разницы между *воспринимаемым* и *хронологическим возрастом* «моделей»).

Сбор данных осуществлялся с помощью следующего методического инструментария: 1) процедуры «Фото-видео презентации внешнего облика» (Labunskaya, Shkurko, 2017); 2) методики «Оценочно-содержательная интерпретация своего внешнего облика и его соответствия гендерно-возрастным конструктам» В. А. Лабунской (2009); 3) социально-демографической анкеты.

Участникам исследования (*субъектам восприятия*) был предъявлен альбом из 40 фотографий (портретных, ростовых), на которых были представлены люди различных возрастов (20 «моделей»), профессий и типажей (профессиональная фотосъемка, с правильно подобранным светом, единообразным фоном, но без применения технологий «фотошоп»). «Моделей» не просили принять какие-либо позы или выражения лица, от них требовалось их обычное повседневное поведение. В качестве «моделей» (объектов восприятия) выступили 20 человек (10 мужчин и 10 женщин в возрасте от 18 до 58 лет). Фотографии были помещены в альбом таким образом, чтобы испытуемый мог видеть только одно фото и не переходил к следующему, не оценив предыдущего, при этом сначала демонстрировалось ростовое изображение человека, затем портретное. Порядок фотографий был определен так, чтобы чередовались мужские и женские образы, при этом рожденные в одном десятилетии люди повторялись через четыре на пятую картинку. К данной процедуре прилагалась специально разработанная анкета, которая содержала вопрос относительно объекта восприятия, «Сколько лет человеку на данном фото?», а также следующие сведения о субъекте восприятия: пол, возраст, психологический возраст (вопрос «На сколько лет себя чувствуете?»), самооценка воспринимаемого возраста (вопрос «На сколько лет вы, по вашему мнению, выглядите?»). В качестве субъектов восприятия выступили 60 человек: 47 женщин и 13 мужчин в возрасте от 18 до 77 лет. Каждый из них оценивал возраст человека, представленного на 40 фотографиях.

Таким образом, выборку исследования составили: объекты восприятия («модели») – 20 человек (10 мужчин, 10 женщин в возраст-

те от 18 до 58 лет); субъекты восприятия – 60 человек (47 женщин, 13 мужчин в возрасте от 14 до 77 лет). Всего в исследовании приняли участие 80 человек.

Достоверность полученных результатов обеспечивалась использованием в исследовании методов математической статистики: метода сравнения 2 связанных выборок по непараметрическому ранговому Z-критерию Уилкоксона; метода сравнения 2 независимых выборок по непараметрическому критерию Манна–Уитни; корреляционный анализ Спирмена.

Эмпирическое исследование факторов оценки воспринимаемого возраста другого человека позволило сделать ряд выводов.

1. Обнаружена общая тенденция, не зависящая от пола и возраста *субъекта и объекта восприятия*: это тенденция «старить» воспринимаемого другого, т. е. приписывать ему больше лет, чем ему есть на самом деле.
2. Восприятие визуальных презентаций возраста другого человека обусловлено характеристиками *как субъекта*, так и *объекта восприятия*:
 - 2.1. Чем выше хронологический возраст *субъекта восприятия*, тем ниже точность *восприятия возраста* другого человека (тем больше размер расхождения между *реальным* и *воспринимаемым возрастом* объекта восприятия в ту или иную сторону – либо занижение, либо завышение возраста): более «взрослые» субъекты восприятия менее точны, а более молодые демонстрируют большую точность.
 - 2.2. При сравнении вклада разных типов возраста в точность восприятия возраста другого человека (хронологического/психологического/воспринимаемого возраста *субъекта восприятия*) обнаружено: на точность оценки возраста влияет именно *самооценка воспринимаемого возраста*: чем старше, по мнению субъекта восприятия, он выглядит, тем больше он ошибается при оценке возраста другого человека, представленного как на ростовом фото, так и на портретном.
 - 2.3. Обнаружено, что *пол* субъекта восприятия, а также такие его *социально-демографические* характеристики, как *семейное положение* и *уровень материального благосостояния*, не оказывают какого-либо влияния на особенности *восприятия возраста другого человека*.

- 2.4. Чем старше *объект восприятия*, тем более заниженные оценки своего возраста он получает: *воспринимающие субъекты* имеют тенденцию «старить» более молодых людей, а более зрелых — «омолаживать».
- 2.5. Не было обнаружено значимых различий в *восприятии возраста объекта восприятия* в зависимости от его пола.
3. Параметры точности оценки *воспринимаемого возраста* человека другими людьми не различаются в зависимости от типа его презентации воспринимающему его субъекту (ростовое или портретное фото).
4. Обнаружена взаимосвязь между такими параметрами самооценки внешнего облика *объекта восприятия*, как «эстетическая оценка своего внешнего облика» и разница между *хронологическим* и *воспринимаемым* возрастом «модели» (так называемыми «спасенными годами»). Оказалось, что чем выше *эстетическая оценка своего внешнего облика*, тем больше разница между *реальным* и *воспринимаемым* возрастом «модели». Эта тенденция касается как ростовых фото, так и портретных. Этот результат означает, что те люди, которые оценивают свой внешний облик как непривлекательный, некрасивый, неухоженный, воспринимаются другими людьми как более *зрелые*, т. е. субъекты восприятия дают им больше лет, чем им есть на самом деле. И наоборот, чем выше *эстетическая оценка* своего *внешнего облика*, тем более молодыми их воспринимают другие люди. Таким образом, получены данные в пользу первой и третьей гипотез нашего исследования, а вторая гипотеза не нашла своего подтверждения.

Заключение

В исследовании обнаружена общая тенденция, не зависящая от пола и возраста *субъекта и объекта восприятия*: это тенденция «старить» воспринимаемого другого, т. е. приписывать ему больше лет, чем ему есть на самом деле. Также показано, что на оценку *воспринимаемого возраста* влияют: 1) возраст объекта восприятия; 2) возраст субъекта восприятия; 3) эстетическая оценка своего внешнего облика объектом восприятия. На оценку *воспринимаемого возраста* человека не влияют: 1) тип фотовизуализации объекта восприятия (ростовое или портретное фото); 2) пол объекта восприятия; 3) пол субъекта восприятия; 4) семейное положение и уровень материаль-

ного благосостояния субъекта восприятия. Описан вклад разных типов возраста субъекта восприятия (хронологического, психологического, самооценки воспринимаемого возраста) в точность оценки им возраста другого человека. Систематизированы факторы, оказывающие/не оказывающие влияние на оценку воспринимаемого возраста другого человека.

Литература

- Блэкберн Э. Э., Эпель Э.* Эффект теломер: революционный подход к более молодой, здоровой и долгой жизни. М.: Э, 2017.
- Лабунская В. А.* Не язык тела, а язык души! Психология невербально-го выражения личности. Ростов-на-Дону: Феникс, 2009.
- Шкурко Т. А., Сериков Г. В.* Влияние динамического компонента внешнего облика на восприятие визуальных презентаций возраста другого человека // Российский психологический журнал. 2017. Т. 14. № 3. С. 190–209.
- Шкурко Т. А., Лабунская В. А.* Динамика отношения к воспринимаемому субъекту в связи с восприятием визуальных презентаций его возраста // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. С. 1762–1769.
- Шкурко Т. А., Николаева Е. Г.* Компоненты внешнего облика в структуре восприятия визуальных презентаций возраста // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 4. С. 78–90.
- Vulpitt C. J., Markowe H. L. J., Shipley M. J.* Why do some people look older than they should? // Postgraduate Medical Journal. 2001. V. 77. Iss. 911. P. 578–581.
- Chang B. L., Wilson A. J., Taglienti A. J., Chang C. S., Folsom N., Percec I.* Patient perceived benefit in facial aesthetic procedures: FACE-Q as a tool to study botulinum toxin injection outcomes // Aesthetic Surgery Journal. 2016. V. 36. Iss. 7. P. 810–820.
- Christensen K., Thinggaard M., McGue M., Rexbye H., Helmborg J. V. B., Aviv A., Gunn D., van der Ouderaa F., Vaupel J. W.* Perceived age as clinically useful biomarker of ageing: Cohort study // BMJ (Online). 2009. V. 339. Iss. 7735. b5262. P. 1433.
- Labunskaya V., Shkurko T.* The components of appearance of a person as the tokens of his age // 4th International Multidisciplinary Scientific Con-

ference on Social Sciences and Arts SGEM 2017. SGEM 2017 Conference Proceedings. 24–30 August. 2017. V. 3. № 2. P. 363–370. URL: www.sgemsocial.org.

Rexbye H., Petersen I., Johansen M., Klitkou L., Jeune B., Christensen K. Influence of environmental factors on facial ageing // *Age and Ageing*. 2006. V. 35. Iss. 2. P. 110–115.

Uotinen V., Rantanen T., Suutama T. Perceived age as a predictor of old age mortality: A 13-year prospective study // *Age and Ageing*. 2005. V. 34. Iss. 4. P. 368–372.

Zimm A. J., Modabber M., Fernandes V., Karimi K., Adamson P. A. Objective assessment of perceived age reversal and improvement in attractiveness after aging face surgery // *JAMA Facial Plastic Surgery*. 2013. V. 15 (6). P. 405–410.

Раздел 2

ПСИХОЛОГИЯ ГРУППЫ И МЕЖГРУППОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Феномен доверия у представителей волонтерского движения

А. А. Алдашева, М. А. Логинова, О. В. Рунец

Интерес к изучению *просоциальной активности* человека отмечается с середины XX в. Определенный вклад в развитие ее проблематики внесли работы Ж. Пиаже, Л. Колберга, Л. Берковица, Дж. Дарли, Б. Латанэ, К. Роджерса. Одним из видов просоциальной активности является *волонтерство*, которое активно исследуется современной психологической наукой (Е. С. Азарова, М. И. Бобнева, В. В. Болучевская, Я. Рейковский, Е. А. Сорокоумова, L. Brammer, R. A. Snaan, R. S. Goldberg-Glen, N. Eisenberg, M. A. Finkelstein, J. E. Grusec, L. A. Penner).

Большинство исследователей выделяют особенности личности волонтера: ориентация на работу с людьми и для людей, позитивное восприятие мира, альтруизм, ответственность, умение взаимодействовать и организовывать деятельность других людей (Е. А. Сорокоумова, M. Ashton, N. Eisenberg, W. G. Graziano, L. A. Penner).

К особенностям волонтерской деятельности относят ситуативность, необходимость взаимодействовать с различными категориями людей, на которые направлена помогающая активность, дефицит времени и ресурсов, неопределенность, экстремальность условий. Успешность исполнения взятой на себя социальной ответственности предполагает доверие волонтера к себе, своим возможностям, к партнерам по взаимодействию, а также лицам, на которых направлена помогающая деятельность.

Доверие рассматривается рядом авторов как феномен, направляющий межличностное взаимодействие в конструктивное русло, поскольку доверие к себе и другим способствует *самораскрытию личности* (Н. Б. Астанина, А. Б. Купрейченко, Н. Луман, Э. Гидденс, Ф. Фукуяма, С. Джурард и др.), тем самым обеспечивая *совместную деятельность* (подробнее см.: Журавлев, 2005; Совместная деятель-

Работа выполнена по Государственному заданию № 0159-2017-0010.

ность..., 1988; и др.) на всех уровнях социальной и деловой коммуникации (Антоненко, 2006). Анализ феномена доверия к себе, рассматривается как базовое свойство личности (Боулби, 2003; Роджерс, 1994; Эриксон, 1996), которое проявляется в личностной установке, как самоотношение (Алдашева 2016), задающее общее направление самоорганизации и саморазвития, как важнейшее условие субъектности (подробнее см.: Проблемы субъектов..., 2007; Сергиенко, 2013; Субъектный подход..., 2009; и др.). Доверие к другим как психологическое отношение проявляется в интересе и уважении к объекту или партнеру, готовности проявлять по отношению к нему добрую волю, а также совершать определенные действия, способствующие успешному взаимодействию (Доверие и недоверие..., 2013; Купрейченко, 2008; и др.). В целом феномен доверия является условием гармоничных отношений человека и барьером на пути возникновения асоциального поведения (Астанина, 2010; Купрейченко, Журавлев, 2011; и др.).

В статье представлены результаты исследования взаимосвязи показателей просоциальной активности личности и доверия/недоверия к другому в группах волонтеров с разным уровнем доверия к себе. Индивидуально-психологические характеристики – альтруизм/эгоизм и социальная ответственность – рассматриваются как показатели просоциальной активности. Основываясь на этом положении, были сформулированы следующие *гипотезы*.

1. Уровень доверия к себе является системообразующим фактором просоциальной активности волонтера и определяет направленность личности на альтруизм и социальную ответственность.
2. Доверие к себе является одной из важнейших детерминант межличностного взаимодействия, определяющих структуру доверия/недоверия личности другим людям.

Методика

Участники исследования. В работе представлены данные интернет-исследования, в котором приняли участие 138 респондентов. С целью проверки выдвигаемых гипотез выборка подверглась выравниванию статистических рядов, на основании которого были выделены группы с низким уровнем доверия к себе ($n=24$), со средним уровнем ($n=24$) и высоким ($n=24$). Возрастной состав анализируемой выборки – от 16 до 59 лет, в нее вошли 81% женщин и 19% мужчин.

Методика и процедура исследования. Для исследования доверия к себе была использована «Методика изучения доверия к себе» (Астанина, 2010). Методика исходно была создана для изучения доверия к себе у подростков и респондентов юношеского возраста, в последующем она прошла апробацию с целью правомерности применения на взрослой выборке (Рунец, 2015).

Для определения основных критериев доверия/недоверия другим людям использована «Методика оценки доверия/недоверия личности другим людям» А. Б. Купрейченко. Структура методики включает пять «симметричных» шкал доверия и недоверия: «Надежность»; «Знание»; «Приязнь»; «Единство»; «Расчет» и «Отношение к недостаткам» человека, которому доверяют больше всего, и человека, который доверия не оправдал. Помимо 12 основных показателей, методика позволяет рассчитать также шесть дополнительных — дельты (Δ) по всем шкалам. Дельта подсчитывается как разница между показателями отношения к двум категориям людей: человек, которому доверяют больше всего, и человек, который доверия не оправдал (Купрейченко, 2008).

Для изучения мотивационных установок личности на альтруизм и эгоизм была выбрана «Методика диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере» О. Ф. Потемкиной (Практическая психодиагностика..., 2001). Способность человека соблюдать общественные нормы, нести ответственность исследовалась опросником «Шкала социальной ответственности» (Муздыбаев 2010).

Методики были предложены для заполнения зарегистрированным участникам социальной сети vk.com, принимающим активное участие в волонтерской деятельности. Участники интернет-исследования¹ заходили на веб-сайт, где им предлагалось, следуя инструкции на экране, заполнить демографическую анкету и методики.

Статистическая обработка результатов исследования осуществлялась на основе корреляционного, дисперсионного и кластерного анализа с использованием пакета Statistica 10. Также был проведен частотный анализ данных, полученных в результате использова-

1 Данные психологических исследований, получаемые в интернет-среде, являются репрезентативными в отношении пола и возраста участников, что обуславливает популяционную валидность и репрезентативность данных интернет-исследования просоциальной деятельности российской популяции (Арутюнова, Александров, 2016).

ния «Методики оценки доверия/недоверия личности другим людям» (Купрейченко, 2008).

Результаты исследования и их обсуждение

Результаты исследования показали, что в группе с *высоким* уровнем доверия к себе обнаружена положительная связь с показателем по шкалам «Социальная ответственность» и «Альтруизм» ($r=0,59$ при $p\leq 0,01$), что говорит о склонности респондентов бескорыстно действовать в пользу других. Наличие отрицательной связи между показателями «Социальная ответственность» и «Эгоизм» ($r=-0,51$ при $p\leq 0,01$) характеризует волонтеров как лиц, ответственно относящихся к выполнению взятых на себя обязательств. Положительная связь показателя «Альтруизм» с показателями по шкалам «Единство Д» ($r=0,53$ при $p\leq 0,01$) и « Δ Единства» ($r=0,41$ при $p\leq 0,05$) позволяет предположить о направленности респондентов на альтруистические ценности, способности проявлять доверие к другому человеку, основываясь на представлении о наличии общих целей, принципов или мировоззрения. Это же подтверждается наличием отрицательной связи между показателем «Альтруизм» и шкалами «Недостатки Д» ($r=-0,42$ при $p\leq 0,05$) и « Δ Недостатков» ($r=-0,44$ при $p\leq 0,05$). Таким образом, волонтеры с высоким уровнем доверия характеризуются просоциальной активностью, способностью формировать доверительные отношения на основе единства целей и представлений, несмотря на недостатки другого человека.

В группе волонтеров со *средним* уровнем доверия к себе отмечаются взаимосвязи, которые показывают, что доверие/недоверие к другому основывается на информации: так, показатель «Доверие к себе» положительно коррелирует с показателем по шкале «Знание НД» ($r=0,56$ при $p\leq 0,01$), а показатель «Социальная ответственность» связан с показателями по шкалам «Расчет Д» ($r=0,47$ при $p\leq 0,05$) и « Δ Расчет» ($r=0,41$ при $p\leq 0,05$). Образованные связи можно объяснить так: социально ответственный человек, доверяющий себе при взаимодействии, основывается на информации о другом, что позволяет ему снижать риски, связанные с неопределенностью ситуации и соответственно прогнозировать поведение человека, которому не доверяют в такой ситуации.

В группе волонтеров с *низким* уровнем доверия к себе отмечена положительная связь между показателями «Альтруизм» и «Социальная

ответственность» ($r=0,56$ при $p \leq 0,01$), которая характеризует респондентов как людей, соблюдающих общепринятые социальные нормы и готовых бескорыстно оказывать помощь. Однако в том, что касается доверия/недоверия другому человеку, респонденты с низким уровнем доверия к себе не исключают личного расчета, основанного на взаимобмене, о чем говорит положительная связь между показателем по шкале «Альтруизм» и показателями по шкалам «Единство Д» ($r=0,44$ при $p \leq 0,05$) и «Расчет Д» ($r=0,44$ при $p \leq 0,05$), а также показателем «Социальная ответственность» и показателями по шкалам « Δ Единство» ($r=0,49$ при $p \leq 0,05$) и « Δ Расчет» ($r=0,41$ при $p \leq 0,05$). В то же время показатель «Эгоизм» отрицательно связан со шкалой « Δ Недостатки» ($r=-0,42$ при $p \leq 0,05$) и положительно – со шкалой «Недостатки НД» ($r=0,48$ при $p \leq 0,05$). Известно, что показатель « Δ Недостатки» (Купрейченко, 2008) свидетельствует об *амбивалентности* отношения к Другому. Таким образом, волонтеры с низким уровнем доверия к себе ориентированы на собственные интересы, с одной стороны, а с другой – способны реалистично оценивать недостатки другого и настороженно относиться к их проявлениям.

Для выявления *индивидуально-психологических* характеристик личности и *структуры* доверия/недоверия к другим людям в группах с различным уровнем доверия к себе был проведен сравнительный анализ с применением критерия Краскела–Уоллиса. Группа с высоким уровнем доверия к себе обладает наибольшим показателем направленности на «Альтруизм» ($M=6$; $M=6$; $M=7,5$ при $p \leq 0,05$) и наименьшим – на «Эгоизм» ($M=3,5$; $M=3$; $M=2$ при $p \leq 0,05$). Установлено, что в группе с высоким уровнем доверия к себе отмечается тенденция к повышению уровня социальной ответственности по сравнению с группой с низким уровнем доверия к себе. Между группами с низким и высоким уровнями доверия к себе также существуют значимые различия по критерию «Надежность» в структуре доверия/недоверия к другим ($M=1,5$; $M=2$ при $p \leq 0,05$). Различия показывают, что представители групп с высоким и низким доверием к себе в акте доверия к Другому основываются на эмоциональном компоненте – надежности, при этом волонтеры первой группы открыты к взаимодействию и для них характерно представление о втором участнике доверительных отношений как о способном оказать помощь в трудной ситуации. Для волонтеров третьей группы характерна ориентация при взаимодействии на себя и отсутствие ожиданий, связанных с поведением партнера.

Качественный анализ значений шкал доверия/недоверия показывает (таблица 1), что с повышением уровня доверия к себе у респондентов плавно повышается оценка другого человека, которому доверяют больше всего, по шкале «Надежность», и плавно понижается по шкалам «Недостатки» и «Расчет». В отношении человека,

Таблица 1

Индивидуально-психологические характеристики личности и структура доверия/недоверия к другим людям в группах волонтеров с разным уровнем доверия к себе

Показатель	Низкий уровень ДС	Средний уровень ДС	Высокий уровень ДС	Значимые различия между группами по уровню ДС
Альтруизм	6	6	7,5	Между 3 и 1,2; $p \leq 0,05$
Эгоизм	3,5	3	2	Между 3 и 1,2; $p \leq 0,05$
Недостатки Д	1,98	1,96	1,90	–
Надежность Д	4,13	4,19	4,40	–
Знание Д	3,87	3,70	4,01	–
Приязнь Д	4,25	4,12	4,45	–
Единство Д	3,90	3,83	4,16	–
Расчет Д	3,97	3,69	3,88	–
Надежность НД	2,55	2,54	2,18	–
Знание НД	3,22	3,06	3,08	–
Приязнь НД	2,62	2,50	2,13	–
Единство НД	2,76	2,73	2,58	–
Расчет НД	2,88	3,11	3,04	–
Недостатки НД	3,15	2,97	3,45	–
Δ Надежности	1,58	1,65	2,22	Между 1 и 3; $p \leq 0,05$
Δ Знания	0,65	0,63	0,93	–
Δ Приязни	1,62	1,62	2,31	–
Δ Единства	1,13	1,09	1,58	–
Δ Расчета	1,08	0,58	0,84	–

Примечание: ДС – доверие к себе, Д – достойный доверия, НД – недостойный доверия, Δ – дельта.

который доверие не оправдал, с повышением уровня доверия к себе оценки плавно понижаются по шкалам «Приязнь» и «Единство». Анализ дельт шкал опросника показывает, что для всех трех групп наиболее значимыми основаниями доверия/недоверия являются критерии эмоционального ряда – «Надежность» и «Приязнь». Обращает на себя внимание, что волонтеры с высоким уровнем доверия к себе ориентированы на критерии «Единство» и «Знание», что подтверждается высокими оценками человека, которому они доверяют больше всего. Группы с разными уровнями доверия к себе четко различаются по таким качествам личности, как альтруизм и эгоизм.

Полученные в исследовании данные свидетельствуют о том, что уровень доверия волонтеров к себе связан не только со степенью выраженности ориентаций личности на альтруизм, эгоизм и социальную ответственность, но и с характером проявления доверия / недоверия к другим людям. В целом, необходимо отметить, что волонтерская деятельность связана с просоциальным поведением, подразумевающим склонность бескорыстно действовать на пользу обществу, готовность нести ответственность не только за себя, но и за другого (Муздыбаев, 2010), на что обращает внимание наличие связи ориентаций волонтера на альтруизм и социальную ответственность как социальное свойство (Купрейченко, Журавлев, 2011; Макаренко, 1972; и др.). Согласно А. Л. Журавлеву, социальная ответственность выступает одним из признаков *социально-психологической зрелости* (Журавлев, 2007; и др.). Можно говорить, что ответственность за Другого начинается с доверия к самому себе, а безответственность коренится в неспособности человека доверять себе и другому (Кривошеева, 2010).

Однако, как известно, помогающее поведение может осуществляться вне границ альтруизма. Например, это могут быть акты помощи, которые реализуются как шаблонно-стереотипные проявления (культурные привычки, правила этикета), помощь в рамках нормы взаимности (услуга за услугу) (Наконечная, 2012). Многие исследователи полагают, что эгоистические мотивы также могут способствовать волонтерской деятельности (Finkelstien, 2009), что было подтверждено в ходе проведенного исследования. Так, группа волонтеров с низким уровнем доверия к себе, для которой характерна ориентация на эгоизм, при взаимодействии способна реалистично оценивать недостатки Другого с целью снижения рисков неопределенности.

Частотный анализ показал, что группа волонтеров с высоким уровнем доверия к себе использует большее количество критериев доверия другим людям. По данным исследования, проведенного С. П. Табхаровой, по мере усиления близости с партнером (просоциальная активность) количество критериев доверия растет (Табхарова, 2008), из чего можно сделать вывод, что для группы с высоким уровнем доверия характерна *меньшая психологическая дистанция* в отношениях с другими людьми (подробнее см.: Купрейченко, Журавлев, 2001 и др.).

Таким образом, исследования показали, что уровень доверия к себе является одной из важнейших детерминант межличностного взаимодействия и определяет структуру доверия/недоверия другим людям. Полученные результаты согласуются с моделью доверия другим людям, созданной Р. Левицки, М. Стивенсоном и Б. Банкером, в которой выделяются три вида доверия: доверие, основанное на расчете («Этот человек делает то, что он обещал»; «Я слышан от других людей о его хорошей репутации»); доверие, основанное на знании («У меня достаточный опыт общения с этим человеком»; «Мне кажется, что я хорошо его знаю»); доверие, основанное на тождестве («У нас с ним общие интересы»; «У нас общие жизненные ценности») (Levicky et al., 1997).

Было установлено, что для группы волонтеров с *высоким* уровнем доверия к себе одним из наиболее значимых оснований доверия другим людям выступает критерий «Единство», т. е. базовым для данной группы становится доверие, основанное на *тождестве*. По типологии А. Б. Купрейченко данный тип получил условное название «максималист», для которого в ориентации на другого характерна общность целей, духовная близость и терпимость к недостаткам других людей (Купрейченко, 2008). В целом можно сказать, что лица с более высоким уровнем доверия к себе ориентированы на Другого, способны строить доверительные отношения, основанные на критериях единства цели и надежности партнера.

Для группы волонтеров со *средним* уровнем доверия к себе базовым становится доверие к другим людям, основанное на *знании*. Представители группы со средним доверием к себе характеризуются готовностью нести ответственность за свои действия и ориентацией на когнитивный компонент («Расчет» и «Знания») в оценке поведения человека, который однажды не оправдал доверия.

Волонтеры с *низким* уровнем доверия к себе характеризуются проявлением амбивалентных личностных свойств – альтруизм/эгоизм – в просоциальной деятельности. Они склонны заменять подлинное доверие *расчетом*. Показано, что в данной группе имеет место максимальное количество взаимосвязей критериев доверия/недоверия другим людям с личностными свойствами. В данной группе чем выше уровень социальной ответственности, тем чаще проявляется склонность подменять доверие другому расчетом, высоко оценивать недостатки других людей в отношениях доверия. Данный факт подтверждает амбивалентность отношения к другим людям: они склонны, доверяя человеку, сохранять способность реалистично оценивать его слабые стороны и настороженно относиться к их возможным проявлениям.

Для доказательства гипотез исследования был применен древовидный *кластерный анализ* по методу «удаленного соседа», дендрограмма которого представлена на рисунке 1.

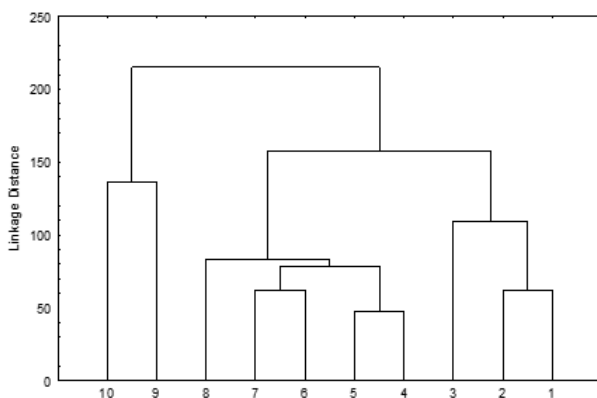

Рис. 1. Дендрограмма кластерного анализа доверия к себе, доверия/недоверия к другим и показателей просоциальной активности волонтеров.

1 – Альтруизм. 2 – Социальная ответственность. 3 – Доверие к себе.
4 – Дельта Надежности. 5 – Дельта Принятия. 6 – Дельта Единства. 7 – Дельта Знания. 8 – Дельта Расчета. 9 – Эгоизм. 10 – Дельта Недостатки

Кластерный анализ выделил три основных кластера. *Первый* кластер объединяет три показателя – «Доверие к себе», «Социальная ответственность» и «Альтруизм». Данный кластер позволяет говорить, что доверие к себе проявляется в самоотношении, предполагает го-

товность человека нести ответственность за свои поступки и ориентацию на взаимодействие. Во *второй* кластер вошли показатели, способствующие формированию доверия/недоверия к другому. При этом четко прослеживается разделение на *когнитивный* («Знание», «Единство») и *эмоциональный* («Приязнь» и «Надежность») его компоненты.

Объединение двух кластеров подтверждает результаты проведенного исследования и теоретического анализа работ (Э. Эриксона, Дж. Боулби, И. В. Антоненко, А. Б. Купрейченко и др.), в которых также отмечается наличие связи между доверием человека к себе и другому.

Третий кластер объединяет показатели «Направленность на эгоизм» и «Δ Недостатки», которые объясняют отношения человека с низким уровнем доверия к себе во взаимодействии с другими людьми. Эта направленность проявляется в амбивалентности отношения к партнерам по взаимодействию, в котором доверие к другому заменяется оцениванием слабых сторон и настороженностью его проявления. Объединение данного кластера с первым и вторым подтверждает предположение А. Б. Купрейченко о том, что показатель «Недостатки» позволяет дифференцировать различных людей и социальные группы, что не противоречит функционально-динамическому подходу, обосновавшему уровневое деление меры доверия к себе.

Таким образом, результаты кластерного анализа подтверждают гипотезу о том, что доверие к себе является одной из важнейших детерминант межличностного взаимодействия, определяющих структуру доверия другим людям и ориентацию на альтруизм, эгоизм и социальную ответственность в просоциальной активности.

Выводы

1. Доверие к себе является системообразующим фактором просоциальной активности волонтера. Уровень доверия к себе определяет степень выраженности ориентаций личности на альтруизм, эгоизм и социальную ответственность.
2. Уровень доверия к себе является одной из важнейших детерминант межличностного взаимодействия, определяющих структуру доверия/недоверия личности другим людям.
3. Группа волонтеров с высоким уровнем доверия к себе характеризуется меньшей психологической дистанцией в отношениях

- доверия. Для данной группы базовым является доверие, основанное на тождестве: опора на критерии единства целей и надежности партнера при построении доверительных отношений.
4. Для группы волонтеров со средним уровнем доверия к себе базовым является доверие другим людям, основанное на знании, а принятие ответственности связано с расчетом. Оба показателя свидетельствуют об ориентации на когнитивный компонент в оценке поведения человека, который однажды не оправдал доверия.
 5. Волонтеры с низким уровнем доверия к себе в просоциальной активности ориентируются на расчет получаемого блага, что может говорить лишь об условном доверии к другому. Склонность к расчету снижает неопределенность ситуации и заменяет собой подлинное доверие к себе.

Литература

- Алдашева А. А.* Доверие профессионала к себе в пространстве профессиональной деятельности // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2016. № 3 (51). С. 62–71.
- Антоненко И. В.* Социальная психология доверия: Дис. ... докт. психол. наук. Ярославль, 2006.
- Артюнова К. Р., Александров Ю. И.* Факторы пола и возраста в моральной оценке действий // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 2. С. 79–91.
- Астанина Н. Б.* Создание и апробация нового личностного опросника «Методика изучения доверия к себе» // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2010. № 3. URL: <http://psyedu.ru/journal/2010/3/Astanina.phtml> (дата обращения: 31.10.2017).
- Боулби Дж.* Привязанность. М.: Гардарики, 2003.
- Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества. М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2013.
- Журавлев А. Л.* Психология совместной деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
- Журавлев А. Л.* Социально-психологическая зрелость: обоснование понятия // Психологический журнал. 2007. Т. 28. № 2. С. 44–55.
- Кривошеева О. Р.* Практические аспекты формирования социальной ответственности: Учебное пособие. Омск: Изд-во СибГУФК, 2010.

- Купрейченко А. Б.* Психология доверия и недоверия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Купрейченко А. Б., Журавлев А. Л.* Психологическая дистанция между личностью и представителями различных социальных категорий // Психология совместной жизнедеятельности малых групп и организаций. М.: Социум—Изд-во «Институт психологии РАН», 2001. С. 36–59.
- Купрейченко А. Б., Журавлев А. Л.* Субъективный социальный статус как фактор социального самоопределения и активности личности // Психология образования: Детство как стратегический ресурс развития общества: Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции. М.: Федерация психологов образования России, 2011. С. 113–118.
- Макаренко А. С.* Коллектив и воспитание личности. М.: Педагогика, 1972.
- Мудыбаев К.* Психология ответственности. М.: Либроком, 2010.
- Наконечная М. Н.* Помощь другому как раскрытие его субъектности // Журнальный клуб Интелрос «Credo New». № 3. 2012. URL: <http://www.intelros.ru/readroom> (дата обращения: 31.10.2017).
- Практическая психодиагностика. Методики и тесты. Учебное пособие / Ред. и сост. Д. Я. Райгородский. Самара: Бахрах-М, 2001. С. 641–648.
- Проблемы субъектов в постнеклассической науке. М.: Когито-Центр, 2007.
- Роджерс К. Р.* Взгляд на психотерапию. Становление человека / Пер. с англ. М. М. Исениной; под ред. Е. И. Исениной. М.: Прогресс—Универс, 1994.
- Рунец О. В.* Апробация личностного опросника Н. Б. Астаниной «Методика изучения доверия к себе» // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6. № 4. С. 170–182.
- Сергиенко Е. А.* Проблемы соотношения понятий субъекта и личности // Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 2. С. 5–16.
- Совместная деятельность: Методология, теория, практика. М.: Наука, 1988.
- Субъектный подход в психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Табхарова С. П.* Взаимосвязь доверия и недоверия личности другим людям с отношением к соблюдению нравственных норм делового поведения: Автореф. дис. ... канд. психол. наук: М., 2008.

А. А. Алдашева, М. А. Логинова, О. В. Рунец

Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. Пер. с англ. / Общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. М.: Прогресс, 1996.

Finkelstien M. A. Intrinsic vs extrinsic motivational orientations and the volunteer process // *Personality and Individual Differences*. 2009. V. 46 (5–6). P. 653–658.

Levicky R. J., Stevenson M., Bunker B. B. The three components of interpersonal trust: instrument development and differences accross relationships. The Ohio State University: WPS. Feb. 1997.

Взаимосвязь удовлетворенности условиями проживания в мегаполисе и социально-психологического благополучия личности детей

М. Ю. Войтенко, Т. В. Дробышева

Проблемы влияния урбанизации на психическое здоровье жителей, их психологическое благополучие с середины 1970-х годов стали объектом исследований самых разных отечественных специалистов – психологов, социологов, архитекторов, философов, культурологов и др. (В. Л. Глазычев, А. В. Иконников, М. С. Каган, Л. Б. Коган, Ю. Круусвал, Ю. А. Левада, Т. Нийт, М. Раудсеп и др.). Однако аспекты взаимодействия предметно-пространственной, социальной и природной среды города и человека столь многообразны, что даже междисциплинарная область прикладных исследований (урбанистика) не в состоянии выявить все возникающие проблемы (А. А. Барабанов; и др.). Причем чем больше размер города, тем менее благополучными воспринимаются горожанами условия проживания в нем, но тем больше возможностей для самореализации он предоставляет своим жителям, и наоборот, чем меньше размер города, тем меньше возможностей для самореализации, но тем более безопасной воспринимается городская среда ее жителями (Keedwel, 2017). В данном контексте представляет интерес выделение *нового научного направления исследований* в рамках социальной психологии города, раскрывающего особенности взаимодействия разных групп населения в условиях проживания в мегаполисе (Дробышева, Журавлев, 2016; Социально-психологические исследования города, 2016). В связи с этим накопление фактологического материала является *основной задачей* на первых этапах работы, а представленные в данной публикации результаты исследования релевантны поставленной задаче.

Социально-психологическое благополучие личности (СПБЛ) (см.: Дробышева, Войтенко, 2015) тесно связано с проблемой изуче-

Работа выполнена в рамках Государственного задания ФАНО № 0159-2018-0003 «Психология коллективного субъекта в изменяющихся условиях совместной жизнедеятельности».

ния благополучия людей, проживающих в мегаполисе, поскольку отличительной характеристикой условий проживания в мегаполисе, по мнению ряда исследователей, является именно *специфика коммуникаций* (Г. Зиммель, И. Альтман, М. Вебер, Ч. Кули, Дж. Джекбс и др.). Для коммуникаций в мегаполисе характерны такие проявления, как: низкий уровень социальной поддержки и социальной солидарности, отсутствие ответных реакций на поведение партнера по взаимодействию (Штейнбах, Еленский, 2004), стремление к закрытости, ограничение контактов с незнакомыми людьми (С. Милгрэм, Ц. П. Короленко, Н. В. Дмитриева, А. А. Балакина и др.) и т. п. Связь специфики коммуникаций и размера пространства жилища экспериментально изучались еще в конце 1970-х годов (Baum, Aiello, Calesnick, 1978). Исследование показало, что чрезмерное скопление людей повышает вероятность проявления агрессивности в общении, негативно отражается на их стрессоустойчивости, не способствует просоциальному поведению людей. Т. е. снижается уровень их социально-психологического благополучия (СПБЛ), одним из показателей которого является удовлетворенность взаимоотношениями, общением людей, проживающих в условиях большого города.

Социально-психологическое благополучие детей в мегаполисе отличается от аналогичного благополучия взрослых. С нашей точки зрения, уже в старшем дошкольном возрасте СПБЛ может проявляться в *самопринятии* (отношение к себе, базирующееся на позитивной самооценке), *позитивных отношениях с окружающими* (сверстники, родители и значимые взрослые). Удовлетворенность качеством сложившихся отношений предполагает удовлетворенность своим статусом в группе сверстников, отношений со значимыми взрослыми. Позитивное восприятие ребенком межличностных отношений со значимыми другими на данном этапе социального развития, а также его отношение к себе как основному элементу этой системы, представленное в позитивных оценках в сознании самого ребенка, являются базовыми компонентами *социально-психологического благополучия личности* (см.: Дробышева, Войтенко, 2015). В дошкольном возрасте ведущие агенты социализации ребенка — это его родители и другие члены семьи. Соответственно, восприятие дошкольниками социально-психологического климата в семье (см. также: Психологические проблемы семьи..., 2014; и др.) определяется нами как важное условие их социально-психологического благополучия. Уже на этапе первичной социализации ребенок выделяет себя из окру-

жающей действительности, конструирует «картину мира» (во многом, неидентичную родительской), элементом которой является он сам, приобретает *качества субъекта*. Определяя эти качества, одни исследователи выделяют автономию, саморазвитие и саморегуляцию (В. С. Мерлин), другие подчеркивают активность, автономность и системную целостность (А. В. Брушлинский, А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко и др.). Выраженность показателей *автономии* (способность самому принимать решения) у детей дошкольного возраста в нашей работе рассматривается как еще один *компонент социально-психологического благополучия личности*. Э. Л. Деси и Р. М. Райан также подчеркивают, что удовлетворение врожденных потребностей, среди которых они выделяют автономию и установление связей, важны для сохранения благополучия ребенка (Райан, Деси, 2003). Дж. Джекобс сформулировала несколько объективных критериев удовлетворенности детей условиями проживания в большом городе. Все они относятся к объектам предметно-пространственной и природной среды города. Среди них не только объекты развлечения, природный ландшафт, но и учреждения культуры и образования, которые ребенок может посещать *самостоятельно*. Данный факт косвенно подтверждает наше предположение, что в большом городе по сравнению с малым *автономность* (как независимость, самостоятельность) детей от взрослых снижается.

Система факторов СПБЛ детей имеет уровневую организацию (Дробышева, Войтенко, 2017). На макросоциальном уровне – это пространственно-временные характеристики условий мегаполиса, в которых проживают семьи респондентов. На микросоциальном уровне – совокупность социальных, социально-демографических и социально-психологических характеристик семьи и родителей, среди которых: состав и размер семьи, социально-демографические характеристики родителей, удовлетворенность родителей условиями проживания в мегаполисе, городская идентичность родителей. Социально-психологическое благополучие ребенка в мегаполисе обусловлено как объективными, так и субъективными условиями его проживания в семье: социально-психологическим климатом, детско-родительскими отношениями, комфортностью «домашней среды», наличием/отсутствием собственной комнаты (обеспечивающей условие приватности) и т. п. Немаловажную роль здесь играют и «внутренние» факторы, среди которых – удовлетворенность ребенка условиями проживания в городе, его представления о пред-

метно-пространственной, природной и социальной среде города.

Резюмируя вышеизложенное, можно *предположить*, что удовлетворенность либо неудовлетворенность детей условиями проживания в городе по-разному связаны с показателями их восприятия социально-психологического климата семьи. В частности, позитивное восприятие детьми социально-психологического климата в семье в большей степени связано с их представлениями о городе, указывающими, скорее, на удовлетворенность условиями проживания в мегаполисе, чем неудовлетворенность. В восприятии детей наиболее значимым параметром оценки социально-психологического климата в семье является совместное *времяпрепровождение* по вечерам и выходные дни.

В рамках данной публикации будут представлены результаты исследования, *целью* которого стало выявление связи между удовлетворенностью детей условиями проживания в мегаполисе и одним из компонентов их СПбЛ, в частности отношениями со значимыми взрослыми.

Общая характеристика выборки. В исследовании принимали участие 33 семьи детей старшего дошкольного возраста – жителей ЗАО (64%) и ЮЗАО (36%) г. Москвы. Распределение по составу семьи: 60,9% семей воспитывают двух детей, 21,7% – трех детей, 13% – одного и 4,3% – свыше трех детей. Выборка дошкольников, принимавших непосредственное участие в исследовании, состояла из 45,5% мальчиков и 54,5% девочек. Группа родителей в большей степени была представлена мамами дошкольников. В качестве экспертов в работе принимали участие педагоги детей, участвовавшие в исследовании. Результаты исследования родителей будут изложены в отдельной публикации.

В настоящей статье будет представлена только часть полученных результатов, раскрывающая связь удовлетворенности/неудовлетворенности дошкольников условиями проживания в мегаполисе и их восприятия социально-психологического климата в семье.

Методы и методики, использованные в работе

Для изучения *представлений детей о наиболее значимых объектах и условиях проживания в мегаполисе*, а также их удовлетворенности этими условиями применялись проективный рисуночный тест «Город, в котором я живу», рассказы детей по рисунку и беседа с детьми

о городе. Полученные данные проективных методик обрабатывались с помощью контент-анализа (подробнее о методе см.: Психология, 2000; Социальная психология, 20002; и др.). Матрица контент-анализа включала несколько категорий и подкатегорий: «Предметно-пространственная среда города» (изображение элементов предметно-пространственной среды города, наличие/отсутствие на рисунках людей); «Природная среда города» (наличие/отсутствие на рисунке деревьев, парков и других объектов природной среды), «Я в городе» (изображение себя в городе), «Социальные контакты в городе» (изображение на рисунке разных категорий людей: родителей, родственников, сверстников, знакомых и др.). Каждая категория имела соответствующие подкатегории. На данном этапе работы была проведена апробация авторского структурированного интервью «Ребенок в мегаполисе», которое предполагало выявить удовлетворенность детей условиями проживания в мегаполисе.

Для изучения *представлений детей о социально-психологическом климате* семьи использовали методику «Рисунок семьи» и авторский вариант методики «Семья глазами ребенка», построенной по типу незаконченных предложений (автор Т. В. Дробышева, И. Н. Микиева) (Дробышева, Микиева, 2010). Авторская методика включала оценки детьми социально-психологического климата семьи по четырем шкалам: «Представления о семейных ценностях», «Представления ребенка о совместном времяпрепровождении семьи», «Представления ребенка об отношении к нему родителей», «Представления ребенка об отношениях родителей между собой».

В работе применялись следующие методы статистики: описательная статистика (средние, распределение, частотный анализ), корреляционный анализ Спирмена.

Результаты

Анализ показателей удовлетворенности/неудовлетворенности условиями проживания в мегаполисе в представлениях детей

Предваряя результаты исследования, заметим, что категории удовлетворенности и неудовлетворенности в нашей работе не рассматриваются нами как параметры биполярной шкалы. Т. е. источники неудовлетворенности детей содержательно могут отличаться от показателей удовлетворенности.

Итак, одним из показателей удовлетворенности/неудовлетворенности детей условиями проживания являются представления детей о том, что им нравится или что не нравится в городе, а также их суждения о том, что они хотели бы изменить в городской среде. Обнаружено, что в качестве привлекательных элементов городской среды в первую очередь дошкольники выделили элементы предметно-пространственной среды города. Они присутствуют в ответах 57,5% детей. Речь идет о тех местах в городе, которые связаны с совместным с родителями проведением досуга (карусели, рестораны и т. п.) (27,3%). Также дошкольники в качестве значимых элементов отмечают свой дом и игровую площадку рядом с домом (18,2%), красивые здания в городе (12,1%). Элементы природной среды также встречаются в ответах детей достаточно часто. Так, 33,3% дошкольников отметили, что больше всего им нравится наличие в городе парков, скверов, птиц, животных и т. п. Значительная часть респондентов (39,4%) указала на элементы социальной среды города. В своих ответах дети подчеркнули, что больше всего им нравится в городе гулять, учиться, кататься на роликах и т. п., взаимодействуя при этом с другими людьми, а также наблюдать за действиями других людей. Если проранжировать элементы городской среды, которые позитивно воспринимаются детьми, то на первом месте находятся элементы предметно-пространственной, на втором – социальной и на третьем – природной среды города.

Обнаружено, что часть дошкольников не смогли ответить на вопрос о том, что им *не нравится в городе* (27,3% респондентов). По всей видимости, это респонденты с наиболее высоким уровнем удовлетворенности условиями городской среды. Ответы остальных были категоризованы по следующим критериям: элементы предметно-пространственной среды города, элементы социальной и природной среды, экологические проблемы и самочувствие детей в городе. Среди тех объектов и явлений городской среды, которые не удовлетворяют детей, присутствуют магазины, в которых они проводят выходные дни с родителями, а также школа (дополнительное образование) или детский сад, куда их заставляют ходить родители (12%). Более значительная часть дошкольников (21%) указывала на то, что им не нравится: поведение чужих людей (мусорят, ругаются, неаккуратно водят машину или мотоцикл, таксисты не туда везут и т. д.), поведение близких родственников (например, папа не дает крутить тренажер, родители заставляют делать задания и др.), некоторые виды

деятельности (посещение кружков, детского сада, школы, стоматолога, есть что-то невкусное и др.). Таким образом, элементы социальной среды города в большей степени вызывают неудовлетворенность детей, чем элементы предметно-пространственной среды. Среди *природных явлений* респонденты отмечали: недостаток солнца, наличие различных насекомых (комаров, пауков, гусениц) и др. (12,1%). Выявлено, что значительная часть дошкольников обеспокоена *экологическими проблемами* города: наличием мусора на улицах, выхлопных газов от множества машин (21%), громких звуков (ночные мотоциклисты и стритрейсеры; уборочные машины) и общим загрязнением воздуха (12,1%). Небольшая часть детей (примерно 9%) отметила негативные проявления своего состояния на улицах города (мерзнут, дует сильный ветер, что их кусают, тянут за волосы и т. п.). Таким образом, среди источников неудовлетворенности обследованных детей условиями проживания в городе на первом месте – характерные для мегаполиса экологические проблемы города (загрязнение воздуха, шум, мусор), на втором – элементы социальной среды.

Субъектная позиция (о субъектности как свойстве человека см.: Проблемы субъектов..., 2007; Субъектный подход..., 2009; и др.) детей проявилась в их суждениях, направленных на изменение городской среды. Основная часть детей (84,8% респондентов) хотела бы что-то *изменить в городской среде*. Почти треть изучавшихся дошкольников (30,3%) не смогла сформулировать конкретные предложения, заменив их собственными фантазиями («чтобы я стал старше Москвы», «чтобы все звери разговаривали человеческим языком», «чтобы вместо разных магазинов были бы магазины игрушек, но, чтобы там их не продавали, а можно было бы просто взять», «чтобы деревья превратились бы в единорогов или пегасов», «чтобы город был сладким – сделан из конфет» и т. д.). Относительно изменения природной среды города высказывались предложения следующего порядка: больше зелени, животных, птиц; улучшить климат (больше солнца и хорошей погоды, чтобы всегда было лето и др.) (27,3%). Предложения по улучшению социальной среды города были связаны с позитивными изменениями поведения других людей на улицах города, эмоционального фона социальных отношений в городе (24,2%). В меньшей степени дошкольники проявили желание внести изменения в предметно-пространственную среду города (18,2%).

Таким образом, в восприятии детей элементы социальной среды города и экологическая ситуация в городе в целом в меньшей

степени ощущаются как удовлетворительные, чем элементы предметно-пространственной среды. Однако процент респондентов, удовлетворенных социальной средой города, все же выше, чем процент неудовлетворенных. Причем субъектная позиция последних проявилась в их предложениях по изменению поведения горожан на улице, повышению позитивного эмоционального фона в социальной среде города.

Анализ восприятия детьми социально-психологического климата в семье как показателя отношений со значимыми взрослыми (компонент СПБЛ)

Восприятие детьми социально-психологического климата в семье является показателем одного из компонентов СПБЛ – отношений со значимыми взрослыми. Он оценивался по четырем шкалам: «представления о семейных ценностях (наиболее и наименее значимые объекты и явления семейной среды)», «представления о совместном времяпрепровождении членов семьи», «представления ребенка об отношении к нему родителей», «представления ребенка об отношениях родителей между собой». Дополнительно в анализ были включены данные, полученные с помощью «Рисунка семьи».

Результаты показали, что примерно четверть детей (24,2%), рассказывая о семейных ценностях (наиболее значимые объекты, предметы, явления), указывает на то, что их семья любит проводить вместе свободное время (гуляют вместе в парках, ходят в кино, на аттракционы, играют дома в игры и т. д.). Примерно такая же часть из них (27,3%) отмечает, что в их семье каждый член семьи предпочитает заниматься чем-то своим, независимо от остальных (например, мама готовит, папа смотрит телевизор, брат играет на компьютере, я играю в ЛЕГО). Более четверти дошкольников (27,3%) указали на то, что их семья больше всего любит какую-то приготовленную еду или продукты питания (суши, чипсы, кушать свеклу, салат и т. п.). Интересно, что дети, которые упоминали в своих ответах какую-либо деятельность членов семьи (вместе или по отдельности), реже отмечали пристрастия семьи к различным продуктам и объектам предметной среды ($r = -0,346, p \leq 0,05$). Часть респондентов (15,3%) ответила, что их семья больше всего любит каких-то людей (ребенка, маму, папу и т. д.) или домашних питомцев.

Среди наименее значимых ценностей семьи дети чаще всего упоминали приготовленную пищу, продукты питания, предметы обстанов-

ки и т. п. (27,3%). Примерно 15% респондентов указали, что их семье больше всего не нравится плохое поведение самого ребенка или его сиблингов. Примерно такой же процент дошкольников утверждал, что в их семьях не любят ругаться, ссориться, злиться и т. п. Часть детей (12,1%) считала, что в их семье больше всего не любят делать что-то вместе с ребенком (читать, гулять и т. п.). Некоторые из них (12,1%) отвечали, что в их семье не любят каких-то людей (обычно незнакомых — на улице) или животных. Интересно: если респонденты указывали на других людей как на ценность своей семьи (значимость отношений с ними), то они и в качестве наименее значимых явлений, предметов, объектов окружающей среды также чаще всего называли других людей ($r=0,361$, $p\leq 0,05$). Достаточно большая часть дошкольников (12,1%) затруднилась с ответом на вопрос о том, что их семья больше всего не любит.

Итак, результаты показали, что в сознании большей части респондентов- дошкольников уже сформированы представления о семейных ценностях. Причем если понимание наиболее значимых объектов или традиций, выступающих в роли семейных ценностей, у респондентов не вызывает затруднения, то наименее значимые ценности детям сложнее актуализировать. В целом в сознании большинства опрошенных детей существуют традиции совместного времяпрепровождения, что указывает на благоприятное восприятие ими социально-психологического климата семьи.

Еще один параметр оценки социально-психологического климата семьи в восприятии детей — это их представления о совместном времяпрепровождении семьи. Основная часть дошкольников дала развернутые ответы о совместном времяпрепровождении, затруднения вызвал вопрос о вечернем времяпрепровождении в будние дни только у 3% дошкольников, о времяпрепровождении в выходные дни — у 6,1%. Респонденты отметили совместные занятия (игры, прогулки, поездки и т. п.) с родителями, бабушками, дедушками. Причем если по вечерам совместная деятельность присутствует у четверти детей, принимавших участие в исследовании (24,2%), то в выходные об этом рассказали более половины из них (51,5%). В вечернее время, как свидетельствуют дети, семья обычно ужинает, а потом все укладываются спать и т. д. (42,4%). На отсутствие совместной деятельности в семье (вечером и в выходные дни) указали только 12% опрошенных детей. Они отметили, что обычно каждый член семьи дома занимается своим делом. Интересно, что в воспри-

яти дошкольников члены семьи чаще по вечерам (18,2%), чем в выходные дни (6,1%), смотрят телевизор и «сидят в компьютере». Значительная часть детей отметила пассивное времяпрепровождение семьи в выходные дни (21,2%) («сидим дома, спим» и т. п.). Таким образом, в восприятии большинства детей в их семьях присутствует активная совместная деятельность, в которую включен и сам ребенок. Данный факт позволил нам сделать вывод о преимущественно позитивной модальности оценок социально-психологического климата в семьях респондентов).

Третий параметр когнитивной оценки социально-психологического климата в семье связан с «представлениями ребенка об отношении к нему родителей». Эта часть беседы включала ряд вопросов, касающихся поощрений и наказаний ребенка в семье, а также тех имен, ласковых и неласковых слов, которые используют родители во взаимодействии с ребенком. Обнаружено, что в семьях респондентов и наказание, и поощрение носит вербальный характер. Наказание представлено либо в виде ограничений (что-то не купить, запретить делать и т. д. — 30,3%), либо в виде грубых слов (27,3%), либо в виде «навешивания ярлыков»: «плакса», «зануда» и т. д. (18,2%). Затруднение этот вопрос вызвал у 15,2% дошкольников. Относительно поощрений большинство детей отметили, что их хвалят, называют ласковыми словами (69,7%). Небольшая часть дошкольников указала на материальные поощрения (подарки) или разрешение родителей делать то, что нравится ребенку (например, смотреть телевизор — 9,1%). Важный показатель отношения родителей к ребенку в представлениях детей — это большое количество ласковых слов, «домашних» имен, которые используют родители в процессе взаимодействия с ними. В данной группе детям нравится, что родители называют их ласковыми словами («солнышко», «зайка», «котенок» и др. — 36,4%) и ласковыми вариантами имени (Василек, Сашенька и т. п. — 18,2%), довольно часто родители в качестве вербального поощрения применяют «оценочные определения»: «молодец», «умница» и др. (12,1%); дошкольникам не нравится, когда родители обзывают (33,3%), называют по фамилии (12,1%), обращаются грубо, строго, кричат (12,1%), ругают (12,1%).

«Представления ребенка об отношениях родителей между собой». Эта часть беседы включала вопросы о позиции ребенка в родительских конфликтах и особенностях МЛО родителей, проявляющихся в вербальных формах. Выявлено, что в конфликтных ситуациях зна-

чительная часть детей использует стратегию невмешательства (27,3%). Однако большинство из них включается в конфликт, пытается помирить родителей (39,4%). В значительной части семей, по мнению детей, принято называть своих супругов ласковыми образными выражениями (21,2%), ласковыми формами имени (9,1%) или просто – папочка, мамочка (21,2%).

Таким образом, в восприятии большей части респондентов характер коммуникаций и наличие совместного взаимодействия в семье указывают на позитивную модальность социально-психологического климата.

Связь удовлетворенности/неудовлетворенности условиями проживания детей в мегаполисе и их восприятием социально-психологического климата в семье

Установлена статистически значимая связь между показателями удовлетворенности/неудовлетворенности условиями проживания в городе в представлениях дошкольников, принимавших участие в исследовании, и показателями их восприятия социально-психологического климата в семье как одного из компонентов СПБЛ.

Обнаружено, что *элементы предметно-пространственной среды* города чаще воспринимались как *удовлетворительные* теми детьми, в семьях которых их члены (по вечерам) больше занимаются своими делами, а не совместной деятельностью ($r=0,468$; $p\leq 0,01$), и наоборот. Т.е. дети, которые в меньшей степени удовлетворены предметно-пространственной средой города, и в большей степени – природной ($r=0,418$; $p\leq 0,05$), чаще указывали на совместное времяпрепровождение в семье по вечерам в будние дни. В частности, в этих семьях (источником удовлетворенности которых являются городские парки и др. объекты природы), по мнению дошкольников, не любят компьютер и телевизор ($r=0,359$; $p\leq 0,05$), а в качестве значимых для семьи предметов или объектов респонденты называют какую-либо приготовленную еду и продукты питания (например, «моя семья больше всего любит шоколад», «салат», «мороженое» и т. д.) ($r=0,433$; $p\leq 0,05$).

Неудовлетворенность элементами *предметно-пространственной среды* города чаще высказывают те респонденты, в семьях которых совместное времяпрепровождение детей и родителей в выходные дни воспринимается детьми негативно (посещение больших магазинов, занятие уборкой и т. п.) ($r=0,476$; $p\leq 0,01$). Данные респонденты, изоб-

ражая на рисунке семью в городе, реже включали в качестве персонажей своих родителей ($r=-0,398$; $p\leq 0,05$ – папа; $r=-0,440$; $p\leq 0,05$ – мама). В то же время на их рисунках чаще присутствовали животные или другие (чужие) люди ($r=0,489$; $p\leq 0,01$). В качестве принимаемых или отвергаемых семейных ценностей эти дети часто называли: каких-то людей (например, «моя семья больше всего любит меня», «маму», «сестру», «меня и Сашу» и др.) ($r=0,361$; $p\leq 0,05$), домашних животных («собачек», «Мурзика» и др.) ($r=0,431$; $p\leq 0,05$) или определенную еду («шоколадки», «кашу», «сладости» и др.) ($r=0,398$; $p\leq 0,05$). Наоборот, чем ниже показатели неудовлетворенности элементами предметно-пространственной среды города в восприятии респондентов, тем чаще на их рисунках присутствуют родители, а не чужие люди или животные.

Неудовлетворенность природной средой города (плохой климат, мало солнца, деревьев и т. п.) чаще высказывали те дети, в семьях которых в выходные дни отсутствует интересная (с точки зрения детей) совместная деятельность ($r=0,373$; $p\leq 0,05$). Эти же респонденты (т. е. неудовлетворенные природной средой города) в качестве отвергаемых семейных ценностей часто называли людей и животных (например, «моя семья больше всего не любит Полину», «чужаков», «кошек» и др.) ($r=0,431$; $p\leq 0,05$). Они же затруднялись с ответом на вопрос о предпочитаемых родителями формах поощрения ($r=0,361$; $p\leq 0,05$) и наказания их поведения ($r=0,431$; $p\leq 0,05$). Наоборот, чем ниже показатели неудовлетворенности городской природой, тем чаще они указывали на наличие совместной деятельности в семье в выходные дни.

Неудовлетворенность *экологической обстановкой в городе* чаще высказывали те дети, которые затруднялись с ответом на вопрос о формах совместного времяпрепровождения семьи в выходные дни ($r=0,469$; $p\leq 0,01$). Низкие показатели неудовлетворенности экологией присутствовали в суждениях дошкольников, указавших на вербальные формы поощрения и наказания родителями плохого поведения детей.

Неудовлетворенность элементами социальной среды города (межличностные отношения людей, их социальное поведение в городе) также чаще всего высказывалась теми детьми, в семьях которых принято проводить вечера, занимаясь своими делами, а не совместной деятельностью ($r=0,373$; $p\leq 0,05$). Наоборот, более низкие показатели неудовлетворенности социальной средой города высказывали до-

школьники, в восприятии которых в семье присутствует совместное с детьми времяпрепровождение в вечерние часы.

Интересно, что желание изменить в лучшую сторону элементы *социальной среды* города (например, «чтобы люди себя хорошо вели», «чтобы было весело всем» и т. п.) реже всего хотят те дети, в семьях которых родители в качестве наказания за плохое поведение детей могут применять формы физического либо жесткого вербального (угрозы чего-то лишить или не купить) воздействия ($r=-,0373$; $p\leq 0,05$). Дошкольники же, которые высказывали активную позицию по преобразованию социальной среды города, отмечали, что в семье родители редко или совсем не ссорятся ($r=0,398$; $p\leq 0,05$). Также они указали, что им не нравится, когда родители в качестве наказания грубо и строго разговаривают с ними или повышают голос, кричат ($r=0,440$; $p\leq 0,05$).

Интересно, что подмена реальных предложений по улучшению городской среды «фантастическими проектами» в большей степени характерна для тех дошкольников, в семьях которых в выходные дни отсутствует совместная деятельность ($0,348$; $p\leq 0,05$), включая ее пассивные формы – совместный просмотр телевизора или занятие компьютером ($r=0,385$; $p\leq 0,05$).

Наконец, небольшой процент детей, который указал, что они сами себе не нравятся в городе проживания (элементы внешности, т. е. социальное оформление облика; плохое самочувствие в городе и др.), затруднились с ответом на вопрос о формах времяпрепровождения семьи в выходные дни ($r=0,348$; $p\leq 0,05$). В качестве отвергаемых ценностей семьи данные дети отметили, что в семье не любят работать ($r=0,388$; $p\leq 0,05$), а в качестве поощрения их поведения родители используют телевизор или компьютер ($r=0,540$; $p\leq 0,01$). Также они отметили, что в их семьях родители редко используют ласковые формы обращения друг к другу ($r=0,540$; $p\leq 0,01$).

Заключение

Интерпретируя вышеприведенные данные, следует обратить внимание на то, что источники удовлетворенности и неудовлетворенности детей условиями проживания по-разному связаны с показателями восприятия социально-психологического климата в семье. Так, посещение таких объектов городской среды, как рестораны, магазины и т. п., позитивно воспринималось теми детьми, в семьях ко-

торых родители мало времени уделяли совместному времяпрепровождению с детьми *в вечерние часы* (в будни, после работы). По всей видимости, совместное посещение ресторанов и магазинов с родителями для этих респондентов выполняло компенсаторную функцию. В то время как дети из семей, в которых соблюдаются традиции совместного времяпрепровождения в вечерние часы, большее удовольствие получали от прогулок с родителями в парках и скверах города.

Исследование показало, что объекты городской среды, определяемые как источники неудовлетворенности детей условиями проживания в мегаполисе, в большей степени, чем источники удовлетворенности, связаны с восприятием детьми социально-психологического климата семьи.

В частности, дошкольники, в восприятии которых в семьях недостаточно присутствует совместная деятельность, не любят *в выходные дни* посещать с родителями магазины или рестораны. По всей видимости, это связано с тем, что в данных учреждениях невозможен непосредственный психологический контакт с родителями. Отсутствие такого контакта в совместной деятельности родителей и детей в выходные дни можно рассматривать как показатель низкого уровня социально-психологического благополучия дошкольников. Дополнительным аргументом в пользу этого положения являются данные, полученные с помощью рисуночного теста. Напомним, что основными персонажами рисунков данных детей становились не родители, а чужие люди или животные. Кроме того, эти дети негативно реагировали на недостаток солнца, плохие климатические условия, экологическую обстановку в городе. Также заметим, что перечисленные природные факторы городской среды негативно воспринимались теми дошкольниками, которые не могли (или не хотели) ответить на вопросы, связанные с поощрением и наказанием их поведения родителями, с характером взаимоотношений родителей.

Социальная среда города (поведение людей, их отношения) негативно воспринималась дошкольниками, по мнению которых по вечерам каждый член семьи, включая ребенка, занимается своими делами, т. е. отсутствует совместная деятельность. Более толерантные оценки социальному поведению горожан давали дошкольники из семей, в которых сохранились традиции совместного времяпрепровождения вечерних часов дома (чаепитие, обсуждение произошедшего, совместное приготовление ужина и т. п.).

Обнаружено, что активная социальная позиция, направленная на преобразование социальной среды города, связана с тем, как воспринимают обследованные дети социально-психологический климат семьи. В частности, в семьях, в которых даже повышение голоса на ребенка рассматривается им самим уже как наказание, в которых родители стараются избегать выяснения отношений в присутствии ребенка, у детей формируется потребность в позитивном изменении системы социальных связей, отношений людей, проживающих в их городе.

Литература

- Дробышева Т. В., Войтенко М. Ю.* Социально-психологическое благополучие детей в условиях мегаполиса: методологические основы исследования // Известия Саратовского университета. Новая серия. Акмеология образования. Психология развития. 2015. Т.4. № 1. С. 21–25.
- Дробышева Т. В., Войтенко М. Ю.* Факторы социально-психологического благополучия личности в мегаполисе: представления о городе проживания // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017. № 1. С. 169–189.
- Дробышева Т. В., Журавлев А. Л.* Город как объект исследования в социальной психологии: к истории вопроса // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 1. С. 196–213. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document205.pdf> (дата обращения: 16.04.2018).
- Дробышева Т. В., Микиева И. Н.* Воспитание в семье как фактор психического здоровья дошкольников // Материалы Международной научно-практической конференции «Клиническая психология: теория, практика и обучение». СПб.: НП Стратегия будущего, 2010. С. 173–174.
- Проблемы субъектов в постнеклассической науке. М.: Когито-Центр, 2007.
- Психологические проблемы семьи и личности в мегаполисе / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. И. Ляшенко, В. Е. Иноземцева, Д. В. Ушаков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Психология: Учебник для технических вузов / Под ред. В. Н. Дружина. СПб.: Питер, 2000.

- Райан Р., Деси Э.* Теория самодетерминации и поддержка внутренней мотивации, социальное развитие и благополучие // Вестник БГПУ: Психолого-педагогические науки. 2003. Вып. 3. С. 97–111.
- Социальная психология: Учебное пособие для вузов / Отв. ред. А. Л. Журавлев. М.: Пер Сэ, 2002.
- Социально-психологические исследования города. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Субъектный подход в психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Штейнбах Х. Э., Еленский В. И.* Психология жизненного пространства. СПб.: Речь, 2004.
- Keedwell P.* Headspace: The Psychology of City Living. Aurum Press, 2017.
- Vaum A., Aiello J., Calesnick L. E.* Crowding and personal control: social density and the development of learned helplessness // Journal of Personality and Social Psychology. 1978. № 36. P. 1000–1011.

Городской саундшафт как составляющая социальной психологии города

И. В. Грошев, Ю. А. Давыдова, А. А. Краснослободцев

Ландшафт любого города очень разнообразен, в связи с чем его восприятие, как правило, мультисенсорно. В нем зашифровано огромное количество значений. Многие из объектов пространства города, с которыми встречаются люди (жители, гости, туристы), непосредственно влияют на них; вступая с ними в диалог, они структурируют не только образную память людей, встраиваясь в процессы их общения, но и образ города. Однако, абстрагируясь от всей мультисенсорности, из всего многообразия составляющих городского ландшафта более подробно рассмотрим сигналы, адресованные непосредственно к слуху.

Представляя город и место проживания, как правило, используются такие категории, как географические особенности, достопримечательности, картирование, частные ландшафты, перспективы и т. п. Обычно побывав в каких-то местах, люди часто оставляют о них «трофеи» — сувениры, фотографии, заметки, как бы завязывая узелки на память, чтобы потом вернуться в это место, воссоздав его образ с помощью таких «узелков». Однако почти все это — визуально ориентировано. Но неотъемлемой частью жилого пространства города и его жителей, не менее важной, чем, например, стены, улицы, архитектура, цветовое оформление города, является музыка — музыка в городском пространстве. Музыка города — это высокоорганизованная часть городского ландшафта, звукового ландшафта, о котором речь пойдет далее как о значимом факторе в создании бренда города и в его социальной психологии (рисунок 1).

Музыка окружает людей повсюду. Находясь в пространстве города, жители слышат шум городских улиц, улавливают сигнальные звуки автомобилей, стук колес трамваев и поездов, звуковые эффекты светофоров, грохот грома, дорожное движение с гудками машин, шум дождя (стук дождя по крышам), обрывки человеческой речи, дет-

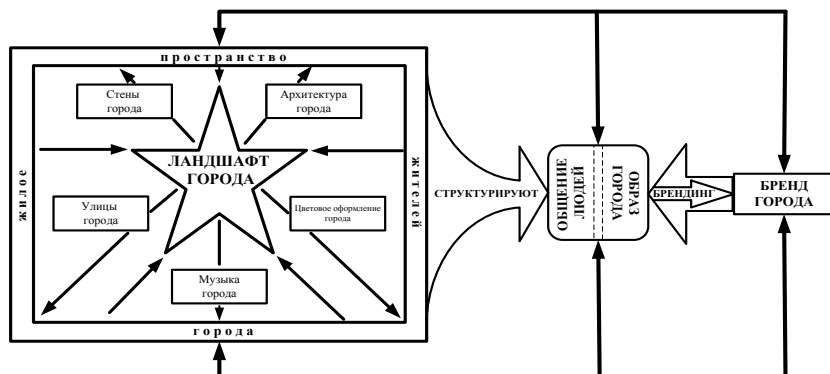

Рис. 1. Схема формирования бренда города через призму его составляющих

ского смеха или плача, вслушиваются в отрывки музыкальных произведений, прислушиваются к телефонным звонкам и просто слушают друг друга. Формирование музыкального пространства города происходит повсеместно, тем самым постоянно создается его звуковой ландшафт (Грошев, Краснослободцев, 2016).

Город любой территории – музыкален. Музыка и общественный уклад сплелись, как указывает Д. Васильева, в нем теснее, чем обычно предполагается (Васильева, 2009). Более того, каждый человек имеет опыт эмоционального возвращения, например в кафе на Монмарте, когда слышится музыка, которая там звучала, на набережную в городе Тамбове услышав звуки «Марша славянки», и т. д. Неудивительно, что какие-то мелодии и звуки пробуждают в человеке ассоциации, связанные с городскими ландшафтами, задевая при этом определенную тональность, зацепляющую в сознании образ того места, где это происходило (Лапин, 2007). Следовательно, можно заключить, что музыка города, действуя очень тонко, осуществляя при этом манипуляции и контроль над пространством города и включенными в него жителями, гостями и туристами, формирует, таким образом, имидж и в итоге создает его музыкальный бренд.

Музыка в пространстве города – это неотъемлемая музыкальная часть его бренда, формируемого не только его жителями, гостями и туристами, но и самим городом (Возьянов, 2009). Предположения, что музыка оказывает влияние на человека разными способами, высказывались, как только люди стали исполнять музыку. Музыка считается эффективным средством для создания настроения, же-

лений, невербальной коммуникации и построения поведенческого репертуара людей (Возьянов, 2009). Почему люди быстро едят там, где громкая и ритмичная музыка, зачем пользуются наушниками, замедляют свой шаг, слыша мелодичные и спокойные звуки? Как связаны между собой город, музыка и жители? Является ли музыка города частью его бренда? Детерминирует ли эта взаимосвязь процессы *брендинга города*?

Ответы на эти вопросы находятся в плоскости непривычного ракурса: города и его музыки, очерченного категорией *soundscape*¹, включающего в себя социальные и культурные формы, эффекты, опосредованные шумами и музыкой, вплетенные в общую чувственную картину города, образующие его мозаичную звуковую «полость», которую социальный антрополог Фрик Колумбийн и назвал «саундшафт» (Colombijn, 2007). Иначе говоря, понятие саундшафта можно использовать для обозначения культурных форм восприятия звуков/шумов города, использующихся в процессе создания его бренда. Исследователи отмечают, что анализ саундшафта как звуковой характеристики пространства/времени является важной частью анализа культуры города (территории), а через нее и бренда².

-
- 1 *Soundscape* – саундшафт – специальный термин, обозначающий то, что включается в понятие «звуковой ландшафт» и используется для анализа культурной составляющей городского ландшафта. Сложностью такого анализа является отсутствие достаточного количества аудиоисточников, в особенности в периоды, предшествующие изобретению способов звукозаписи. Поэтому отдельные примеры механической записи музыки (водяные органы, музыкальные шкатулки, шарманки, карильоны, музыкальные часы и пр.) являлись недостаточным основанием для звуковых характеристик исторических и городских ландшафтов, и исследователи вынуждены были дополнять их описаниями, сохранившимися в литературе документах тех эпох (Soundscape: социальная история звука. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyuzapas/102_nz_4_2015/?sphrase_id=4961 (дата обращения: 23.07.2018).
 - 2 Чтобы выявить специфический саундшафт, присущий любому современному большому или маленькому городу, необходимо использовать следующую методику. Необходимо записать звуки, которые считаются характерными для какого-то определенного города. Это может быть звук, например, выстрела пушки с Петропавловской крепости, крики чаек на побережье залива, слова и выражения (пышки, поребрик, парадная, булка, кура, греча), фонетические комбинации (например, в словах булочная, дожди), характерные для Санкт-Петербурга, пе-

Саундшффт (soundscape) не только укоренен в определенных геофизических местах и ландшафте города, но и включен в огромное количество символических потоков. Он создается комбинацией различных звуков как *естественного* (шум деревьев, крики птиц, шум водопада и т. п.), так и *искусственного* происхождения (шум машин и механизмов, общение людей, гул строек и т. п.). Кроме того, можно выделить и различные виды звуков: *фонетические* (звуки и фонемы, из которых состоит устная речь), *музыкальные*, *промышленные*, *природные*. При этом каждому локальному пространству (завод, зоопарк, оперный театр, городской парк отдыха и т. д.) может соответствовать доминирование определенных звуков. Отсутствие звуков (загородный дом в лесу или дача — там тихо, т. е. отсутствуют искусственные и присутствуют естественные звуки) также представляет собой определенный вид саундшффта.

В составе *soundscape* можно выделить несколько групп звуков: звуки публичных пространств, приватные звуки, звуки власти, уличные звуки, звуки публичные, маркирующие звуки, звуки современности, ретроспективные звуки, звуки трансляции народного творчества, шумовые звуки (звуки крыш), звуки обитателей города, брендовые звуки, звуки природного ландшафта, местные (именно данного места, данной территории) звуки, звуки гостей и туристов, архитектурные звуки, которые представлены на рисунке 2.

Все эти виды звуков вовлекают в определенную сеть смыслов и ассоциаций не только жителей города (для которых это повод для общения и встреч, трансляции своих идей), но и его гостей (которые совершенно по-иному воспринимают и «присваивают» звуки города, приходя посмотреть на это как на достопримечательность и послушать их, проходя мимо). Это очень плотная сеть, определенным образом структурированная и аудиоформленная. Она завязана на аудиальный опыт человека, историю, символы, практики прослушивания, узнавания музыки и человеческие реакции на звуковые сигналы.

Более того, необходимо отметить, что изменение музыкального фона города в тех или иных его районах может изменять поведенческие паттерны местных жителей и гостей. Причиной этого может быть тот факт, что во многих районах и сферах города музыка так силь-

тербургские музыкальные группы и пр. А затем необходимо ответить на вопрос: «Как эти звуки вписаны в саундшффт города и почему они специфичны для него?».

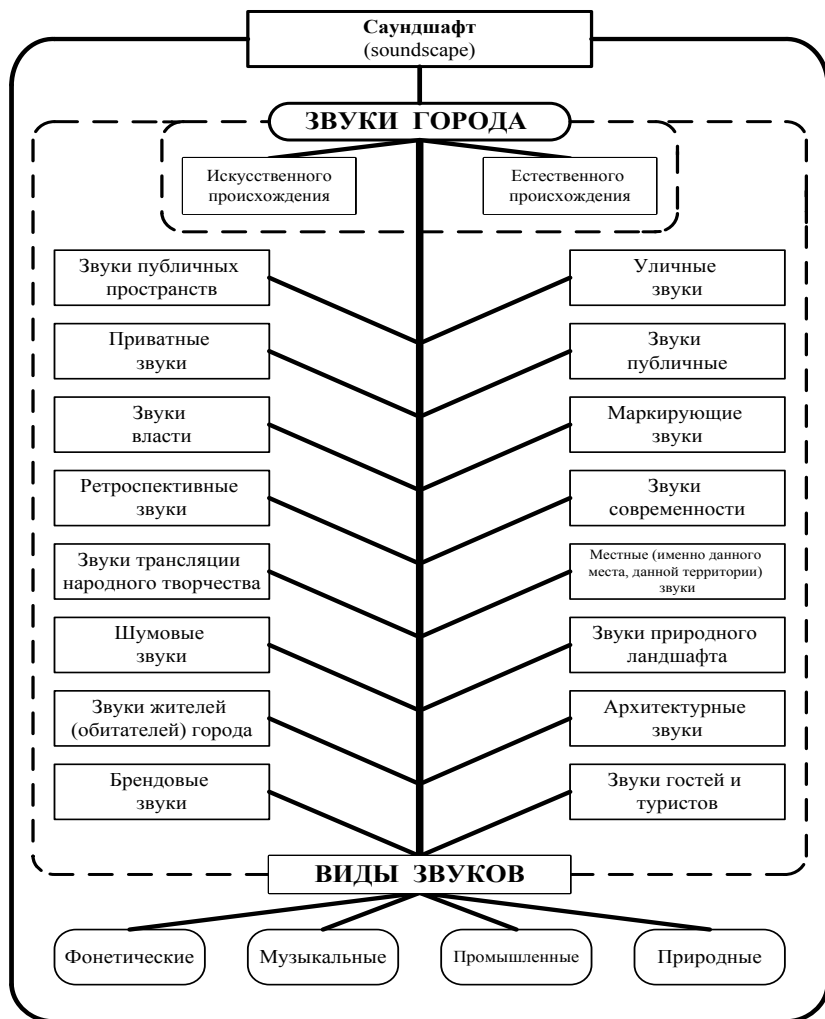

Рис. 2. Схема видов и групп городских звуков

но сливается с городской структурой и видами деятельности, что ее отсутствие или изменение может заставить людей подсознательно изменить свой маршрут движения, вид деятельности и ее форму или же вызвать резкое неприятие и недоумение, повлияв на их поведенческий репертуар.

Жители разных городов проявляют избирательную чувствительность к определенным звукам¹, которые ими болезненно переживаются. В то же время некоторые из достаточно «назойливых» («радикальных») шумов и звуков города воспринимаются его жителями достаточно легко². Например, жители домов, расположенных рядом с музыкальными школами, со временем перестают замечать доносящихся из них звуки. Для них такие звуки становятся раздражающим музыкальным фоном. Однако если работа музыкальной школы продлевается хотя бы на один час, то от жителей начинают поступать жалобы (Васильева, 2009).

Чтобы понять и объяснить данные факты, было проведено много различных исследований и экспериментов. Так, например, в одном исследовании был записан звон колоколов города, которые было слышно в определенных районах, а в других — нет. Затем были установлены динамики на тех домах, где колокола не были слышны, и воспроизведены звуки колокольного звона. В итоге в первые несколько секунд у жителей этих домов возникла определенная паника и полная дезориентация в пространстве. Жители будто бы потерялись (Возьянов, 2009). Следовательно, из этого можно сделать вывод о том, что непривычный музыкальный фон звукового ландшафта или его изменение воспринимается людьми достаточно остро, болезненно и неприятно.

Однако следует отметить, что данный процесс не является односторонним (рисунок 3).

Изменения реакции на городскую среду происходят из-за трансформаций в городе (мегаполисе, регионе, территории), вызванных, например, влиянием миграции. Некоторые города, районы городов-мегаполисов становятся «транзитными» для мигрантов: туда приезжают, а затем, не успевая ассимилироваться, уезжают в другие места. Появляется так называемый этнический бизнес (Шейфер,

1 Например, жители Чикаго недовольны гудением кондиционеров в публичных местах, Мюнхена — шумом, доносящимся из ресторанов. Обитатели Йоханнесбурга жалуются на крики птиц и животных, но при этом шум машин их почему-то не раздражает.

2 Тому пример восточные города (Японии и Кореи). Приезжающие в эти города гости, обычно не могут сосредоточиться на общении, например в комнате, потому что «бумажные» (в прямом и переносном смысле) стены помещений предполагают, что гости слышат практически все, что происходит за этими стенами.

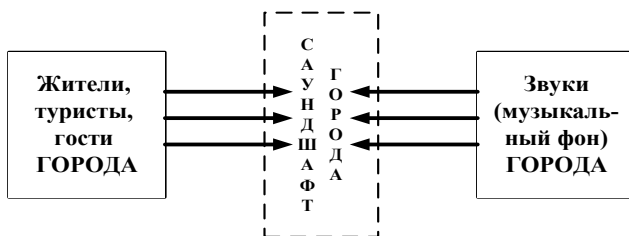

Рис. 3. Схема формирования саундшафта города

2009), который, как правило, непривычен для коренных жителей города, давно живущих в таких районах, что, естественно, и вызывает острую негативную реакцию с их стороны. В итоге именно из-за реакции жителей на звуковой ландшафт очень сильно преобразуется городская среда.

Еще одной составляющей звукового ландшафта и городского пространства, создающего и формирующего музыкальный бренд города, являются «сгущения» городской аудиальности, звуки публичных пространств, т. е. тех мест, где происходят коммуникационные процессы, – музыкальных магазинов, ночных клубов, кафе, баров, ресторанов, и других заведений данного сегмента. В действительности такие заведения, представляют собой, возможно, одну из самых любопытных сфер городского публичного пространства, единственную, где люди могут общаться лицом к лицу, без использования различных электронных девайсов, где их не отвлекают посторонние дела и звуки (Рясов, 2010). В подобных заведениях назначаются деловые встречи и романтические свидания, проводят время с друзьями и т. п. При этом все они (заведения) имеют определенную атмосферу и свой музыкальный стиль. Музыка определенного стиля в кафе – это «стена» между людьми, сидящими за столиками, это приватный «кокон», в котором люди (посетители) чувствуют себя комфортно. Часто можно наблюдать такую картину. Заканчивается музыкальный ряд (диск с музыкой) и наступает тишина. Все затихают на некоторое время, беседы меняют ритм и громкость, оставаясь такими до тех пор, пока музыка не возобновляется снова. Около 80% посетителей в этот момент перестают обсуждать те или иные вопросы. Кроме того, если вдруг меняется ритм, громкость и стиль звучащих в заведении музыкальных произведений, посетители могут уйти раньше, чем планировали, не осознавая истинной причины такого

поступка: уходят, сказав при этом, что место испортилось; возможно, им покажется, что вкус кофе/блюда уже не тот. Более того, некоторые заведения специально используют такой прием: чтобы посетители быстрее поели и ушли, включают громкую и ритмичную музыку, не способствующую более длительному пребыванию в заведении и общению за столом (Артемьева, 2002)¹.

Таким образом, именно благодаря музыке определенного стиля создается то публичное пространство, в котором люди испытывают музыкально-коммуникационный комфорт. Если же пространственная среда не будет соответствовать ожиданиям людей (посетителей), так как определенное место у них ассоциируется с определенной музыкой, ее стилем, объемом, громкостью, которая вносит свой вклад в формирование и является частью капитала бренда этого конкретного кофе для посетителей, то музыкальный бренд такого заведения привлечь посетителей не сможет.

Следующим довольно интересным аспектом данной проблемы является вопрос соотношения между звуком и местом. Довольно часто бывает, что место в пространстве города конструируется посредством звука, иногда являющегося продуктом и способом трансляции народного творчества. Тому пример – выступления уличных музыкантов, создающие ряды городского музыкального ландшафта и формирующие его бренд у приезжающих туристов. Символическое насыщение городской среды, то, какой жанр используется для аудиального оформления места, происходит, как правило по двум очень распространенным сценариям: это или ретроспектива, обращенная к истории жанра, места, или ретроспектива, ориентированная на современные сети и объединения людей по стилю жизни. Возможность исполнения музыки на улице обычно привязана к конкретным улицам города или конкретным точкам. Это закрепляется во времени исторически, ориентировано на опыт горожан, повседневные пространственные и туристические потоки. Таким образом, формируются городские ниши, в которых возможно исполнение музыки. Сюда притягиваются люди, реализующие соответствующие этим местам поведенческие стратегии. Музыка становится здесь естественной потребностью, «питательной средой», вне кото-

1 Еще одной иллюстрацией этого является пример водителя общественного транспорта и его музыкальные предпочтения. Многие не раз наблюдали пассажиров, которые терпят до определенного момента, а затем просят сделать тише или вовсе меняют транспорт, выйдя из него.

рой невозможно существование многих городских явлений. Исходя из этого можно заключить, что уличные музыканты и созданные ими музыкальные городские ниши в какой-то степени оказывают сопротивление динамичному изменению пространственной среды города.

В городе музыка проникает практически во все уровни человеческого взаимодействия. С ее помощью возводятся невидимые, но действенные аудиальные «стены», оберегающие людей с определенным стилем и образом городской жизни от некомфортных им контактов. Иными словами, музыка (звуки, шумы и в том числе различные мелодии) в городском пространстве, не только задает общий ритм, но и имеет властную составляющую. Примерами этому могут быть: звуковые сигналы автомобилей, музыкальные рингтоны на мобильных телефонах, писк сигнализации, объявления, гул строек, шумы городских улиц и т. д. Эти и другие звуки не только структурируют общение жителей города, задавая его сценарии и формы, но и организуют звуковой ландшафт города, формируя тем самым музыкальную составляющую его бренда. Более того, само звуковое пространство города также изменчиво и дискретно (Лапин, 2007). С одной стороны, степень насыщенности звуками зависит от того, что это за место, в какое время человек в него попадает, и от практик поведения людей, вовлеченных в производство звуков. С другой стороны, жители мегаполисов заявляют права на аудиальное пространство вокруг себя и присваивают его, а музыка и режимы слышимости в различных местах города позволяют использовать одни и те же городские пространства и зоны по-разному. Вследствие этого городское пространство становится мозаичным и послойным, что делает современный город более живым и привлекательным, формируя его музыкальное «лицо» (Васильева, 2009).

Однако при этом может происходить присвоение городского пространства звуками. Иначе говоря, музыка действует очень тонко, осуществляя манипуляции и контроль над городским пространством, проявляя при этом своего рода звуковую агрессию. Звуковая агрессия в городе, используя разные формы присвоения пространства, что зависит от того, как звучит, что звучит и где звучит, устанавливает, таким образом, музыкально-звуковые публичные границы, дифференцируя городской ландшафт и воспроизводя этот дискурс в аудиальном городском пространстве, четко вписывая в характерные городские формы общения.

Так называемая звуковая агрессия в городе очень мозаична, постоянно изменяющаяся аудиально, обычно она вызывает отторжение, желание отгородиться от окружающего. Некоторые люди, в основном молодежь, начинают аудиально защищать себя, используя, например, плеер с наушниками, т. е. свое личное музыкальное пространство, своеобразный музыкальный «кокон», находящийся всегда с человеком. Как правило, жители города реагируют не столько на громкость звука (хотя и это значимый фактор), сколько на его непривычность, на то, что он не вписывается в ожидания и представления людей относительно звукового фона данного места в городе. Особенно отчетливо это проявляется в маленьких городах, в которых аудиальное пространство относительно статично — изменяется, но достаточно медленно¹.

В настоящее время в городах мегаполисах отмечается более пластичная среда: нечасто можно видеть звукопроницаемые наушники, частные музыкальные устройства, живую музыку, в привычных для жителей местах, стилизованное музыкальное оформление различных городских мест. А это все опять же завязано на ритм, громкость музыки, способ трансляции и специфику исполнения, которые, в свою очередь, формируют различные формы взаимодействия и отношений в городской среде — определенные формы и практики в общественной жизни города и его социальной психологии².

Сегодня, оторвавшись от своего исторического контекста, музыка города, — это определенный его символ, который позволяет очень многим группам людей, независимо от образа жизни, включаться в городское пространство, рефлексирова при этом психологию города³. Музыка является ценнейшим капиталом города (рисунок 4).

- 1 Российские города в прошлом: оркестры в парках, общественное радио в городе, песни на улицах, прослушивание во дворах пластинок... Это был механизм создания общего настроения и формирования специфического, коммунально настроенного городского сообщества.
- 2 Например, XVIII в. — Венеция эпохи расцвета. В городе тогда все время пели: на улицах, в домах, за работой. Практика пения тогда была очень четко вписана в характерные для той Венеции формы общения. Классическая музыка той эпохи впитала многие мотивы именно за счет того, что они постоянно воспроизводились в городском пространстве.
- 3 Музей звука (Санкт-Петербург). URL: <http://www.kidsreview.ru/catalog/muzei-zvuka-sankt-peterburg> (дата обращения: 21.03.2018).

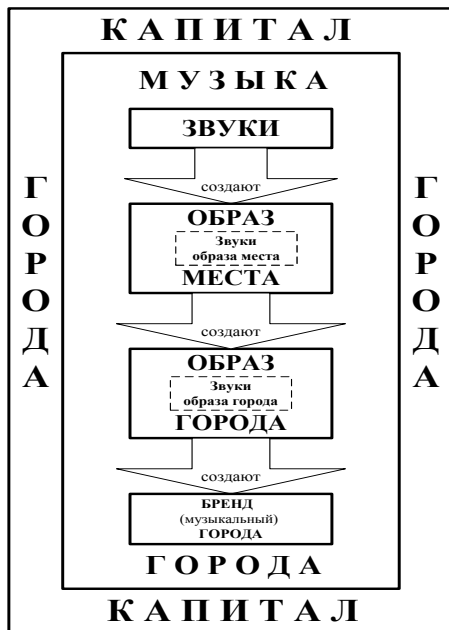

Рис. 4. Схема формирования музыкального бренда города

Сегодня музыка возводит стены между людьми с разными предпочтениями и стилем жизни, но, с другой стороны, тем, кто приезжает в новую городскую среду путешествовать, работать, учиться, потребление городских музыкальных стилей помогает включиться в жизнь города. Следовательно, она способствует привлечению в город потенциальных потребителей (студентов, работников, гостей, туристов и т. п.). Однако при определенных обстоятельствах она может и отталкивать людей от какого-либо места.

Таким образом, музыка города – это общая музыка, создающая общее настроение, общий ритм и синхронность, а следовательно, музыкальную ландшафтную привлекательность. Язык музыки и звуки города, его звуковой ландшафт, являясь очень важным элементом повседневной жизни, способом выражения реакции его обитателей на происходящее вокруг, представляют довольно значимую составляющую бренда города. *Звуки создают образ места, образы и звуки отдельных мест складываются в образ города, звуки города формируют его бренд.*

Литература

- Артёмьева Т. В.* Как идеи меняют свой цвет: Петербург и Эдинбург // Материалы Междисциплинарной конференции «Петербург в европейском пространстве науки и культуры». Т. 4. СПб.: СПб НЦ РАН, 2002. С. 40–46.
- Васильева Д.* Звуковая агрессия, музыкальные стены: как звуки создают город. URL: <https://republic.ru/calendar/event/1077007> (дата обращения: 19.09.2018).
- Возьянов А.* Винил в большом городе: между звуком и зрелищем // Визуальная антропология: городские карты памяти. М., 2009. С. 259–265.
- Возьянов А.* Куда ушли мелодии вместо гудков: территории слуха в саундскейпе социальных медиа // Журнальный клуб Интелрос «Неприкосновенный запас». № 4. 2015. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/nz/n4-2015/28102-kuda-ushli-melodii-vmesto-gudkov-territorii-sluha-v-saundskeype-socialnyh-media.html> (дата обращения: 19.09.2018).
- Возьянов А.* Введение. Город и аудиальное. Звук в городской повседневности. О музыке // Лекция Андрея Возьянова «Антропологическое введение в городские культуры слушания, слышания и производства звука». URL: <http://expandingospace.ru> (дата обращения: 19.09.2018).
- Грошев И. В., Краснослободцев А. А.* Звуковой ландшафт и музыкальное пространство города: как звуки формируют городской бренд // Маркетинговые коммуникации. 2016. Декабрь. № 6 (96). С. 364–372.
- Лалин В.* Запахи и звуки Санкт-Петербурга // Звезда. 2007а. № 3. С. 3–4.
- Лалин В.* Петербург: запахи и звуки. СПб.: Европейский дом, 2007б.
- Рясов А.* Звук и технический миф: краткая история. СПб., 2010.
- Шейфер Р. М.* Индустриальная революция. М., 2009.
- Colombijn F.* Tooot! Vroooom! The Urban Soundscape in Indonesia // Journal of Social Issues in Southeast Asia. 2007. V. 22. № 2. P. 255–273.
- Soundscape: социальная история звука // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуры.* URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyu_zapas/102_nz_4_2015/?sphrase_id=4961 (дата обращения: 26.06.2018).

Особенности экономического сознания студенческой молодежи в условиях глобализации (результаты кросс-культурного исследования России и Японии)

Е. В. Забелина, Ю. В. Честюнина, Э. З. Ягнакова

Современный мир с его глобализационными тенденциями выдвигает ценностные универсалии-бренды, применимые к любому сообществу, культуре или нации. Поэтапно во всех культурах, включенных в глобализацию, происходит замена понимания человека с его определенной цивилизационно-ценностной идентичностью на универсалистского потребителя, обладающего максимально унифицированными характеристиками с точки зрения потребностей и образа жизни (Забелина и др., 2016). Многие ученые говорят сегодня о превалировании экономического фактора глобализации, который приводит к стандартизации товаров, услуг, рекламы, т. е. унификации потребительских привычек (Соколов, 2005; Хренов, 2005; и др.).

Наиболее восприимчива к последствиям глобализации молодежь. Являясь наиболее динамичной частью населения, молодежь в первую очередь сталкивается с вызовами глобализации: страдает от экономических и социальных кризисов, становится жертвами в военных конфликтах (Васильковская, 2009). Поэтому выборка данного исследования была сформирована из группы студенческой молодежи.

Насколько далеко зашли процессы глобализации в экономической сфере? Находят ли отражение процессы экономической унификации в экономическом сознании представителей различных культур? Действительно ли восприятие экономических реалий и поведение экономических субъектов носит сегодня более универсальный, нежели культурно специфичный характер? Эти вопросы являются сегодня актуальными и востребованными не только на макроуровне — для транснациональных торговых и производственных корпораций, но и на мезо- и микроуровнях — для локальных организаций, семей

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-013-00201-а.

и отдельных личностей, реализующих себя в сфере экономики в различных ролях (потребителя, предпринимателя, инвестора, наемного работника и т. д.).

Для ответа на эти вопросы было проведено пилотажное исследование с целью сравнения экономического сознания студентов в России и Японии. Япония как страна для сравнения была выбрана неслучайно: она, пожалуй, наиболее обособлена и «закрыта» от остального мира как географически, так и социально. Эта страна особенна и консервативна и в плане экономики, и в плане культуры. Японцы очень бережно относятся к сохранению своих национальных традиций в неизменном виде, поэтому логично было бы предполагать, что сюда последствия глобализации (как экономической, так и культурной) проникнут в последнюю очередь.

Исследование проводилось на выборке студентов региональных российского и японского университетов. Объем выборки составил 208 человек: 119 студентов в возрасте от 18 до 23 лет из России, из которых 46 юношей и 73 девушки, и 89 студентов-японцев в возрасте от 18 до 24 лет, из которых 43 юноши и 46 девушек. Все студенты обучаются на очной форме факультетов гуманитарного направления.

В качестве основной методики в исследовании применялся «Шкальный многофакторный опросник диагностики экономических аттитюдов» О. С. Дейнека, Е. В. Забелиной (Дейнека, Забелина, 2018). Для применения опросника на японской выборке был выполнен прямой и обратный перевод утверждений на японский язык. Эквивалентность переводных утверждений оригинальным была подтверждена экспертами факультета Евразии и Востока Челябинского государственного университета. Проверка на внутреннюю согласованность – надежность показала приемлемый результат на японской выборке (коэффициент альфа Кронбаха 0,809). Следовательно, применение данного опросника на японской выборке позволяет прогнозировать результаты с высокой степенью достоверности.

Кроме данного опросника в исследовании применялась модифицированная шкала уровня субъективного дохода Фёнэма в адаптации О. С. Дейнека (1999). Респондентам предлагалось оценить уровень своего дохода по 7-балльной шкале (1 – свожу концы с концами, 7 – очень высокий).

Математико-статистическая обработка данных проводилась с использованием статистического пакета SPSS 21.0. С целью сравнения

элементов экономического сознания в двух выборках использовался t-критерий Стьюдента.

На первом этапе анализа было проведено сравнение субъективных оценок воспринимаемого уровня дохода у японских и российских студентов. Результаты показали, что студенты-японцы значимо более низко оценивают свой уровень дохода, несмотря на объективно более высокий уровень жизни в стране (таблица 1).

Таблица 1
Сравнение субъективного уровня дохода
у респондентов из российской и японской выборки

Утверждения	М		Т	Р
	Российская выборка	Японская выборка		
Субъективный уровень дохода	3,26	2,60	3,68	0,000

Данный результат можно интерпретировать с учетом особенностей восприятия экономического статуса студентов в двух странах. В то время как российские студенты при оценке уровня дохода ассоциируют себя с семьей, даже если физически живут отдельно (т. е. рассматривают и оценивают в том числе уровень дохода родителей), студенты-японцы оценивают свой уровень дохода индивидуально, без привязки к семейному. Поэтому, несмотря на возможные подработки, уровень их личного дохода довольно скромный, особенно в сопоставлении с уровнем цен на питание и жилье в этой стране.

На следующем этапе с целью исследования особенностей структуры экономических аттитюдов у русских и японских студентов был выполнен эксплораторный факторный анализ методом главных компонент с Варимакс-вращением. Результаты факторизации, приведенные в таблицах 2–3, демонстрируют различия в структуре экономических аттитюдов у студенческой молодежи в России и Японии.

Как видно из таблицы 2, факторный анализ позволил выделить в структуре экономических аттитюдов российских студентов 4 фактора, при этом три утверждения, отражающие готовность инвестировать, рациональность покупок и осознание социальной ответственности богатства, не вошли ни в один фактор со значимыми нагрузками, а также два утверждения вошли одновременно в два

Таблица 2
Факторная структура экономических аттитюдов
у российских студентов

Утверждения	Факторная нагрузка
<i>Фактор экономических амбиций (доля объяснимой дисперсии 13,9%)</i>	
Экономические амбиции	0,773
Ценность самостоятельных экономических достижений	0,679
Значимость финансового статуса	0,623
Потребительская активность	0,545
Финансовый оптимизм	0,492
Осознание потребительской иррациональности	0,455
Негативное отношение к предпринимателям	-0,407
<i>Фактор рационального экономического планирования (доля объяснимой дисперсии 10,5%)</i>	
Уверенность в будущем благодаря сбережениям	0,780
Финансовая грамотность	0,717
Финансовый оптимизм	0,482
Потребительское удовлетворение	0,451
Активность, рациональность в банковской сфере	0,428
<i>Фактор социального сравнения на основе материальных ценностей (доля объяснимой дисперсии вес 8,4%)</i>	
Негативное отношение к предпринимателям	0,577
Познавательная экономическая активность	0,530
Приоритет заработка в ущерб здоровью	0,437
Приоритет заработка в ущерб призванию	0,430
Стремление к сбережению	0,429
Активность в сфере недвижимости	0,425
<i>Фактор финансовой неграмотности (доля объяснимой дисперсии 8,3%)</i>	
Инвестиционная неграмотность	0,666
Недоверие к банкам	0,661

Примечание: Рядом с названием факторов приведены веса или собственные значения факторов, напротив параметров приведены факторные нагрузки.

фактора, причем «*Отношения к предпринимателям*» — с разными знаками. Первые два фактора отражают условно позитивные экономические аттитюды у российских студентов, третий и четвертый факторы — условно негативные экономические аттитюды.

Первый по весу фактор был назван «*Фактор экономических амбиций*». В него вошли экономические амбиции, ценность самостоятельных экономических достижений, значимость финансового статуса, а также потребительская активность, финансовый оптимизм, осознание потребительской иррациональности и позитивное отношение к предпринимателям. Следует отметить, что все показатели, вошедшие в этот фактор, обладают приблизительно равной факторной нагрузкой. Можно предположить, что данный фактор является отражением аттитюдов амбициозной, активно настроенной части молодежи, которая разделяет ценности самостоятельных экономических достижений и свободного предпринимательства, настроена зарабатывать деньги своими собственными усилиями и осознанно их тратить.

Второй фактор — «*Фактор экономического планирования*» — отражает общность уверенности в будущем благодаря сбережениям, финансовой грамотности, финансового оптимизма, активности и рациональности в банковской сфере в сочетании с потребительским удовлетворением. Таким образом, в основе экономического сознания российских студентов, планирующих свое будущее, делающих финансовые сбережения, лежат финансовые знания; молодые люди данного типа рациональны, стремятся быть в курсе ситуации на рынке недвижимости как экономическом индикаторе, удовлетворены своей финансовой ситуацией и с оптимизмом смотрят в будущее.

Третий фактор был назван «*Фактор социального сравнения на основе материальных ценностей*». Определяющим в данном факторе является негативная установка по отношению к предпринимателям как людям, готовым преступить моральные нормы ради собственной выгоды. Данная установка сочетается, в одной стороны, с активностью в экономической сфере, а с другой — со стремлением заработать, даже жертвуя здоровьем и призванием. В этот же фактор вошло стремление к сберегательному поведению. Психологическое содержание данного фактора заключается в том, что молодые люди с высоким уровнем познавательной экономической активности, готовые работать, жертвуя здоровьем и призванием, стремятся накапливать сбережения, однако, одновременно осуждают предпринима-

телей. Вероятно, данный фактор отражает экономическое сознание наемного работника, вынужденного «выживать» в неблагоприятных экономических условиях.

В четвертом факторе — «*Факторе инвестиционной неграмотности*» — находит отражение сочетание с одной стороны, признаков инвестиционной неграмотности, а с другой — недоверия к банкам. Вероятно, российские студенты, не разбирающиеся в вопросах инвестирования, не готовы доверять банкам свои сбережения.

Далее была проанализирована структура экономических аттитюдов у представителей студенческой молодежи Японии (таблица 3).

Как видно из таблицы 3, факторный анализ позволил выделить в структуре экономических аттитюдов японских студентов также 4 фактора. Параметры в факторной структуре распределились в целом равномерно. В отличие от результатов, полученных на российской выборке, в факторную структуру вошли все показатели опросника. При этом несколько показателей вошли в разные факторы с примерно равнозначными весами.

Первый по весу фактор был назван «*Фактор значимости финансового статуса*». Помимо значимости финансового статуса в него вошли осознание потребительской иррациональности, желание зарабатывать даже вопреки призванию, активность в сфере недвижимости, экономические амбиции и ценность самостоятельных экономических достижений. Психологическое содержание данного фактора заключается в том, что, с точки зрения японских студентов, для того чтобы иметь высокий финансовый статус, необходимо найти высокооплачиваемую работу, даже если она не является твоим призванием. Данный результат согласуется с традиционной картиной мира японцев, для которых, с одной стороны, характерен трудоголизм (они отдают безусловный приоритет работе), а с другой — они позволяют обществу определять свое призвание: быть на том месте, где он (или она) будут нужнее для социума. Студенты этого типа осознают иррациональность экономического поведения, считая, что большинство товаров и услуг навязываются рекламой и модой, при этом они предпочитают быть в курсе цен на рынке недвижимости, даже если не планируют в ближайшее время ничего покупать. В целом структура фактора схожа с первым фактором у российских студентов, однако если в России на первое место выходят экономические амбиции (при социальном сравнении), то в Японии — сам факт высокого финансового статуса, благополучия и достатка. Можно пред-

Таблица 3
Факторная структура экономических аттитудов
у японских студентов

Утверждения	Факторная нагрузка
<i>Фактор значимости финансового статуса (доля объяснимой дисперсии 13,7%)</i>	
Значимость финансового статуса	0,796
Осознание потребительской иррациональности	0,665
Приоритет заработка в ущерб призванию	0,627
Активность в сфере недвижимости	0,553
Экономические амбиции	0,472
Ценность самостоятельных экономических достижений	0,460
<i>Фактор финансовой грамотности и экономических амбиций (доля объяснимой дисперсии 12,6%)</i>	
Финансовая грамотность	0,710
Приоритет заработка в ущерб здоровью	0,620
Уверенность в будущем благодаря сбережениям	0,619
Экономические амбиции	0,583
Негативное отношение к предпринимателям	0,581
Инвестиционная неграмотность	-0,408
<i>Фактор позитивных аттитудов в сфере потребления на основе сбережений (доля объяснимой дисперсии вес 12,5%)</i>	
Стремление к сбережению	0,708
Рациональность покупок	0,641
Социальная ответственность богатства	0,625
Ценность самостоятельных экономических достижений	0,580
Потребительская активность	0,572
Потребительское удовлетворение	0,522
Активность и рациональность в банковской сфере	0,457
<i>Фактор экономической активности и оптимизма (доля объяснимой дисперсии 11,9%)</i>	
Познавательная экономическая активность	0,730
Финансовый оптимизм	0,573
Недоверие к банкам	0,571
Активность и рациональность в банковской сфере	0,529
Активность в сфере недвижимости	0,496
Готовность инвестировать	0,461

Примечание: Рядом с названием факторов приведены веса или собственные значения факторов, напротив параметров приведены факторные нагрузки.

положить, что в России финансовое благополучие связано с уже достигнутым уровнем (например, в семье), в то время как у японцев оно ассоциируется с упорным трудом.

Второй фактор был назван «*Фактором финансовой грамотности и экономических амбиций*». В нем объединились финансовая и инвестиционная грамотность, экономические амбиции в сочетании с желанием работать за большую заработную плату даже в ущерб своему здоровью и уверенность в будущем, благодаря накопленным сбережениям. Кроме того, в данный фактор вошло негативное отношение к предпринимателям. Данный фактор можно сопоставить с третьим фактором на российской выборке, отражающим психологию наемного работника (сравнивающего себя с предпринимателями), однако в японском варианте экономические амбиции подкреплены финансовой грамотностью, в то время как у российских студентов финансовая грамотность обуславливает стремление к сбережениям (второй фактор).

Третий фактор – «*Фактор позитивных аттитюдов в сфере потребления на основе сбережений*» – отражает общность рациональности и активности в потребительском поведении, удовлетворения в этой сфере, со стремлением к сбережениям, рациональностью в банковской сфере, ценностью самостоятельных экономических достижений и пониманием того, что богатство должно быть связано с социальной ответственностью. Таким образом, данный фактор отражает взаимосвязь позитивных установок в сфере потребления и сбережений, а также веры в личные усилия для достижения финансового успеха. Вероятно, данный фактор связан с гармоничностью экономического сознания у молодых японцев, в котором рациональное потребление соседствует со сбережениями, личными усилиями и готовностью жертвовать. Для сравнения: на русской выборке потребительская активность связана с экономическими амбициями (первый фактор).

В четвертом «*Факторе экономической активности и оптимизма*» находят отражение различные виды экономической активности (познавательная экономическая активность, активность в банковской сфере, в сфере недвижимости), а также финансовый оптимизм и готовность инвестировать. Однако в этот же фактор вошли негативные аттитюды – недоверие к банкам как к финансовым институтам. Вероятно, оптимистическое видение своего будущего посредством удачного инвестирования средств и экономической активности

не ассоциируется у японских студентов с банковской сферой, а задействует другие финансовые инструменты (например, инвестирование в бизнес, акции и т. д.).

Заключение

Проведенное кросс-культурное исследование выявило ряд значимых различий в экономическом сознании студентов в России и Японии, которые в целом можно объяснить различием экономических условий и культуры.

Во-первых, можно говорить о том, что у студентов-россиян сформированы в большей степени негативные экономические аттитюды в сравнении с японскими студентами. Вероятнее всего, данное различие можно объяснить более устойчивой экономикой Японии, известной как «японское чудо».

Во-вторых, выявлены различные взаимосвязи в структуре экономических аттитюдов у российских и японских студентов, также объясняющие реалии экономической жизни обеих стран. Например, если в России финансовое благополучие связано с амбициями человека в экономической сфере, то у японцев оно ассоциируется с упорным трудом и активностью, а амбиции подкреплены финансовой грамотностью.

В-третьих, обнаружены определенные культурные особенности экономического сознания, приобретшие статус национальных стереотипов. Например, трудоголизм и стремление к гармонии у японцев, а также желание быстрых достижений и отрицательное отношение к предпринимательству у россиян.

Несмотря на то, что исследование носит пилотажный характер, выявленные в нем тенденции по-новому высвечивают некоторые аспекты современного экономического сознания молодежи в условиях глобализации, и заслуживают дальнейшей разработки.

Литература

Васильковская М. И. Молодежь в контексте глобальных проблем развития мирового сообщества // Сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической on-line конференции «Диалог культур: глобализация, традиции и толерантность» (Кемерово, 16 ноября 2009 года). Кемерово: КемГУКИ, 2009. С. 308–310.

- Дейнека О. С.* Экономическая психология в российской политике переходного периода: Дис. ... докт. психол. наук. СПб., 1999.
- Дейнека О. С., Забелина Е. В.* Результаты разработки шкального многофакторного опросника для экспресс-диагностики экономических аттитюдов // Психологические исследования. 2018. Т. 11. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 10.05.2018).
- Забелина Е. В., Смирнов М. Г., Честюнина Ю. В.* Психологическое время личности в условиях глобализации: постановка проблемы // Universum: психология и образование. 2016. № 9 (27). URL: <http://7universum.com/ru/psy/archive/item/3607> (дата обращения: 28.09.2016).
- Соколов К. Б.* «Дикая» глобализация и традиционные культуры // Традиционная культура. 2005. № 2. С. 70–79.
- Хренов Н. А.* Традиционная культура в эпоху глобализации // Традиционная культура. 2005. № 2. С. 52–59.

Токсические практики управления персоналом: социально-психологические аспекты

О. А. Коропец, А. Э. Фёдорова

Исследование управленческих отношений, рассмотрение социальных и психологических аспектов отношений, которые возникают при взаимодействии людей в процесс трудовой деятельности, является актуальной задачей современной социальной и экономической психологии. Фокус нашего исследования направлен на изучение особенностей восприятия токсических практик управления мужчинами и женщинами. Под токсическими практиками управления персоналом мы понимаем совокупность последовательно производимых управленческих действий в отношении человеческих ресурсов предприятия, направленных на получение экономической выгоды от их использования и реализуемых без учета негативных изменений в уровне благосостояния, физического здоровья и социально-психологического благополучия наемных работников (Фёдорова и др., 2017). С одной стороны, расширение использования токсических практик управления человеческими ресурсами в современных компаниях обусловлено процессом растущей прекаризации занятости, наблюдаемой в течение нескольких последних десятилетий на рынках труда развитых стран. Вследствие стремления работодателей сократить издержки на рабочую силу и риски, связанные с затратами на персонал, наемные работники все чаще не имеют гарантированной занятости и вынуждены соглашаться на работу с низким уровнем или даже с отсутствием социальной защиты (Pfeffer, 2010). С другой стороны, неблагоприятные трудовые отношения на рабочих местах могут возникнуть вследствие наличия в компании токсического руководства, т. е. такого типа менеджеров, деструктивные действия или бездействие которых наносят ущерб работникам и компании (Lipman-Blumen, 2015). Обозначенные выше внешние и внутренние факторы использования токсических методов управления персоналом, как и сами токсические практики кадровой ра-

боты, являются причинами социального загрязнения. Социальное загрязнение идентифицируется нами как нанесение ущерба благосостоянию и причинение вреда физическому и социально-психологическому благополучию персонала в результате внутренней и внешней экономической деятельности компаний. Изучение социально-психологических аспектов гендерных различий в оценках респондентов, описавших свой опыт участия в деструктивных трудовых отношениях на рабочем месте, должно строиться, по нашему мнению, с учетом специфики мужского и женского восприятия окружающего мира. Эмоциональные, психологические и когнитивные характеристики, связанные с гендерными различиями мужчин и женщин, рассматриваются в работах зарубежных и отечественных исследователей: А. Игли (Eagly, 1987), Ш. Берна (Берн, 2002), Н. К. Радиной (1999), Е. П. Ильина (2008), И. С. Клециной (2002), Е. И. Комарова (2011) и др. У мужчин и женщин существуют особенности восприятия, которые необходимо учитывать при изучении гендерных различий в оценках токсических практик управления персоналом. Установлено, что восприятие среднестатистического мужчины в большей степени базируется на логике, обобщении, целостности, склонности к абстракциям. Мужчина мотивирован на достижение успеха, у него развито стремление к лидерству и склонность к новаторству. У женщин больше развита интуиция и внимание к деталям. Женщина мотивирована на сохранение хороших отношений с окружающими, умеет подчиняться и следовать правилам. Мужчина по сравнению с женщиной более рационален, сдержан, агрессивен, предприимчив, активен и замкнут. Женщина по сравнению с мужчиной обладает большей эмоциональностью, чувствительностью, гибкостью, отзывчивостью, тревожностью и общительностью.

Методология и методы исследования

Исследование токсических практик управления было начато в 2013 г., когда на российских предприятиях был осуществлен пилотный этап, основанный на опросе экспертов посредством полуструктурированного интервью. В нем приняли участие менеджеры, а также специалисты в области управления персоналом. По результатам экспертного опроса мы разработали структурированный вопросник (Fedorova, Menshikova, 2014). В 2017 г. возникла необходимость изучения социально-психологических аспектов токсических практик управления.

Именно поэтому в качестве одного из методов нашего долгосрочного мониторингового исследования токсических практик управления персоналом используется метод нарративного интервью.

Нами была использована трехфазная схема повествовательного интервью (Labov, 2006):

- фаза повествования. Исследователь формулирует вопрос о так называемой «иницирующей формуле», которая побуждает респондента рассказать историю;
- иницирующая формула: «Мы просим вас рассказать нам историю из вашей трудовой деятельности, сосредоточив внимание на событиях, отношениях, обстоятельствах, когда-либо возникших на вашем рабочем месте, которые вызвали у вас негативные эмоции и даже повлияли на вашу будущую профессиональную деятельность»;
- фаза повествовательных вопросов. Интервьюер возвращается к истории респондента, чтобы попросить разъяснить вопросы, которые приводят к более подробному описанию различных обстоятельств. Вопросы, задаваемые на этом этапе, могут быть объединены общей описательной формулой: «Не могли бы вы рассказать нам больше о своих чувствах»;
- аналитическая фаза. В заключительной части интервью респонденту предлагается встать на позицию «теоретика» в отношении его собственной истории: интерпретировать, анализировать, оценивать и объяснять причины и последствия.

Результаты исследования

Результаты нарративного интервью представлены в виде фрагментов повествований, описывающих деструктивные трудовые отношения на рабочем месте, наиболее ярко запомнившиеся респондентам. Интервью с каждым респондентом занимало около 40 минут времени. В начале разговора использовалось побуждение респондента к рассказу вопросом «Была ли в вашей трудовой жизни ситуация, связанная с негативными переживаниями на работе?» и фразой «Расскажите про случаи деструктивных отношений с менеджерами и/или коллегами, в которые вы были втянуты» и т. п. Рассказы были незначительно обработаны: вырезаны вопросы и истории на отвлеченные темы. Однако стиль повествования и логика остались в не-

измененном и неотформатированном виде, чтобы не потерять суть нарратива. Мы изучили 71 историю, 44 истории принадлежали женщинам, 27 историй – мужчинам. Респонденты работают в разных сферах экономики: программирование, продажи, банковская сфера, сфера услуг, фармацевтика, реклама. В ходе обработки материалов, мы опирались на ранее выделенные нами 18 категорий, характеризующих отрицательные факторы трудовой деятельности на рабочем месте (рисунок 1).

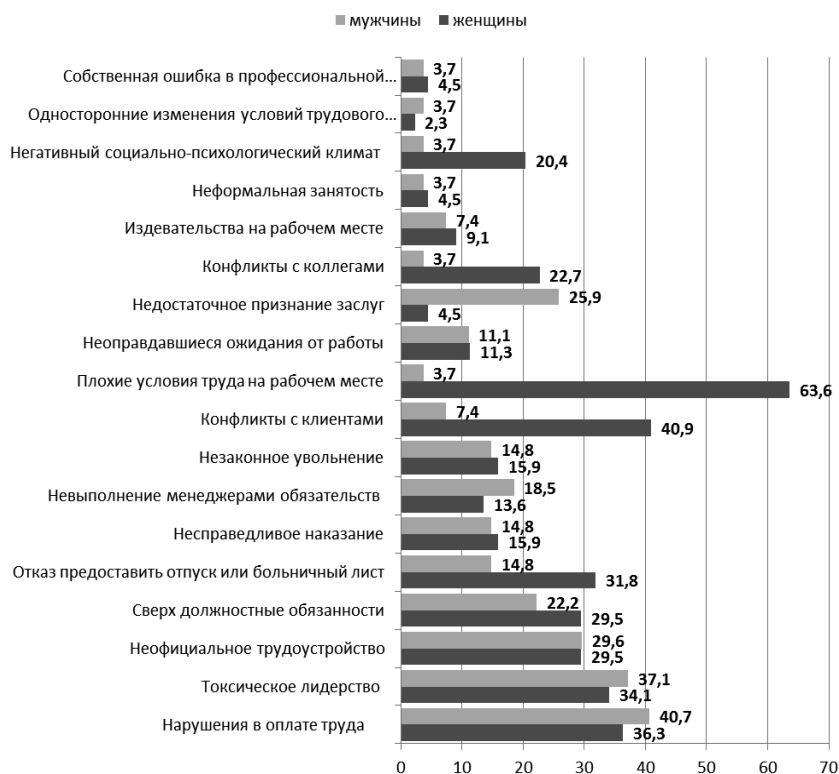

Рис. 1. Негативные факторы профессиональной деятельности, указанные респондентами в своих историях (% респондентов)

Для подтверждения статистической значимости различий нами был использован критерий Фишера (φ^* – угловое преобразование Фишера) и выдвинуты следующие гипотезы:

H_0 : Доля лиц, у которых выявлен токсический фактор профессиональной деятельности на рабочем месте, в выборке 1 не больше, чем в выборке 2;

H_1 : Доля лиц, у которых выявлен токсический фактор профессиональной деятельности на рабочем месте, в выборке 1 больше, чем в выборке 2.

Полученное эмпирическое значение φ^* находится в зоне значимости, H_0 отвергается относительно таких факторов, как: конфликты с клиентами (φ^* эмп 3,424), плохие условия на рабочем месте (φ^* эмп 5,968), недостаточное признание заслуг (φ^* эмп 2,618) и конфликты с коллегами (φ^* эмп 2,479). Полученное эмпирическое значение φ^* находится в зоне неопределенности, H_0 отвергается относительно такого фактора, как отказ предоставить отпуск или больничный лист (φ^* эмп 1,905). Относительно остальных токсических факторов полученное эмпирическое значение φ^* находится в зоне незначимости, H_1 отвергается.

Таким образом, мы выявили отличия в восприятии мужчинами и женщинами определенных токсических факторов профессиональной деятельности на рабочем месте. Так, женщины чаще вербализуют проблемы, связанные с коммуникацией внутри коллектива и с клиентами, также они в большей степени ориентированы на социально-психологический климат в коллективе. Другими словами, неблагоприятная социально-психологическая атмосфера является значимым токсическим фактором для психосоциального благополучия женщины на рабочем месте, что отражается на показателях ее профессиональной эффективности. Марина, госслужащая, 31 год, так описывает причины межличностного конфликта с одной из своих коллег: «Первое мнение о ней у всех, в том числе и у меня было очень хорошее, человек – „душа компании“, и только после длительного общения понимаешь, что это талантливый манипулятор. К каждому она находила свои приемы: кого до слез доведет, кому нагрубит, а кому на несчастную жизнь пожалуется. Меня она сразу невзлюбила и стремилась подставить». Ирина, сотрудник почты, 37 лет: «Часто клиенты недовольны скоростью обслуживания и свое недовольство вымещают на нас; на прошлой неделе одна женщина так ругалась, что довела меня до слез, хотя я ни в чем не виновата». Анна, проводница, 28 лет: «Однажды во время моей смены произошла кража одеял, мой напарник подставил меня, доложив

начальству, что это произошло исключительно из-за того, что я невнимательно отношусь к своим непосредственным обязанностям». Мужчины в нашем исследовании чаще, чем женщины, указывали на недостаточное признание их заслуг. Это связано тем, что мотив достижения является одним из ведущих в психологической структуре мотивации мужчин. Например, Юрий, банковский служащий, 25 лет, таким образом описывает, давление со стороны своего непосредственного начальника-женщины во время испытательного срока: «Я был обязан знать все и должен был максимально стараться и выкладываться на работе. Это очень давило, так как я еще не полностью адаптировался к новому рабочему месту. Каждую оплошность она раздувала до огромных размеров, а когда я адаптировался и стал работать быстрее и лучше многих опытных сотрудников, этого просто никто не заметил». Максим, менеджер торговой сети, 38 лет: «За пять лет работы в данной организации, ни одного доброго слова, похвалы или простой благодарности, не говоря уже о денежной премии, я не получил». В соответствии с результатами нарративного анализа, и для мужчин, и для женщин в равной степени наиболее токсическими факторами рабочей среды являлись: нарушения в оплате труда, токсическое лидерство и неофициальное трудоустройство. Показательным примером является история Инны (менеджер по продажам, 35 лет): «Компания отвратительная; когда пришла на собеседование, обещали золотые горы, официальное трудоустройство, хорошую зарплату! В итоге, отработав 1 год и 4 месяца, я не увидела ни официального трудоустройства, ни хорошей зарплаты. Если план не выполняешь, то, соответственно, не платят проценты от продаж, но планы всегда выполнять нереально, так как это зависит от сезона! Про трудоустройство обещают до сих пор, что устроят официально, но это только обещания!». Сергей, 32 года, так описывает свой негативный опыт, связанный с профессиональной деятельностью: «Работал главным аналитиком по региону, в связи с большим объемом работы часто перерабатывал и оставался в ночь, но оплачивали только ту часть переработок, которая была включена в бюджет. Поэтому оплачивали далеко не все. Кроме того, повышали обязанности, но не повышали зарплату». Светлана, 29 лет, описывает конфликт с руководителем: «Хочу поделиться, как портится отношение руководства, если на просьбу отвечаешь отказом. В конце июля в нашей компании произошло мошенничество, свидетелем которого я стала. Я сообщила руководителю об этом. Она

попросила меня перенести отпуск в связи с предстоящим разбирательством, но я отказала, так как уже был запланирован совместный отпуск с мужем. После моего выхода из отпуска руководитель создает невыносимую обстановку, всячески унижая меня и занижая мою самооценку. Руководитель позволяет себе в присутствии клиентов, в момент, когда я обслуживаю, делать унижительные замечания и говорит, что я скоро не буду работать здесь».

Анализ нарративов показал, что существуют различия в риторике респондентов мужского и женского полов. Повествования женщин развернуты и эмоционально окрашены. Мужчины больше акцентируют внимание на недостатках в системе управления и организации труда на рабочем месте. Необходимо отметить, что указанный выше перечень категорий, относящихся к токсическим практикам управления персоналом, не является исчерпывающим. В наших дальнейших исследованиях планируется расширение данного перечня.

Заключение

Последствия кризисных явлений в экономике оказали негативное влияние на ситуацию на рынке труда и, как следствие, на социально-психологическое благополучие работников. Научная новизна исследования подтверждается изучением новых явлений и процессов, складывающихся в рамках трудовых отношений, и поиском решений по нивелированию отрицательных последствий широкого распространения токсических практик управления персоналом, прекаризации занятости и социального загрязнения от экономической деятельности компаний. Полученные нами результаты нарративного анализа подтверждают тот факт, что женщины чаще, чем мужчины, проявляют чувствительность к психологическому климату в коллективе и стремление работать в психологически комфортной для себя атмосфере. Женщины обращают внимание не только на содержание и смысл решения руководителя, но в значительной мере и на форму, в которой это решение до них доводится. Аналогично отношение женщин к замечаниям со стороны начальства. Женщины весьма чувствительны к унижению и грубому порицанию. Они очень часто воспринимают замечания как несправедливые, независимо от содержания. Эти особенности восприятия и поведения женщин на рабочем месте следует учитывать при разработке практических методов управления человеческими ресурсами. Напри-

мер, программы командообразования, коммуникативные тренинги, мероприятия по развитию корпоративной культуры и приемы для деликатного обеспечения получения негативной обратной связи вызовут большой отклик у женщин и в значительной степени будут способствовать снижению токсичности внутриорганизационной среды. Таким же образом можно охарактеризовать программы признания заслуг и персональные надбавки за особые заслуги перед компанией, которые лучше воспринимаются работниками мужского пола. Результаты нарративного анализа позволяют идентифицировать виды и формы токсических практик управления персоналом, выявить причинно-следственные связи между деструктивными трудовыми отношениями и социально-психологическим благополучием наемных работников, разработать управленческие инструменты, предназначенные для снижения уровня токсичности трудовой сферы предприятий.

Литература

- Берн Ш.* Гендерная психология. ОЛМА Медиа Групп, 2002.
- Ильин Е. П.* Пол и гендер. СПб.: Питер, 2009.
- Клецина И. С.* Развитие гендерных исследований в психологии // Общественные науки и современность. 2002. №. 3. С. 181–192.
- Комаров Е. И.* Гендерный менеджмент // Управление персоналом. 2011. № 11–12. С. 49–53.
- Радина Н. К.* Об использовании гендерного анализа в психологических исследованиях // Вопросы психологии. 1999. №. 2. С. 22–27.
- Фёдорова А. Э., Коронец О. А., Мельникова А. С.* Токсические практики управления персоналом: контент-анализ в сети Рунет // Тренды и управление. 2017. № 3. С. 104–119. doi: 10.7256/2454-0730.2017.3.24138. URL: http://e-notabene.ru/ptu/article_24138.html.
- Eagly A. H.* Reporting sex differences // American Psychologist. 1987. V. 42 (7). P. 756–757.
- Fedorova A., Menshikova M.* Social pollution factors and their influence on psychosocial wellbeing at work // SGEM2014 Conference on Psychology and Psychiatry, Sociology and Healthcare, Education. Stef 92 Technology, 2014. T. 2. SGEM2014 Conference Proceedings. September 1–9. 2014. V. 2. P. 839–846.
- Labov W.* Narrative pre-construction // Narrative inquiry. 2006. V. 16. № 1. С. 37–45.

Lipman-Blumen J. Toxic Leadership: A Conceptual Framework. Handbook of Top Management Teams, England, 2010. P. 214–220.

Pfeffer J. Building Sustainable Organizations: The Human Factor // Academy of management perspectives. 2010. V. 24 (1). P. 34–45.

Социально-средовые и индивидуально-субъективные функции вандализма в городской среде

О. В. Кружкова, И. В. Воробьева, Р. Ю. Порозов

Традиционно в психологических исследованиях феномен вандализма изучается в контексте девиантного поведения индивида или социальной группы (Л. С. Ватова, Б. Х. Омаев, В. Г. Павлов, О. С. Пашутина, В. Ф. Пирожков, А. С. Скороходова и др.). Однако, как любое другое социальное явление, в современных условиях вандализм невозможно рассматривать только как негативное явление. Так, понимание вандализма в таком ключе приводит к ограничению возможностей в интерпретации коммуникации внутри городского сообщества, между жителями города и управляющими городской территорией. В то же время изучение вандальной активности как выражения потребностей горожан и сообществ обнаруживает более широкие возможности и для понимания сути данного явления, и для профилактики и предупреждения деструктивного поведения человека в городской среде.

Анализ современной научной литературы и собранного эмпирического материала (более 6000 фотографий результатов вандальных актов, произведенных на объектах городской среды города Екатеринбурга, а также результаты 20 интервью с представителями субкультурной молодежи) позволил выделить две группы функций вандализма. При этом вандализм рассматривается нами как форма воздействия субъекта на объекты окружающей среды (материальной, социальной, информационной и какой-либо иной), выражающаяся в стремлении субъекта изменить актуальное ее состояние без соответствующих на это санкций со стороны другого субъекта, имеющего юридические права на эти объекты (ее собственника или управляющего). В социально-психологическом контексте вандализм предполагает расширение границ реализации субъектности индивида, реализуемой в деятельности и поведении, за фор-

Исследование выполнено за счет гранта РФФИ, проект № 17-18-01278.

мально устанавливаемые социумом пределы активности субъекта. Исходя из этого, функции вандализма могут быть ориентированы на удовлетворение потребности как общества, так и отдельного человека как субъекта.

Социально-средовые функции вандализма

Вандализм и его проявления сопровождают всю историю становления человечества. Это не какое-либо локальное явление, а достаточно распространенный вид социальной практики человека вне зависимости от его культурной или социальной принадлежности. Несмотря на очевидную негативную окраску в оценке данного явления, вандализм выполняет определенные функции в рамках социальной жизни общества, конкретных социальных групп, индивидов.

Функция подготовки к социальным изменениям (антикоммеморационная функция), позволяющая посредством вандализма разрушить старые и наметить, а иногда и утвердить новые порядки работы с прошлым, установить определенный мемориальный дискурс, сформировать новые социальные устои вопреки предшествующей практике общественных отношений. Так, Д. А. Радченко описывает процесс антикоммеморации исторического объекта (памятника культуры и истории) в несколько этапов: 1) модификация объекта в общественном пространстве и приписывание ему новых значений; 2) «одомашнивание» объекта; 3) физическое разрушение объекта; 4) замена объекта новым символом (Радченко, 2016). При этом с первого по третий этап активно используются именно инструменты вандализма как способы изменения материального и смыслового социального пространства исторического/культурного объекта.

Сигнализирующая функция, выражающаяся в маркировке неблагополучия среды или самочувствия человека в ней и дающая сигнал о необходимости изменений. Зачастую именно стремление изменить и преобразовать окружающее пространство провоцирует человека на вандальную активность. Так, Е. Ю. Витюк, описывая феномен «граффити», указывает на то, что они «призваны «одушевлять» безликие городские территории» (Витюк, 2012, с. 43). Механизмом же возникновения именно такой формы преобразования пространства является отсутствие каких-либо семантических значений у городских объектов. Это приводит к тому, что человек воспринимает среду как «чужую» или «ничейную». Данный факт может провоци-

ровать у человека разные эмоциональные реакции, выражающиеся не только в переживании каких-либо чувств, но и в поведенческих действиях. Например, агрессия может проявляться как «очевидный» вандализм, страх – как желание уйти, скорее покинуть данную территорию. Другие чувства и эмоции могут стимулировать у человека потребность сделать пространство «своим», т. е. внести в среду какие-то знаки, символы, элементы, указывающие на принадлежность этого пространства (Витюк, 2012).

Функция управления общественными настроениями заключается в изменении настроений городского сообщества. Это может быть представлено как снижение социального напряжения, разрядка негативных эмоций горожан или, наоборот, усиление и распространение протестных идей посредством самой вандальной активности или через восприятия ее результатов. Соответственно, вандализм выступает своеобразным инструментом для формирования общественного настроения в контексте актуальных событий. Так, например, научные исследования городских граффити в США показали, что они не просто демонстрируют бессилие властей по их контролю, но и создают альтернативные социальные, культурные и экономические механизмы функционирования социума в условиях городской среды (Ferrell, 1995). Кроме того, несанкционированные изображения зачастую играют роль социальной рекламы, стимулируя определенные поведенческие реакции и формируя намерения у зрителя.

Конструирующую функцию вандализма можно рассматривать в качестве своеобразной «точки входа» субкультурных и контркультурных молодежных групп в пространство города. С одной стороны, проявление вандального поведения у молодежи можно рассматривать как борьбу за нематериальные ресурсы, важные в их возрастной среде, в частности: социальные статусы, акцентирование своей гендерной идентичности (традиционной или постклассической). «Борьба за ресурсы маскулинности может выражаться в деструктивных, протестных действиях, нарушающих общепринятые нормы» (Громов, 2009, с. 194). С другой стороны, вандальное поведение – это попытка вынести молодым поколением на публичное обсуждение новые вопросы и темы, связанные с эстетической и этической рефлексией происходящих в обществе процессов. Активное формирование и изменчивость представлений о *прекрасном* (эстетическое) и *должном* (этическое), что с точки зрения психолого-возрастных особенностей молодежи является актуальным. По ироничному

высказыванию философа Б. Рассела, «в старые времена истина была абсолютной, вечной и сверхчеловеческой» (Рассел, 1999, с. 134). Современная молодежь не готова пассивно принимать культурные коды прошлых поколений без изменений — как сакрально неизменяемые системы. Если таковые используются в процессе вандальной практики, то становятся объектом критического осмысления — положительного или негативного. Произошло то, что известный социолог Г. М. Маклюэн обозначил так: «Графическая революция... [которая полностью] переключила нашу культуру» (Маклюэн, 2003, с. 262). С этим отчасти и связан определенный парадокс публичного восприятия вандального объекта. Формально тот или иной объект (например, стены городских зданий) подверглись вандальному нападению. Однако же, если вандальная репрезентация, в частности граффити, вызывает у зрителя комплексные и нетривиальные эстетические и этические переживания, то таковая будет в меньшей степени восприниматься в качестве общественно опасного феномена.

Индивидуально-субъектные функции вандализма

Впрочем, вандализм играет регулирующую и информирующую роль не только в социальном пространстве, но и включен в активность отдельного человека как составляющая его индивидуальной самореализации и системы отреагирования стимулов внешней среды. В этом аспекте понимания вандализма можно выделить следующие его функции по отношению к индивиду.

Тактическая функция вандализма предполагает использование данной деструктивной активности как средства для достижения иных целей. Так, например, поджоги мусорных баков, повреждения дверей или иных объектов совместной собственности в многоквартирных домах зачастую используются с целью запугивания, шантажа или мести конкретным людям. Подобную тактику часто используют коллекторы (как индивиды, выполняющие определенные трудовые функции), целью которых является не разрушение и вандализм в городской среде, а взыскивание долгов и получение прибыли.

Демонстрационно-протестная функция — выражение оппозиционной точки зрения, своего несогласия с чем-либо. Как отмечает А. С. Колосов, протестная функция вандализма реализуется, когда неприятие и непонимание традиционных ценностей побуждает человека искать новый культурный язык (Колосов, 2012). В какой-то

степени графический вандализм здесь противостоит массовой моде и рекламе и является инструментом донесения позиции меньшинства (Скорик, 2016). И здесь формы выражения протеста могут иметь высокое разнообразие как по их содержанию (политический протест или эгоистический протест против действий, положения, позиции конкретного человека или группы), так и качеству исполнения и «культурной ценности» последствий (дворовые «протестные» надписи/рисунки или произведения Бэнкси).

Функция отреагирования — это возможность для индивида снизить интенсивность негативных эмоций, «выпустить пар». Деструктивные действия высоко энергетичны. Их совершение позволяет снизить эмоциональное напряжение, возникшее по причине иных событий или общения с окружающими. В данном случае вандализм будет своеобразным, но закономерным следствием работы механизма психологической защиты замещения. При этом Р. Плутчик (1995) рассматривает «замещение» как бессознательный способ совладания с гневом, который не может быть выражен прямо и безнаказанно (особенно по отношению к заведомо более сильному противнику), но позволяет произвести эмоциональную разрядку путем причинения вреда его собственности или иному объекту.

Функция возмещения — восстановление социальной справедливости. В обыденном сознании россиян справедливость играет большую роль (Зараева, 2008), вследствие чего в рамках объяснения деструктивной активности индивида интересно рассмотрение «воздающей справедливости», которая регулирует действия человека, наносящего ущерб другим людям, совершившим или собирающимся совершить поступок, затрагивающий его интересы (Гулевич, 2018). В этом случае вандализм может быть инструментом для восстановления субъективного чувства справедливости индивида даже при отсутствии реального ущерба ему со стороны других людей или общества в целом.

Функция самовыражения — реализация творческого потенциала личности в условиях городской среды. Особое значение вандальная активность в форме граффити имеет для субкультуры райтеров, для которых нанесение несанкционированных рисунков является демонстрацией собственных возможностей, изначально направленная на коммуникацию как с членами субкультурного сообщества, так и с более широкой аудиторией зрителей. Для привлечения к себе внимания тегами или иными формами граффити помечается

как можно большее количество мест, чаще труднодоступных, но открытых для восприятия потенциальных зрителей (Скорик, 2016). Однако вандализм, направленный на самовыражение индивида, реализацию его творческих способностей и сверхнормативной активности, возможен не только в субкультурной среде. Высокая гражданская инициатива, стремление «улучшить» городскую среду посредством собственных усилий без санкционирования со стороны управляющих органов приводит зачастую к аналогичным деструктивным последствиям.

Заключение

1. Вандализм не может рассматриваться однозначно как проявление индивидуальной девиации и деструкции общественной жизни. Его функционирование связано как с реализацией задач общества или частных групповых образований, так и отдельного индивида.
2. Обобщение теоретического и эмпирического материала, полученного в рамках комплексного исследования, позволило выделить две группы функций вандализма: социально-средовые и индивидуально-субъектные.
3. Социально-средовые функции вандализма объединяют функцию подготовки к социальным изменениям, сигнализирующую функцию, функцию управления общественными настроениями и конструирующую функцию. В целом в рамках указанных функций вандализм позволяет выразить общественные позиции, управлять ими, а также формировать необходимые групповые семантические конструкты.
3. Индивидуально-субъективные функции вандализма включают тактическую функцию, демонстрационно-протестную, функцию отреагирования, функцию возмещения, функцию самовыражения. Они обеспечивают коммуникацию субъекта с окружающим городским пространством, а также способствуют его психологическому благополучию во внутриличностном плане.

Литература

Витюк Е. Ю. Городская среда как арт-объект // Вестник Томского гос. ун-та. 2012. № 364. С. 43–48.

- Гулевич О.* Социальная психология справедливости. М.: Litres, 2018.
- Зараева Л. В.* Социальная справедливость как феномен массового сознания: социокультурный анализ: Дис. ... канд. социол. наук. М., 2008.
- Колосов А. С.* История граффити движения и его современные российские особенности // Вестник славянских культур. 2012. № XXV. С. 45–49.
- Маклюэн Г. М.* Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева. М.–Жуковский: Канон-пресс-Ц–Кучково поле, 2003.
- Молодежные уличные группировки: введение в проблематику / Сост. Д. В. Громов, отв. ред. Н. Л. Пушкарева. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2009.
- Радченко. Д. А.* «На человека стал похожим»: советские памятники Украины и России в конфликтном контексте (2013–2015) // *Genius Loci: Сборник статей в честь 75-летия С. Ю. Неклюдова.* М.: Форум, 2016. С. 435–461.
- Рассел Б. О.* юношеском цинизме // Искусство мыслить. М.: Идея-Пресс–Дом интеллектуальной книги, 1999. С. 132–140.
- Скорик А. В.* Граффити как субкультура вызова и протеста // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2016. № 1 (21). С. 63–69.
- Ferrell J.* Urban graffiti crime, control, and resistance // *Youth and Society.* 1995. V. 27. №. 1. P. 73–92.
- Plutchik R. A.* Theory of Ego Defenses // *Ego defenses: theory and measurement.* N. Y.: Wiley, 1995. P. 13–37.

Восприятие мигрантами себя в качестве «мишеней дискриминации» как фактор принятия ими наблюдаемого дискриминационного поведения Другого

В. А. Лабунская

В современной социальной психологии активно обсуждается проблема влияния различных факторов на *дискриминационное поведение*. Вместе с этим вопросом рассматривается вопрос о детерминантах *воспринимаемой дискриминации* (Татарко, 2009; Татарко, Лебедева, 2010). Особое место в контексте этих направлений исследований отводится изучению мигрантов. Обобщение выводов работ приводит к постановке проблемы *влияния воспринимаемой дискриминации на принятие различных видов дискриминационного поведения*, направленного на других людей, иными словами, *наблюдаемого дискриминационного поведения*. Несмотря на наличие большого количества работ, включающих изучение дискриминационного поведения, в которых, например, в качестве факторов рассматриваются предрассудки, предубеждения, сложившиеся стереотипы (Майерс, 1996; Нечаев, 2012; Шебетенко, 2007; Talaska et al., 2008), до настоящего времени остается недостаточно исследованным влияние *опыта объекта дискриминации* на его *отношение к дискриминационным действиям* других людей.

Для обозначения людей, постоянно подвергающихся дискриминации, которые сами в дальнейшем зачастую становятся жертвами предубеждений, вводится понятие *мишени дискриминации* (Чалдини и др., 2002). Эмоциональные предубеждения, детерминирующие дискриминационные практики, особенно ярко заявляют о себе в контексте этнической, расовой, гендерной и возрастной дискриминации (Нечаев, 2012; Татарко, 2009; Татарко, Лебедева, 2010; Шебетенко, 2007). Термин *мишень* применяется также тогда, когда рассматривается феномен *смещенной агрессии* и вводится понятие *козел отпущения* (Майерс, 1996, с. 456). Наряду с такой трактовкой понятие

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 16-36-00049-ОГН/18.

мишень дискриминации рассматривается в рамках психологии коммуникативного воздействия как *фактор*, на который может быть осуществлено воздействие. Такой фактор определяется как *мишень воздействия* (Дзялошинский, 2012). И. М. Дзялошинский выделяет три класса *мишеней*: «1) индивидуально-личностные мишени, в качестве которых используются основные потребности человека, его слабости, особенности психики и стереотипы поведения; 2) групповые мишени, затрагивающие интересы и позиции представителей определенных социальных групп; 3) общественные мишени, воздействие на которые в той или иной степени сказывается на сознании и поведении всех людей, включенных в это общество» (Дзялошинский, 2012, с. 156). В контексте изучения дискриминации мигрантов, рассматривая их в качестве *мишеней дискриминации*, можно считать, что в данном случае актуализируются групповые и общественные мишени.

К. Таласка с соавт. (Talaska et al., 2008), осуществив мета-анализ исследований влияния эмоциональных предубеждений, стереотипов, верований на дискриминационное поведение, пришел к выводу о том, что эмоциональные предубеждения влияют как на *дискриминацию*, так и на отношение к *наблюдаемому дискриминационному поведению*, на воспринимаемую дискриминацию. А. Н. Татарко и Н. М. Лебедева на основе анализа различных исследований пришли к выводу о важной роли восприятия (или опыта) дискриминации при формировании установок по отношению к этноконтактным группам (Татарко, Лебедева, 2010). По их мнению, *восприятие дискриминации* может привести к негативным установкам, стереотипам и предубеждениям. По этой причине *воспринимаемую дискриминацию* необходимо учитывать в процессе изучения социально-психологических причин этнической толерантности/интолерантности (Татарко, 2009, с. 49). Этот вывод приводит к предположению о том, что *воспринимаемая дискриминация* (восприятие себя в качестве *мишеней дискриминации*), или *субъективный опыт дискриминации*, сформировавшийся у мигрантов, может оказывать влияние на *уровень принятия ими наблюдаемого дискриминационного поведения*, направленного на представителей различных этнокультурных групп.

Цель исследования заключалась в том, чтобы установить различия в *уровнях принятия наблюдаемого дискриминационного поведения Другого*, направленного на представителей этнокультурной группы с другим типом внешности (принятие этнолукизма), в группах миг-

рантов, воспринимающих (оценивающих) и не воспринимающих (не оценивающих) себя в качестве *мишеней дискриминации*.

В исследовании приняли участие 60 человек, ранее проживавших в республиках СССР, среди них 39 женщин (65%) и 21 мужчина (35%) в возрасте от 17 до 45 лет ($M=27,5$). В сборе эмпирических данных принимала участие бакалавр В. П. Солодухина.

Для определения участников исследования, воспринимающих (оценивающих) себя в качестве *мишеней дискриминации*, была разработана специальная анкета. Она включала 2 раздела: первый был направлен на сбор демографических данных (пола, возраста, образования, трудовой занятости, страны, из которой иммигрировал); второй — на получение ответов относительно дискриминации, направленной на самих участников исследования, и наблюдаемой дискриминации. Он включал такие вопросы, как: «Наблюдали ли вы в стране пребывания дискриминационное поведение, направленное на других людей?» (вариантами ответов здесь и в других вопросах были: никогда; редко; часто; очень часто); «Испытывали ли вы дискриминационные действия, направленные на вас, в стране пребывания?»; «С каким из видов дискриминации вы сталкивались в стране пребывания?» (подчеркните этот вид дискриминации: сексизм — дискриминация на основе принадлежности к определенному полу; эйджизм — дискриминация на основе принадлежности к определенной возрастной группе; этническая дискриминация). Ответы участников исследования на вопросы второй части анкеты свидетельствовали о том, что 62,6% респондентов сталкивались с сексизмом, эйджизмом и этнической дискриминацией в стране пребывания; 37,4% считают, что они главным образом сталкивались с этнической дискриминацией. Эти ответы говорят о том, что мигранты — участники исследования имели возможность не только наблюдать дискриминационное поведение в стране пребывания, но и воспринимали, оценивали себя в качестве *мишеней дискриминации*.

Главным основанием для выделения групп — *мигрантов-мишеней* и *не мишеней дискриминации* — послужили ответы на вопрос: «Испытывали ли вы дискриминационные действия, направленные на вас, в стране пребывания?». Таким образом, был введен критерий восприятия (оценки) себя в качестве *мишени дискриминации*. Количественным показателем служила частота применения к участникам исследования дискриминационных действий (никогда; редко; часто; очень часто). Так, участники исследования были разделены

на две группы: 1) группа «Мишени дискриминации» (40%) – мигранты, воспринимающие себя в качестве *мишеней дискриминации*, которые выбирали ответы «часто» и «очень часто», в данной группе 58% женщин и 42% мужчин; 2) группа «Не мишени дискриминации» (60%) – мигранты, *не воспринимающие себя в качестве мишеней дискриминации*, которые выбирали ответы: «никогда», «редко», в этой группе 62% женщин и 38% мужчин.

С целью определения уровня принятия дискриминационного поведения, направленного на представителей этнокультурных групп, отличающихся типом внешнего облика (в нашей терминологии «принятия этнолукизма»), использовалась разработанная нами ситуативная методика «Диагностика уровня принятия дискриминационного поведения Другого, направленного на представителей этнокультурных групп в различных ситуациях взаимодействия» (Лабунская, Безьян, 2014; Лабунская, 2016, 2017). Она включает 15 ситуаций, в которых одним из действующих лиц выступает либо мужчина, либо женщина, отличающиеся типом внешнего облика, а другим – человек, осуществляющий по отношению к первому дискриминационные действия. Ситуации взаимодействия были следующие: «Оказание услуги», «Совместное проживание», «Прогулка по городу», в контексте которых изменялся гендер дискриминируемого лица, его этнокультурная принадлежность, обозначенная посредством принятых в современном языке определений типа внешнего облика («славянский внешний облик», «кавказский внешний облик» и «азиатский внешний облик»).

В процессе выполнения задания респондентам необходимо было выбрать меру согласия (по пятибалльной системе) с дискриминационными действиями, направленными на человека с определенным гендерным статусом и этнокультурным типом внешнего облика. На основе этой методики определялся:

- 1) интегральный показатель *уровня принятия дискриминационного поведения Другого* в различных ситуациях взаимодействия;
- 2) *уровень принятия дискриминационного поведения Другого* по отношению к представителям этнических групп, отличающихся типом внешнего облика независимо от ситуации взаимодействия;
- 3) *уровень принятия дискриминационного поведения Другого* по отношению к представителям этнических групп, отличающихся гендером и типом внешнего облика;

- 4) уровень *принятия дискриминационного поведения Другого* по отношению к представителям этнических групп, отличающихся гендером и типом внешнего облика в зависимости от вида ситуации.

Таким образом, каждый участник исследования оценивается по нескольким показателям, указывающим на степень *принятия им дискриминационного поведения Другого*.

С целью определения различий в *принятии этнолукизма* участниками исследования, принадлежащими к группе «Мишени дискриминации» и не принадлежащими к данной группе, иными словами, не считающими, что в отношении них применялись дискриминационные действия, использовался непараметрический U-критерий Манна–Уитни, критерий Вилкоксона и корреляционный метод. Были получены следующие результаты.

1. Различия в принятии этнолукизма между группами мигрантов, воспринимающих себя в качестве *мишеней дискриминации* и не воспринимающих себя таковыми, являются особенно значимыми, если дискриминационные действия осуществляются в ситуации «Совместное проживание» ($U = -2,565$ при $p \leq 0,010$), если они направлены на женщин ($U = -2,402$ при $p \leq 0,016$); несколько ниже различия, если они направлены на мужчин ($U = -2044$ при $p \leq 0,044$).
2. В целом интегральный показатель принятия этнолукизма значимо выше в группе мигрантов – участников исследования, которые воспринимают себя в качестве *мишеней дискриминации* ($U = -2,205$ при $p \leq 0,027$).
3. Не обнаружены различия между женщинами- и мужчинами-мигрантами в принятии этнолукизма. Несмотря на этот факт, можно говорить о том, что мужчины более склонны, чем женщины, принимать дискриминационные действия, направленные на представителей этнокультурных групп, отличающихся типом внешнего облика.

Заключение

Таким образом, уровень принятия дискриминационного поведения Другого, направленного на представителей этнокультурных групп, отличающихся типом внешнего облика, значимо выше у тех мигрантов-участников исследования, которые воспринимают себя

мишенями дискриминации, т. е. теми людьми, по отношению к которым были осуществлены дискриминационные действия. На уровень принятия мигрантами этнолукизма не оказывает существенного влияния их гендер.

Литература

Дзялошинский И. М. Коммуникативное воздействие: мишени, стратегии, технологии. М.: НИУ ВШЭ, 2012.

Лабунская В. А. Теоретико-эмпирические подходы к исследованию отношения к этнолукизму // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7. № 4. С. 19–33.

Лабунская В. А. Гендерно-ситуационный анализ феномена воспринимаемого дискриминационного поведения, направленного на представителей этнокультурных групп // Инновационные ресурсы социальной психологии: теории, методы, практики: Сборник научных работ. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2017. С. 224–229.

Лабунская В. А., Беззян А. А. Методология исследования дискриминационного отношения к представителям этнокультурных групп в различных ситуациях взаимодействия // Материалы Четвертой Международной научной конференции «Теоретические проблемы этнической и кросс-культурной психологии» 30–31 мая 2014 г. Смоленск: Смоленский гуманитарный университет. 2014. Т. 1. С. 50–55.

Майерс Д. Социальная психология. СПб.: Питер. 1996.

Нетерпимость, предубеждения и дискриминация: Европейский отчет. Перевод с оригинала «Intolerance, Prejudice and Discrimination. A European Report», FES, Forum Berlin, 2011 / Пер. Г. Сергунина. Бишкек, 2012.

Нечаев Е. М. Социально-психологические риски в межэтнических отношениях мигрантов и титульного населения // Актуальные проблемы психологического знания. 2012. № 1. С. 109–112.

Татарко А. Н. Роль воспринимаемой угрозы в отношении москвичей к мигрантам // Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России: Сборник научных статей. М.: РУДН, 2009. С. 140–164.

Татарко А. Н., Лебедева Н. М. Психология межэтнических отношений. Этническая идентичность и стратегии межкультурного взаимодействия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.

- Чалдини Р., Кенрик Д., Нейберг С.* Пойми себя, чтобы понять других. Цена предубеждений, стереотипов и дискриминации. СПб.: Прайм-Еврознак, 2002. С. 101–104.
- Щебетенко С. А.* Когнитивная нагрузка и стереотип в восприятии иммигрантов: эффекты и некоторые взаимодействия // Вестник Пермского государственного института искусства и культуры. 2007. № 5. С. 187–208.
- Talaska C. A., Fiske S. T., Chaiken S.* Legitimizing Racial Discrimination: Emotions, Not Beliefs, Best Predict Discrimination in a Meta-Analysis // Social Justice Research. 2008. V. 21. Iss. 3. P. 263–269.

Свобода группы как предмет социально-психологического исследования

Г. Н. Ларина

Проблема свободы на протяжении многих лет являлась актуальной как для отечественных философов (П. Е. Астафьев, Н. А. Бердяев, Н. О. Лосский, Вл. Соловьев и др.) и психологов (Н. А. Бернштейн, М. И. Владиславлев, Л. С. Выготский, Н. Я. Грот, А. Ф. Лазурский, С. Л. Рубинштейн, М. М. Троицкий), так и для западных психологов (А. Адлер, Л. Бинсвангер, А. Маслоу, К. Роджерс, Б. Скиннер, В. Франкл, З. Фрейд, Э. Фромм, К. Юнг). С начала 1970-х годов в зарубежной психологии феномен свободы стал предметом теоретического и эмпирического познания в работах И. Дейча, Дж. Истербрука, Р. Мэя, Дж. Рейчлэка, Т. Тулку и др.

В настоящее время проблематика свободы развивается в работах таких отечественных ученых, как К. А. Абульханова-Славская (выбор жизненной стратегии, В. А. Петровский (надситуативная активность), Д. А. Леонтьев (детерминизм и свобода), В. Э. Чудновский (судьба и смысл жизни), Е. И. Кузьмина (рефлексивно-деятельностный подход к пониманию свободы).

Вместе с тем нет единого социально-психологического подхода, объясняющего формирование и реализацию свободы личности в обществе. В этой связи актуальной становится научная проблема разработки социально-психологического подхода, раскрывающего вопросы социально-психологического взаимодействия людей, успешной социализации личности и благополучного построения общества. Опираясь на положения С. Л. Рубинштейна о том, что человек способен реализовать свободу как психологическую реальность только в обществе себе подобных, особую значимость феномен свободы личности приобретает в рамках малой группы, т. е. той социальной общности, где наиболее зримо проявляются социально-политические и экономические изменения, происходящие в современном мире.

В связи с актуальностью вышесказанного целью нашего исследования стала разработка социально-психологической концепции свободы как основы нового научного направления – *свобода группы*. Это предполагает методологический, теоретический и эмпирический анализ онтологических и феноменологических аспектов психологии свободы (особенностей ее механизмов, условий функционирования и развития, структурных, функциональных, динамических характеристик).

Свобода группы – это способность группы быть собой, самостоятельно осуществлять свою деятельность. Рождаясь свободной, группа должна остаться свободной в своей деятельности, в выборе способов ее осуществления в окружающем социуме. Достигается это посредством 1) соблюдения группой определенных норм, традиций и ценностей; 2) умения прислушиваться к мнению руководителя, вышестоящей организации, опытных членов группы в процессе принятия групповых решений и групповой рефлексии. В этом процессе «вслушивания» в мнение группы или референтной личности группа приобретает опыт контроля своих чувств, сознания, поведенческих реакций и обретает свободу. Такая свобода ведет к гармонии внутри группы и способствует эффективной деятельности.

Ставя перед собой высокие социально значимые цели, реализуя их в обществе, группа обретает истинную духовную свободу, и наоборот, стремление к материальным, физиологическим целям уводит группу к «неправильной» свободе, псевдосвободе.

Свобода проявляется в деятельности. Без деятельности нет свободы. Когда группа ответственно и согласованно стремится к выполнению деятельности, она обретает свободу и становится групповым субъектом, коллективом. Уход от совместной деятельности есть сознательное, добровольное движение группы к распаду. Признание группой значимости социально полезной деятельности означает свободу группы.

Свобода группы – это социально-психологическое явление, представляющее одновременно и процесс, и состояние, и свойство. Свобода как процесс предполагает определенную логику развития, изменения во времени. В этом случае уместно говорить о свободогенезе группы. Переживание группой чувства ущемления или реализации своей свободы позволяет говорить об этом феномене с позиций состояния. Свобода как постоянное свойство группы проявляется

в различных ситуациях жизнедеятельности как определенная реакция на определенные внешние условия.

Вместе с тем свобода – это социальная потребность человека, которую он может реализовать только в группе. Поэтому малая группа влияет на его свободу, на ее формирование и актуализацию. Но и человек влияет на группу, актуализируя свою свободу посредством выбора. В своих рассуждениях Д. А. Леонтьев называет «выбор личностным, свободным», т. е. выбор есть проявление свободы личности (Леонтьев, 2015). Выбор есть механизм свободы.

Свободный человек является субъектом. Как отличается индивидуальный (А. В. Брушлинский) от группового субъекта (К. М. Гайдар), так же отличается свобода личности от свободы группы (Гайдар, 2013). Свобода группы – это социальная система отношений, представлений и действий, которая отражает деятельность группы. От актуализации свободы группы в различных условиях жизнедеятельности зависит дальнейшее развитие группы, в частности от характерных для членов определенной социальной группы особенностей антиципации, переживания и осмысления (1) самой свободы, а также (2) групповой совместной деятельности по актуализации этой свободы.

Свободу группы следует отличать от других групповых социально-психологических феноменов. Так, в отечественной социальной психологии, изучая развитие группы, ряд исследователей выделяют коллектив как высший уровень развития группы (Е. С. Кузьмин, Н. Н. Обозов, А. В. Петровский, Л. И. Уманский, А. С. Чернышев и др.).

А. Л. Журавлев расширяет понятие «коллектив» и вводит термин «коллективный субъект», рассматривая его в нескольких направлениях: 1) коллектив – это онтологическое понимание, а коллективный субъект – гносеологическое; 2) коллективный субъект как отличное от индивидуального субъекта, причем последний является частью первого (Журавлев, 2000).

В качестве одного из важнейших признаков коллективного (или группового) субъекта наряду с совместной активностью и взаимосвязанностью членов группы А. Л. Журавлев и Т. А. Нестик выделяют групповую рефлексивность, под которой обычно понимается ориентация группы на анализ своей деятельности, а также на изменение этой деятельности по итогам проведенного анализа (Журавлев, Нестик, 2012). Групповая рефлексивность способствует развитию свободы группы. Анализируя результаты своей деятельности,

изменяя ее в сторону социальной эффективности, группа приобретает истинную свободу.

Огромную роль в развитии группы, коллективного субъекта, в достижении ею высшего уровня развития – коллектива – играет социально-психологический климат (по Л. И. Уманскому, А. С. Чернышеву, С. В. Сарычеву). От особенностей и состояния социально-психологического климата в малой производственной группе существенно зависят процесс и результаты совместной деятельности, экономические показатели труда, отношение членов этой группы к результатам собственной деятельности в составе группы, удовлетворенность этой деятельностью, межличностными отношениями и общением (Михайлов, 2014). Социально-психологический климат играет существенную роль в формировании и развитии организационной культуры, обеспечении экономической и социальной эффективности производственной организации (Журавлев, 2005).

В отечественной социальной психологии хорошо проработанными являются общие вопросы, связанные с функциями, сущностью и детерминантами социально-психологического климата в производственных группах (Беденко, 2008; Борзунова, 2008; Егорова, Челнокова, 2008; Куприн, 2009; Макаров, 2007; Медведева, 2009; Мицкевич, 1998; Савельева, 2012; Шербакова, 2009; Элбакиева, 2011, Михайлов, 2014; и др.). Таким образом, проявляется определенное несоответствие между запросами практиков и имеющимися теоретическими наработками в области изучения социально-психологического климата производственных групп, осуществляющих совместную трудовую деятельность. Качественные характеристики межличностных отношений членов группы будут или способствовать эффективной групповой деятельности, или препятствовать ей, одновременно оказывая влияние на процесс развития личности.

Анализируя жизнеспособность группы как социально-психологический феномен, под которым понимается способность членов группы к совместной деятельности, направленной на преодоление внутригрупповых конфликтов и неблагоприятных для группы внешних обстоятельств, воспринимаемых как угроза развитию и существованию группы, Т. А. Нестик определяет ее структуру (ценностно-мотивационные, когнитивные, аффективные и поведенческие компоненты) и интересные направления исследований в условиях локальных и глобальных рисков. Анализируются психологические факторы жизнеспособности группы – семьи, локального сообщест-

ва, организации, больших социальных групп (Нестик, 2016). Намечены перспективные направления дальнейших социально-психологических исследований жизнеспособности группы (межгрупповые факторы жизнестойкости групп, факторы жизнеспособности группы на разных стадиях группового развития, связь между продолжительностью существования группы и ее жизнеспособностью, жизнеспособность социальных сетей, жизнеспособность временных, спонтанно возникающих групп, разработка инструментов измерения социально-психологической жизнеспособности групп, роль лидера в повышении жизнеспособности группы, психологические факторы рефлексивности больших социальных групп, а также коллективных эмоциональных состояний, долгосрочная ориентация группы и т. д. (Нестик, 2016). Жизнеспособность группы создает пространство, в котором формируется свобода группы. В этом жизненном пространстве группа приобретает истинную или псевдосвободу.

Следует также отличать свободу группы от такого феномена, как психологическая безопасность группы, который совсем недавно стал предметом психологического исследования. В частности, рассматривается корпоративная безопасность (Зинченко, Донцов, 2010), психология стратегической стабильности (Кокошин, 2009), психология терроризма, психологические последствия воздействия террористических актов, психология революций, психология нравственности, психологическое благополучие, психология патриотизма (Проблемы психологической безопасности, 2012).

С точки зрения человеческого фактора психологическая безопасность рассматривается: как психологические вопросы безопасности, обуславливающие профилактику несчастных случаев на производстве (Котик, 1987), как профессионализм человека, безопасность в деловой коммуникации и психологическая сущность угроз (Деркач, Футин, 1995; Петренко, 1993), как повышение уровня индивидуальной защищенности человека путем формирования механизмов организации более безопасного поведения (Куликов, 1979).

Как указывается в ряде работ различных авторов, психологическая безопасность является важнейшим фактором, определяющим характер взаимодействия человека со средой, его образ жизни, отражающийся в возможностях самореализации, сохранении физического и психического здоровья как на уровне отдельной личности, так и общества в целом (Богомаз, 2007; Бохан, Терехина, 2014).

Проблема выживания человека, его безопасного существования является актуальной в силу того, что человек, являясь частью живой природы, одновременно является социальным существом, которое не может жить без сотрудничества с другими людьми. По мнению Э. Фромма, в любом обществе человек должен объединяться с другими, если вообще хочет выжить, либо для защиты от врагов и опасностей природы, либо для того, чтобы иметь возможность трудиться и производить средства к жизни (Фромм, 2017).

Это объединение в целях защиты от угроз жизни, для реализации возможностей безопасного существования формирует потребности в постоянных связях с окружающим миром и как их продолжение — потребность идентификации себя с определенной общностью, группой, родом, нацией, народом, социальной системой, потребность избежать одиночества. Чувство полного одиночества, — отмечает Э. Фромм, — ведет к психическому разрушению, так же как физический голод — к смерти. Эта связанность с другими не идентична физическому контакту.

Т. С. Кабаченко предлагает рассматривать под психологической безопасностью «такое состояние информационной среды и условий жизнедеятельности конкретного человека, группы, общества в целом, которое не способствует нарушению целостности, адаптивности (всех форм адаптации) функционирования и развития социальных субъектов (отдельного человека, групп, общества в целом)». Данное определение психологической безопасности имеет общие черты с определением безопасности применительно к социальным субъектам как состояния, при котором обеспечивается устойчивое существование и функционирование социальных субъектов, удовлетворение и реализация необходимых потребностей и интересов, а также способность к предотвращению или устранению различного рода угроз, способность к прогрессу и саморазвитию (Богомаз, 2007; Бохан, Терехина, 2014).

Таким образом, свобода группы представляется самостоятельным социально-психологическим феноменом, заслуживающим дальнейшего тщательного исследования. Перспективными для исследования представляются следующие вопросы. Во-первых, каково влияние свободы личности в группе, свободы «группировок» и свободы больших социальных групп на свободу группы. Во-вторых, каковы компоненты свободы группы (эмоциональные, поведенческие, сознательные) и какие из них в каких ситуациях жизнедеятельнос-

ти проявляются. В-третьих, каким образом развивается свобода группы, отличаются ли стадии развития группы от стадий свободы группы.

Литература

- Богомаз С. А.* Психологическая безопасность и искажение реальности в контексте проблем личностного развития // Теоретические и прикладные аспекты психологии развития: проблемы, решения, перспективы: сборник научных трудов. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2007. С. 125–130.
- Бохан Т. Г., Терехина О. В.* Психологическая безопасность в структуре психического здоровья работников угледобывающей промышленности (на примере Кузбасса) // Медицинская психология в России. 2014. № 2 (25). URL: <http://mpj.ru> (дата обращения: 23.03.2018).
- Гайдар К. А.* Социальная психология жизнедеятельности группового субъекта (на материале исследования молодежных учебных групп): Автореф. дис. ... докт. психол. наук. Курск, 2013.
- Журавлев А. Л., Нестик Т. А.* Групповая рефлексивность: основные подходы и перспективы исследований // Психологический журнал 2012. Т. 33. № 4 С. 27–37.
- Журавлев А. Л.* Психологические особенности коллективного субъекта // Проблемы субъекта в психологической науке. М.: Академический проспект, 2000. С. 133–151.
- Михайлов А. С.* Социально-психологический климат в производственных группах в современных условиях: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Курск, 2014.
- Нестик Т. А.* Жизнеспособность группы как социально-психологический феномен // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1 № 2. С. 29–61. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document214.pdf> (дата обращения: 08.05.2018).
- Проблемы психологической безопасности / Отв. редактор А. Л. Журавлев, Н. В. Тарабрина. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.

Социально-психологические и этнокультурные факторы выбора школы родителями дошкольников

В. Ю. Печковская

Ценность образования сложно преувеличить, и поступление ребенка в первый класс — важный момент, во многом определяющий его нравственное, социальное и интеллектуальное развитие на ближайшие годы. В педагогической и психологической литературе традиционно большое внимание уделяется обучению детей в школе. Действительно, это серьезный этап в жизни каждого ребенка, связанный не только с овладением знаниями, но и с социализацией в новом коллективе сверстников. В то же время поступление ребенка в школу — серьезное событие не только для него самого, но и для его родителей, эмоционально-стрессовая ситуация. Неоднократное изменение правил приема в школу, неопределенность в ситуации выбора и предстоящий шаг ребенка в «почти взрослую» жизнь и самостоятельную учебу приводят к тому, что родители ощущают тревогу и неуверенность.

О. А. Карабанова, рассматривая стадии жизненного цикла семьи и связанные с ними кризисы, отмечает, что деление на этапе «семья с маленькими детьми (до подросткового возраста)» на стадии с детьми младенческого, дошкольного и школьного возраста обоснованно, поскольку возраст детей «определяет конкретные задачи воспитания и формы детско-родительских отношений» (Карабанова, 2006, с. 29), при этом каждая новая стадия жизненного цикла семьи связана с определенными кризисами и потенциально фрустрирующими моментами.

Не каждая семья сознательно и заранее занимается выбором школы, отношение к этому вопросу зависит от особенностей семьи, эмоционального климата, мотивов воспитания и родительства. Так, в семьях, где превалирует мотив, реализующий ценностное отношение к ребенку, и семьях, где основной мотив воспитания — социальный, например мотив долга и социального самоутверждения,

родители вероятнее с большим вниманием отнесутся к выбору школы, однако критерии выбора у них будут совершенно разными. Если для первой группы важнее будет благоприятный климат в школе, для родителей второго типа большую важность будет представлять рейтинг и статусность школы. Рассматривая различные мотивации родительства, А. Спиваковская выделяет также феномен делегирования – проекции на ребенка не реализованных самим родителем целей и возложение на него ответственности за их достижение. Об этом же пишет О. В. Хухлаева (2001): «Ребенок нередко становится средством реализации потребностей родителей в социальном престиже».

Система образования – один из важнейших показателей, по которым мы можем оценить развитие общества и страны в целом. Изменения, происходящие в политике, неизменно находят свое отражение в подавляющем большинстве сфер жизни страны и общества. Россия была, есть и остается многонациональным государством, но за последние десятилетия внутренняя и внешняя политика привели к значительному росту количества мигрантов из других стран и бывших республик Советского Союза. По данным Федеральной службы государственной статистики за 2017 г. в Москве проживают более 12,5 млн человек. При этом, по оценкам официальных лиц, только за прошлый год в Москву и область въехали более 2 млн мигрантов; по данным ФМС, количество нелегальных мигрантов составляет порядка 800 тыс.

Происходящие процессы стали одной из причин востребованности вопросов совместного проживания и обучения представителей разных культур и национальностей. Большое количество информационных поводов, возникающих в СМИ и касающихся проблемы мигрантов в России, ярко демонстрируют актуальность этого вопроса. В этом плане наша страна не уникальна – похожие процессы и схожие проблемы наблюдаются в большинстве крупных европейских стран (Франция, Германия и др.). Речь идет, прежде всего, об увеличивающемся числе беженцев, трудовых, а также нелегальных мигрантов из различных стран как ближнего, так и дальнего зарубежья.

В последние десятилетия вопросы адаптации инокультурных учащихся активно изучаются в рамках этнопсихологии, педагогики и других дисциплин. С увеличением числа учащихся из других стран определенные изменения происходят и в системе образования. Появление значительного количества публикаций, посвящен-

ных теме межкультурной компетентности педагога или психолога, работающего в многонациональной, поликультурной среде школы, демонстрирует наличие огромного запроса на такого рода методические материалы.

Перечисленные выше вопросы привели к постановке *цели* данного исследования — определить основные факторы, влияющие на выбор школы родителями дошкольников на современном этапе, а также оценить роль этнической предубежденности как критерия выбора учебного учреждения. Существующие в современном обществе этнические стереотипы и этническая предубежденность — влияют ли они собственно на сам выбор школы, и, если да, то насколько сильно это влияние.

Цель исследования была конкретизирована в следующих *задачах*:

- рассмотреть комплекс различных социально-психологических и этнокультурных факторов, влияющих на выбор школы родителями дошкольников;
- провести эмпирическое исследование, на основании которого можно сделать выводы о степени влияния различных факторов на выбор образовательного учреждения родителями дошкольников.

Гипотеза исследования состояла в том, что в настоящее время проявления этнической предубежденности входят в число ведущих критериев выбора школы родителями дошкольников.

Очевидно, что в случае влияния различных объективных характеристик на изначальное восприятие привлекательности той или иной школы в глазах родителей дошкольников эти характеристики должны соответствовать нескольким критериям. В первую очередь, они должны быть очевидны на ранних этапах сбора информации. Во-вторых, эти характеристики должны быть по возможности полными и исчерпывающими для описания учебных заведений. В-третьих, следует учитывать некоторую специфичность выбора именно начальной школы, так как критерии выбора для дошкольника или подростка могут значительно отличаться.

Исследование проводилось среди родителей детей дошкольного возраста (5–6 лет), выбирающих образовательное учреждение (начальная школа) для своего ребенка. Учитывая малое количество информации по данному вопросу, недостаточное, на наш взгляд, для составления развернутого количественного опросника, в качест-

ве метода исследования было выбрано интервью. Необходимо отметить, что, несмотря на некоторые ограничения данного метода (Бусыгина, 2010), в современной психологической науке качественные исследования особенно широко распространены в качестве пилотных, и это позволяет с уверенностью использовать их и в целях разработки дальнейшего инструментария. Использование качественного метода в данном случае определялось необходимостью получения максимального объема информации о стратегиях выбора учебного заведения, что в дальнейшем позволило не только выделить основные факторы, влияющие на выбор школы, но и создать соответствующий формализованный опросник для дальнейшего изучения проблемы.

Формирование выборки

Для проведения исследования был выбран квотный способ формирования выборки, в данном случае это родители детей-дошкольников (5–6 лет). Общий объем выборки составил 14 человек (8 женщин и 6 мужчин, не являющихся семейными парами). В качестве основы для выравнивания выборки были выбраны следующие показатели: семьи с 1–2 детьми, возраст респондентов 25–40 лет, полная семья, коренное население страны (минимум 3 поколения), семьи со средним достатком, дети будут обучаться в государственных школах.

Процедура

Интервью проводилось отдельно с каждым участником исследования и было направлено на выявление перечня социально-психологических и этнокультурных факторов, определяющих выбор школы родителями. Респондентам предлагалось принять участие в беседе, посвященной проблеме выбора школы родителями дошкольника. Беседа проводилась в свободной форме (полуструктурированное интервью).

Методы обработки информации

На основании транскриптов беседы методом контент-анализа были определены наиболее часто упоминаемые факторы, влияющие на выбор школы родителями, отношение к многонациональным классам и детям мигрантов. Учитывалась частота упоминания характеристик, степень важности, придаваемая им участниками интервью.

Для каждой категории были выделены ключевые слова, подлежащие кодированию, слова-маркеры для определения актуальности темы этнической предрасположенности. Использовались пошаговые техники анализа, позволяющие распределить материал на аналитические содержательные единицы и вести дальнейшую работу уже с категориями. Причем в данном случае работа велась как с категориями, подготовленными заранее (дедуктивный способ выделения категорий), так и с категориями, выявленными непосредственно на базе данных исследования (индуктивное выделение категорий). В частности, к некоторым категориям, сформулированным заранее (например, близость школы к дому), добавились новые данные, полученные в ходе интервью (например, наличие утвержденной школьной формы).

Анализ результатов исследования

В результате обработки полученного массива данных на первом этапе анализа были выделены основные критерии выбора учебного заведения, названные родителями. В таблице 1 критерии проранжированы в порядке снижения приоритетности (упоминаемости), приведены примеры типичных ответов.

Получила свое подтверждение гипотеза о проявлениях этнической предрасположенности при выборе школы родителями дошкольников. Этот критерий вошел в число 5 наиболее популярных и часто упоминающихся факторов. Стоит отметить и тот факт, что многие респонденты упомянули о желании отдать ребенка в «школу без приежух» еще до вопроса о возможности учебы в многонациональном классе, что свидетельствует о высокой актуальности данного вопроса для родителей. Высокое положение, занимаемое темой безопасности ребенка, соответствует данным исследований о беспокойстве за своего ребенка как ведущей ценностной ориентации родителей дошкольников (Собкин, Марич, 2003).

Источники информации о школе

Основным источником информации о школе является Интернет. Родители изучают специализированные форумы, ищут данные по сдаче ЕГЭ и рейтингам, обсуждают образовательные учреждения с другими родителями. На втором месте – получение информации от родителей тех, кто уже учится в школе, соседей, знакомых.

Таблица 1
Критерии выбора школы

№	Критерий	Пример ответа
1	Педагогический состав, профессиональный учитель начальных классов	<ul style="list-style-type: none"> • «Учителя-энтузиасты, любящие свое дело» • «Самое главное для начальной школы – хороший учитель»
2	Мнения соседей, знакомых	<ul style="list-style-type: none"> • «Ищу отзывы живых людей, иногда даже просто родителей у школы расспрашиваю» • «Расспрашиваю соседей, у кого в какой школе дети учатся»
3	Безопасность	<ul style="list-style-type: none"> • «Внимательная охрана, спокойная территория» • «Чтобы не нужно было переходить через дорогу»
4	Близость школы к месту проживания	<ul style="list-style-type: none"> • «Считаю ненормальным при наличии школы рядом таскать ребенка на метро» • «Самый первый параметр – это шаговая доступность»
5	Школа без мигрантов	<ul style="list-style-type: none"> • «Школа, где учатся дети из благополучных русских семей» • «Я бы не хотел, чтобы мои дети учились в многонациональном классе»
6	Информация (отзывы) в Интернете	<ul style="list-style-type: none"> • «Информацию по большей части получаю из Интернета» • «На Еве (крупный интернет-портал для женщин) регулярно мониторию впечатления других мам, там много подобных тем обсуждается»
7	Наличие кружков и секций, услуги дополнительного образования	<ul style="list-style-type: none"> • «Наличие программ по внеклассным занятиям» • «Кружки, секции внутри самой школы»
8	Рейтинг школы	<ul style="list-style-type: none"> • «Школы, которые на 400-х местах в московском рейтинге я бы даже не рассматривала, ориентируюсь на первые 50»
9	Школа по прописке	<ul style="list-style-type: none"> • «Если не попадем куда хотим – всегда есть план Б, школа по прописке»
10	Загруженность классов	<ul style="list-style-type: none"> • «Загруженность классов, чтобы не по 30 человек» • «Классы не более 20 человек»
11	Возможность изучения нескольких иностранных языков	<ul style="list-style-type: none"> • «Возможность изучать несколько языков, сейчас это важно» • «Чтобы был английский, и думаем о китайском, это перспективно»
12	Наличие формы или дресс-кода	<ul style="list-style-type: none"> • «Считаю дресс-код важным для школы явлением» • «Нравятся школы, где введена своя форма»

Продолжение таблицы 1

№	Критерий	Пример ответа
13	Наличие группы продленного дня	• «Мне очень актуальна группа продленного дня»
14	Школа, где учился один из родителей ребенка	• «Планирую отдать детей в школу, где училась сама»
15	Сайт образовательного учреждения	• «Наполненный сайт школы – конечно, большой плюс»
16	Результаты олимпиад, ЕГЭ	• «Мне кажется, результаты сдачи ЕГЭ очень показательны»
17	Опыт общения с представителями школы	• «Только очные встречи с педагогическим составом!»

Отношение к многонациональным классам

Оценивая отношение к многонациональным классам, родители продемонстрировали проявления этнической предубежденности. Все высказывания по этому поводу разделились на нейтральные (42%) и отрицательные (58%), положительных зафиксировано не было. В значительной части интервью родители уточняли, что «в принципе не против», но «лучше не надо», демонстрируя помимо явной этнической предубежденности тенденцию к социально желательным ответам. Часто такие рассуждения сопровождалась комментариями «Нехорошо так говорить, но...», «Я не расист, но...» и т.д. Дополнительные вопросы, задаваемые в ходе интервью, показали, что более половины опрошенных родителей (60%) готовы отказаться от практически идеальной по их представлениям, но при этом многокультурной школы или испытывают по этому поводу сильные сомнения. Это еще раз подтвердило существование значительной этнической предубежденности у родителей.

Страхи и опасения родителей дошкольников

Различные страхи, названные родителями, были сгруппированы по 8 различным категориям (таблица 2). Самыми часто называемыми оказались страхи и опасения, связанные с навыками самостоятельного общения и выстраивания отношений ребенком, возможные конфликты с учителем, вопросы безопасности и самореализации

Таблица 2
Страхи родителей

№	Категория	Пример высказывания
1	Безопасность ребенка	<ul style="list-style-type: none">• «Боюсь, что обидят другие дети, старшеклассники»• «Обзывательств и драк боюсь»
2	Общение	<ul style="list-style-type: none">• «Сможет ли сдружиться с ребятами»• «Меня волнует, как мой ребенок будет самостоятельно устанавливать контакты с взрослыми и сверстниками»
3	Самореализация ребенка	<ul style="list-style-type: none">• «Как он себя проявит в учебе, будет ли интересно»,• «Будет переживать, если что-то не получится»,
4	Отношения с учителями	<ul style="list-style-type: none">• «Беспокоит неизвестность в отношении профессиональных и личных качеств педагога»• «Боюсь, что не наладит отношения с учителем»
5	Здоровье	<ul style="list-style-type: none">• «Все-таки для малышей учеба – большая нагрузка»• «Вдруг, будет не справляться, уставать»
6	Этническая предубежденность	<ul style="list-style-type: none">• «Часто вижу за школой группу нерусских подростков в одинаковых черных куртках, ходят обособленно, говорят по-своему, я их сама боюсь, не то что ребенка отдать»
7	Возможность нежелательного поведения	<ul style="list-style-type: none">• «Боюсь, что подружится не с теми, начнет матом ругаться»• «В дурную компанию попадет»
8	Успеваемость	<ul style="list-style-type: none">• «Будет плохо учиться»

ребенка в школе. Также были названы страхи, связанные с наличием этнических предубеждений. На первом месте – страхи о безопасности ребенка, что полностью совпадает с данными исследований о ценностных ориентациях родителей дошкольников (Собкин, Марич, 2003). Стоит отметить, что многие при этом упомянули свою беспомощность («Меня не будет рядом, и посоветоваться со мной он не сможет», «Всеми этими процессами я не управляю, потому и переживаю», «Он же там совсем один будет»), что еще раз подтверждает предположение о стрессовости данного этапа в жизни ребенка для родителей.

Гендерные различия

В рамках исследования было обнаружено несколько отличий, связанных с полом респондентов. Прежде всего, стоит отметить тот факт,

что за 1–2 года до поступления в школу все матери уже приступили к сбору информации, в то время как среди отцов этим занимался только один респондент. Мужчины меньше склонны интересоваться выбором школы («В нашей семье вопросом выбора школы занимается жена», «Когда подойдет время определяться с выбором — посоветуюсь с женой»). В беседе мужчины занимали более жесткую и категоричную позицию в отношении нежелания учебы с мигрантами.

Заключение

Ценность образования сложно преувеличить, и поступление ребенка в первый класс — важный и во многом определяющий для него момент. Проведенное исследование показало, что родители действительно придают этому выбору огромное значение. Опасения за безопасность ребенка, являющиеся ведущей ценностной ориентацией для родителей дошкольников, находят свое отражение и в ситуации выбора учебного заведения. Абсолютное большинство родителей уделяют огромное внимание вопросам безопасности ребенка, опасениям за его физическое и психическое здоровье.

Проведенное исследование позволило определить целый ряд критериев, представляющихся родителям важными при выборе дошкольного образовательного учреждения, сопоставить структуру страхов и опасений родителей, основных каналов получения информации о школах. Также свое подтверждение получила гипотеза о влиянии феномена этнической предубежденности на выбор школы. В целом, оценивая результаты исследования, можно сказать, что выбор школы основывается как на объективных, так и на субъективных критериях оценки, зачастую представление о «правильности» школы (потенциальное присутствие в ней инокультурных учащихся) может оказаться важнее объективных критериев (расстояние до школы).

Одной из основных целей данной работы был сбор информации о различных социально-психологических факторах и критериях, значимых для родителей при выборе учебного заведения. Проведенная серия интервью позволила затронуть ранее малоисследованную область особенностей выбора школы родителями дошкольников, сформировать перечень возможных критериев для выбора школы, которые в дальнейшем могут быть использованы для создания опросника с целью проведения массового количественного исследования по данной проблематике.

Литература

- Бусыгина Н. П.* Методологические основания качественных исследований в психологии: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2010.
- Карбанова О. А.* Психология семейных отношений и основы семейного консультирования. М., 2006.
- Лебедева Н. М.* Этнопсихология. М., 2014.
- Мацумото Д.* Психология и культура. СПб., 2002.
- Мигранты, мигрантофобии, миграционная политика / Под ред. В. Мукомеля. М., 2014.
- Татарко А. Н.* Роль воспринимаемой угрозы в отношении москвичей к мигрантам / Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России: Сборник научных статей. М.: РУДН, 2009.
- Трифонова С. А.* Этнопсихология и конфликтология. Ярославль, 2013.
- Собкин В. С., Марич Е. М.* Ценностные ориентации родителей детей-дошкольников // Вопросы психологии. 2003. № 1. С. 3–14.
- Хухлаева О. В.* Основы психологического консультирования и психологической коррекции. М, 2001.

Образ города проживания в представлениях жителей с разной городской идентичностью

Е. Н. Покатиловская, Л. В. Шибалева

Вызовы динамичной социально-экономической среды ставят перед современными психологами проблемы как теоретико-методологического, так и прикладного характера. Одна из таких проблем связана с исследованием феномена жизнеспособности города как свойства большой социальной группы (горожан), изучение которого предполагает выявление многоуровневых структурных и функциональных связей. Актуальность изучения показателей жизнеспособности города с высоким уровнем миграционных потоков связана с разработкой психологических технологий работы с населением, которые позволят снизить отток молодежи из города, изменить отношение разных категорий жителей к месту проживания с точки зрения повышения его жизнеспособности.

С позиции системного подхода в приложении к социально-психологическому исследованию города (Дробышева, 2012; Дробышева, Журавлев, 2018; Ломов, 1975; Социально-психологические исследования города, 2016) выбранное авторами направление анализа предполагает поиск таких его аспектов, в рамках которых можно соотнести субъективную оценку места жительства (города, двора) горожанами с их объективированной оценкой позитивных или негативных сценариев развития города.

Реализация такого исследовательского подхода может осуществляться относительно различных по масштабу территориальных жизненных пространств: региона, города, района города, двора, подъезда.

Теоретико-методологические основы и программа исследования

Анализ социально-психологических исследований позволяет рассматривать жизнеспособность города как продукт деятельности социально активных горожан и организаций, готовых взять на себя

ответственность за судьбу городских поселений и быть активно вовлеченным в решение местных проблем разного масштаба. Социальная активность горожан рассматривается в ряде отечественных и зарубежных исследований как фактор позитивной динамики городов «кризисного» типа (Нуйкина, 2015; Bolotova, Stammer, 2010; Keczerski, Sorter, 1984; и др.). Аналогичных взглядов придерживаются и авторы статьи. Тем не менее следует отметить, что в настоящее время остается недостаточно изученной система психологических категорий (феноменов), позволяющая раскрыть специфику восприятия города жителями с активной социальной позицией по сравнению с аналогичным восприятием менее активных в социальном плане жителей города («городских пассажиров»).

Мы предположили, что в изучении жизнеспособности города правомерным будет выделить тот аспект исследования, который позволяет характеризовать особенности городской идентичности жителей.

Содержательно городская идентичность выступает результатом процесса осознанного самоопределения, отождествления индивида с местом проживания и, прежде всего, с ценностями, разделяемыми локальным территориальным сообществом. Это переживаемые эмоционально и осознаваемые рационально ценности локальной общности, которые формируют осознание территориальной принадлежности индивида и выражаются в характерном наборе оценочных суждений. Проблема городской идентичности затрагивалась многими исследователями (Кружкова, Литвина, Богомаз, 2017; и др.). Специфика нашего исследования связана с тем, что высокий уровень городской идентичности предполагает и социальную активность горожан, направленную на преобразование городской среды. Данный фактор может быть рассмотрен как один из признаков жизнеспособности города.

Трудность исследования городской идентичности (как в глобальном масштабе — региона, города, так и локальном — двора) связана с выбором оснований, на которые ориентируется человек. Ее изучение предполагает выявление множества аспектов в качестве признаков, которые отражают характеристики предметно-пространственной среды города, городского сообщества и проявляются в выражении у жителей сопричастности к локальному сообществу, проживающему вместе с ним на одной территории (Нуйкина, 2015; Самошкина, 2008; Смолова, 2009).

Целью исследования стало выявление различий в представлениях о городе проживания у жителей с разной выраженностью городской идентичностью.

Предмет исследования: различия в представлениях о городе проживания у жителей с разной выраженностью городской идентичности.

Гипотеза исследования: образ города в представлениях горожан может различаться у жителей с выраженной и слабо выраженной идентичностью; отличия найдут свое выражение в дифференцированности и эмоциональной окрашенности семантических характеристик образа города.

Исследование состояло из двух частей. Задачей первой части исследования выступило изучение суждений, которыми пользуются группы респондентов при характеристике города как постоянного места проживания. Основная задача работы была связана с выявлением типов горожан, различающихся своей идентичностью с городом проживания. Вторая часть исследования включала выявление семантических особенностей описания города жителями с разной идентичностью на основе методики репертуарных решеток Дж. Келли с последующей обработкой методом факторного анализа. Центром анализа в этой части должен был стать когнитивный аспект территориальной идентичности, который отражается в особенностях семантики описания города.

В исследовании принимали участие жители с разным стажем проживания в г. Сургуте (от 1 года до 3 лет; от 3 до 10 лет; от 10 лет проживания в городе, «коренные жители» города). Выбор города был обусловлен поставленной в работе целью и задачами исследования. Сургут территориально включен в Ханты-Мансийский автономный округ, имеет особый экономический статус и сравнительно более высокий уровень экономической активности и уровень жизни, так как является центром нефтедобывающей отрасли. В связи с этим город стал одним из центров притяжения трудовых мигрантов. В свою очередь, высокий процент занятости мигрантов простых рабочих профессий и профессий неквалифицированного обслуживания порождает неостребованность интеллектуально-профессионального потенциала высокого уровня; в результате этого выпускники вузов Сургута становятся значимой группой риска миграции в крупные мегаполисы страны.

Выборка исследования составила 116 человек. Все – жители города Сургут. Респонденты были разделены в три возрастные груп-

пы: первая группа – 35 респондентов от 60 до 70 лет; вторая группа – 30 респондентов от 34 до 59 лет; третья группа – 51 респондент от 18 до 33 лет.

В работе применяли следующие *методики и методы*: полустандартизированное интервью, которое было направлено на выявление отношения к городу как постоянному месту проживания (выраженность желания уехать/остаться в городе и степень болезненности этой проблемы для респондента); метод репертуарных решеток Дж. Келли.

Полученные данные обрабатывались на основе метода факторного анализа.

Результаты исследования

Результаты первого этапа эмпирического исследования позволили выделить несколько типов горожан с разной выраженностью идентичности с городом.

1. *Тип жителей с выраженной городской идентичностью, социально активные.* Типичный представитель этой группы определяет Сургут как перспективный; предоставляющий возможность для образования, карьеры; дает развернутое обоснование ответов на вопросы о символе города, любимых местах в городе; выражает готовность к решению проблем города, которые он выделяет; предлагает направления решений проблем города. К этой группе были отнесены респонденты: первой группы (от 60 до 70 лет) – 44%; респондентов второй группы (от 34 до 59 лет) – 35%; респондентов из числа третьей группы (от 17 до 33 лет) – 21%.
2. *Тип жителей с умеренно выраженной городской идентичностью, социально пассивные.* Жители, характеризующие город как благополучный для возможности работать. В эту группу вошли в основном представители среднего возраста, имеющие места работы в градообразующих предприятиях; отличающиеся нейтральным (индифферентным) отношением к культурным и образовательным ресурсам города; указывающие на признаки дискомфорта проживания в городе, но делегирующие разрешение проблем администрации, властным структурам. К данному типу жителей были отнесены: респонденты первой группы (от 60 до 70 лет) – 34%; респонденты второй группы (от 34 до 59 лет) – 38%; респонденты из числа третьей группы (от 17 до 33 лет) – 28%.

3. *Тип жителей со слабо выраженной городской идентичностью, социально пассивные.* Жители, выражающие удовлетворенность пребыванием в городе, но имеющие недостаточно четкое представление о его ресурсах, необходимых для благополучия горожан; не готовые рассуждать о проблемах и планировать перспективы развития города; полностью делегирующие разрешение проблем администрации, властям; выражающие сомнение в том, чтобы остаться в городе на постоянное место жительства или уехать. К данному типу были отнесены: респонденты первой группы (от 60 до 70 лет) — 24%; респонденты второй группы (от 34 до 59 лет) — 35%; респонденты из третьей группы (от 17 до 33 лет) — 41%. Наиболее острые состояния колебания в выборе места постоянного жительства, были выявлены в группе респондентов от 20 до 29 лет (выпускников вузов Сургута).

Как можно заметить, наиболее неблагоприятная с точки зрения выраженности идентичности группа почти наполовину представлена молодыми людьми. В связи с этим на следующем этапе исследования осуществляли детализацию образа города на основе индивидуального исследования группы выпускников вузов Сургута (15 человек в возрасте 23—27 лет) с разным отношением к городу.

Использование полустандартизированного интервью, которое было направлено на выявление отношения к городу как постоянно-му месту проживания, позволило выяснить выраженность желания уехать из города, желания остаться в городе и зафиксировать по условной шкале степень болезненности этой проблемы для респондента. На основе полученных данных были выделены следующие группы респондентов: с установкой остаться в городе; выражающие желание уехать; неопределившиеся или колеблющиеся (по пять человек в каждой подгруппе). Для третьей группы респондентов (не определившиеся — уехать или остаться в городе) проблема организации жизни и выбора места проживания оказалась наиболее тревожной, болезненной. Это отмечалось ими в ходе индивидуального собеседования с применением шкалы оценки степени переживания ситуации неопределенности (из 10 баллов чаще всего респонденты указывали 8 баллов) Обсуждение вопросов о том, остаться в городе на постоянное место жительства или уезжать, выступало для них как обсуждение лично значимой проблемы жизненного самоопределения.

Далее использовали метод репертуарных решеток, предложенный Дж. Келли с последующей обработкой методом факторного анализа (Покатиловская, Шibaева, Хохлова, 2016).

Для сопоставления различий в семантике «образ города как психологическое пространство жизни» применялась репертуарная решетка (РР), включающая следующие 19 элементов: 1) Я как житель Сургута; 2) Сердечный город; 3) Город для интересной работы; 4) Сургут; 5) Город музеев и театров; 6) Сонный город; 7) Опасный город; 8) Безопасный город; 9) Житель идеального города; 10) Перспективный город; 11) Город не для меня; 12) Угрожающий город; 13) Привлекательный город; 14) Город для образования; 15) Город для души; 16) Продуктивный город; 17) Успешный человек; 18) Счастливый человек; 19) Город без будущего.

Как известно, метод РР предполагает сопоставление элементов так, чтобы два из них были объединены и отделены от третьего «лишнего». Основания различий выделяются респондентами и составляют перечень «конструктов», т. е. тех дескрипторов, на основе которых человек строит субъективный образ города. В работе использовали контент-анализ конструктов, позволяющих выявить содержание значений, сквозь призму которых оценивались разные аспекты жизни в городе. Полученные данные обрабатывались с помощью кластерного анализа с целью зафиксировать различия в семантической характеристике образа города в выделенных группах респондентов. Неопределенность и низкий уровень осознанности самоопределения были выявлены и по данным факторного анализа.

Критерий адекватности – КМО равен 0,75, что позволяет говорить о приемлемой (с тенденцией к высокой) степени адекватности использования данного критерия. Общность (h^2) показывает надежность данного анализа свыше 0,95 при $\leq 0,01$. Извлеченный фактор объясняет свыше 95% характеристик для описания ответов горожанина.

Микроанализ индивидуальных данных в группе респондентов с низким уровнем осознанности самоопределения показал, что ими акцентируется один из параметров города (негативный или позитивный), который часто доминирует по сравнению с разнообразными параметрами оценки города. Так, фактор «Дружба» может быть противопоставлен параметрам неблагоприятного климата, фактор «Безопасность/Опасность» жизни в городе – группе признаков экономического благополучия. Таким образом, применение РР с последующей обработкой данных на основе факторного анализа поз-

волило подчеркнуть то, что жители с диффузной идентификацией характеризуются простотой алфавита конструктов и неопределенностью включения себя как жителя в кластер признаков психологически благополучного или менее благополучного города.

Для группы респондентов с выраженной городской идентичностью характерен дифференцированный семантический алфавит. Наибольшую факторную нагрузку (от 64% до 81% общей дисперсии) имел фактор, характеризующий экономическое положение человека в городе. Фактор с наибольшей нагруженностью характеризуется следующим составом: Развитая экономика (0,958); Успешный (0,948); Счастливый (0,948); Культурный (0,942); Разнообразный рынок труда (0,935); Молодежный (0,929); Много музеев и театров (0,928); Город детства (0,915); Хорошее образование (0,900); Много ВУЗов (0,890) и пр.

Отрицательный полюс представлен такими параметрами, как: Вымирающий (−0,933); Повышенный уровень преступности (−0,909); Нет перспектив (−0,903); Плохая экология (−0,892); Изолированный (−0,808) и пр.

Такое распределение характеристик позволяет интерпретировать данный фактор двумя полюсами: на одной шкале Сургут представлен как экономически развитый город, а на другом полюсе выражена группа признаков тенденции к стагнации, даже к деградации. Группа привлекательных параметров в оценке города противопоставлена группе отрицательных характеристик.

Таким образом, проведенное исследование позволило характеризовать группу респондентов, испытывающих состояние «диффузной территориальной идентичности», как малоориентированных в характеристиках города, имеющих размытое отношение к существенным характеристикам оценки перспективности города в сфере экономики, образования, досуга, карьеры. Представители выборки с высоким уровнем городской идентичности характеризовались более дифференцированной семантической структурой образа города с позитивной модальностью.

Заключение

Получили подтверждение выбранные нами основания для изучения многопланового семантического образа города у респондентов-жителей с разной выраженностью территориальной идентичности.

Подтверждена правомерность направления исследования семантических характеристик описания места проживания как индикаторов территориальной идентичности жителей. Выявлены различия в сложности/простоте описания параметров города, в эмоционально-оценочных характеристиках образа города у респондентов-жителей с выраженной и слабо выраженной идентичностью, а также жителей с диффузной идентичностью, недостаточно ориентированных в значимых характеристиках города с точки зрения его экономического статуса. Ориентация на периферийные (поверхностные, малозначимые) характеристики городского сообщества и городской среды выступают основаниями для негативных состояний затяжного психологического кризиса, особенно остро и болезненно переживаемого молодыми жителями – выпускниками вузов, планирующими свои жизненные перспективы.

В последующих направлениях исследования важно реализовать подход, в котором территориальная идентичность понимается как многоуровневое образование, предполагающее особые ракурсы видения образа города/двора и определенные установки, располагающие к деятельному влиянию на состояние территориального сообщества. Методология системного анализа позволяет обозначить определенные направления исследования онтологически сложного объекта изучения на основе применения неклассического подхода к управлению становлением городского сообщества и изучению изменения позиции жителей как инициативных субъектов, способствующих позитивной динамике жизнеспособности «кризисного» города.

Литература

- Дробышева Т. В.* Развитие идеи Б. Ф. Ломова о системной детерминации психики в социально-психологическом исследовании // Развитие психологии в системе комплексного человекознания: Материалы юбилейной конференции. В 2 ч. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 26–35.
- Дробышева Т. В., Журавлев А. Л.* Социальная психология города в современных условиях // Психологические исследования глобальных процессов: предпосылки, тенденции, перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 148–158.
- Ломов Б. Ф.* О системном подходе в психологии // Вопросы психологии. 1975. № 2. С. 31–45.

- Литвина С. А., Муравьева О. И., Богомаз С. А., Кружкова О. В.* Психологические основания идентичности с городом современной молодежи российских городов // *Фундаментальные и прикладные исследования современной молодежи: результаты и перспективы развития.* М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. С. 2003–2010.
- Нуйкина Е.* Социальная жизнеспособность северного города в современных условиях: лидерство и низовая активность населения // *Известия Коми научного центра УрО РАН.* Вып. 3 (23). Сыктывкар, 2015. С. 156–160.
- Социально-психологические исследования города / Отв. ред. Т. В. Дробышева, А. Л. Журавлев М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Покатиловская Е. Н., Шibaева Л. В., Хохлова Н. И.* Применение метода репертуарных решеток для исследования особенностей восприятия города как психологического пространства жителей с разной мерой идентичности // *Северный регион: наука, образование, культура.* № 2 (34). Сургут, 2016. С. 162–168.
- Самошкина И. С.* Территориальная идентичность как социально-психологический феномен: Автореф. ... дис. канд. психол. наук. М., 2008.
- Смолова Л. В.* Безопасность городской среды в восприятии жителей с позиции психологии взаимодействия с окружающей средой // *Обретение Астаной столичного статуса: Сборник докладов Второй международной научной конференции.* Астана: Елорда, 2009. С. 53–62.
- Bolotova A., Stammer F.* How the North became home. Attachment to Place among Industrial Migrants in Murmansk region. Migration in the Circumpolar North: Issues and Contexts. Edmonton: Canada Canadian Circumpolar Institute Press, 2010. P. 193–220.
- Keczmerski J., Sorter B.* A community viability indicator for determining comprehensive planning policy. *Social Indicators Research.* 1984. V. 14 (2). P. 195–203.

Социально-психологическая теория социального капитала организации

Л. Г. Почебут, Д. С. Безносков

Современная научная мысль обратилась к всестороннему исследованию понятия «капитал». В гуманитарной науке изучается несколько видов капитала: физический, финансовый, человеческий, социальный, креативный. Физический капитал воплощается в орудиях труда, человеческий — в повышении профессиональной компетентности сотрудников организации, социальный — в установлении тесных, доверительных взаимоотношений между ними, а креативный — в создании особых условий для проявления их творческих способностей.

Работы П. Бурдье, Р. Патнэма, Дж. Коулмана по изучению социального капитала в различных сообществах вызвали интерес социологов к этой проблеме. Социальный капитал стал пониматься как общественное достояние, благо, приносящее пользу каждому члену сообщества. Социологи подробно анализировали функции, формы и типы социального капитала. Р. Патнэм определял социальный капитал как проявление доверия людей друг к другу, а также как совокупность связей и норм взаимодействия. Он отмечал, что социальный капитал охватывает такие элементы общественных отношений, как социальные нормы, социальные сети и доверие (*social norms, networks and trust*). Именно эти элементы создают наиболее благоприятные условия для кооперации людей и координации их усилий с целью получения взаимной выгоды. Социальный капитал способен усиливать результат вложения в капитал физический и человеческий. Он является основой создания гражданского общества, опирающегося на взаимное доверие людей и их гражданскую активность. Р. Патнэм выделял три основных компонента социального капитала: доверие, социальные нормы взаимности и гражданская вовлечен-

Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 18-013-00532/18.

ность в общественную жизнь. В то время как финансовый капитал принадлежит, как правило, частным лицам, социальный капитал — это общественное достояние, проявляющееся в форме взаимоотношений людей (Патнэм, 1995).

Феномен доверия рядом исследователей рассматривается как ключевой элемент социального капитала (Bellander, Page, 2011; Burt, 1999). В научной литературе подробно проблему доверия рассмотрел Н. Луман (Luhmann, 1979), который предложил различать доверие к личности (trust) и доверие к социальным институтам и власти (confidence). Специфику феномена «доверие» в социально-психологическом плане точно определил Т. А. Нестик. Рассматривая доверие с позиций теории отношений, он предлагает интерпретировать доверие как «отношение к отношениям», т. е. психологическое отношение личности к межличностным отношениям (Нестик, 2009). Один из ведущих специалистов в области социологии доверия П. Штомпка считал, что в обществе и в организации необходимо создавать «культуру доверия», в которой и сосредоточен социальный капитал (Sztompka, 1999).

Американский социолог и экономист Дж. Коулман считает, что в настоящее время происходит смена парадигмы развития общества с экономической на социальную. Важными факторами развития общества стали признаваться не только экономические, но и социальные, связанные с доверием и манипуляцией им, нормами справедливости и равноправия. Социальный капитал становится важнейшим видом ресурса, необходимого для выживания сообщества. Как и другие формы капитала, социальный капитал продуктивен, поскольку создает добавленную стоимость и приводит к достижению определенных целей, добиться которых невозможно при его отсутствии (Коулман, 2001).

Изучение социального капитала современных организаций осуществляется в четырех аспектах: ресурсном, сетевом, экономическом и социально-психологическом.

Ресурсный аспект социального капитала проанализировал П. Бурдьё в книге «Формы капитала» (2001), рассматривая социальный капитал как соединение реальных или потенциальных ресурсов, которыми обладают люди (Бурдьё, 2005). Он предложил понимать социальный капитал как накапливаемый ресурс, которым обмениваются люди на основе доверия, без письменных договоров и соглашений.

Сетевой аспект изучения социального капитала нацелен на изучение количества и качества связей человека с другими участниками социального взаимодействия. Так, Т. А. Нестик подчеркивает, что социальный капитал имеет сетевой характер, поскольку он возникает и функционирует в различных социальных сетях. Это совокупность повторяющихся контактов, обширные знакомства человека как внутри организации, в которой он работает, так и вне ее (Нестик, 2009). В науке широко используется понятие «networks» – социальная сеть как совокупность реальных или виртуальных связей между общающимися людьми.

Экономический аспект подчеркивает, что главное предназначение капитала – приносить финансовый доход (Белкин и др., 2012). Соответственно, социальный капитал обеспечивает финансовому капиталу более эффективное выполнение задач. Все виды капитала тесно взаимосвязаны друг с другом, облегчая производственную деятельность человека.

По нашему мнению, перечисленные аспекты свидетельствуют о некоторой их односторонности. Ресурсы, которыми обладают люди, социальные сети, в которые они включены, являются только условиями создания и функционирования социального капитала. Сущность социального капитала заключается в специфике их взаимоотношений.

Социально-психологический аспект, с нашей точки зрения, является основополагающим при изучении социального капитала. Понятие «социальный капитал» стало изучаться в психологии только в начале 2010-х годов. Это явление анализировалось в работах целого ряда отечественных социальных психологов (Нестик, 2009; Почебут и др., 2014; Татарко, 2014; Шихирев, 2003). Вместе с тем до сих пор не создано стройной и общепризнанной теории социального капитала с позиций социальной психологии.

Мы выделяем несколько *уровней социального капитала*, предлагая рассматривать его на уровне общества, организации, группы и личности.

На уровне общества социальный капитал представляет собой устойчивую систему позитивных отношений членов общества к различным социальным институтам: системе управления и власти, правовым институтам, межэтническим и межрегиональным различиям и пр. С этой точки зрения социальный капитал проявляется во взаимном доверии членов сообщества, доверии к представителям влас-

ти и правоохранительных органов, системе финансового оборота, работе банков и пр. На этом уровне для развития социального капитала также важна гражданская вовлеченность людей в дела сообщества, приверженность нормам равноправия.

На уровне конкретной организации (фирмы, промышленного предприятия, учебного или медицинского заведения) социальный капитал понимается нами как система официальных и неофициальных взаимоотношений сотрудников. Важность здесь приобретают не только взаимное доверие сотрудников, но их приверженность целям и ценностям организации, создание ее благоприятной репутации во внешней среде.

На уровне группы социальный капитал представляет собой совокупное богатство ресурсов членов группы. Эти ресурсы могут иметь материальное и нематериальное выражение, проявляющееся не только в количестве финансового обеспечения, но и объеме социальных связей членов группы (*networks*). Самое главное в групповом социальном капитале – это устойчивое взаимное доверие друг к другу, следование нормам взаимности и справедливости.

На уровне личности социальный капитал проявляется как социальное богатство отдельной личности, связанной тесными доверительными узами с другими людьми, что дает ей возможность обмениваться с ними разнообразными ресурсами на взаимовыгодных условиях. Эти ресурсы могут носить интеллектуальный, физический, финансовый, эмоциональный характер.

Цель нашего исследования состояла в разработке социально-психологических теоретических основ социального капитала организации.

Методология исследования основывалась на системном и комплексном теоретическом моделировании явления социального капитала. Системное описание явления «социальный капитал организации» включает анализ основных содержательных компонентов социального капитала организации, позитивных и негативных факторов его формирования и функционирования, воздействия уровня социального капитала на социально-психологические аспекты жизнедеятельности организации.

На наш взгляд, можно сформулировать несколько основных положений социально-психологической теории социального капитала организации.

Во-первых, социальный капитал организации понимается нами как единое смысловое поле, которое объединяет и сплачивает лю-

дей в процессе совместной деятельности. Смысловое поле возникает на основе взаимного доверия, норм справедливости и равенства, приверженности миссии и ценностям организации. Смысловое поле создает устойчивую репутацию организации на внешнем рынке.

Во-вторых, социальный капитал организации является сложным феноменом, интегрирующим различные явления и процессы в организации. Содержание социального капитала составляют четыре компонента: 1) доверие сотрудников друг к другу и руководству, 2) установленные и согласованные нормы взаимодействия и деятельности, 3) приверженность целям и ценностям, 4) репутация организации, предоставляющая возможность устойчивой и долговременной работы, приносящей организации финансовую прибыль.

В-третьих, формирование социального капитала организации происходит под воздействием внутренних и внешних позитивных, а также негативных факторов. Позитивные факторы представляют собой композиционный сплав социально-психологических явлений и процессов, способствующих возникновению, накоплению и росту социального капитала организации. Основные позитивные факторы включают стиль лидерства, систему мотивации персонала, моральное и материальное стимулирование.

В-четвертых, негативные факторы оказывают сдерживающее воздействие на развитие социального капитала, могут препятствовать его формированию и даже разрушать сложившиеся нормы взаимоотношений. К основным негативным факторам мы отнесли: накапливающиеся и неразрешенные конфликты, моббинг-процессы, эмоциональное выгорание и профессиональную деформацию сотрудников.

В-пятых, социальный капитал оказывает серьезное воздействие на социально-психологическое благополучие организации и ее эффективность. Это объективация социального капитала проявляется на трех уровнях. Первый уровень – личностный – выражается в благополучной и перспективной индивидуальной карьере сотрудника организации. В благоприятном поле социального капитала (доверие друг к другу, нормы справедливости, равноправия, взаимности) каждый человек получает возможность строить свою индивидуальную карьеру при поддержке и заинтересованном отношении социального окружения. Второй уровень – социально-психологический. Он проявляется в позитивном социально-психологическом климате, возникающем в каждом отделе организации. Социально-психологи-

ческий климат — это, прежде всего, устойчивая система взаимоотношений сотрудников, их отношение к труду, новичкам, признание заслуг коллег по работе. Именно в рамках социально-психологического климата формируется атмосфера доверия, приверженности нормам и ценностям организации. Третий уровень — менеджериальный (управленческий). На этом уровне складывается организационная культура, которая способствует формированию позитивной репутации организации во внутренней и внешней среде.

Подводя итоги, можно отметить, что социальный капитал проявляется в экономической и инновационной сферах деятельности организации. В экономической сфере социальный капитал способствует обеспечению эффективного маркетинга, продвижению товаров и услуг на внешнем рынке. В инновационной сфере социальный капитал облегчает внедрение нововведений, разработку новой продукции, предложение современных проектов. Социальный капитал может оказывать существенное влияние на конкурентоспособность организации, поскольку благодаря хорошим и надежным социально-психологическим отношениям внутри организации все силы и энергия сотрудников направлены на производственную деятельность и повышение производительности труда. Напротив, социально-психологические факторы, приводящие к разрушению и утрате социального капитала, вынуждают руководство и сотрудников организации тратить энергию на его восстановление.

Литература

- Белкин В. Н., Белкина Н. А., Антонова О. А., Бочкарева И. В.* Теория социального капитала организации // Социум и власть. 2012. № 4. С. 79–86.
- Бурдые П.* Социология социального пространства. М.—СПб.: Институт экспериментальной социологии—Алетейя, 2005.
- Коулман Дж.* Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 122–139.
- Нестик Т. А.* Социальный капитал организации: социально-психологический анализ // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 1. С. 52–63.
- Патнэм Р.* Процветающая Комьюнити, социальный капитал и общественная жизнь // Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 4. С. 117–125.

- Почебут Л. Г., Свенцицкий А. Л., Марарица Л. В., Казанцева Т. В., Кузнецова И. В.* Социальный капитал личности. М.: Инфра-М, 2014.
- Татарко А. Н.* Социально-психологический капитал личности в поликультурном обществе. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
- Шихирев П. Н.* Природа социального капитала: социально-психологический подход // *Общественные науки и современность*. 2003. № 2. С. 17–32.
- Burt R. S.* The Social Capital of Opinion Leader // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1999. № 566. P. 37–54.
- Bevelander D., Page M. J.* Ms Trust: Gender, Networks and Trust – Implications for Management and Education // *Academy of Management Learning & Education*. 2011. V. 10. № 4. P. 623–642.
- Luhmann N.* Trust and power. N. Y.: J. Wiley, 1979.
- Sztompka P.* Trust: a sociological theory. Cambridge, 1999.

Компетентность в интерпретации результата творческой работы группы

Ю. Э. Ширков, А. Н. Рчеулишвили

В декабре 2017 г. состоялась конференция, посвященная 45-летию кафедры социальной психологии факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова. В рамках конференции были проведены круглый стол и форсайт-сессия, где обсуждалось будущее социальной психологии. Эти стало началом серии групповых дискуссий. Содержание разнообразных представлений о будущем социальной психологии зафиксировано в форме образного и ассоциативного материала и заслуживает отдельного объемного описания. Данная статья посвящена теоретической проблеме интерпретации группового результата участниками группы.

Проблема интерпретации участниками результата групповой дискуссии

Степень ориентированности участников в теме дискуссии не часто выступает регулируемым параметром при наборе состава группы и в управлении процессом обсуждения. Подразумевается, что, чем лучше участники обсуждения разбираются в предмете, тем лучше для результата. Однако результативность групповой дискуссии — многомерная величина, складывающаяся из многих параметров продуктивности и удовлетворенности. Далекое не первым из них считается адекватность интерпретации отдельными участниками итогов обсуждения. Однако результат групповой встречи не обязательно сводится к эксплицитно выраженному группой вербальному или образному материалу. В каких-то случаях материал и вовсе не представляет самостоятельной ценности и играет вспомогательную роль в изменении индивидуальных представлений участников о предмете дискуссии. Это справедливо, в частности, в обсуждениях отдаленного буду-

Статья написана при поддержке гранта РФФИ № 17-06-00675.

шего: участники не являются ценными информантами по тому, чего еще не было, и не договариваются между собой о совместных действиях. Но совместный взгляд в будущее (форсайт) уточняет представления каждого участника и линию его дальнейшего поведения.

Конечно, интерпретация – сложный когнитивный процесс, зависящий от многих индивидуальных особенностей. Но компетентность является простым для операционализации и потому удобным критерием для комплектации как проектных, так и формирующих дискуссионных групп. Практическую ценность данного вопроса увеличивает также проблема авторского права на коллективный труд.

Целью нашего исследования стало выявление специфики субъективной интерпретации результатов участниками обсуждения в сравнении с объективным результатом группового творчества.

Нами были выдвинуты следующие гипотезы.

Адекватность интерпретации группового решения и компетентность участников в задаче связаны нелинейно:

- в силу ограниченной возможности участников с низким уровнем компетентности спроецировать прозвучавшие предложения по содержательному решению задачи на слабо известную им реальность адекватность их интерпретации будет низкой;
- благодаря индивидуальному субъективному пониманию задачи и сверхнормативной активности участников с высоким уровнем компетентности (повышенной ответственностью и желанием индивидуального вклада) уровень адекватности индивидуальной интерпретации группового решения также будет низким;
- наиболее адекватно интерпретировать качественное решение могут участники со средним уровнем компетентности в задаче.

Качественный характер группового результата и его индивидуальной интерпретации делает процесс соотнесения сложным для количественной оценки. Это ставит задачи операционализации адекватности интерпретации группового решения участниками дискуссии, формализации качественных результатов групповой работы и их индивидуальной рефлексии в сравнимые характеристики найденного решения. Решение этих методических задач позволяет провести количественную оценку различий индивидуальных и групповых характеристик решения в группах с различным уровнем компетентности в решаемой содержательной задаче.

Объектом исследования была выбрана групповая дискуссия в форме форсайт-сессии – творческой дискуссионной встречи, те-

ма которой направлена в будущее. Предметом исследования стала адекватность интерпретации группового решения участниками творческой дискуссии.

Групповая дискуссия как творческий метод социального прогнозирования

Процесс группового решения чаще всего предполагает возникновение спектра индивидуальных пониманий итогового резюме участниками.

Это особенно справедливо для творческой задачи, определяемой через наличие цели, отсутствие средств ее достижения и присутствие интуитивной составляющей в процессе решения (Петухов, 1987). При решении широко поставленной задачи результатом групповой работы становится не только согласованное групповое решение, но и внутренние изменения субъективных представлений участников.

Прогнозирование будущего – широкая по диапазону решения творческая задача. Прогнозирование предполагает многовариантное понимание условий, учет неограниченного количества факторов в процессе решения, неопределенность результата и объемный набор решений. Социальное прогнозирование позволяет оценить приоритетные перспективы развития и выбрать стратегию. В данной сфере уже испробовано много методических решений. Все чаще для методов социального прогнозирования используется общее название форсайт-сессии.

С точки зрения соотношения ресурсов и качества результатов групповую дискуссию можно считать наиболее сбалансированным методом прогнозирования. В оперативной версии она представляет собой дискуссию группы экспертов об актуальных трендах, барьерах и их последствиях (экономических, политических, технологических, социальных и др.). В рамках такой дискуссии применяются различные приемы анализа информации и генерации идей, проводятся метафорические игры и свободные обсуждения. Результатом форсайт-сессий обычно являются карты будущего (Нестик, 2014). В более специфическом приложении можно встретить название «технологическая дорожная карта» – «technology roadmap» (Соколов, 2007). Суть метода состоит в привлечении экспертов основных отраслей компании (финансы, разработки, инфраструктура, маркетинг и др.) для стратегического планирования трех основных бизнес-аспектов: рыночный спрос, внутренний аспект организа-

ции и технологии. Они согласовывают синхронную работу и визуализируют образ долгосрочных целей организации, план технического развития, инвестирования, кадровых изменений и рыночного поведения. Если объективно развитие компании проходит не по согласованному экспертами плану, расхождения также фиксируются на карте, а при серьезных несовпадениях экспертный совет собирается снова (Клейтон, 2008).

Графическое представление – удобная форма визуализации неопределенного и несогласованного материала. Кроме карт для работы с неструктурированной информацией и выявлением в ней причинно-следственных связей принято использовать и другие графические методы. Они помогают не только визуализировать взаимовлияние и соотношение фактов, но также за счет включения метафорического компонента раскрепостить воображение участников. К таким методам, например, можно отнести графический метод диаграммы Исикавы (Ishikawa, 1976), метод ментальной карты (Бьюзен, Бьюзен, 2003).

Компетентность среди других индивидуальных особенностей участников групповых дискуссий

В современной социально-психологической практике реализуется несколько основных подходов формирования рабочих дискуссионных или проектных групп в зависимости от особенностей участников: «компетентностный» подход, «лидерский» подход, психотипический подход и командно-ролевой подход. В рамках этих подходов часто разрабатываются специальные теоретические системы и методические инструментари диагностики.

Так называемый «компетентностный» подход (который не следует путать с «компетенциарным») к формированию проектных групп основан на уровне компетентности участников в задаче или теме дискуссионной работы. Особенно актуален такой принцип подбора при формировании групп для проведения оценки или составления заключения в экстремальных или спорных ситуациях (Хараш, 1999).

Конечно, уровень компетентности участников группы становится важным критерием их отбора в случаях, когда перед группой ставятся сложные технические или узконаправленные задачи. Под компетентностью при этом понимается степень квалификации участника в определенной области, которую можно определить как уровень знакомства с достижениями в этой области, понимания принципов,

закономерностей и перспектив развития обсуждаемой сферы. Высокий уровень компетентности и квалификации участников в обсуждаемой сфере позволяет расширить набор обсуждаемых фактов, диапазон предлагаемых идей и повысить уровень авторитетности и качества решения. Кроме того, взаимодействие участников высокого уровня компетентности за счет глубокого знакомства с проблемой позволяет сократить объем ресурсов, затрачиваемых на сопутствующие процессы при принятии решения (поиск информации, проверка гипотез и пр.).

Условно названный нами «лидерский» подход основывается на исследованиях Курта Левина, Рональда Липпита и Ральфа Уайта, в результате которых была обнаружена связь стиля лидерства с качеством группового результата (Lewin et al., 1939). Однако в относительно коротком проектном взаимодействии достаточно сложно предсказать наличие и характер стихийного лидерства, что делает данный подход несовместимым с задачами и спецификой исследования однократных составов дискуссионных групп.

Психотипические подходы к формированию групп основываются на диагностике психологического типа участников и восходят к идеям К. Г. Юнга, изначально изложенным в его работе «Психологический тип», 1921 г. (Юнг, 2006). Из этих идей выросли современные технологии менеджмента командных ролей.

«Лидерский», психотипический и командно-ролевой подходы в большей степени ориентированы на ресурсный и процессуальный факторы группового решения, в то время как содержательная, качественная составляющая группового решения становится скорее функцией отдельных членов группы. При фокусе на содержательной стороне итогового решения более подходящим становится «компетентностный» подход формирования проектных групп. По этой причине именно данный индивидуальный фактор эффективности группового результата был выбран в качестве независимой переменной в нашем эмпирическом исследовании.

Процедура исследования интерпретации результата творческой работы группы

Исследование представляло собой межгрупповой экспериментальный план с пятью уровнями независимой переменной — компетентности участников в задаче.

- I уровень: специалисты в исследуемой области – участники конференции «Инновационные ресурсы социальной психологии: теории, методы, практики» («Инновационные ресурсы...», 2017); 21 участник форсайт-сессии предоставил свою версию интерпретации группового результата.
- II уровень: студенты старших курсов специалитета, обучающиеся по специальности в исследуемой области; 20 человек составили 5 групп.
- III уровень: студенты третьего курса бакалавриата Ташкентского филиала МГУ, обучающиеся по специальности в исследуемой области; 48 человек в 8 группах.
- IV уровень: студенты младших курсов, обучающиеся по специальности в исследуемой области; 1 группа из 5 человек.
- V уровень: студенты и молодые специалисты, не связанные с исследуемой областью; 12 человек в 4 группах.

Всего в исследовании приняло участие 106 человек в 19 группах.

Зависимой переменной была адекватность индивидуальной интерпретации результатов групповой дискуссии. Ее операционализация стала частью аналитической переработки результатов.

Содержательной задачей групповых дискуссий была тема «Социальная психология в 2035 году».

Накануне групповых сессий участники получали для ознакомления комплект материалов и инструкций. В пилотном исследовании аналитические материалы предъявлялись участникам непосредственно перед групповой работой.

Материалы включали справочную и аналитическую информацию, опорные факты в краткой наглядной форме, характеризующие формальное состояние исследуемой области. Материалы были подготовлены и верифицированы организаторами конференции «Инновационные ресурсы социальной психологии: теории, методы, практики». В состав материалов вошли наукометрические исследования разных авторов, специально проведенные исследования организаторов конференции, результаты экспертного опроса, проведенного среди участников конференции. Ознакомление со справочными материалами преследовало цель выравнять информированность участников, освободить их от сомнений в собственной готовности равноправного участия, организовывать и направлять обсуждение.

Проведение пилотной сессии с участниками конференции выявило необходимость изменения первоначального сценария для решения задач основной части исследования. Автономная обработка результатов по каждой группе позволила выводить сравнительные показатели независимо от разницы в сценариях обсуждения. В этом смысле дальнейшее накопление статистики может быть продолжено с группами, работающими по другим сценариям. Для всех групп основной части исследования сценарий был общим. Участники не знали, что по аналогичному сценарию работали другие группы, соревновательный мотив был исключен, результаты работы других групп были недоступны.

Результаты работы групп зафиксированы в двух формах: групповое решение и индивидуальные ответы участников на вопросы анкеты.

Промежуточные результаты групповой работы фиксировались в групповом протоколе и в формате метафорического рисунка «Куст роста», а итоговое групповое решение зафиксировано в формате рекламного буклета социальной психологии в 2035 г. Результаты групповой работы пилотной сессии фиксировались в формате линии истории.

После участия в групповой работе все участники выполняли индивидуальное задание — подведение итогов обсуждения в личной интерпретации на основе общего шаблона, делающего индивидуальные ответы сравнимыми в интересах решения исследовательской задачи и пригодными для финального синтеза в интересах решения содержательной задачи. Вопросы вытекали из логики и композиции сценария обсуждения.

Проверка гипотез проводилась на основе сравнения синтезированных групповых решений и индивидуальных ответов в протоколах.

Процедура синтеза группового решения проведена с помощью экспертов. Тексты групповых решений были составлены экспертами в индивидуальном порядке с помощью качественной интерпретации всей совокупности материалов групповой работы — метафорических рисунков «Куст роста» и «Рекламный буклет», текстовых пояснений к рисункам, протоколов выполнения промежуточных заданий. Индивидуальные бланки интерпретации результатов групповой работы не использовались при синтезе группового решения. Затем эксперты независимо друг от друга сравнивали групповое решение каждой группы с индивидуальными бланками участников

этой группы. Соответствие групповых и индивидуальных результатов оценивалось по трем шкалам:

1. «Сходство» – насколько похожи индивидуальная интерпретация и групповое решение.
2. «Детализация» – насколько подробна индивидуальная интерпретация группового решения.
3. «Лексическое разнообразие» индивидуальной интерпретации группового решения.

Каждому индивидуальному бланку участника групповой работы двумя экспертами присваивалась оценка по трем критериям от 1 до 4. Затем оценки экспертов по каждой из шкал усреднялись. Для каждого индивидуального протокола вычислялась сумма средних оценок по каждой шкале. Это значение составляло степень адекватности интерпретации – т. е. максимально индивидуальное значение адекватности интерпретации могло составить 12 баллов.

Статистическая значимость различий между экспертными оценками оценивалась по общей выборке непараметрическим критерием Краскела–Уоллиса и проверялась попарными оценками между группами непараметрическим критерием Манна–Уитни.

Результаты измерения связи компетентности и адекватности индивидуальной интерпретации результатов групповой работы

Среднее значение адекватности интерпретации группового результата в группе с наибольшим уровнем компетентности (специалисты в исследуемой области) составило 5,4 из 12 возможных баллов. В группе московских студентов старших курсов, специализирующихся в исследуемой области, – 6,5, в группе третькурсников ташкентского филиала – 7,9, в группе московских студентов-психологов младших курсов – 6,2, а в группе не психологов – 5,8. Это распределение представляет собой колоколообразную кривую. Максимум адекватности интерпретации достигнут при среднем уровне компетентности. В областях этой кривой распределения, соответствующих высокому и низкому уровням компетентности, адекватность интерпретации существенно меньше.

Анализ по отдельным шкалам сравнения не имеет смысла, поскольку шкалы были сконструированы для диверсификации экспертных оценок с целью повышения их точности.

Общевыборочная оценка различий с помощью критерия Краскела–Уоллиса показала наличие значимых различий в степени адекватности индивидуальных интерпретаций группового результата участниками разного уровня компетентности (уровень значимости $p \leq 0,01$).

Для верификации значения коэффициента Краскела–Уоллиса был проведен статистический анализ значимости различий с помощью непараметрического критерия Манна–Уитни. Этот критерий позволил выделить пары групп с более значимой разницей. Значимо отличается от всех остальных групп показатель студентов социальной психологии ташкентского филиала – лидера рейтинга адекватности интерпретации. Степень адекватности индивидуальной интерпретации старшей группы московских студентов социальной психологии значимо отличается от степени адекватности индивидуальной интерпретации группового результата группы специалистов (уровень значимости $p \leq 0,05$). Значимость остальных различий статистически не доказана, что связано с меньшим количеством испытуемых с низким уровнем компетентности в задаче.

Обсуждение результатов исследования связи компетентности и адекватности интерпретации групповых результатов

Реализованная процедура формализации групповых решений в сравнимый с индивидуальными интерпретациями формат опирается на творческое, субъективное экспертное представление. Однако за счет увеличения количества экспертов итоговые усредненные результаты имеют достаточный потенциал объективности. Поскольку статистическая проверка методического инструмента выявила статистически значимые и не абсолютные связи между предложенными шкалами, предложенный нами инструмент оценки адекватности индивидуальной интерпретации группового решения является эффективным и описывает искомый нами параметр с разных сторон, позволяя выявить его путем количественной оценки. При этом обнаруживается ряд возможных путей усовершенствования предложенного инструмента.

Что касается содержательных итогов, то полученные результаты позволяют наблюдать нелинейную связь степени адекватности индивидуальной интерпретации с уровнем компетентности участников в задаче. Так, наименьший уровень адекватности индивидуальной интерпретации группового решения (ср. значение 5,4 балла

из 12 возможных) наблюдается в группе специалистов в исследуемой области, имеющих наивысший уровень компетентности. Этот показатель значительно отличается от степени адекватности интерпретации группового решения, наблюдаемого в группах со средним уровнем компетентности (студенты ташкентского филиала и московские студенты старших курсов, специализирующиеся в исследуемой области).

Низкая адекватность интерпретации группового решения участниками высокого уровня компетентности может быть связана с конкретными особенностями участников данной группы. Поскольку специалисты исследуемой области, принявшие участие в пилотной части исследования, являются передовыми представителями исследуемой науки, на их отношение к поставленной задаче влияет несколько факторов.

Во-первых, у представителей науки может возникать чувство ответственности за ее развитие, что требует внесения личного вклада. Потому индивидуальная интерпретация может выходить за рамки группового решения, конкретизировать его, сужая до конкретных обязательств самого участника, или представлять собой набор индивидуальных советов по улучшению состояния научной сферы в будущем.

Во-вторых, вполне привычный для молодого поколения студентов интерактивный формат научного взаимодействия является новым опытом для более старших специалистов, привыкших к консервативному и академически регламентированному формату дискуссий. Яркие впечатления и эмоциональный импульс, формирующиеся в новом формате взаимодействия, увеличивают и без того сильное чувство ответственности. Эта сверхнормативная активность выливается на бланк индивидуального протокола в виде мотивационных лозунгов (например, «Социальные психологи будут!») или страхов, опасений (например, «Не хочу жить в таком будущем»).

И в-третьих, участники данной группы воспринимают задачу с точки зрения собственных профессиональных интересов, опыта и достижений. В контексте групповой работы такой подход расширяет спектры вариантов решения, но в контексте индивидуальной интерпретации значительно сужает их. Фиксируя свое видение в индивидуальном протоколе, участник упоминает о тех изменениях, которые произойдут в сфере его профессиональных интересов, часто упуская общую картину.

Второй наименьший уровень адекватности интерпретации (ср. значение 5,8) наблюдается в группах с наименьшим уровнем компетентности — среди студентов и молодых специалистов, не связанных с исследуемой областью. Возможность участников с низким уровнем компетентности спроецировать прозвучавшие предложения по содержательному решению задачи на слабо известную им реальность ограничена. Ориентировка в понятиях и феноменах рассматриваемой научной реальности происходит на житейском уровне, с опорой на здравый смысл и популяризированные в медиа-среде научные принципы. При этом содержательная групповая задача не представляется для них лично или профессионально значимой как для специалистов. Таким образом, если при высокой компетентности интерпретация участников представляет индивидуальный профессиональный взгляд специалистов (более углубленный, суженный или отстраненный), то при низкой компетентности низкая степень адекватности интерпретации связана, скорее, с недостаточными знаниями и слабой ориентированностью участников в задаче.

Средний уровень компетентности был представлен в группе студентов социальных психологов ташкентского филиала. Степень адекватности интерпретации группового результата среди участников этой группы наиболее высокая (ср. значение 7,9 из 12 возможных) и значимо отличается от показателя адекватности интерпретации группового результата участниками с другими уровнями компетентности.

При этом показатель адекватности интерпретации группового результата в группе московских студентов социальной психологии старших курсов меньше, чем в группе специалистов исследуемой области с наивысшим уровнем компетентности (6,5 и 5,4 соответственно), и значимость этого различия также статистически доказана.

При средней компетентности участники еще не чувствуют личной ответственности за их профессию, но уже достаточно хорошо в ней ориентируются. При этом в силу единого профессионально-образовательного контекста, в котором существуют участники каждой группы, интерпретации вполне согласуются с групповым решением.

Также интересно, что уровень адекватности индивидуальной интерпретации совместного результата в группе московских студентов младших курсов близок к ее уровню в группе московских

старшекурсников (6,5 и 6,2 соответственно). И хотя старшекурсники в значительно большей степени погружены в современный научный контекст, в данном случае мы можем говорить о влиянии общей коммуникативной среды, существующей в рамках одного факультета, которая формирует общие базисные представления о современном состоянии и перспективах развития исследуемой области.

Причины различий между уровнями адекватности интерпретации в группах ташкентских и московских студентов-старшекурсников, специализирующихся в исследуемой области, могут иметь географический характер. Находясь в центре событий, московские студенты в большей степени погружаются в современный контекст научных изменений и в большей степени чувствуют ответственность за дальнейшее развитие науки, в то время как ташкентские студенты, находясь дальше от центров передовых научных технологий, реже пробуют делать самостоятельные шаги в развитии науки.

Однако, обсуждая полученные результаты, важно заметить, что одним из подводных камней, выявленных нами в процессе исследования, стало качественное различие компетентностей в однородных группах. Так, среди представителей групп студентов старших курсов, специализирующихся в исследуемой области, или среди студентов Ташкентского филиала в силу различных особенностей их профессионального пути (дополнительное образование, самостоятельное изучение отдельных сфер и современных технологий и пр.) встречаются те, чья компетентность близка к компетентности специалистов. Поэтому критерий компетентности, выводимый из здравого смысла, в современном мире асинхронного развития требует более точной оценки.

Заключение

Адекватность интерпретации группового результата участниками была операционализирована через сходство, детализацию и лексическое разнообразие индивидуальных версий описания итогов дискуссии по сравнению с версией, синтезированной экспертами из образного и ассоциативного материала, наработанного группой.

Результаты количественного сравнения подтвердили наши гипотезы. Наиболее адекватно интерпретируют групповой результат участники со средним уровнем компетентности в задаче. Среднекомпетентные участники солидарны между собой и с экспертной оцен-

кой объективного группового решения. Интерпретации участников с высокой и низкой компетентностью в задаче сильнее отличаются от группового решения, выведенного наблюдателями.

Литература

Бьюзен Т., Бьюзен Б. Супермышление. Минск: Попурри, 2003.

Инновационные ресурсы социальной психологии: теории, методы, практики. Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием (5–7 декабря 2017 г.) Москва, МГУ, 2017. URL: <https://lomonosov-msu.ru/rus/event/4445> (дата обращения: 01.04.2018).

Клейтон Э. Технологические дорожные карты: инструменты для развития // Форсайт. 2008. Т. 2. № 3. С. 68–74.

Нестик Т. А. Форсайт как инструмент бизнеса // Материалы Пятой конференции по инструментам групповых обсуждений «Фасилитация для бизнеса: кейсы и инструменты». 04.04.2014. URL: <https://facilitators.ru/documents/2014/Forsait-kak-instrument-biznesa.pdf> (дата обращения: 01.04.2018).

Петухов В. В. Психология мышления: Учебно-методическое пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987.

Соколов А. В. Форсайт: взгляд в будущее. // Форсайт. 2007. Т. 1. № 1. С. 8–15.

Хараш А. У. Гуманитарная экспертиза в экстремальных ситуациях: идеология, методология, процедура // Введение в практическую социальную психологию. М.: Смысл, 1999. С. 87–128.

Юнг К. Г. Психологические типы. М.: АСТ; Минск: Харвест, 2006.

Ishikawa K. Guide to Quality Control. Tokyo: Asian Productivity Organization, 1976.

Lewin K., Lippitt R., White R. Patterns of aggressive behavior in experimentally created social climates // The Journal of Social Psychology. 1939. № 10. P. 271–301.

Раздел 3

ПСИХОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА И СЕТЕВЫХ СООБЩЕСТВ

Ролевой репертуар женщины в современном обществе

В. А. Баранова, М. А. Утробина

Женщина в современном мире является многогранным субъектом, который вызывает различное отношение со стороны общества (Кабалевская, 2012). Вовлекаясь в большое количество сфер, она раскрывает в себе новые стороны, становится полноценным работником и специалистом, который в профессиональной среде способен стать конкурентом для мужчин. Что является ключевым компонентом успеха и по каким критериям общество делит женщин на успешных и неуспешных? Первоначальное предназначение женщин (рождение детей и забота о семье) начинает расширяться за счет осваиваемых функций, поэтому в обществе все чаще встречаются представительницы «слабого пола», которые стремятся совместить несколько социальных ролей (Берн, 2004). По нашему мнению, комбинированный ролевой репертуар может не только приводить женщину к успеху, но и обеспечивать ей психологическое благополучие и формировать ее позитивный образ в глазах других людей (Bersoff, Crosby, 1984). Таким образом, отношение к различным типам женщин, которые играют разные социальные роли, может стать отправной точкой для выявления взаимосвязи аккумуляции социальных ролей и внешнего, и внутреннего благополучия.

Цель эмпирического исследования – изучить отношение к женщинам, принадлежащим к различным типам, выделенным на основании выполняемых социальных ролей и их количественного сочетания. В качестве *объекта* исследования рассматривается ролевой репертуар современной женщины, *предмет* – образ женщин с различным ролевым репертуаром.

Для того чтобы выявить образ успешной женщины, который респонденты транслировали при ответе на открытый вопрос, использовался метод контент-анализа с категориальной сеткой, предложенной Богомоловой Н. Н. и Т. Г. Стефаненко для создания образа

представителей большой социальной группы (Богомолова, Стефаненко, 1992). В данном исследовании выбраны категории в соответствии со спецификой темы. С помощью семантического дифференциала оценивалось шесть типов женщин: «Успешная женщина», «Счастливая женщина», «Женщина, которая не имеет семьи, но имеет собственную фирму», «Женщина, которая имеет детей, не работает, ее обеспечивает муж», «Женщина, которая имеет семью, работает и посвящает свободное время своему хобби», «Женщина, которая не имеет детей, но у нее есть муж и любимая работа».

На основании теоретического обзора предыдущих исследований были выдвинуты следующие гипотезы:

Гипотеза 1. В семантическом пространстве расстояние между «успешной женщиной», «счастливой женщиной» и женщиной, которая аккумулирует социальные роли, будет минимальным.

Гипотеза 2. Принадлежность респондента к той или иной социальной группе может определять его восприятие образов женщин с различным ролевым репертуаром.

Для того чтобы определить характеристики социальной группы, к которой принадлежит респондент, анализировались его ответы на вопросы о возрасте, месте жительства, семейном положении, образовании, роде деятельности, наличии детей.

В исследовании приняли участие 50 женщин. По возрасту они были разделены на две группы: до 30 лет (40 человек – 80%), от 30 лет (10 человек – 20%). Средний возраст в первой возрастной группе – 22 года, во второй – 45 лет. Также респонденты разделились по месту проживания на: 1) жительниц мегаполиса (Москва) (34 человека – 68%) и 2) жительниц периферии (16 человек – 32%). Примерно в равной степени представлены обладательницы высшего образования (22 человека – 44%) и те, кто в данный момент обучается в вузах (25 человек – 50%). Совсем незначительным оказался процент женщин, имеющих среднее специальное образование (3 человека – 6%). По роду деятельности большинство респондентов учится или работает (42 человека – 84%), 6 человек (12%) совмещают работу с учебой, 2 женщины (4%) являются домохозяйками. По признаку наличия/отсутствия отношений участники исследования почти поровну разделились на две группы (24 человека не имеют отношений – 48%, 26 человек состоят в отношениях или в браке – 52%). Детей имеют 11 женщин (22%). Почти все респонденты рассказывают о своем хоб-

би (45 человек — 90%) и лишь 5 (10%) отмечают, что не имеют никаких увлечений.

Результаты были представлены в следующей последовательности: 1) выделение оснований для каждого типа женщин, 2) оценка различий между группами респондентов, 3) расстояния между объектами в семантическом пространстве, 4) описание образа успешной женщины на основании результатов контент-анализа.

Основания были выделены для всех типов, однако в разном количественном соотношении. Так, например, лидером по количеству выделенных оснований (10 позиций) является объект «Женщина, которая имеет семью, работает и посвящает свободное время своему хобби», т. е. тип, который среди всех предложенных является самым аккумулирующим. На втором месте — «Успешная женщина», для которой было выделено 8 универсалий. «Счастливая женщина» и «Женщина, которая не имеет детей, но у нее есть муж и любимая работа» характеризуются 6 позициями. Несколько меньше (5) оснований было выделено для «Женщины, которая не имеет семьи, но имеет собственную фирму». На последнем месте по данному показателю находится «Женщина, которая имеет детей, не работает, ее обеспечивает муж»: здесь удалось выделить только одно основание.

Для проверки наличия значимых различий в представлениях у разных групп респондентов был использован U-критерий Манна–Уитни. В возрастных группах (первая группа — до 30 лет, вторая — от 30) значимые различия обнаружены в оценке «Женщины, которая не имеет детей, но у нее есть муж и любимая работа» по шкалам «сильная — слабая» (асимпт. знач. 0,042 при $p \leq 0,05$) и «пассивная — активная» (0,025). Группы, сформированные по признаку места жительства респондента (первая группа — не Москва, вторая — Москва), показали статистически достоверные различия в оценке «Успешной женщины» по шкале «приятная—неприятная» (0,031) и «Женщины, которая имеет семью, работает и посвящает свободное время своему хобби» по шкале «трудолюбивая—ленивая» (0,037). Также различия были обнаружены в группах, сформированных по признаку наличия—отсутствия детей: в оценке «Счастливой женщины» по шкале «востребованная—невостребованная» (0,046), «Женщины, которая имеет детей, не работает, ее обеспечивает муж» по шкалам «красивая—неказистая» (0,048), «востребованная—невостребованная» (0,005), «свободная—занятая» (0,021), «Женщины, которая не имеет детей, но у нее есть муж и любимая работа» по шкале «активная—пассивная»

(0,015). Группы, на которые респонденты поделились в зависимости от наличия—отсутствия отношений, показали значимые различия в оценке «Женщины, которая не имеет семьи, но имеет собственную фирму» по шкале «свободная—занятая» (0,012).

Необходимо отметить, что возраст респондентов стал определяющим в оценке наличия детей. Можно предположить, что представительницы старшей возрастной группы демонстрировали свое отношение к этому типу на основании собственного опыта, который позволяет им оценить роль детей в своей жизни. Для представительниц группы до 30 данный фактор во многом является вопросом будущего, поэтому они опираются на свои предположения о том, как себя может чувствовать женщина, у которой нет детей. Возможно, данный тип был воспринят как определенный этап в жизни женщины, когда она уже вышла замуж, но еще не обзавелась детьми, что может иллюстрировать фактическое положение молодых женщин до 30 лет.

Место проживания, по нашим предположениям, может способствовать более или менее прогрессивному усвоению новых конструктов. Так, например, «успешная женщина» — понятие, которое уже стало привычным для жительниц мегаполиса. Они воспринимают его как оценку собственного благополучия и нередко стремятся к такому статусу. У жительниц периферии данное понятие, вероятно, еще не до конца вошло в употребление и во многом сформировалось под влиянием СМИ, нежели в ходе собственных наблюдений. Отсюда может следовать и разница в оценке аккумулирующего (пятого) типа женщины, которая, как мы отметим позже, в семантическом пространстве располагается ближе всех остальных к объекту «Успешная женщина».

Наличие и отсутствие детей — тот фактор, который определил большее количество различий между выборками. Различия наблюдаются у двух близко расположенных в семантическом пространстве объектов — «Счастливая женщина» и «Женщина, которая имеет детей, не работает, ее обеспечивает муж». Тип «Женщина, которая не имеет детей, но у нее есть муж и любимая работа» также становится объектом, который представительницы двух групп оценили по-разному. Очевидно, что в данном случае стоит вопрос о значимости таких компонентов, как дети и работа, в понимании счастья женщины.

Интересно отметить различия, полученные на группах, сформированных по принципу наличия/отсутствия отношений. Они про-

явились при оценке той женщины, которая целиком и полностью посвящает себя работе, при этом жертвуя другими сферами. Также довольно примечательно, что различия проявились по шкале «занятая—свободная». Вероятно, в таком случае респонденты понимали занятость как общий дефицит времени в силу выполнения той или иной работы или как наличие зарегистрированных или незарегистрированных отношений, при которых женщина уже не может назвать себя свободной.

На основании анализа расстояний между объектами в семантическом пространстве во всех без исключения группах самой близкой к «Успешной женщине» является «Женщина, которая имеет семью, работает и посвящает свободное время своему хобби», что является воплощением объекта, в максимальной степени аккумулирующего социальные роли. Примерно такой же согласованностью среди респондентов обладает расстояние между «Счастливой женщиной» и «Женщиной, которая имеет детей, не работает, ее обеспечивает муж». Получается, что решающим компонентом в связке «успех—счастье» является работа, которая в соответствии с полученными данными приносит успех, но не всегда гарантирует счастье. В то же время успех не сводится исключительно к профессиональной сфере, что подтверждает максимальное расстояние между «Успешной женщиной» и «Женщиной, которая не имеет семьи, но имеет собственную фирму». Судя по всему, счастливая женщина все-таки воспринимается респондентами как хранительница очага, образ которой был популярен в прошлом. Успех — что-то, что ассоциируется с чем-то новым и прогрессивным, поэтому все социальные изменения, затрагивающие женщин и вынуждающие их осваивать ранее непривычные им роли, способствуют формированию такого конструкта, как «успешная женщина».

Данные контент-анализа позволяют прийти к следующему выводу: респонденты очень часто упоминали, что успешная женщина совмещает семью, работу, друзей, увлечения. Они определили ее не просто как сочетающую эти сферы, а как достигшую в них максимальных высот: если работа, то с высокой должностью и зарплатой, если семья или отношения, то женщина в них становится любящей и любимой, если друзья, то она хорошая и чуткая подруга.

Достигать такого успеха женщине помогает целый спектр личностных качеств, которые она демонстрирует и умеет найти им нужное применение. Среди упомянутых качеств есть и те, которые ори-

ентированы на окружение, и те, которые нацелены на сохранение внутреннего баланса и организацию собственной жизни.

У многих респондентов было визуальное представление о том, какой должна быть успешная женщина. Они давали ей описание как в терминах данных от природы особенностей, так и посредством акцентирования внимания на стиле и имидже.

Однако мы не можем говорить о максимальной согласованности респондентов в данном вопросе, так как были и те, кто описывал успешную как близкую третьему типу («Женщина, которая не имеет семьи, но имеет собственную фирму»). Они отмечали, что она уставшая и одинокая, без семьи. Здесь, на наш взгляд, в наиболее явной форме проявляется противопоставление счастливой и успешной. И если вернуться к измеряемым между объектами расстояниям, то можно заметить, что счастливая — это в любом случае та, у которой есть спутник жизни. Возможно, в таком случае работа воспринимается как препятствие на пути к формированию семьи, поэтому понятия «успех» и «счастье» становятся взаимоисключающими.

Некоторые респонденты сами затрагивали вопрос о соотношении успеха и счастья. И здесь они четко разделились на две группы: те, кто описывал *успешную* через прилагательное *счастливая*, и те, кто говорит, что «успешная не всегда счастлива». Также встречаются и те, кто отдавал предпочтение одному из понятий: «Мне ближе счастливая, чем успешная».

Описывая ролевой репертуар современной женщины на основании оценок нескольких предложенных типов, мы выявили отношение респондентов к объектам, которые в разной степени аккумулируют социальные роли. Были рассмотрены понятия *счастливой* и *успешной* женщины и их расположение в семантическом пространстве относительно всех остальных понятий — мать, жена, работник, увлекающийся человек или все перечисленные роли сразу. Контент-анализ позволил выявить сложность образа успешной женщины и определенные противоречия в его понимании.

Возвращаясь к первой гипотезе данного исследования, мы можем сказать, что она подтвердилась лишь частично, так как женщина, играющая сразу несколько социальных ролей, действительно воспринимается как наиболее успешная, но отнюдь не самая счастливая. Последнее, как уже было отмечено прежде, связано больше с традиционным взглядом на предназначение женщины, согласно которому работа не входит в ее функционал.

Вторая гипотеза нашла свое подтверждение. Действительно, мы можем наблюдать, что во всех выделенных социальных группах респонденты относились по-разному к качествам того или иного типа женщины. Можно предположить, что опрашиваемые, основываясь на собственном опыте и переоценивая свой ролевой репертуар, формируют отношение к предложенным типам. Так как в данном исследовании нам было важно увидеть именно тенденции в оценках у представителей различных социальных групп, мы предполагаем, что нам удалось их обнаружить. При этом дальнейшая детализация требует расширения выборки и более внимательного изучения каждой социальной группы с учетом всех возможных факторов.

Литературы

Берн Ш. Гендерная психология. М.: Прайм-Евроник, 2004.

Богомолова Н. Н., Стефаненко Т. Г. Контент-анализ. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992.

Кабалевская А. И. Представления о гендерных стереотипах в современной социальной психологии // Психологические исследования. 2012. № 2 (22). С. 4. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 20.04.2018).

Bersoff D., Crosby F. Job satisfaction and family status // Personality and Social Psychology Bulletin. 1984. V. 10 (1). P. 79–83.

Социально-психологические условия становления правового сознания современной российской молодежи

Н. В. Борисова

Введение

В 1989 г. отечественные психологи М. И. Воловикова и О. П. Николаева в рамках исследования специфики моральной и правовой социализации российского общества применили разработанный Дж. Тапп опросник (Николаева, 1992). Опросник создан для использования в условиях различных культур и предоставляет богатый материал для сравнительного анализа, так как валидизирован на выборках испытуемых из шести стран мира. Он включает в себя 15 стандартизованных вопросов, касающихся понимания личностью прав, функций законов, причин их нарушений и изменений, критериев справедливости. Анализ морально-правовых суждений осуществляется на основе теории морали Ж. Пиаже, дополненной Л. Колбергом.

Николаевой в качестве испытуемых были выбраны студенты педагогического вуза Курской области в количестве 100 человек в возрасте от 18 до 25 лет, которые в индивидуальном порядке ответили на вопросы анкеты. Полученные ответы подвергались количественному и качественному анализу.

Было выявлено, что в отличие от западных стран, где моральная и правовая социализация осуществляется через подражание принятым в обществе нормам и законам, в нашей стране наблюдалось либо «застывание» на начальной стадии морального и правового развития, когда послушание обеспечивается с помощью страха наказания, либо через высший уровень морально-правового развития — *опоры на высшие этические принципы и совесть*. В правовом сознании российских испытуемых были разделены понятие «закон» и понятие «нравственность» в отличие от испытуемых, принадлежащих к западному обществу. Законы воспринимались в качестве

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ, проект № 14-18-03271.

атрибута государства, как нечто «внешнее», обладающее функциями наказания и ограничения свободы. Права личности понимались как права на различные свободы либо, как и законы, «отчуждались» как не соответствующие реальной действительности.

В 2017 г. нами было проведено исследование с применением данной методики на соответствующей возрастной выборке, которую составили студенты вузов Московской области (Борисова, 2017).

Произошли важные изменения в правовом сознании молодых россиян в период с 1989 по 2017 г. В целом исследование позволило сделать следующие выводы. В правовом сознании современных молодых людей сохраняется разделение понятия «закон» и понятия «нравственность». Законы по-прежнему воспринимаются в качестве атрибута государства, как нечто «внешнее», обладающее функциями наказания и ограничения свободы. В суждениях проявляются недоверие к законам, сомнения в их справедливости, действительности на территории Российской Федерации. Сохраняется тенденция к обретению прав на различные свободы. *Произошла утрата важной составляющей правосознания — опоры на нравственные принципы.* Снизился страх перед наказанием и авторитетом власти. Не имея иных ориентиров в морально-правовой сфере, современные молодые люди оказались в ситуации правовой дезориентации. В результате 8% лиц полностью игнорируют закон.

Человек как субъект прав

С.Л. Рубинштейн рассматривает человека как субъекта прав и обязанностей через *онтологию человеческого бытия*. Смысл жизни человека заключается в *познании бытия* и осуществлении его *незыблемых законов*. Человеческое бытие — не частность, допускающая лишь антропологическое и психологическое исследование, оно вписано в философский план общих, категориальных черт бытия. Представление о субъекте познания как чисто индивидуальном, только единичном существе для ученого — фикция. «Человек как абсолют, как „вещь в себе“, как нечто обособленное и замкнутое в себе — это не человек, не человеческое существо и, более того, это вообще не существо, это нечто несуществующее — ничто» (Рубинштейн, 2012, с. 5).

В работе, посвященной осмыслению философской системы Германа Когена, Рубинштейн отмечает, что в праве человек фигурирует не как физический организм, «врастающий всеми своими тканями

в природу и определяемый в своих проявлениях ее воздействиями» (там же, с. 166). Также в праве он фигурирует не как психологический субъект, движимый аффектами и эмоциями или же в сфере социально-экономической руководящийся своими интересами. В первую очередь как юридическое лицо человек является *субъектом прав и обязанностей*. В своих деяниях он определяется *нормами и законами*.

Через призму онтологии *закон* понимается как явление не внешней, формализованной государством и выражающей волю суверена (положительное право), но *внутренней* регламентации поведения. Рубинштейн вводит понятие *нравственное законодательство*. Полнота человеческой жизни в отношении к полноте бытия определяется через *этику*. Основная *онтологическая задача субъекта* полностью *соответствует* основной *этической задаче*. Базовое положение, которое отстаивает ученый — *этическое является законом, так как имеет в силу объективности своего содержания форму общеобязательного положения*.

Центральная проблема этики — человек. «Всем своим идейным содержанием, всей системой понятий и принципов, которые этика разворачивает, она отвечает на один вопрос, на сократовский вопрос: что такое человек?» (там же, с. 166). Этика вскрывает то идейное содержание, которое конституирует человека. *В понятии юридическо-го лица и правового деяния этика дает наиболее точную, объективно содержательную формулировку проблемы, которую для нее представляет человек в его нравственных поступках*.

Познание как открытие бытия — не только деятельность сознания, а в силу участия в нем практики — *способ существования человека по отношению к бытию*. Необходимо различать *объективное, трансцендентное, бытие и субъективно познавательное, имманентное*, — бытие не в чистом, а в осложненном привходящими обстоятельствами виде. Основное свойство бытия, сущего в мире, в котором есть человек, заключается в том, чтобы являться человеку в чувственной данности, быть данным в ощущении. Чувственная данность, первое в сущем, что открывается познанию, выступает как поверхностный, внешний план глубинных слоев сущего. «Непосредственная чувственность бытия — это факт, данность существования с едва лишь наметившейся качественной определенностью, с еще не раскрытой сущностью» (там же, с. 28). Далее включается опосредованное процессом мышления познание, но познание мышлением принципиально не исчерпывает сущего.

Проблема бытия и его познания связана с проблемой человека как *субъекта действия*. Отношение субъекта к «объективной реальности» — это не только идеальное познавательное отношение, но и практическое действие. Человек всегда находится в сфере сущего, непрерывно совершается «общение» — взаимопроникновение и сопротивление посредством действий и регуляции этих действий *сознанием*. «Существовать — это страдать и действовать, воздействовать и подвергаться воздействиям, участвовать в бесконечном процессе взаимодействия как процессе самоопределения» (там же, с. 27).

Действие, которое своим содержанием имеет *этическое содержание* общеобязательной значимости, т. е. определяется *нравственным законом*, Рубинштейн называет *деянием*. «Закон делает деяние деянием, не личность и не Я» (там же, с. 169). Ошибкой является понимание субъекта как виновника и творца своих деяний, а деяний — как проявлений или манифестаций субъекта. При таком подходе этическое содержание деяний, которое есть само этическое содержание нравственных законов, не входит в состав и построение содержания нравственного субъекта. Концепция нравственности оказывается *бессодержательно-формалистичной*, а субъект, который является источником своих деяний и для которого деяния только — манифестации уже готовой сущности, лишен этического содержания. И потому он — не *этический субъект*, а лишь некоторое *психологическое образование*.

Лишь в этических деяниях этический субъект определяется и осуществляется. И если принцип *автономии* в первую очередь определяет *отношение субъекта и закона*, то *отношение субъекта и деяния* Рубинштейн определяет через принцип *самоопределения*. Каждое деяние есть новое начало, новый источник, порождающий этический субъект. Поэтому *нравственное совершенство* есть задача, которую субъект в каждом деянии должен разрешить вновь. «Эта бесконечная задача, как само время, означает бесконечный процесс, который может быть субъективно прерван, но не может быть объективно закончен» (там же, с. 172).

Через объективность этического содержания и принцип автономии Рубинштейн раскрывает проблему *свободы*. «Я как этический субъект определяюсь в своих действиях законом, и, определяясь законом, Я свободен, потому что закон этот выражает то, что во мне я сам» (там же, с. 167). Этим свобода отличается от *субъективного произвола*. В автономии свобода утверждается, охраняясь от опас-

ности антиномизма, который, для того чтобы сохранить «свободу» субъекта, отвергает закон как нечто связывающее его. Таким образом, преодолевается восприятие свободы как свободы от чего-нибудь, которая в такой негативной формулировке понимается, прежде всего, как *свобода от закона*.

Массовая культура и становление правового сознания

Задачей общества для Рубинштейна является создание необходимых *предпосылок нравственной жизни* – таких условий, которые будут способствовать формированию человека «большого плана», с полноценным отношением к бытию, другому человеку, природе, жизни и смерти.

Современный же мир, предлагая *идеалы гламурной и успешной жизни*, формирует *общество потребления*, в котором интеллектуальное, духовно-нравственное развитие человека не является приоритетным, а система ценностей и установок основана на потреблении материальных благ.

Об этической индифферентности сформировавшегося в XX в. *массового общества* сделал выводы еще в 30-х годах XX в. Ортега-и-Гассет: «Не стоит облагораживать нынешний кризис, видя в нем борьбу двух моралей или цивилизаций, обреченной и новорожденной <...> Массовый человек попросту лишен морали <...> Но слово „попросту“, пожалуй, не годится. Все гораздо сложнее. Попросту взять и избавиться от морали невозможно. То, что грамматически обозначено как чистое отсутствие – безнравственность, – не существует в природе. Если вы не расположены подчиняться нравственным устоям, будьте любезны подчиниться иной необходимости и <...> жить наперекор им, а это уже не безнравственность, но противонравственность. Не просто отрицание, но антимораль» (Ортега-и-Гассет, 2017, с. 217).

Основополагающим понятием современности, заявляет отечественный композитор, писатель В. И. Мартынов, является имидж. «Имидж – это и есть абсолютная поверхность <...> не имеющая никакого внутреннего содержания <...> смысла, ибо имидж и смысл есть взаимоисключающие понятия <...> Мы живем в мире имиджмейкеров, где уже нет места ни поэтам, ни художникам, ни композиторам, стремящимся передать внутренний смысл и создающих произведения, наполненные великим содержанием. Великое явля-

ется реальностью человека переживающего, в то время как для человека манипулирующего все это превращается просто в фикцию» (Мартынов, 2017, с. 277).

Дефицит смыслов – диагноз современной цивилизации, потерявшей целостное чувство жизни, способность *переживать* бытие как Единство. Без этой способности культура, наука, правовая жизнь бесплодны. Поглощение человека предметным миром, возможно, никогда прежде не имело такого тотального характера. Для «человека манипулирующего» или «человека потребляющего» познание бытия ограничивается чувственным, внешним, поверхностным восприятием предметов и явлений.

Нравственно-этические характеристики советского общества конца 80-х годов XX в. могут быть получены в результате проведения специального исследования, можно прогнозировать их неоднозначность в сложнейший период жизни страны, называемый «перестройкой». Но обратим внимание только на одну яркую фигуру – кумира миллионов молодых людей тех лет. «Как для нынешнего поколения знаковым устройством является компьютер, для моего таким предметом был магнитофон. Мы все воспитывались на магнитофонной культуре. Сперва это были западные коллективы, потом в середине 80-х, пришел черед подпольных групп русского рока» (Калгин, 2017, с. 123). Зародившись в СССР во второй половине XX в., русский рок, пережив запреты и нахождение на нелегальном положении, нашел дорогу к широким массам. Феноменального успеха достигла рок-группа «Кино» во главе с В. Цоем.

Поэзия Цоя – «удивительное сочетание романтики, силы, грусти, иронии, благородства, веры в человека» (там же, с. 467). Она обращена не столько к внешней стороне бытия (обществу, социальному поведению людей), сколько к стороне внутренней, сокрытой – бытию духа, души» (Орм, 2012). Лидер музыкальной группы «Несчастный случай» А. А. Кортнев феномен «Кино» объясняет следующим образом: «Понимание, что такое „Кино“ как явление, пришло потом. Как это часто бывает с великой музыкой – а точнее, с великой поэзией в случае Цоя. Потому что я считаю, что <...> Цой, в первую очередь, – это поэт, причем поэт фантастический по точности, по попаданию в дух времени» (Кортнев, 2013). По мнению журналиста Е. Ю. Додолева, впечатляющий образ Цоя, при очевидном размахе почитания, по-прежнему не оценен современниками: «Дело здесь не в сочетании звуков и глаголов, а в том самом Послании, которое

не представляется возможным разложить по аккуратным полочкам псевдомузыкальной аналитики и которые можно снимать лишь рецептором чувства сопричастности Вечному» (Додолев, 2015, с. 88).

В творчестве Цоя мы находим *архетипы русского коллективно-го бессознательного*. Песни «Кино» – живое подтверждение того, что «русская традиция – это не расписные рубахи, в которых уже давно не ходят, а свойство души» (Калгин, 2017, с. 229). Возможно, этим и объясняется народная любовь к ним. В текстах, образах и сюжетах, созданных поэтом и музыкантом, представлены смыслообразующие темы русской национальной культуры: русская тоска о Небесном как духовном совершенстве, идеале: «А мне приснилось – миром правит любовь» (там же, с. 132); ожидание прихода этого идеала как Вечной весны: «И умрет апрель, и родится вновь, и придет уже навсегда» (там же, с. 183); живое чувство противостояния земного небесному: «Где бы ты ни был, что б ты ни делал, между землей и небом война» (там же, с. 232); желание жить по духовно верным законам: «Судьбою больше любим, кто живет по законам другим» (там же, с. 161); желание преобразовывать мир вокруг себя, решимость и бесстрашие в служении добру: «Хочешь ли ты изменить этот мир <...> Встать и выйти из ряда вон, сесть на электрический стул или трон?» (там же, с. 222).

Преемственность в правовой сфере

Правосознание является составляющей менталитета общества и выражает специфику его исторических традиций: традиционный характер народа, ценностные предпочтения, тип государственности, особенности законодательства и др. (Абульханова, Славская, 2016). В. В. Сорокин (2001) указывает, что уважительное отношение к праву может выработаться только тогда, когда оно становится частью традиции и в течение длительного времени функционирует в относительно неизменном виде. А потому успешная трансформация переходных обществ возможна лишь при реализации программы реформ, учитывающей специфику национального менталитета. Именно этого не хватает переходным правовым системам, которые пытаются решать задачи коренных преобразований посредством разрушения, а не постепенного совершенствования правовых институтов. Существенное изменение мировоззренческих ориентаций, смена правовых ценностей в условиях предшествующего долговременно-

го их насаждения в обществе вызывает колоссальный социальный шок. При этом разрушаются не только отжившие реликты правосознания, но и привычные *духовные ориентиры*, потеря которых не менее опасна, чем дезорганизация правореализующей деятельности.

Негативное влияние разрушения нравственных и правовых ценностей на формирование морально-правовой сферы современной молодежи подтверждает выявленная в исследовании в 2017 г. утрата системообразующей (и в онтологическом смысле, и в плане особенностей российского менталитета) составляющей правосознания — опоры на нравственные принципы.

Заключение

Наиболее точную, объективно содержательную формулировку проблемы, которую представляет человек в его нравственных поступках, дает этика в понятии юридического лица и правового деяния. Как юридическое лицо человек является *субъектом прав и обязанностей*. В своих деяниях он определяется *нормами и законами*. Полнота человеческой жизни в отношении к полноте бытия определяется через следование *нравственному закону*, который в силу объективности своего содержания имеет форму общеобязательного положения и обеспечивает внутреннюю регламентацию поведения.

Основной задачей общества является создание предпосылок нравственной жизни — таких условий, которые будут способствовать формированию этического субъекта с полноценным отношением к бытию, другому человеку, природе, жизни и смерти. Современное «общество потребления», для которого познание бытия ограничивается чувственным, внешним, поверхностным восприятием предметов и явлений, характеризуется дефицитом смыслов, потерей целостного чувства жизни, способности переживать бытие как Единство. В подобных условиях правовая жизнь субъекта подвергается серьезной опасности.

Литература

Абульханова К. А., Славская А. Н. Менталитет и правовое сознание российской личности // Историогенез и современное состояние российского менталитета. Вып. 2. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 125–170.

- Борисова Н. В.* Особенности правового сознания современной российской молодежи // Вестник Университета Российской академии образования. 2017. №4. С. 35–42.
- Додолев Е.* Последний герой // Story. 2015. №9 (84). С. 77–88.
- Калгин В. Н.* Виктор Цой. Последний герой современного мифа. М.: РИПОЛ классик, 2016.
- Кортнев А. А.* Как я пришел к Цою // Русский пионер. URL: <http://ruspioneer.ru/honest/m/single/3663> (дата обращения: 28.11.2017).
- Мартынов В. И.* Зона opus posth, или Рождение новой реальности. М.: Классика-XXI, 2017.
- Николаева О. П.* Морально-правовые суждения и проблема развития морального сознания в разных культурах: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1992.
- Орм А.* «Песня песней» Виктора Цоя. Духовное измерение его поэзии. URL: <http://perehodjournal.ru/leto-2012/andrey-orm-pesn-pesney-viktora-tsoya-duchovnoe-izmerenie-ego-poezii> (дата обращения: 28.11.2017).
- Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. М.: АСТ, 2017.
- Рубинштейн С. Л.* Человек и мир. СПб.: Питер, 2012.
- Сорокин В. В.* Правосознание в переходный период общественного развития // Журнал российского права. 2001. № 10. С. 59–70.

Об актуальности исследования феномена «нравственной элиты»

М. И. Воловикова, А. Л. Журавлев

Сорок пять лет существования Лаборатории социальной психологии (социальной и экономической психологии) в Институте психологии РАН (АН СССР) пришлось на несколько переломных этапов в социальной, экономической и общественно-идеологической жизни страны. В 1985 г. официально объявленная «перестройка» сменила эпоху «развитого социализма» (позднее названную «застоем»), спустя всего 6,5 лет завершившись распадом СССР, а к 1999 г. реальной стала угроза существованию и самого Российского государства. Двухтысячные годы не были простыми, и все же те испытания, которые выпали на страну и людей в 1990-е годы, занимают особое место в истории страны. Основная опасность этого периода состояла в резкой смене общественного идеала и в прерывании культурной преемственности с исторической Россией. Не случайно во второй половине 1990-х годов появляются работы психологов, посвященные особенностям российского менталитета (Российский менталитет..., 1996; Российский менталитет..., 1997; и др.).

В начале 2000-х годов В. Е. Семенов пришел к выводу о «полиментальности» современного российского общества, в которой отразились ценности всех предыдущих исторических периодов развития России. Наметившееся расслоение касалось не только и не столько экономической сферы, но прежде всего — сферы морали: «Приходится констатировать, что ныне двойная мораль и ханжество „развитого социализма“ сменились аморализмом и цинизмом современного „недоразвитого капитализма“» (Семенов, 2001, с. 23).

1990-е годы были сложным и недостаточно изученным периодом современной российской истории. Дух подлинной свободы высших

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-013-00259.

творческих сил человека иногда неразличимо переплетался с отрицанием всяческих запретов, прежде всего нравственных. Теперь все посеянные в те годы «семена» дают свои «всходы», а СМИ тиражирует несопоставимое – и подвиги, и примеры морального разложения, выдаваемые за «образцы» поведения. Как остроумно было замечено в одной небольшой районной газете: «В советское время была только одна программа о животных, – она так и называлась – „В мире животных“. Теперь ее нет, зато есть „Дом 2“... „Прямой эфир с Андреем Малаховым“, „Пусть говорят“ ... Старая программа мне нравилась больше».

В прошлом осталось адекватно непереводимое на другие языки советское понятие «интеллигенция» как выразитель лучших черт нашего народа и нравственного образца поведения (Лихачев, 1993; Гайда, 2011). Актуальным и своевременным стало появление понятия «нравственная элита». Гипотеза о правомерности выделения такого феномена как нравственная элита была выдвинута (и об основных качествах этой уникальной социальной группы было подробно написано) менее 10 лет назад (Журавлев, Купрейченко, 2010), но к настоящему времени она получила свое развитие и успешно прошла эмпирическую проверку (Воловикова, Журавлев, 2016). Было высказано предположение, что в современных условиях ведущая роль в нравственной регуляции постепенно переходит нравственной элите (Воловикова, Журавлев, 2017), конечно, связанной с интеллигенцией, но не тождественной ей.

Поиски больших социальных групп, ответственных за состояние российского общественного сознания, привели когда-то к наделению интеллигенции особыми качествами, определяющими прогрессивную направленность развития страны. И началось это не со времени появления в «Новом мире» открытого письма Д. С. Лихачева «О русской интеллигенции» (Лихачев, 1993), в котором академик РАН отстаивает положительный образ интеллигенции в России во все исторические периоды, начиная от Киевской Руси и Великого Новгорода до нашего времени. Федор Гайда отмечает, что в идеологическое оружие превратили это слово, пришедшее в Россию из немецкой философии, русские социалисты-народники (Гайда, 2011). Историк подчеркивает оппозиционный характер интеллигенции и то, что общеупотребимым это слово сделалось только после публикации в 1909 г. сборника «Вехи» с резкой критикой «интеллигенции». В советский период «интеллигенции» конституционно за-

прещалось быть оппозиционной. Для нее это означало перспективу гибели или «полного перерождения» (Гайда, 2011). Относительно благополучные 2000-е годы «вернули» интеллигенции стремление к оппозиционности.

В примерах поступков «подлинных интеллигентов», приводимых Д. С. Лихачевым (Лихачев, 1993), много настоящего героизма и свидетельства проявления лучших человеческих качеств: бескорыстия, доброты, бесстрашия, чувства собственного достоинства и уважения к человеческой личности. Сам Дмитрий Сергеевич, прошедший в молодые годы испытание ГУЛАГом, в 1990-е оставался для многих эталоном подлинного интеллигента: высококлассным профессионалом, готовым бесстрашно ринуться на защиту истины и справедливости. Но в целом интеллигенция как передовая часть общества именно в 1990-е заметно сходилась с политической сцены. Наступало время «элит»: политических, финансовых, управленческих, творческих и т. д.

В широкое повседневное употребление слово «элита» (или «элиты») попало после снятия негласного запрета в постперестроечный период темы денег. Так сложилось в нашей новейшей истории, что принадлежность к элите первоначально связывалось с финансовым благополучием, и только позднее это понятие стало распространяться на другие группы успешных и имеющих влияние людей. «Под *элитой* понимается социальная категория людей, *характеризующаяся* наиболее высоким уровнем развития тех или иных качеств, свойств, способностей и *успешно проявляющая* их совокупность в конкретных сферах жизнедеятельности общества. В таком смысле вполне уместно говорить о разных *видах* элиты, что и встречается в современных публикациях: политическая и управленческая, экономическая и бизнес-элиты, интеллектуальная и научная, творческая и художественная, культурная и духовная и др.» (Журавлев, Купрейченко, 2010, с. 8). Хотя названы творческая, научная и другие виды элит, авторами специально оговаривается возможность отнесения к элите лиц, не только не обремененных финансовым благополучием, но, скорее, противоположного устройства. Говорится о целесообразности «рассматривать и *нравственную элиту*, относя к ней тех людей, которые *достигли* высокого уровня развития нравственных качеств и успешно *проявляют* их в сфере человеческих отношений, в жизни реальных социальных групп, в человеческих сообществах, существенно *вливая* на их нравственную атмосферу, как минимум, повышая ее общий уровень» (там же).

Поскольку сама потребность в нравственных ориентирах в российском обществе не исчезла, место подлинной интеллигенции не могло слишком долго оставаться «вакантным». Отсюда закономерно появление идеи *нравственной элиты*, не только не привязанной к материальному благополучию и высокому социальному статусу, но зачастую и очень далекой от этих внешних атрибутов жизненного успеха. В основе феномена, названного «эффектом воспроизводства субъектом ценностной системы другой исторической эпохи» (Журавлев, Купрейченко, 2010, с. 6), лежат наблюдения над той немногочисленной социальной группой, которая смогла сохранить личностную свободу и относительную независимость от происходящих вокруг изменений системы ценностей и приоритетов. Отмечается здоровое отношение к себе и другим, жизненный оптимизм таких людей, не связанный с уровнем материального благосостояния, даже их некоторая неадаптивность, будто эти люди продолжают жить в другом историческом времени и ориентироваться на иные ценности и идеалы. В трудные моменты своей истории общество само находит эти «нравственные маяки», помогающие устоять в условиях резких изменений ценностных приоритетов. Такими людьми, к мнению которых прислушивались, на точку зрения которых опирались, были ученые Д. С. Лихачев и А. Д. Сахаров, писатель В. Г. Распутин и др.

Важно отметить, что всегда находилось (и находится) то лицо, ценностным ориентациям которого доверяли очень многие российские граждане. В 1990-е годы таким нравственным авторитетом для многих стал ныне покойный Патриарх Алексий II, причем отношение к его личности не зависело напрямую от религиозных воззрений людей. Убеждали правдивость суждений, высказываний, режиссур интонаций, и самоотверженные поступки. Так, во время общественного противостояния в октябре 1993 г., грозившего гражданской войной, Алексий II взял на себя организацию и проведение переговоров враждующих сторон, завершившихся примирением (чего это стоило Патриарху, стало понятно после его госпитализации с инфарктом).

Не всегда находится такой общий для большинства или многих нравственный авторитет, но потребность в нем в нашем народе очень велика.

А. Л. Журавлевым и А. Б. Купрейченко выделены *основные признаки* нравственной элиты: участие в общественно полезной деятельности, приносящей благо социуму; строгое следование в своем поведении нравственным принципам, нормам и правилам жизне-

деятельности человека; способность оказывать нравственное влияние на других людей (в том числе через поступок); способность жертвовать своими интересами ради других, оказание безвозмездной помощи, проявление разных форм помогающего поведения. Подчеркиваются такие качества, как способность к активной защите моральных устоев общества и благотворное влияние на моральный климат близкого окружения. Отмечается *позитивная роль страдания* в истории становления высоконравственных людей. Добавление этого необычного компонента естественно в российских условиях, где нравственность всегда была ценностью, которую порядочному человеку приходилось демонстрировать не только словом, но и делом, поступком (Воловикова, 2012).

В 2016 г. была проведена успешная эмпирическая проверка некоторых идей о характерных признаках нравственной элиты, ранее высказанных А. Л. Журавлевым и А. Б. Купрейченко (Воловикова, Журавлев, 2016). Совокупность признаков, соответствие которым указывает на принадлежность к нравственной элите, утверждается в многочисленных рассказах о *нравственном поступке* человека, которого респондент мог назвать «порядочным».

Особое значение в периоды размывания границ между нравственным и безнравственным поведением приобретают поступки «нравственного образца», свидетельствующие о строгом следовании нравственным принципам, нормам и правилам, о чем говорит каждый из сюжетов на тему «*никогда не...*». Например: «она никогда не ставит себя выше, важнее других»; «не ведет никаких тайных интриг за спиной»; «зная мои тайны, не рассказывает их другим людям»; «не обманет, не предаст»; «не выпячивается, не навязывает своего мнения»; «имеет четкие принципы и четко следует им»; «честно выполняет свои обязательства в бизнесе, хотя обстоятельства складываются так, что она вполне могла нарушить их в силу объективных, не зависящих от нее причин»; «имея большие властные полномочия, никогда не использовал их в личных целях, в том числе, в целях наживы»; «выбрал себе самый плохой дачный участок, хотя был председателем кооператива».

Эти примеры, собранные на элитной выборке респондентов (директора, завлабы, крупные ученые и высококлассные специалисты) (Воловикова, Журавлев, 2016), перекликаются с примерами, приводимыми в разные годы на студенческих и других выборках (Воловикова, 2005, 2012).

Потребность знать, что есть люди, которые никогда не поступятся нравственным законом в угоду сиюминутным интересам, помогает сохранить в народе верные нравственные ориентиры. Эта потребность является экзистенциальной, и именно она обуславливает актуальность исследований нравственной элиты как специфического феномена, характерного для российского менталитета.

Заключение

В российском менталитете исторически особая роль в нравственной регуляции общественной жизни на протяжении XX в. отводилась такой большой и неоднородной социальной группе, как интеллигенция. Однако в современных условиях ведущая роль в нравственной регуляции переходит к нравственной элите.

Понятие «нравственная элита», его использование и развитие перспективны для современной социальной психологии, так как именно этим нравственным образцам начинает принадлежать ведущая роль в духовно-нравственной регуляции жизни российского общества, прежде отводимая интеллигенции.

Литература

- Воловикова М. И.* Представления русских о нравственном идеале. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2005.
- Воловикова М. И.* Житейские представления о порядочном человеке. М.: Канон+, 2012.
- Воловикова М. И., Журавлев А. Л.* ИмPLICITные представления о признаках нравственной элиты // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 3. С. 40–49.
- Воловикова М. И., Журавлев А. Л.* Нравственные ориентиры современной российской интеллигенции // Эффективность личности, группы и организации: проблемы, достижения и перспективы: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. М.: Кредо, 2017. С. 236–238.
- Гайда Ф.* «Интеллигенция»: чем гордиться? // Православие.ру. 23 июня 2011. URL: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/47186.htm> (дата обращения: 20.11.2018).
- Журавлев А. Л., Купрейченко А. Б.* Роль нравственной элиты в российском обществе: постановка проблемы и возможности исследования // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 2. С. 5–19.

М. И. Воловикова, А. Л. Журавлев

- Лихачев Д. С.* О русской интеллигенции // Новый мир. 1993. № 2. С. 3–9.
- Российский менталитет: Вопросы психологической теории и практики / Отв. ред. К. А. Абульханова, А. В. Брушлинский, М. И. Воловикова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997.
- Российский менталитет: Психология личности, сознание, социальные представления / Отв. ред. К. А. Абульханова-Славская, А. В. Брушлинский, М. И. Воловикова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1996.
- Семенов В. Е.* Полиментальная специфика России и российская политика // Вестник политической психологии. 2001. № 1. С. 20–23.

Доверие молодежи к интернет-магазинам

А. Е. Воробьева

Постановка проблемы

Электронную коммерцию можно рассматривать как относительно новую для российского общества технологию (первый интернет-магазин в России появился в 1997 г.). Популярность онлайн-покупок среди российских потребителей в последнее время возрастает, особенно среди молодежи и лиц с высоким уровнем занятости. Дополнительным фактором роста популярности интернет-магазинов стал последний экономический кризис. В условиях, когда покупатель зачастую не может ознакомиться с качеством товара до внесения оплаты как минимум за доставку, а часто и за сам товар, значимость доверия к магазину оказывается очень высокой.

В российской и зарубежной психологической науке выполнено большое число работ по проблеме доверия, рассматривающих как общие, так и частные вопросы (У. Рид, А. Селигмен, Ф. Фукуяма, Л. Мум, Н. Такаши, Э. Эрикссон, Д. Макалистер, В. С. Сафонов, Т. П. Скрипкина, И. В. Антоненко, С. П. Табхарова, И. В. Изюмова, Е. В. Шляховая и др.). Глубокий анализ проблемы доверия и недоверия проведен А. Б. Купрейченко (2008).

И. В. Изюмовой и Т. А. Нестиком выполнен анализ доверия различным типам организаций, в том числе и торговым. При этом доверие клиента понимается ими как отношения ко всему социальному институту, используемым технологиям, сотрудникам организации в целом и ее отдельным представителям, включающие в себя ожидания выполнения организацией обязательств, позитивные эмоциональные оценки организации, готовность предоставлять информацию о себе и следовать ее правилам. Доверие организации анализируется на межличностном, межгрупповом и институциональном уровне. На формирование доверия к организации оказыва-

Работа выполняется по Государственному заданию № 0159-2018-0003.

ют влияние ценностные ориентации личности, доверие себе, миру, другим людям, субъективная оценка благополучия, субъективная оценка риска и т. д. Доверие любой организации предполагает такие критерии, как надежность, базовые ценности, уровень доверия. Причем надежность независимо от вида деятельности организации ассоциируется с качеством и репутацией. Торговые организации также оцениваются клиентами по ассортименту и характеристике услуг и их масштабу (Изюмова, Нестик, 2010). Интернет-магазин представляет собой дистанционный, обезличенный формат торговли, поэтому доверие такой организации будет иметь свою специфику (ряд субъективных критериев доверия торговой организации, существующей в офлайн-формате, неприменим к онлайн-торговле). С нашей точки зрения, в доверии к интернет-магазину на первый план выходит институциональное и процедурное доверие, а межгрупповое и межличностное доверие могут проявляться только в редких случаях (например, проблема с доставкой товара).

Отмечается недостаточность психологических исследований доверия в области электронной коммерции на российской выборке (Шляховая, 2017). Важно, что на разных стадиях онлайн транзакции уровень доверия покупателя может быть различным, но он должен возрастать к моменту внесения оплаты (Gustavsson, Johansson, 2006). В зарубежной литературе упоминается специализированный опросник «Доверие к электронной коммерции» М. Густавссона и А. М. Йоханссона, однако пока его адаптация для русскоязычной выборки не завершена (Шляховая, 2017).

Скорее всего, отношение ко времени как к очень ценному ресурсу отделяет покупателей интернет-магазинов от остальных покупателей. В экономической психологии проблема времени затрагивалась с 1970-х годов в связи с потребительским поведением: тем, как на него влияет отношение к времени в культуре, временная перспектива личности, временная ориентация покупателей, их предпочтения в организации своего времени (Jacoby, Szybillo, Berning, 1976; McDonald, 1994). Однако больше внимания уделяется другим темам: исследуются временные аспекты психологии сберегательного поведения, трудовой мотивации (Seijts, 1998), предпринимательства (Bird, 1992), поведения безработных. В кросс-культурной психологии изучаются этнокультурные особенности временной перспективы и временной ориентации (Jones, 1988), темпа жизни, планирования и использования времени, также представлений о природе времени (Block, Bug-

gie, 1996). В организационной психологии наибольший интерес исследователей вызывает влияние, которое оказывают на отношение к времени новые технологии (Barley, 1988).

Цель исследования: проанализировать факторы доверия молодежи к интернет-магазинам.

Задачи исследования:

1. Анализ субъективных достоинств и недостатков интернет-магазинов с точки зрения молодых потребителей.
2. Типологический анализ молодых пользователей интернет-магазинов.
3. Анализ факторов доверия молодежи к интернет-магазинам.

Гипотезы исследования:

1. Существуют различные типы пользователей интернет-магазинов, в разной мере доверяющих их услугам.
2. Отношение ко времени связано с числом предпочитаемых интернет-магазинов, стоимостью покупок в них и частотой обращений к интернет-магазинам за покупками, вообще.
3. Вид доверия связан с регулярностью пользования интернет-магазинами и предпочтениями в доставке.
4. Социальное положение связано с отношением пользователей к интернет-магазинам и акциям в них.

Методики исследования – «Взаимосвязь доверия миру, другому и себе» А. Б. Купрейченко, адаптированная Т. А. Нестиком; «Шкала ценности времени как экономического ресурса» Ж. Узюнье, адаптированная Т. А. Нестиком; «Шкала полихронных ценностей» А. Блюдорна (Inventory of Polychronic Values (IPV)), адаптированная Т. А. Нестиком; методика «Индекс протяженности временной перспективы» А. Блюдорна; анкета отношения к интернет-магазинам, разработанная Н. К. Соколовым под руководством А. Е. Воробьевой.

Выборка исследования: студенты в возрасте от 16 до 24 лет (80 человек), проживающие в Москве и Московской области.

Результаты исследования

К числу достоинств интернет-магазинов молодежь относит (перечислено по частоте упоминания) низкую стоимость, широкий ассортимент, простоту поиска нужного товара, наличие подробного описа-

ния товара и отзывов на него, возможность заказа доставки на дом, экономию времени, возможность избежать спонтанных покупок.

К числу недостатков были отнесены такие проблемы (перечислено по частоте упоминания), как задержка сроков доставки товара, отсутствие товара на складе, высокая стоимость доставки при удаленности адреса доставки, отсутствие возможности непосредственного взаимодействия с товаром до совершения покупки, плохое качество товара, несоответствие размера, необходимость внесения предоплаты, плохая работа сайта интернет-магазина, боязнь быть обманутым продавцом.

Таким образом, несмотря на то, что интернет-магазины в России существуют уже 20 лет, отмечается ряд организационных проблем в их работе, а также сохраняется проблема недоверия со стороны пользователей их услугами, что лишний раз подтверждает актуальность настоящего исследования.

Кластерный анализ по методу k-means позволил выделить 3 типа молодых пользователей интернет-магазинов на основе их ответов на вопросы анкеты отношения к интернет-магазинам (варианты кластеризации на 4 и 5 типов также были рассмотрены нами, но отвергнуты как менее удачные). Представители первого типа (28% от выборки исследования) пользуются услугами интернет-магазинов нерегулярно, у них нет магазинов, к которым они лояльны, также они не доверяют интернет-магазинам и не любят платить наличными за заказ. Социально-демографические особенности этого типа не выражены. По-видимому, этот тип предпочитает совершать покупки в офлайн-магазинах.

Представители второго типа (33% респондентов), наоборот, регулярно пользуются услугами интернет-магазинов, у них даже есть любимые магазины, они в целом склонны доверять интернет-магазинам, также они предпочитают курьерскую доставку и оплату наличными. Среди представителей этого типа больше работающей молодежи. По-видимому, это является одним из факторов, объясняющих их лояльность интернет-магазинам.

Представители третьего типа (39% респондентов) пользуются услугами интернет-магазинов нерегулярно, у них нет магазинов, к которым они лояльны, они не слишком доверяют интернет-магазинам, не любят курьерскую доставку, но при этом в наибольшей мере по сравнению с другими типами респондентов предпочитают оплату наличными. Среди представителей этого типа больше неработающей молодежи, мужчин. По-видимому, у представителей

данного типа больше свободного времени, и они могут себе позволить потратить время на самовывоз товара или совершение покупки в офлайн-магазине.

Корреляционный анализ по критерию Спирмена показал, что значимость времени как экономического ресурса имеет прямую связь с предпочтением доставки курьером самовывозу и с частотой пользования интернет-магазинами.

Уровень дохода имеет прямую связь с готовностью сделать дорогой заказ в интернет-магазине, количеством предпочитаемых интернет-магазинов (предположительно, состоятельному человеку проще заказать товар в первом попавшемся интернет-магазине, чем тратить время в поисках более дешевого предложения) и частотой пользования интернет-магазинами, а также уровень доходов имеет обратную связь с предпочтением безналичной оплаты.

Готовность сделать дорогой заказ в интернет-магазине имеет обратную связь с глубиной субъективного прошлого и будущего. Доверие к интернет-магазинам имеет обратную связь с глубиной субъективного прошлого. Предпочтение 1–2 интернет-магазинов имеет прямую связь с глубиной субъективного будущего, а отсутствие лояльности и совершение покупок в большом числе интернет-магазинов имеет обратную связь с глубиной субъективного прошлого. Протяженность временной перспективы имеет прямую связь с предпочтением малого количества проверенных интернет-магазинов большому количеству непроверенных и обратную – с готовностью сделать дорогой заказ в сети. Полученные данные говорят о том, что испытываемые, независимо от типа временной перспективы при условии ее протяженности, согласны покупать товары в малом количестве проверенных интернет-магазинов.

Доверие к себе имеет обратную связь с такими переменными, как привлекательность акций и скидок в интернет-магазинах, предпочтение курьерской доставки, пользование множеством интернет-магазинов, без явного предпочтения какому-то конкретному из них. Недоверие к другим людям имеет обратную связь с такими переменными, как регулярное пользование интернет-магазинами и доверие к этим магазинам. Доверие к миру имеет обратную связь с привлекательностью акций и скидок в интернет-магазинах, также оно имеет прямую связь с доверием к такому типу магазинов. Недоверие к миру имеет обратную связь с готовностью сделать дорогой заказ в интернет-магазине.

Выводы

Одним из видов новых для российского общества технологий является электронная коммерция. Интернет-магазин представляет собой специфический тип организации, доверие к которому строится в основном на институциональных и процедурных компонентах. Исследований доверия интернет-магазинам в российском обществе пока выполнено немного.

Молодые пользователи услугами интернет-магазинов отмечают как достоинства, так и недостатки данного вида сервиса, причем ими были названы не только организационные (стоимость, ассортимент, доставка и т. д.), но и психологические показатели (саморегуляция импульсивного потребительского поведения, недоверие к интернет-магазину).

Удалось выделить 3 эмпирических типа молодых пользователей интернет-магазинов: 1) нерегулярные недоверчивые пользователи; 2) регулярные пользователи, доверяющие интернет-магазинам (работающие студенты); 3) нерегулярные пользователи, ограниченно доверяющие интернет-магазинам (неработающие студенты, чаще юноши).

Была обнаружена прямая связь между отношением ко времени и предпочтением малого количества проверенных интернет-магазинов большому количеству непроверенных, а также обратная связь с готовностью сделать дорогой заказ в интернете. Гипотеза о том, что вид доверия связан с регулярностью пользования интернет-магазинами и предпочтениями в доставке оправдалась частично: доверяющие себе не склонны выбирать курьерскую доставку и распыляться по большому числу интернет-магазинов, взаимосвязей с доверием к миру и другим людям выявлено не было. Выявлена прямая связь дохода с частотой использования интернет-магазинов.

Представляется перспективным изучить доверие к интернет-магазинам у жителей небольших городов и поселков, у представителей старшей возрастной группы, а также сравнить доверие потребителей российским и зарубежным интернет-магазинам.

Литература

Изюмова И. В., Нестик Т. А. Доверие клиентов к организации: социально-психологический анализ // Социальная психология труда: Теория и практика. Т. 2. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 331–348.

- Кунрейченко А. Б.* Психология доверия и недоверия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Шляховая Е. В.* Изучение доверия в электронной коммерции // Тенденции и перспективы развития социотехнической среды. Материалы III международной научно-практической конференции. М.: Изд-во СГУ, 2017. С. 541–544.
- Barley S. R.* On technology, time and social order: technologically induced change in the temporal organization of radiological work // Making time: Ethnographies of high-technology organizations. Philadelphia: Temple University Press, 1988. P. 123–169.
- Bird B. J.* The operation of intentions in time: The emergence of the new venture // Entrepreneurship Theory and Practice. 1992. V. 17. P. 11–20.
- Block R. A., Buggie S. E.* Beliefs about time: Cross-cultural comparisons // Journal of Psychology Interdisciplinary & Applied. 1996. V. 130. № 1. P. 5–22.
- Gustavsson M., Johansson A.-M.* Consumer trust in e-commerce. International Business program, 2006.
- Jacoby J., Szybillo G., Berning C.* Time and consumer behavior: An interdisciplinary overview // Journal of Consumer Research. 1976. № 2. P. 320–339.
- Jones J. M.* Cultural difference in temporal perspectives // The Social Psychology of Time: New Perspectives. Newbury Park, CA: Sage, 1988. P. 21–38.
- McDonald W. L.* Time use in shopping: the role of personal characteristics // Journal of retailing. 1994. V. 70. № 4. P. 345–365.
- Seijts G. H.* The importance of future time in theories of work motivation // Journal of Psychology Interdisciplinary & Applied. 1998. V. 132. № 2. P. 154–170.

Романтические отношения и готовность к браку, репрезентируемые интернет-сообществами (опыт анализа визуальных сообщений)

Т. П. Емельянова, Д. А. Шмидт

В современной науке накоплен большой опыт по исследованию семьи и брака, их места и роли в жизни общества, тенденций развития в переходные периоды (О. И. Волжина, М. С. Мацковский, Е. Ф. Молевич, Н. М. Римашевская, В. В. Солодников, Ю. В. Федотова, А. Г. Харчев и др.). В исследованиях также подчеркивается связь представлений о браке и семье со сменой норм сексуального поведения молодежи, с распространением тенденции развития эгалитарных отношений в семье, а также со стремлением к индивидуализму и к одиночеству.

Повышенный интерес к данной проблеме связан и с тем, что уровень юридически оформленных союзов начал снижаться, а число незарегистрированных браков – увеличиваться. Особой популярностью незарегистрированный брак пользуется в молодежной среде. Исследователи уделяют внимание этому виду союзов как одной из форм супружеских отношений (Е. А. Вовк, А. Г. Вишневский, В. И. Горбачева, С. В. Захаров и др.). Вопрос о смене установок в отношении брака с течением времени представляется крайне важным.

Определенную роль в изменении стереотипов маскулинности и фемининности, представлений о брачном партнере играют печатные и непечатные СМИ, особенно Интернет, который является одним из наиболее значимых для молодежной среды агентов социализации. Именно поэтому изучение материалов Интернета становится важным источником знаний о новых тенденциях во взглядах молодежи на романтические отношения и на брак.

Можно предположить, что в молодежной среде критерии выбора брачного партнера нередко подменяются представлениями об идеальном партнере для романтических отношений. По существу

Исследование проведено по Государственному заданию № 0159-2018-0003.

ву, проблема состоит в том, что интегральное качество готовности к браку либо не присутствует в полной мере у молодых людей, либо в представлении о партнере молодые люди и девушки не ориентируются на брак. Можно предположить, что романтические отношения для современной молодежи являются не шагом к созданию семьи, а самостоятельной ценностью в жизни. Представленное исследование направлено на изучение этой проблемы на материале содержания изображений и сопровождающих их текстов, публикуемых членами молодежных интернет-групп.

Анализ изображений был выбран как основной прием анализа данных по нескольким причинам. Картинка, размещенная в интернете, имеет характер сообщения, а порой прямого обращения к другим участникам интернет-группы. Тем самым процесс коммуникации наполняется образным, эмоциональным и символическим содержанием. Этот посыл имеет и мотивационную составляющую, т. е. несет в себе намерение сообщить что-то, высказанное невербальным способом. В современной культуре изображения играют особую роль. По мнению аналитиков, мы стали свидетелями «визуального поворота», или «иконического» поворота, т. е. ситуации возвращения образного, символического, воображаемого в социальные интеракции (Колодий, Колодий, с. 149). Визуализации в виде клипов, репортажных снимков, селфи, рекламы, видеосюжетов становятся важнейшим средством выражения и самовыражения в современной цивилизации. В качестве видеоданных для визуальной социологии выступают социальные действия индивидов и структуры, порождаемые этими действиями, интеракции, коммуникации, социальный обмен и пр. (Рождественская, 2008). По мнению Н. Ю. Захаровой, доступность технических средств фото- и видеосъемки, возможность их повседневного применения большинством людей позволяет использовать в научных целях визуальный материал, отражающий повседневную жизнь. Таким образом, обращение к анализу изображений в гуманитарных исследованиях, обусловленное современным культурным контекстом, соответствует логике современного развития гуманитарного знания с его интересом к изучению повседневности (Захарова, 2008).

Методы анализа изображений применяются и в психологических исследованиях, причем как самостоятельно, так и в совокупности с другими методами (Мельникова, Шайдуллина, 2005; Фоломеева, 2003; Boddy, 2010). Набор критериев для анализа рисунков варьирует-

ся в зависимости от целей исследования и специфики предмета. Так, например, А. Брантвейт и П. Кулер выделяют: характеристики (настроение, тональность, воздействие); содержание (объекты, тема); коннотации (ассоциации, смыслы); окружающий контекст (история, происходящее, актуальные события) (Branthwaite, Cooler, 2001). Нужно заметить, что большинство упомянутых исследований посвящены анализу изображений, созданных респондентами по просьбе исследователя в диагностических целях или для исследования политических или маркетинговых предпочтений. Оригинальное направление социально-психологических исследований развивает П. Молинер, который наряду с заданными целью исследования изображениями изучает изображения, размещенные в СМИ, и интерпретирует их в качестве целенаправленных сообщений (Moliner, 2016).

Новизна представляемого исследования состоит в анализе изображений (фотоснимки, живопись, графика и др.), которые участники интернет-групп размещают в сети. Кроме того, изображения в Интернете трактуются нами как образные сообщения, за которыми стоят не только смыслы и эмоции, но и мотивация источника этого сообщения. Предлагаемый подход представляет собой авторский вариант нетнографического исследования, в котором объединяются и дополняют друг друга анализ изображений по разработанной авторами схеме и контент-анализ сопровождающих высказываний.

Публикации в изучаемых группах «Вконтакте», посвященные романтическим отношениям, образу партнера и будущему браку, демонстрируют определенные тенденции, существующие в мировоззрении молодежи. Наши предыдущие исследования (Емельянова, Шмидт, 2017) показывают, что представления о близких отношениях, о партнере, будущем браке в молодежной среде противоречивы, не всегда отличаются зрелостью и могут препятствовать выстраиванию эффективных взаимоотношений в паре. Отношения чаще воспринимаются вне контекста будущего брака, в представлении о них преобладает лирическое настроение, а доля упоминаний таких категорий, как «ответственность», «работа над отношениями» минимальна. Нами также было показано, что в жизненные ориентации значительной доли девушек студенческого возраста брак вообще не входит (Емельянова, 2014). Нужно заметить, что, несмотря на очевидную актуальность проблемы психологической готовности молодежи к созданию семьи, к взаимоотношениям в паре, исследований материалов социальных сетей в этом направлении явно не-

достаточно. Также стоит отметить, что большинство исследований проводится на студенческих выборках, между тем с увеличением возраста вступления в брак растет актуальность анализа представлений молодежи разного возраста. Изучение материалов сети Интернет позволяет снять данное ограничение по выборке и привлечь к исследованию молодежь более старшего возраста.

Представляемое исследование проводилось методом экспертного анализа изображений, размещенных в социальной сети «ВКонтакте» и подписей к ним. Выбор данной социальной сети обусловлен тем, что она больше других ориентирована на молодежную аудиторию и неформальное общение. Для анализа были взяты 40 изображений: по десять в четырех тематических группах. Отбор групп проводился на основании следующих критериев: 1) релевантная тематика, 2) число подписчиков, 3) возраст и семейный статус подписчиков. В составе аудитории всех групп преобладают люди, не состоящие в браке, но наиболее значительна их доля в группе «Практическая психология», что связано с более молодым составом аудитории данной группы.

Из четырех групп две нацелены на публикацию коротких высказываний, широко используемых аудиторией социальных сетей («Отношения и любовь», <https://vk.com/vk.relationships>; «Любовь», <https://vk.com/lovestime>), и две, позиционирующиеся как источники информации по вопросам психологии и уделяющие внимание вопросам взаимоотношений мужчин и женщин («Практическая психология», <https://vk.com/vk.psychics>; «Психология о жизни», https://vk.com/successful_thoughts).

В группах представлены подписчики в возрасте 24–29 лет. Изображения анализировались по авторской методике, которая включала оценку следующих параметров: а) содержание: тема изображения, наличие сюжета; б) характеристики: эмоциональный фон, активность/пассивность, количество цветов, яркость; в) символическое наполнение, наличие универсальных образов-символов; г) контекст: соотносится ли рисунок с прилагаемым текстом; д) вероятная мотивация коммуникатора.

Результаты исследования

Содержательный аспект изображений оценивался по таким параметрам, как тема и наличие сюжета. В 44% случаев на рисунках изобра-

жена пара людей, что соответствует основной тематической направленности исследуемых групп. В 19% случаев изображен одинокий человек (например, рисунок 1) в контексте романтических взаимоотношений, о чем свидетельствует текст на рисунке. По 14% приходится на природу и различные предметы.

Более чем в половине случаев (61%) на изображении присутствует неявно выраженный сюжет (рисунок 2), т. е. зритель должен понять ситуацию без прочтения подписи под рисунком.

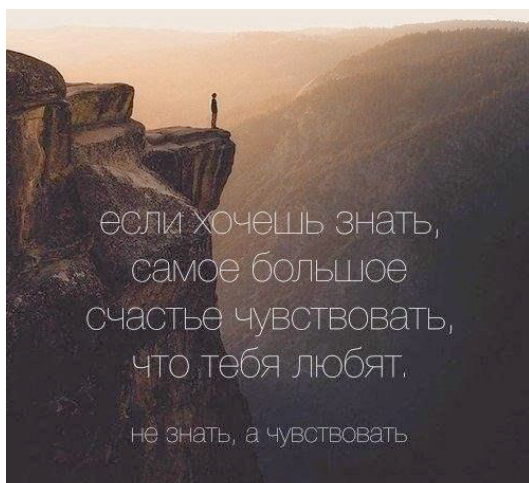

Рис. 1. Пример изображения одинокого человека

Рис. 2. Пример изображения типа «можно додумать историю без прочтения описания»

Только в 43% случаев подпись поясняет смысл изображения, в остальных коммуникатор иллюстрирует текст символическим изображением как на рисунке 3, что может свидетельствовать о желании человека «зашифровать» смысл сообщения.

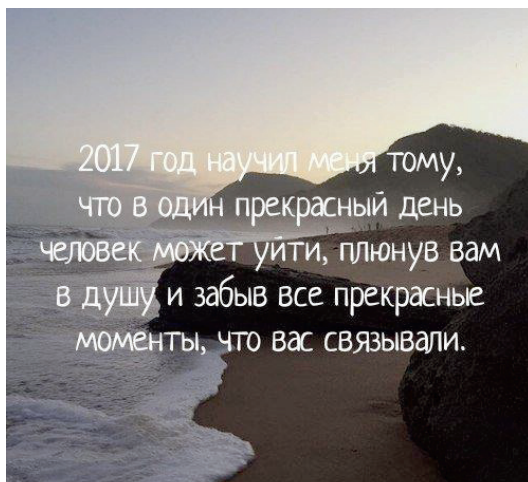

Рис. 3. Пример изображения типа «текст косвенно соотносится с написанным»

Эмоциональный фон изображений в 51% случаев является позитивным, в 25% случаев – нейтральным и в 13% – негативным.

■ позитивный ■ негативный □ нейтральный ■ сложно определить

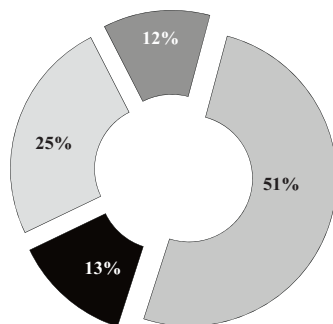

Рис. 4. Эмоциональный фон изображений (в процентах)

Рис. 5. Пример изображения с позитивным эмоциональным фоном

Только 21% изображений могут быть признаны яркими. 24% являются бледными и 36% – средними (к 19% данная характеристика была неприменима, например к черно-белым картинкам). Невысокая насыщенность цвета или монохромность особенно характерны для изображений нейтральных или унылых по настроению.

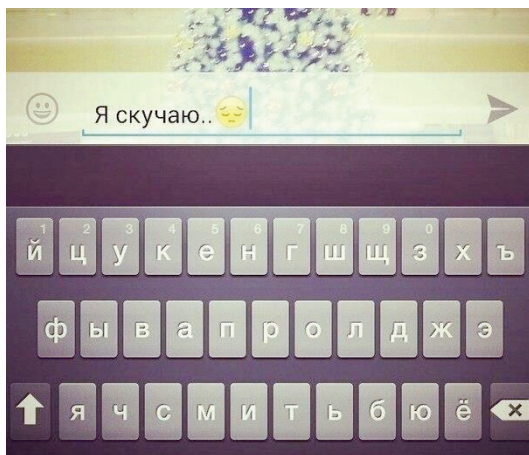

Рис. 6. Пример неяркогo изображения

Большинство картинок не отличаются красочностью: только в 15% из них использованы несколько цветов, чаще же применяются два–три неярких цвета (39%), черно-белое решение (22%) или приглушенное монохромное (24% – использование темных тонов серого и коричневого цветов).

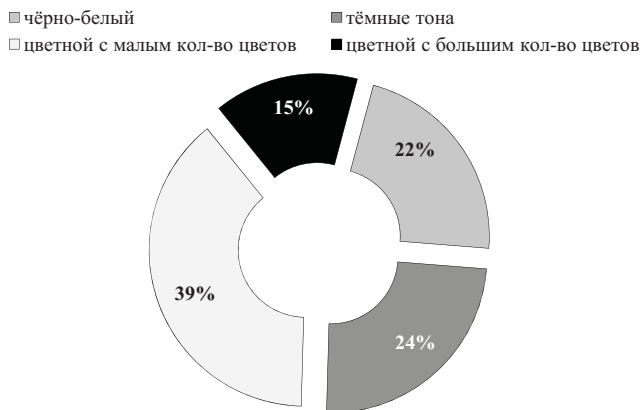

Рис. 7. Количество цветов на изображениях (в процентах)

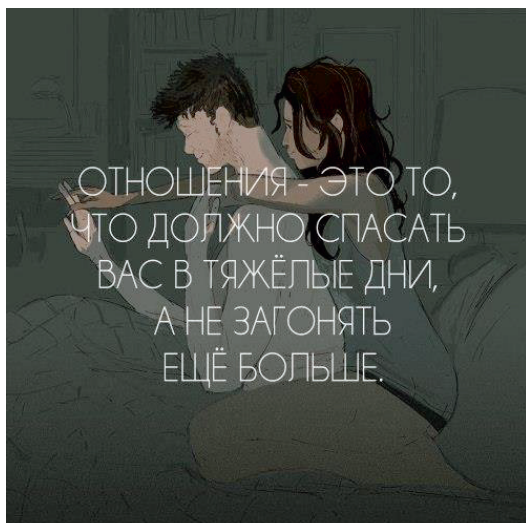

Рис. 8. Пример изображения с преобладанием темных тонов

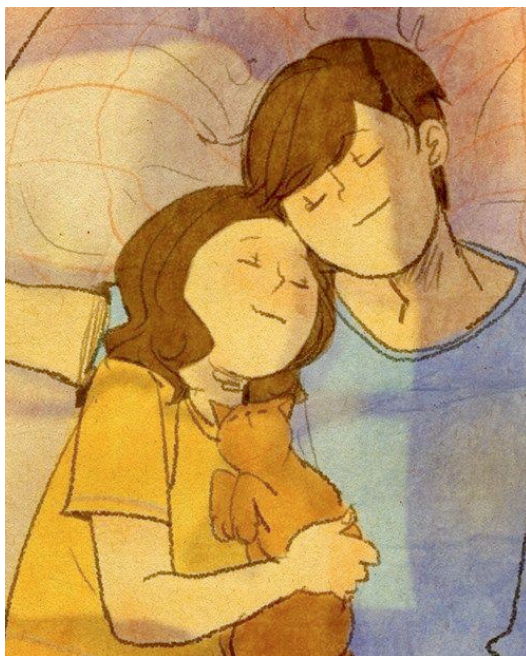

Рис. 9. Пример «пассивно-умиротворяющего» изображения

По параметру активности/пассивности изображения были представлены примерно поровну: 48% характеризовались как активные и 52% – как пассивные.

Что касается такого параметра, как символика, то в исследуемых изображениях была выявлена следующая совокупность образов-символов: чаще всего встречаются руки (43%), реже другие части тела, в частности губы (14%). В роли символов присутствуют как природные объекты (горы – 13%, океан – 8%, дождь, снег – 8%), так и предметы (дом – 15%, чашки/фужеры – 11%, огонь – 4%, средства связи – мессенджер, телефон – 4%).

При анализе таких параметров, как символическое наполнение и контекст, учитывались как изображения, так и подписи к ним. Символическое наполнение изображений вполне отвечает тематике текстов. Это любые формы близости в паре: физическая близость (25%), совместное времяпрепровождение (28%), а также единство интересов (27%). При этом о семье так таковой речь не идет – мотивы бра-

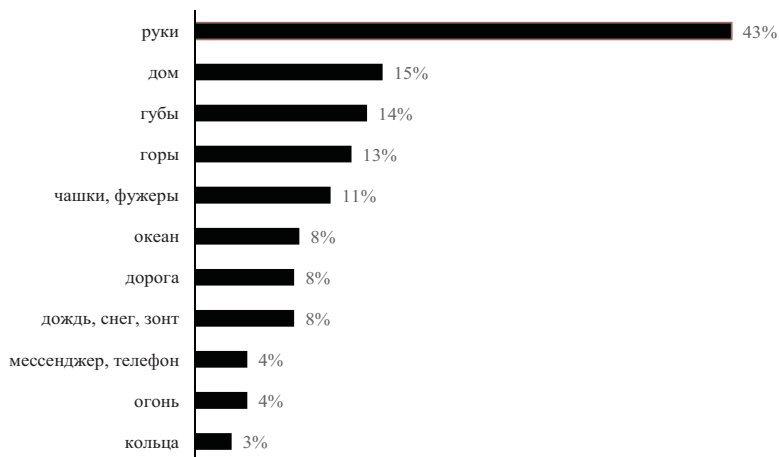

Рис. 10. Наличие образов-символов (в процентах)

Рис. 11. Пример изображения с символами «руки» и «чашки»

ка или наличия детей обнаруживаются только в 8% случаев. В изображениях присутствует идея совместного преодоления препятствий, борьбы с трудностями. Довольно велика доля темы получения удовольствия от жизни (24%), причем не обязательно в паре, а также гар-

Рис. 12. Символическое наполнение изображений (в процентах)

монии с миром, с природой (22%). Обращает на себя внимание тот факт (рисунок 12), что в тематике изображений отчетливо просматриваются эгоцентрические установки («мне нужна помощь», «хочу получить удовольствие», «нуждаюсь в единомышленнике» и пр.).

Рис. 13. Пример изображения, демонстрирующего совместное времяпрепровождение

Важным параметром нашего анализа является мотивация, посыл, который исходит от участника, размещающего сообщение. Наиболее частая предполагаемая мотивация автора публикации – пси-

Рис. 14. Вероятная мотивация автора (в процентах)

Рис. 15. Пример поучающего изображения

хологические размышления, реплики (53%), также сильно выражен взрыв эмоций (крик души – 22% и всплеск лирического настроения – 25%). Относительно часто встречаются поучающие намерения (29%), общефилософские рассуждения (26%), значительно реже – юмор (всего 2%). Мотивация может иметь смешанный характер.

Обсуждение результатов

Отмечено, что размещенные в сети изображения представляют собой фотографии, рисунки, графику, живопись. Результаты обнаруживают тот факт, что содержание большинства изображений по тематике профильных групп свидетельствует о желании авторов поделиться размышлениями об отношениях в паре, о смысле и проблемах этих отношений. Значительную долю составляют изображения, спровоцированные всплеском эмоций. Общение в сети в немалой степени мотивируется и желанием высказать нечто назидательное, пофилософствовать.

Символическое наполнение изображений соответствует тематике публикаций: акцент делается на наличие в паре близости, как физической, так и духовно-интеллектуальной, при этом ориентации на создание семьи и рождение детей практически не наблюдается (8% символов), что подтверждает высокую значимость романтических отношений как таковых вне контекста будущего брака. Взаимное тяготение символизируют чаще всего руки, в то время, как символ брачного союза – кольца – присутствует всего в 3% изображений. Неявно выраженный сюжет, содержащий аллюзии, преобладает в визуальных сообщениях (61%). Это может свидетельствовать о противоречивости, амбивалентности понимания отношений в паре.

Довольно высокий процент изображений, который приходится на картины природы (14%), позволяет говорить о том, что данная тематика является символической в репрезентации отношений в паре. Обращает на себя внимание, что зачастую изображение природы сопровождается текстом, имеющим негативную окраску (расставание, предательство), таким образом, природа является иллюстрацией к негативным процессам в романтических взаимоотношениях. Обращает на себя внимание незначительный процент ярких (21%) и красочных изображений (только 15% – с большим количеством цветов), обилие черно-белых картинок (22%) или иллюстраций в серых и коричневых тонах (24%). Данный факт может свидетельство-

вать о переживании романтических отношений как сложного явления, чреватого огорчениями.

Как и в текстовых сообщениях (Емельянова, Шмидт, 2017), в изображениях часто присутствует тема одиночества (в 19% на рисунке изображен одинокий человек), но в данном случае не было выявлено позитивных трактовок одиночества, а также репрезентации одиночества как индикатора уникальности личности, как это имело место при анализе текстовых публикаций. Это расхождение в результатах требует специального анализа.

Заключение

Общение в интернете дает возможность не только высказаться публично, но и передать визуальное сообщение. Изобразительные средства играют все более важную роль в современной коммуникации (видеосообщения, селфи и др.), реализуя потребность в самопрезентации, желание поделиться эмоциональным состоянием, получить отклик в форме сочувствия, одобрения или, наоборот, эпатировать публику. В сети степень самораскрытия довольно велика, что дает исследователю дополнительные возможности для анализа. В частности, подтверждается тенденция, обнаруженная нами при анализе текстовых материалов тематических интернет-групп, — романтизация одиночества. Анализ визуализации отношений в паре обнаруживает тенденцию к репрезентации романтики, позитивных переживаний (радости, получения поддержки, удовлетворенности) и практически полное отсутствие восприятия романтических взаимоотношений как шага к созданию семьи. Это может говорить о том, что планы молодежи на вступление в брак не очевидны, возможно, они отодвинуты на неопределенное будущее. Заметим, что возраст наших коммуникаторов — 23–29 лет, т. е. это период потенциальной готовности к браку, которая предполагает не только способность к взаимопониманию, близость интересов, гармонию в отношениях, удовольствие от общения, символизируемые через изображения и подписи к ним, но и готовность принять на себя новые обязанности, способность к самоотверженности, сопереживанию, конструктивному разрешению конфликтов, сотрудничеству, готовность заботиться о близком человеке. Эти важнейшие параметры готовности к созданию семьи не обнаруживаются ни в текстах, ни в визуальных сообщениях. Полученные результаты позволяют предположить, что неподготовлен-

ность к ответственным отношениям впоследствии может привести к проблемам в будущей семейной жизни. Напрашивается вывод о преобладании гедонистических, возможно, эгоцентрических установок, которые культивируются в сети и не способствуют развитию психологической зрелости молодежи. Думается, в обществе назревает потребность формирования у молодежи, возможно, уже в процессе школьного обучения готовности (во всей ее полноте) к будущей семейной жизни.

Литература

- Барышникова А. Г.* Готовность молодежи к браку как социологическая проблема. М.: Институт социологии РАН, 2008.
- Емельянова Т. П.* Будущий брак в социальных представлениях юношей и девушек студенческого возраста // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2014. № 3 (май–июнь). URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2014/3/Emelianova_Marriage-Students (дата обращения: 04.04.2018).
- Емельянова Т. П., Шмидт Д. А.* Представления о будущем партнере и браке, транслируемые в социальной сети «ВКонтакте» // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология 2017. Т. 2. № 2. С. 46–65. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document346.pdf> (дата обращения: 04.04.2018).
- Захарова Н. Ю.* Визуальная социология: фотография как объект социологического анализа // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. Т. XI. № 1. С. 147–161.
- Колодий Н. А., Колодий В. В.* Визуальный поворот и его влияние на социальное познание // Известия Томского политехнического университета. 2010. Т. 316. № 6. С. 146–152.
- Мельникова О. Т., Шайхуллина Ю. А.* Методика психологического рисунка в качественном исследовании социальных установок // Социология: методология, методы, математическое моделирование: 4М. 2005. № 21. С. 108–127.
- Нестерова С. В.* Отношения власти и населения. Проблемы презентации власти и ее восприятия гражданами // Психология восприятия власти. М.: СП «Мысль», 2002. С. 78–86.
- Рождественская Е. Ю.* Перспективы визуальной социологии // Социологический журнал. 2008. № 4. С. 70–83.

- Фоломеева Т. В.* Использование проективных методик для повышения эффективности фокус-групп // Социология: 4М. 2003. № 17. С. 83–108.
- Boddy C.* A projective technique to help understand the non-rational aspects of withdrawal and undergraduate attrition // The Journal of the Education Research Group of Adelaide. 2010. V. 1. № 3. February. P. 11–20.
- Branthwaite A., Cooler P.* A new role for projective techniques // Worldwide Qualitative Research Conference and Exhibition 2001. Budapest, 2001. P. 237–261.
- Moliner P.* Psychologie sociale de l'image. Grenoble: Presses Universitaires de Grenoble, 2016.

Основные подходы к пониманию глобальной психологии

А. Л. Журавлев, Ю. В. Ковалева

Современные исследования, в которых психологи обращаются к явлениям, связанным с процессами *глобализации* (Нестик, 2017; Психологические исследования глобальных процессов..., 2018; Россия в глобализирующемся мире..., 2007; Фундаментальные и прикладные исследования..., 2017; и др.), позволяют говорить о *становлении глобальной психологии* и поднимать вопрос о процессе ее формирования на современном этапе и в исторической ретроспективе и перспективе с учетом международного опыта развития (Журавлев и др., 2018).

В связи с этим представляется актуальным анализ трактовок *глобальной психологии*, встречающихся на данный период в публикациях и дискуссиях исследователей. Те ее признаки, на которых делается акцент, в своей совокупности, а также сходство и различия в научных позициях в целом дают представление о современном понимании этого научного направления. По нашему мнению, для решения этой задачи необходимо обратиться к основным положениям глобалистики, чтобы, опираясь на опыт более общей и более оформленной научной дисциплины, можно было провести анализ современного состояния *глобальной психологии*.

Глобалистика: основные понятия, предмет и проблемы исследований

Потребность в осмыслении современного состояния и перспектив исследований, выполняющихся в русле *глобальной психологии*, согласуется с задачами, которые ставятся и решаются внутри самой *глобалистики*, — отрасли знания, направленной на изучение глобальных феноменов и их природы, которая в своем становлении как научной дисциплины изначально сталкивалась с необходимостью ответа на упрощенное и одностороннее понимание изучаемых ею объ-

ектов. *Глобалистика* испытывала потребность как в упорядочении уже существующего знания о них, так и в их дальнейшей глубокой научной проработке с привлечением данных, полученных в других науках (Чешков, 2004).

Выделим лишь несколько проблем, с которыми сталкивались исследователи при формировании *глобалистики* как «специфической структурной единицы научного знания» (Чешков, 2004, с. 181): это ее понимание как *неолиберальной стратегии*, проявляющейся в процессе «вестернизации» и экспансии массовой культуры (здесь глобалистика предстает как идеологема, негативно оценивающая феномены глобализации, в связи с чем формируется антиглобалистское сознание, демонизирующее процессы глобализации и затрудняющее изучение ее феноменов); недостаточное предметно-проблемное размежевание с другими исследованиями *общемировых проблем* (глобалистика на самом деле является лишь одной из частей в общем *комплексе* знаний о мировых и глобальных феноменах); разорванность *дискурса разных этапов* развития самой отрасли (так, в 70-е годы XX в. преимущественно изучались глобальные проблемы; в 1980-е – экономическая взаимосвязанность мира; в 1990-е – культурное разнообразие глобализирующегося мира); многозначность терминов *глобальность* и *глобализация*, которая ведет к ее пониманию как «*науки обо всем*», и др. (Чешков, 2004, с. 182). Схожие размышления о направлениях и этапах развития, а также проблемах описания и будущих исследованиях можно видеть и при анализе состояния *глобальной психологии* (Журавлев и др., 2018).

Тем не менее *глобалистике* к настоящему времени удалось преодолеть некоторые трудности и выйти на относительное обособление и формулировку собственной предметной области, а также предложить ряд принципов, которые могут выполнять методологические функции по отношению к дисциплинам, изучающим глобальную проблематику, и в нашем случае быть полезными для развития *глобальной психологии*. Важно отметить, что сама *глобалистика* определяется специалистами и «как отдельная наука, и как множество наук», обращающихся в своих исследованиях к глобальным проблемам и образующих «многодисциплинарный конгломерат», опирающийся на выработанные ею понятийно-категориальные схемы и основные базовые определения (Чешков, 2004, с. 187).

Для обоснования наших представлений необходимо привести основные принципы и понятия глобалистики. Так, базовое по-

нятие *глобальность* раскрывается через ряд идей, принципов и категорий, образующих целостную систему, строящуюся на основе философских, общеметодологических и частнонаучных знаний. *Глобальность* как базовое понятие глобалистики отражает работу *двух механизмов эволюции человечества* — 1) *соединяющего* его компоненты (в том числе человека) и *вырабатывающего* их всеобщие свойства и 2) *разделяющего* его компоненты и *формирующего* свойства особенные, единичные.

Важно выделить *основные идеи*, связанные с *глобальностью*, — это идеи *общения* (как витальной коммуникативной природы человека); *нераздельности* и *неслиянности* (проявляющиеся в таких методологических основаниях, как единство природного, социального и психического); *архетипа глобальности* (раскрывающее понятие *глобальности* как имманентного свойства человека и человеческих общностей, содержанием которого выступает всеобщая связь необходимостей в их всеобщих и особенных качествах). Не отвечая на все актуальные вопросы теории, эти идеи, методологические принципы и понятия тем не менее позволили сформулировать предмет глобалистики, в качестве которого названо *единство механизмов соединения и разделения, общности и различия* (Чешков, 2004, с. 186—187).

Основные вопросы, на которые должны отвечать исследования в области *глобалистики* (по-видимому, и других дисциплин комплекса наук в этой области, в том числе *глобальной психологии*), — каким образом «возрастающая гомогенизация (всеобщность) сопровождается ростом гетерогенности (различиями, разделениями) ... Обе стороны глобализации в их единстве порождены общими причинами, которые должны вписаться в контекст, выраженный в различных понятиях — цивилизации, информационно-технологической революции, глобальных антропологических кризисов». Также при анализе глобальных феноменов важно ориентироваться на проблемный вопрос: чем глобальные отношения отличаются от иных отношений целого? (Чешков, 2005, с. 172).

Таким образом, можно сформулировать актуальность и задачи настоящей работы как *анализ и систематизацию* существующих на данный период *подходов к пониманию глобальной психологии* на основании названных выше общих понятий с целью обозначения *проработанных*, а также *не решенных* в настоящее время проблем. Рассмотрим несколько вариантов понимания *глобальной психологии*.

Первый вариант

Первое и непротиворечивое понимание *глобальной психологии* связано с формированием *глобального мирового субъекта исследовательской деятельности*. По сути, речь в этом случае идет о процессе *глобализации научного сообщества*, который в первую очередь связывают с возникновением глобальных мегапроектов. Например, в психологии и смежных науках на данный момент одним из наиболее известных и амбициозных является междисциплинарный проект «Human Brain Project» (НВР), начавшийся в Швейцарии в 2013 г. под эгидой Европейской комиссии, в центре которого стоит вопрос изучения головного мозга человека и создания его компьютерной модели. Проект стоит 1,1 миллиарда евро, в нем участвуют 112 партнерских организаций и фирм из 24 стран, в основном из Европы, но также из Канады, Китая, Израиля, Японии и США.

Однако *глобализация научного сообщества* проявляется не только в отдельных крупных научных объединениях, а, прежде всего, в ряде возможностей и условий, придерживаясь которых, каждый ученый может включиться в научную сеть, позволяющую обмениваться собственными данными и знакомиться с результатами других специалистов. Такую сеть обеспечивают международные журналы и обязательные стандарты публикаций, с одной стороны, унифицирующие представление результатов и, соответственно, их понимание, а с другой – высокий уровень этих стандартов выполняет роль «сита», допускающего в сообщество исследователей только определенного научного уровня. Анализ публикационной активности применяется для межстранового сравнения научных систем и оценки расстановки сил в глобальном научном сообществе. Например, уровень интеграции исследователей в мировое научное сообщество измеряется через число публикаций в соавторстве с зарубежными исследователями. Так, об интеграции российских психологов в глобальную мировую науку в 2010 г. можно было судить по следующим показателям: удельный вес российских публикаций в области психологии в общемировом числе публикаций составил 0,3%; удельный вес ссылок на российские работы в области психологии в общемировом числе ссылок составил 0,1%; российские публикации в области психологии, написанные в международном соавторстве, составили 0,3% от общего числа публикаций отрасли (Коцемир, 2012). Одной из распространенных версий такого положения российских исследова-

дователей в международных журналах является языковой барьер, поскольку язык публикаций в подавляющем числе журналов является английским (Балышев, Коннов, 2016). Однако в том же 2010 г. лидерами публикационной активности стали страны БРИК (но не Россия), а также ученые из таких неанглоязычных стран, как Южная Корея, Тайвань и Турция, потеснившие североамериканских, западноевропейских и японских исследователей (Коцемир, 2012, с. 56). По-видимому, анализ причин такого положения дел должен быть продолжен.

Принятым объяснением формирования *глобального научного сообщества*, как и других *глобальных феноменов*, является появление новых коммуникационных возможностей в связи с распространением сети Интернет, которые обеспечивают быстрое и эффективное международное научное взаимодействие. Такое объяснение, несомненно, выглядит обоснованным, однако не является достаточным, поскольку не может объяснить *тенденции дифференциации*, существующие одновременно с интеграционными, которые вместе характеризуют процесс глобализации во всей его полноте, а научное сообщество в этом случае предстает целостным, а не фрагментированным.

К подобным тенденциям относят противоречия, возникающие в связи с наличием исследователей, ориентированных на расширение своих возможностей за счет внутренних, государственных ресурсов, и той частью научного сообщества, которая рассматривает в качестве приоритета связи с университетами «мирового уровня», транснациональными корпорациями и наднациональными организациями, финансирующими исследования. В качестве ключевых для этого процесса рассматривается, например, ряд таких моментов, как возникновение относительно четкого разделения между фундаментальной и прикладной наукой в послевоенные годы; взрывной рост университетских исследований и в высшем образовании в 1950–1960-х годах; реформы в области регулирования университетской интеллектуальной собственности и финансирования университетов в 1980-х годах, когда они получили право присваивать результаты своей научной деятельности (американский закон Бея – Доула, 1980 г.). Однако эти процессы привели к селекции как самих университетов, так и отдельных специалистов, среди которых появились выигравшие и проигравшие. Первыми оказались те, чей научный результат находится близко к области технологий и легко фиксируется в качестве интеллектуальной собственности. При этом

речь идет об ученых, которые работают в секторе фундаментальной науки, функционирующей преимущественно в университетах, а не в прикладных исследовательских институтах, связанных обязательствами перед своими учредителями – государством или корпорациями. Проигрыш от новой ситуации чувствуется тем острее, чем более сильной является научная традиция страны, в которой они расположены, и для тех специальностей, которые не связаны с новой глобальной экономикой (Бальшев, Коннов, 2016). Представляется, что эти явления могут также выступать одними из причин, лежащих и в основе неудач публикационной активности российских психологов на мировом уровне.

Таким образом, можно предположить, что понимание *глобальной психологии*, связанное с формированием *глобального мирового субъекта исследовательской деятельности*, не только не является исчерпывающим, но и противоречит некоторым методологическим основаниям глобалистики. Глобальная психология, опирающаяся только на специалистов, занимающихся исследованиями, имеющими высокую рыночную ценность, исключает из своего поля другие значимые и перспективные направления. Оппозиция, помимо научной традиции, которая называется в связи с такими явлениями, – это *культурная специфика* страны, к которой принадлежат исследователи, не вписавшиеся в глобальное научное пространство (Журавлев и др., 2018, с. 58). Однако более точным противопоставлением в соответствии с приведенными рассуждениями видится вариант глобальной – «рыночной» и «нерыночной» – психологии, где термин «рыночная» не является идеологемой, а подчеркивает возможности быстрого внедрения и коммерциализации научного результата.

Второй вариант

Второе, причем более раннее, понимание *глобальной психологии* связано с поиском *универсальных* психических процессов, свойств, состояний человека и других субъектов, которые независимы от социокультурных контекстов. При таком понимании глобальная психология становится таковой при исследовании психологии, характерной для человечества в целом.

Представление о наличии подобных *универсалий* явилось следствием непригодности западных теорий для объяснения психических явлений, характерных для жителей других регионов мира, вследствие

чего получили свое развитие так называемые *туземные*, или, в соответствии с другими источниками, *альтернативные* психологии, которые намеревались за счет сравнительных исследований выявить основы человеческой психики во всех ее культурных вариантах. Однако, несмотря на то, что этим научным течениям удалось накопить большой массив данных об отличиях психологических характеристик многих групп населения азиатских и африканских стран, в них парадоксально стали доминировать представления об общечеловеческой психологии, в которой снята культурная специфичность (Журавлев и др., 2018, с. 58–59; Towards to Global..., 2007).

На первый взгляд, поиск *универсальных оснований* психики жителей разных регионов мира согласуется с предметом исследования *глобалистики* — *архетипом глобальности* как универсальной характеристикой развития человека и обществ. Однако содержанием понятий *глобальности* и ее *архетипа* выступают не только *всеобщие* свойства, которые позволяют различным компонентам человечества создавать те или иные объединения, но и *особенные, единичные, уникальные* для того или иного региона, общества или исторического этапа. Таким образом, второй вариант понимания *глобальной психологии* в ее стремлении к изучению универсалий также нельзя считать правомерным, поскольку при таком понимании ее цели не соответствуют методологическим принципам глобалистики. Можно предположить, что если бы предметом изучения этих научных течений стали психологические характеристики человека, малых групп и других более крупных общностей, которые позволяют им, оставаясь уникальными, быть интегрированными тем или иным образом, то это в большей степени приблизило бы такие научные представления к тому, чтобы войти в конгломерат наук, решающих проблемы глобализации.

Третий вариант

Третье понимание *глобальной психологии* связано с исследованиями динамики многообразных психологических характеристик под влиянием глобализирующихся составляющих современного образа жизни людей в разных регионах мира, например под влиянием современных технологий. Такое понимание характерно для некоторых отечественных исследований (подробнее см., напр.: Психологические исследования глобальных..., 2018).

Так, показано, что в оценках будущего *Интернета* большинство респондентов считает наиболее вероятными те сценарии его развития, которые сопряжены с различными негативными последствиями. Такие оценки в два раза более распространены, чем позитивные. Наибольшее число ответов представлены категориями «сокращение живого межличностного общения», а также «деградация личности и общества», а ключевым фактором принятия новых технологий является не интенсивность их использования, а вовлеченность личности в коммуникацию с другими пользователями, в ходе которой разрешаются проблемы и происходит обмен пользовательским опытом (Нестик, Солдатова, 2017).

Также показано, что современные технологии в период трансформации социальных ценностей и появления новых стереотипов мужского и женского поведения, характерных для интеграционных процессов глобализации, происходит активный обмен культурными кодами взаимодействующих социумов, ведущий к кризису гендерной идентичности (Тугайбаева, 2017, с. 357).

Обсуждается формирование так называемой *глобальной идентичности* или отождествления личностью себя со всем человечеством. Показано, что *детерминантами* глобальной идентичности являются интенсивность международных контактов, гражданская и религиозная идентификация, озабоченность глобальными рисками, уровень социального доверия, характеристики временной перспективы, убеждение личности в способности влиять на свое будущее. Также выявлена связь глобальной идентичности с позитивной этнической идентичностью, тогда как связи с этнонигилизмом и этноиндифферентностью отсутствуют (Нестик, 2017). Интересно последнее утверждение, что *глобальная идентичность* связана с позитивной *этнической идентичностью*. Это может означать, что интеграционным процессам сопутствуют процессы дифференциации, т. е. «*глобальная личность*» — это личность одновременно, а может быть, и в первую очередь *национальная*.

Таким образом, человек на современном этапе исследования связей его характеристик с феноменами глобализации рассматривается как одно из *следствий* глобализации, т. е. «*глобализированная личность*» сама является одним из таких феноменов.

Архетип глобальности, о котором говорилось выше, «раскрывает глобальность как имманентное качество (свойство) человека. Иными словами, глобальность присуща любому человеку или любой его

совокупности» (Чешков, 2005б, с. 197). На каждом этапе развития человечества эта глобальность принимает конкретные исторические формы. Так, в процессе своей эволюции, истоки которой восходят, возможно, к эпохе неолита, глобальная общность «сменила» несколько исторических типов, переходя последовательно от конгломерата множества локальных типов к единому — индустриально-модернистскому, приближаясь во второй половине XX в. к новому, условно говоря, информационно-глобалистскому типу (Чешков, 2005б, с. 35–36).

Таким образом, описание личности в связи с феноменами глобализации должно строиться с учетом того, какой исторический тип глобальности доминирует на этапе описания. По всей видимости, когда сейчас говорится о «*глобализированной личности*» и об изменениях, которые происходят с ней, речь идет о личности в условиях *глобализации информационного типа*. В любом случае поиск ответов должен строиться по двум направлениям — что характерно для человека при таком типе глобализации, что актуализируется в нем всеобщего, поддерживающего конвергенцию, интеграцию, прежде всего с другими людьми, а также сообществами, информацией, социальными институтами, а что разделяет, обособляет или даже разрушает подобные связи.

Представляется, что такое понимание глобальной психологии в целом или как одной из ее составляющих является довольно перспективным, поскольку в работах по глобалистике подчеркивается ее слабая связь с человекознанием (Чешков, 2005б, с. 42), а следовательно, исследования психологических характеристик человека в условиях глобализации могут стать частью междисциплинарного корпуса наук, посвященных глобальным проблемам.

Четвертый вариант

Четвертый вариант понимания *глобальной психологии* связан с ее трактовкой как научного направления, предметом изучения которого выступают глобальные явления (свойства, процессы, состояния), релевантные социально-психологическим объектам глобального масштаба, в пределе — человечества в целом. Таким образом, происходит переход исследований на объект принципиально нового масштаба (уровня), который является носителем новых свойств, характерных для него процессов и типичных состояний.

У психологии, на наш взгляд, накоплено достаточно опыта для продвижения в направлении такого понимания глобальной психологии. Прежде всего, имеются в виду работы в области макропсихологии, изучения макропсихологических феноменов, релевантных обществу в целом, крупным регионам проживания, большим социальным группам, а также в политической психологии, например психологии геополитических отношений и др. (Емельянова, 2016; Журавлев, 2007; Ковалева, 2018; Макропсихология..., 2009; Психологические исследования глобальных процессов..., 2018; Соснин, Ковалева, 2017; и др.).

Представляется также, что так понимаемая глобальная психология могла бы развиваться совместно с рассмотренным выше вариантом, в котором объектом изучения является *человек в условиях глобализации*. Это согласуется с пониманием основной проблематики, которая предлагается в глобалистике: предельной проблемой глобалистики является «проблема баланса... двух механизмов¹, а точнее – поиск их оптимального – в интересах человечества, его совокупностей и индивидов – сочетания» (Чешков, 2004, с. 187). Однако необходимо не забывать о «подводных камнях», которые таятся при слишком широком понимании глобализации, как имеющей отношение ко всему и существующей во всем и везде, поглощающей все феномены общечеловеческого и мирового развития. Исследователями глобализации отмечается важность отличать глобализацию от других направлений существования и эволюции человечества (Чешков, 2005б, с. 151). В этом смысле целесообразно в качестве главного, центрального, держать *понятие целостности*, в отличие от *понятия целого*: «...Тем самым глобалистика получает свой объект и выглядит знанием об этом специфическом предмете, а не знанием обо всем» (Чешков, 2005а, с. 171).

Пятый вариант

Пятое понимание *глобальной психологии* исходит из тех работ, в которых старым, известным смыслам приписываются новые термины и названия. В этом варианте под глобальной психологией понимается *мировая психология*, в которой речь идет о состоянии исследований и характеристиках разных психологических сообществ, состоянии образования, а также различных психологических практиках

¹ Соединения и разделения, общности и различия. – *Прим. авт.*

в масштабах мира (Юревич, 2008; Кашникова, 2016). Таким образом, если раньше в отношении этих работ использовался термин *мировая психология*, описывающая состояние психологии в мире, то теперь его заменил другой — *глобальная психология*, при этом термин *глобальность* используется как метафора, усиливающая термины *мировое, всемирное*. Эта версия понимания глобальной психологии также может оказаться жизнеспособной, если в перспективе в ней произойдет не только переход к новым терминам, но и к новым смыслам, которые смогут включать действительно глобальные феномены, а в анализе этих феноменов станет возможен переход к методологии, хотя бы близко стоящей к принятой в глобалистике. Однако в этом случае так понимаемая глобальная психология, скорее всего, «сольется» с вышерассмотренными вариантами ее трактовки.

Шестой вариант

В *шестом* и заключительном в нашем анализе понимании *глобальной психологии* она определяется «как новый этап в развитии психологической науки, порожденный новыми реальностями мира, для которых уже не годятся старые теории... как состояние бифуркации, как дивергентное развитие новых и переосмысления старых психологических теорий в попытках дать объяснение новым эмпирическим реалиям и фактам, порождаемым эрой глобальных изменений». По мнению исследователей, новая эмпирическая реальность является двигателем развития психологии; возникая, она стимулирует формирование новых психологических направлений, в которых на смену статическому представлению о человеке с неизменными природными качествами приходит понимание, что и предмет, и объект психологии, а также и организация исследований и самого исследовательского сообщества могут меняться (Журавлев и др., 2018, с. 61–62). Отмечается, что помимо интеграционных процессов в понимании человека начинают учитываться и процессы дифференциации; в такой *глобальной психологии* переосмысливается и меняется «вес» общепринятых классических подходов, которые становятся частным и конкретным знанием по той или иной проблеме, а сама психологическая наука развивается как многополюсное образование с различными центрами (Журавлев и др., 2018, с. 63).

Такой вариант довольно близок к описанному выше пятому варианту. Принципиальным отличием является то, что в нем уже к данно-

му периоду учитывается *единство* процессов интеграции и дифференциации, а также подчеркиваются черты, типичные для глобализации информационного типа, т. е. современного: *сетевая организация* научного сообщества, децентрализованность научных центров, замена теоретического и методологического *мейнстрима* на «*полистрим*».

Заключение

Таким образом, если вернуться к поставленной в начале статьи задаче – выделить главные признаки основных вариантов понимания глобальной психологии, а также сходства и различия в научных позициях, то можно сказать, что описанная выше шестая версия глобальной психологии дает возможность увидеть их еще раз и сделать вывод, что современную глобальную психологию характеризуют следующие черты:

- особый тип организации исследовательского сообщества (сетевой, неиерархический, полицентричный), по возможности – декоммерциализированный (хотя бы с отсутствием явных рыночных приоритетов);
- научные представления о человеке как динамичном, балансирующем в своих психологических границах для решения жизненных задач включенности и сохранением автономности;
- нетривиальный подход к основным предмету и объекту психологических исследований, которые могут изменяться в соответствии с изменениями условий жизни человека (социальной реальности);
- ориентация на междисциплинарность с одновременным намерением занять собственную уникальную нишу в конгломерате наук, решающих актуальные вопросы современного этапа глобального развития информационного типа;
- высокая степень неравномерности проявления интереса (по регионам мира) к глобальным проблемам, свидетельствующая о начальном этапе развития глобальной психологии.

Литература

Бальшев А. В., Коннов В. И. Глобальная наука и национальная научная культура: тонкости сопряжения // Международные процессы. Т. 14. № 3. С. 96–111.

- Емельянова Т. П.* Феномен коллективных чувств в психологии больших социальных групп // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 1. С. 3–22. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document195.pdf> (дата обращения: 16.10.2016).
- Журавлев А. Л.* Большие социальные группы как коллективные субъекты: постановка проблемы и направления исследования // Рефлексивные процессы и управление: Сборник материалов VI Международного симпозиума. М., 2007. С. 37–39.
- Журавлев А. Л., Юревич А. В., Мироненко И. А.* Психологическая наука в глобальном мире: вызовы и перспективы // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 2. С. 58–71.
- Кашникова Ю.* Психология деловых отношений в международном сотрудничестве // Актуальные вопросы инновационной экономики. 2016. № 13. С. 158–161.
- Ковалева Ю. В.* Геополитические отношения: психологический аспект // Современное состояние и перспективы развития психологии отношения человека к жизнедеятельности: Сборник научных трудов, посвященный 125-летию со дня рождения В. Н. Мясищева. Владимир—М.: Изд-во ВлГУ, 2018. С. 116–123.
- Коцемир М. Н.* Динамика российской и мировой науки сквозь призму международных публикаций // Форсайт. 2012. Т. 6. № 1. С. 38–59.
- Макропсихология современного российского общества / Под. ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Нестик Т. А.* Глобальная идентичность как социально-психологический феномен: теоретико-эмпирическое исследование // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. Т. 2. № 4 (8). С. 145–185. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/cntnt/bloks/dop-menu/archive/g17/t2-4/s17-4-07.html> (дата обращения: 20. 02. 2018).
- Нестик Т. А., Солдатова Г. У.* Представления о будущем цифровых технологий у российских студентов // Институт психологии российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2. № 1. С. 91–118. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document316.pdf> (дата обращения: 06.04.2017).
- Психологические исследования глобальных процессов: предпосылки, тенденции, перспективы / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Д. А. Киртова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.

- Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты / Отв. ред. В. С. Степин. М.: Наука, 2007.
- Соснин В. А., Ковалева Ю. В.* Распространение радикального ислама как глобальная угроза современности: геополитические тенденции и социально-психологические аспекты проблемы // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. Т. 2. № 2. С. 116–151. URL: <http://soc-econompsychology.ru/engine/documents/document350.pdf> (дата обращения: 04.08.2017).
- Тугайбаева Б. Н.* Гендерные идентичности в периоды кардинальных изменений общества // *Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития*. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. С. 357–366.
- Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития* / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
- Чешков М. А.* Глобалистика на пути становления: возможность прорыва // *Безопасность Евразии. Журнал личной, национальной и коллективной безопасности*. 2004. № 2. С. 181–187.
- Чешков М. А.* Глобальные проблемы, глобализация и глобалистика // *Международные процессы*. 2005а. Т. 3. № 9. С. 170–174.
- Чешков М. А.* Глобалистика как научное знание: очерки теории и категориального аппарата. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2005б.
- Юревич А. В.* Психология в современном обществе // *Психологический журнал*. 2008. Т. 29. № 6. С. 5–14.
- Towards to global psychology: Theory, Research, Intervention and Pedagogy / Ed. by M. J. Stevens, U. P. Gielen. Mahwah, N. J.—L.: Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, 2007.

Ориентация будущих STEM-специалистов на социально-профессиональные навыки в условиях перехода к цифровой экономике

П. А. Кисляков, Е. А. Шмелева

Цифровая экономика как территория роста прикладной психологии

По мнению аналитиков, технологический прогресс в ближайшие годы коренным образом отразится на состоянии 26 млн рабочих мест: 6 млн из них пропадут в принципе, а к другим 20 млн будут предъявляться совершенно новые требования (Рудых, 2017). В настоящее время в России разворачивается сложный транзитивный процесс с выработкой новой стратегии социально-экономического развития, ориентированной на развитие цифровой экономики, в которой данные в цифровой форме являются ключевым фактором производства во всех сферах социально-экономической деятельности, с целью повышения конкурентоспособности страны и качества жизни граждан (Программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р).

Одним из приоритетных направлений развития науки, технологий, техники и экономики в Российской Федерации являются информационно-телекоммуникационные системы. Руководство страны ставит задачи по развитию IT-отрасли, которая должна стать драйвером цифровой экономики и способствовать росту производительности труда во всех сферах деятельности. В этой связи крайне важно создать условия для развития соответствующего кадрового потенциала. «У нас должно появиться больше выпускников университетов, которые обладают базовыми компетенциями цифровой экономики. Больше выпускать IT-специалистов и больше тех, кто уверенно пользуется этими технологиями. Важно, чтобы у людей появилась мотивация осваивать новые направления, которые востребованы цифровой экономикой. К этому нужно привлекать и ра-

ботодателей», — заявил Д. А. Медведев 12 февраля 2018 г. на заседании Правительства РФ.

В Программе «Цифровая экономика Российской Федерации» системе профессионального образования сформулирован заказ и представлена «дорожная карта» на подготовку компетентных кадров и обеспечение их участия в развитии цифровой экономики России.

В условиях цифровизации общества инструментом внедрения современных цифровых технологий и ресурсов становятся STEM-профессии, а STEM-образование выступает современным образовательным феноменом, означающим понимание обучающимися важности дисциплин, относящихся к науке, технологиям, инженерии и математике, для более эффективного применения полученных знаний в решении профессиональных задач (в том числе через улучшение навыков высокоорганизованного мышления) (Савостина и др., 2017; *Preparing Future Engineers Around the World*, 2017). Именно постижение обучающимися важности STEM-дисциплин в профессиональном становлении актуализирует возможность использования гуманитарных наук, в частности — психологии. На саммите Американской психологической ассоциации (APA) в мае 2009 г. в числе больших вызовов для общества 150 экспертов в области психологии, экономики, медицины, бизнеса и политики выделили в качестве территории роста прикладной психологии ядро дисциплин STEM (Bragy, 2010).

Цифровая экономика ориентирует будущего выпускника на ключевые социальные (Soft Skills) и профессиональные навыки (Hard Skills) (компетенции), необходимые для успешной профессиональной деятельности и личностно-профессионального развития. На Всемирном экономическом форуме в Давосе (2016 г.) были названы 10 профессиональных навыков, которые будут актуальны до 2020 г. В их числе:

- комплексное многоуровневое решение задач (complex problem solving), т. е. владение системным, целостным подходом к решению производственных задач;
- критическое мышление (critical thinking), т. е. навыки отбора информации, готовность ставить под сомнение поступающую информацию, чтобы понять, что является действительно ценным и внушающим доверие;
- креативность (creativity), т. е. способность найти нестандартный подход к решению задач;

- управление людьми (people management), в том числе умение мотивировать сотрудников, урегулировать конфликты и пр.;
- навыки взаимодействия с людьми (coordinating with others);
- эмоциональный интеллект (emotional intelligence), т. е. способность понимать эмоции, намерения и мотивацию других людей и свои собственные, а также умение управлять своими эмоциями и эмоциями других людей;
- суждение и скорость принятия решений (judgment and decision making), особенно в условиях неопределенности;
- клиентоориентированность (service orientation), или направленность на оказание качественного сервиса;
- умение вести переговоры (negotiation);
- когнитивная гибкость (cognitive flexibility), способность быстро переключаться с одной задачи на другую, а также обдумывать несколько задач одновременно.

Таким образом, пять из 10 перечисленных навыков относятся к социально-профессиональным навыкам и касаются умения общаться с людьми, договариваться с ними и управлять ими, понимать их и служить им.

Запрос на ключевые для цифровой экономики социально-профессиональные навыки обуславливает их формирование и развитие у студентов, а также изучение того, насколько студенты осознают их важность и востребованность.

Исследование ориентации будущих STEM-специалистов на социально-профессиональные компетенции

В центре внимания проведенного нами исследования находился вопрос, осознают ли будущие STEM-специалисты важность социально-профессиональных компетенций в условиях перехода к цифровой экономике, и как они оценивают собственный уровень их развития. Для их анализа был изучен уровень притязаний и уровень самооценки сформированности социально-профессиональных компетенций у студентов – будущих STEM-специалистов.

Материалом исследования послужили результаты опроса «STEM-образование и карьера», проведенного в период с ноября 2017 г. по февраль 2018 г. В исследовании приняло участие 372 студента, осваивающих STEM-программы, в том числе 223 девушки (59,9%) и 149

юношей (40,1%) в возрасте от 17 до 23–24 лет, студенты вузов Ивановской, Воронежской, Курской, Оренбургской, Брянской областей. Для сбора данных использовался опрос в сети Интернет. Среди направлений подготовки студентов были указаны инженерные специальности (23,4%), медицина (23%), экология и природопользование (17,1%), информатика и информационные технологии (13,0%), биология (10,9%), химия и химические технологии (8,5%), техносферная безопасность (6,0%), физика (5,1%), и др.

Уровень притязаний – это уровень, к которому индивид стремится в карьере, это идеальная цель для будущих действий. Благодаря непрерывному непосредственному контакту с другими людьми во время обучения в вузе (преподавателями вуза, представителями профильных организаций, старшекурсниками, выпускниками), через самооценку социально-профессиональных навыков формируется образ будущего результата, профессиональное самосознание, что обуславливает развитие профессиональной идентичности. Самооценка и притязания связаны между собой через результат деятельности. Достижение конкретных результатов при выполнении определенных действий, которые отражают уровень притязаний, повышает самооценку.

Анкета включала следующую инструкцию: «Любой человек оценивает свои способности, возможности, профессиональные и социальные навыки и компетенции. Уровень развития каждого качества человека можно изобразить вертикальной линией, нижняя точка которой будет означать самое низкое развитие (0), а верхняя – самое высокое (10). Вам предлагается десять таких линий. Они обозначают следующие навыки: умение решать сложные задачи; критическое мышление; креативность; управление людьми; навыки координации, взаимодействия; эмоциональный интеллект; суждение и скорость принятия решений; клиентоориентированность; умение вести переговоры; когнитивная гибкость. На каждой линии чертой (–) отметьте, как вы оцениваете развитие у себя этого навыка в данный момент времени. После этого крестиком (X) отметьте, какой уровень развития этих навыков необходим для успешной профессиональной деятельности в сфере STEM».

Результаты исследования представлены в таблице 1 и на рисунке 1. В целом все социально-профессиональные навыки оценены студентами как необходимые для успешной профессиональной деятельности в сфере STEM.

Таблица 1

Уровни притязаний и самооценки
социально-профессиональных навыков студентов

Социально- профессиональные навыки	Уровень самооценки		Уровень притязаний		t-критерий Стьюдента	
	Среднее значение	Стандартное отклонение	Среднее значение	Стандартное отклонение	$t_{эмп}$	$p \leq$
Умение решать сложные задачи	6,7	1,8	8,0	2,0	13,2	0,01
Критическое мышление	7,2	2,0	8,0	1,9	7,6	0,01
Креативность	7,2	2,1	7,9	2,2	5,9	0,01
Управление людьми	6,5	2,4	7,4	2,3	8,7	0,01
Навыки координации, взаимодействия	7,3	2,1	7,8	2,2	4,6	0,01
Эмоциональный интеллект	7,5	2,0	7,6	2,1	0,5	–
Суждение и скорость принятия решений	7,1	1,9	8,2	1,9	10,3	0,01
Клиентоориентированность	6,6	2,3	7,6	2,3	9,0	0,01
Умение вести переговоры	6,8	2,3	7,8	2,2	9,1	0,01
Когнитивная гибкость	6,7	2,1	7,6	2,1	8,6	0,01

Расчет t-критерия Стьюдента показал, что уровень притязаний оказался достоверно выше уровня самооценки всех социально-профессиональных навыков за исключением эмоционального интеллекта. Преобладание уровня притязаний над уровнем самооценки свидетельствует о том, что студенты отмечают недостаточную готовность к работе в сфере STEM-профессии в современных условиях в части развития социально-профессиональных навыков. Студенты претендуют на высокий уровень будущей сформированности ключевых навыков цифровой экономики, но оценивают их выраженность гораздо ниже. По всей видимости, в период обучения в вузе, несмотря на практическую подготовку по специальности, личностные и социальные навыки формируются не оптимально. Одной из причин может служить недостаток опыта практической деятельности по осваиваемой специальности.

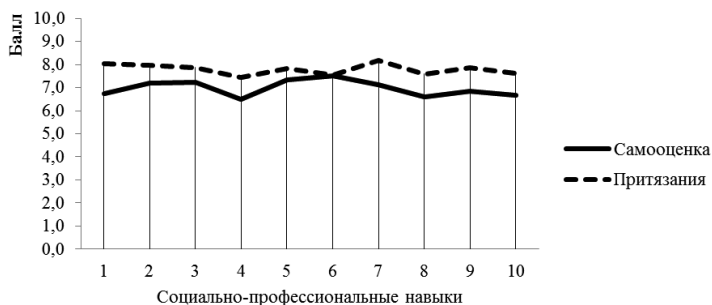

Рис. 1. Уровни притязаний и самооценки социально-профессиональных навыков студентов

1. Умение решать сложные задачи. 2. Критическое мышление. 3. Креативность. 4. Управление людьми. 5. Навыки взаимодействия. 6. Эмоциональный интеллект. 7. Суждение и скорость принятия решений. 8. Клиентоориентированность. 9. Умение вести переговоры. 10. Когнитивная гибкость.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование показывает важность включения в систему профессионального STEM-образования практико-ориентированных программ психологического профиля, которые будут способствовать формированию и развитию социально-профессиональных навыков, востребованных в условиях реализации цифровой экономики. Таким потенциалом обладают курсы по когнитивной психологии, организационной психологии, психологии лидерства, социальной психологии и психологии труда.

Также необходимо использование возможностей ФГОС высшего образования в части участия в процессе подготовки специалистов – представителей профильных организаций, «научное» волонтерство (Шмелева, Кисляков, 2016). Крупные кампании и холдинги, заинтересованные в кадрах для цифровой экономики, такие как Сбербанк, уже сейчас реализуют программы адаптации, поддержки, наставничества при трудоустройстве, чтобы помочь выпускникам осознать, каким образом обучение STEM может повлиять на их карьеру. Дальнейшее взаимодействие профессионального образования, цифровой экономики, сетевых профессионально-образовательных сообществ будет развиваться по пути более активного совмещения

обучения и практической деятельности, практики в организациях, интенсивно использующих цифровые технологии, стажировку в различных организациях, использующих передовые модели применения и создания цифровых ресурсов и технологий, освоения необходимых социально-профессиональных компетенций.

Литература

- Рудых Е.* Нехватка кадров в ИТ-индустрии – одно из серьезных ограничений для развития данной отрасли в России. URL: <http://ири.рф/news/18397> (дата обращения 10.12.2017).
- Савостина Е. А., Смирнова И. Н., Хасбулатова О. А.* STEM: профессиональные траектории молодежи (гендерный аспект) // *Женщина в российском обществе*. 2017. № 3 (84). С. 33–44.
- Шмелева Е. А., Кисляков П. А.* Инновационный потенциал личности: психология формирования в вузе // *Сборник статей Международной научно-практической конференции «Гуманитарные основания социального прогресса: Россия и современность»*. М., 2016. С. 228–233.
- Bray J. H.* The Future of Psychology Practice and Science // *American Psychologist*. 2010. V. 65. № 5. P. 355–369.
- Preparing Future Engineers Around the World. American Society for Engineering Education (ASEE) // *Prism*. 2011. № 21 (5). P. 26–34. URL: http://www.prism-magazine.org/feb11/feature_01.cfm (дата обращения: 10.12.2017).

Психологические угрозы в Интернете: состояние и перспективы исследований

Д. А. Китова

Иntenсификация мировых социально-экономических процессов, характерная для современного этапа развития общества, сопровождается усилением *глобальных угроз*, среди которых можно выделить истощение природных ресурсов, глобальные изменения климата, природные и техногенные катастрофы, загрязнение окружающей среды и т.д. Эти проблемы, как отмечал известный специалист А. Печей, «сцепились друг с другом... опутали всю планету... и становятся все запутаннее...» (Психологические исследования..., 2018, с. 9).

Осознание последствий таких угроз становится примечательной особенностью современного этапа мирового развития и затрагивает широкий спектр *социальных ситуаций*, связанных с угрозами для безопасности человека, социальных групп и общества в целом (Макропсихология современного..., 2009; Журавлев, Китова, 2017а, б). В современных исследованиях по управлению безопасностью относительно самостоятельное значение приобретают разнообразные угрозы *психологического характера*. Это связано с тем, что аккумулярованные социальные, экономические, правовые, природные, техногенные, экологические, информационные проблемы оказывают значительные нагрузки на психику человека. Так, В. А. Владимиров с коллегами приводит комплекс психологических угроз, которые свойственны различным социальным категориям россиян: стресс от непонимания происходящего в мире (у детей); страх отсутствия материальной обеспеченности и социальных гарантий (у малообеспеченных слоев населения); депрессия от переживания бессмысленности прожитых лет и борьбы за попорванные идеалы (у пожилых); фрустрация от неуверенности в завтрашнем дне (у производственников и предпринимателей). Подробнее об этом см.: «Стратегия гражданской защиты» (Владимиров и др., 2013).

Работа выполнена по Государственному заданию № 0159-2016-0005.

Психологические угрозы в Интернете

На современном этапе развития информационных технологий в самостоятельную научную проблему выделились психологические угрозы в Интернете. В числе наиболее часто обсуждаемых в научной литературе психологических рисков и угроз Интернета специалисты называют угрозы Интернет-среды для детей и подростков. К такого рода рискам относят наличие некорректного психологического содержания, которые могут включать в себя:

- контентные риски – материалы, отражающие насилие, агрессию, пропаганду наркотических веществ, азартных игр, содержащие нецензурную лексику, имеющие порнографическую направленность и т. д.;
- коммуникационные риски – опасность быть подвергнутым негативным психологическим воздействиям (оскорблениям, домогательствам, угрозам со стороны других пользователей);
- кибер-риски, связанные с возможностью столкнуться с использованием персональных данных, преданием огласке содержания персональных страниц, мошенничеством, хищением и т. д.;
- потребительские риски – опасность приобретения товара низкого качества, а также контрафактной и фальсифицированной продукции;
- интернет-зависимость – опасность формирования патологической, навязчивой тяги к Интернету (Калинина, 2017).

Среди виртуальных угроз *общественному благополучию* можно выделить возможность организации несанкционированных массовых выступлений через социальные сети, минуя официальные каналы; возможность прямой трансляции представлений ценностного содержания (идейных, религиозных и иных), включая провокационные, которые могут повлечь за собой тяжелые социальные последствия, и т. д.

Детерминанты повышения глобальных психологических угроз в Интернете

Во-первых, необходимо отметить, что управление и контроль интернет-пространства легли в основу применения эффективных технологий развития современного бизнеса, что обуславливает значительный интерес к сетевым коммуникациям и массмедиа транснациональных компаний.

Роль *экономического* фактора в развитии глобальных процессов находит свое отражение во многих работах. Так, Т. А. Нестик отмечает, что существенную роль в глобализации играют специализированные маркетинговые программы транснациональных компаний, а в научной литературе уже говорят об основных компетенциях глобальных бизнес-лидеров, таких как: способность анализировать глобальную информацию о бизнесе, принимать решения на основе глобальной информации и развивать отношения с представителями разных стран (Нестик, 2017). Кроме того, глобальная идентичность лежит в основе «этически избирательного потребления товаров» (там же, с. 147). Отмечаются усилия американских университетов и крупных корпораций по формированию у молодых специалистов направленности на глобальную конкуренцию, а заметная часть потребителей из разных стран начала рассматривать весь мир как единый рынок продуктов и услуг, разработанных на основе глобальных стандартов (там же).

Во-вторых, Интернет имеет широкие возможности *политического* воздействия на общественное мнение, которое может использоваться «с целью формирования новых взглядов по отношению к тем или иным значимым событиям через изменение ценностных ориентаций и базовых установок личности» (Кузнецова, 2018, с. 2). Иными словами, есть основания говорить о том, что молодежный состав аудитории и технические возможности превращают Интернет в уникальную среду с совершенно новым уровнем открытости и коммуникации, а современные государства предпринимают «собственные попытки формулирования глобалистской повестки дня» (Нестик, 2017, с. 149).

В-третьих, психологическая опасность заключается и в том, что интернет-пространство все интенсивнее становится сферой *информационных противоборств* различных его участников, в том числе и с негативными устремлениями (террористических группировок или наркоторговцев, например).

Во всех этих направлениях возникает ряд сложных вопросов: насколько возрастут в Сети технологии манипуляций; получат ли серьезное распространение негативные информационные технологии («Модель провокации», «Модель провокационного шума», «Открытый диалог» и др.); как быстро будет распространяться противоправная интернет-информация; какие технологии будут использоваться лидерами деструктивных движений; какие информационные источ-

ники и как будут определять развитие современной цивилизации; что в этой связи полезное может предложить психологическая наука (см. об этом также: Журавлев, Китова, 2017а, б; Психологические исследования..., 2018).

Сущность глобальных психологических угроз в Интернете

Представленные выше позиции имеют важные следствия для анализа психологических опасностей интернет-пространства на *геополитическом уровне* (Журавлев, Китова, 2017а; Психологические исследования..., 2018). Основными «бенефициарами» развития глобальных процессов, как уже отмечалось выше, являются различные транснациональные субъекты, имеющие в качестве обеспечения своей деятельности мощные политические, экономические и организационные ресурсы¹. При этом *информационное воздействие* выступает необходимым условием реализации их глобальных интересов.

Объекты глобального информационно-психологического воздействия. Как показывает практика, основной мишенью зачастую скрытого информационного воздействия геополитических субъектов выступает такая психологическая категория, как *социальная идентичность* (Журавлев, Китова, 2017а). Социальная идентичность определяется как личностный конструкт, который отражает внутреннюю солидарность человека с социальными (групповыми) ценностями и идеалами, нормами и стандартами (там же).

Обращение к комплексным исследованиям феномена социальной идентичности предполагает выделение *основных позиций*, отражающих структуру, содержание и принципы ее формирования и развития. В частности, согласно теории А. Тэшфела, социальная идентичность описывается следующими феноменами: *представлениями* о социальной и персональной идентичности; процессами *формирования* социальной идентичности; стремлением к *положительному образу* себя через *позитивную оценку* своей группы. Автор показывает, что в основе социальной идентичности лежат *потребности* в причастности к общности, которые реализуются через категоризацию индивидами себя и своего окружения, а проявляется

1 Опасность данной ситуации связана и с тем, что глобальные информационные ресурсы все интенсивнее концентрируются у небольшой группы собственников, способных использовать их в узко-прагматических целях.

социальная идентичность как психологический феномен *осознания* своей принадлежности к какой-либо группе. Это первая теоретическая позиция.

Вторая позиция связана с тем, что социальная идентичность личности не выступает единожды сформированной и (или) заданной характеристикой, она конструируется и *переопределяется*. Как показывают исследования, если чувство социальной идентичности не удовлетворяет члена группы, он стремится либо покинуть группу, либо повысить ее привлекательность. Хотя нужно отметить, что здесь существуют возможности и «лукавого приспособления» и «двоемыслия» (Психологические исследования..., 2018, с. 7).

В рамках данного подхода идентичность рассматривается как когнитивная система, выполняющая роль *регуляции поведения* в соответствующих условиях (А. Тэшфел, Дж. Тёрнер, Г. Брейкуэлл и др.). Исходя из данной концепции, можно утверждать, что позитивная национальная идентичность личности лежит в основе активного участия каждого члена группы в утверждении гражданской идентичности, которая включает в себя и утверждение национальной идентичности и, соответственно, становится основой подчинения определенному типу дискурса (как проявление формы власти), «определяет и переопределяет границы нации» (Hoffman, 2009, с. 39). Таким образом, *национальная идентичность* граждан выступает значимым политическим ресурсом, не менее важным для сохранения государства, чем географические границы, конституция, армия и другие его институты (Психологические исследования..., 2018).

К примеру, политические деятели Запада выражают сегодня обеспокоенность последствиями формирования политической идентичности, которые приводят к фрагментации социума и кризису национальной (гражданской) идентичности практически в большинстве стран мира. Россия не стала исключением в осознании значимости феномена гражданской идентичности, а в утвержденной президентом РФ «Стратегии национальной политики России до 2025 года» стратегической целью определено «формирование российской политической нации».

Перспективным направлением исследования феномена социальной идентичности выступает исследование факторов *единения* представителей больших социальных групп (БСГ). Обращение к теориям социальной идентичности БСГ объясняется тем, что Россия является многонациональным государством, на территории которого

проживают различные этносы (народности, национальные и конфессиональные группы) со своими особенностями в сфере традиций, обычаев, хозяйства и быта. Такое устройство государства предполагает наличие *многоуровневой и сложноставной* идентичности россиян, включающей региональную, этнокультурную, конфессиональную и иные элементы. Более широкая *национальная идентичность* может исследоваться в связи с осознанием большинством представителей БСГ *общности* культуры, истории, языка, а также социальной, экономической, политической и духовной общности социетального уровня.

С таких позиций, национальную идентичность россиян можно определить как рационально- и эмоционально-оценочное восприятие человеком своей принадлежности к значимым для него социальным группам (малым, среднего размера, большим), которое складывается в *осознание* своей принадлежности к российскому обществу.

Информационные войны как крайняя форма проявления угроз в Интернете

Основной целью войны, в какой бы форме она ни развивалась, выступает обладание ресурсами. Отметим при этом, что в современных информационных войнах наиболее востребованными являются *ментальные* ресурсы, что определяет изменение характера современной войны (Психологические исследования..., 2018).

В научной литературе отмечается, что в XX в. выявились не присущие более раннему этапу развития государств политические закономерности. В частности, оказалось, что «принцип самоопределения народов в сочетании с крайним национализмом ищущих самоопределения этносов» (там же, с. 31) может в рамках правового поля разрушать многонациональные государства (Комлева, 2013). В качестве примера автор отмечает, что в условиях развития информационных технологий достаточно оппозиционерам начать «оборонительную» национально-освободительную войну, как вместе с этим зарождается международная симпатия, за которой обычно следует дипломатическое признание «повстанцев» (Комлева, 2013, с. 30).

Об инновационных закономерностях развертывания боевых действий говорят и сами военные. Американский военный исследователь Ф. Хоффман, отмечает, что в современных условиях возникает «процесс гибридизации, в рамках которого смешиваются

традиционные формы войны, организованная преступность, регулярные конфликты и терроризм» (Hoffman, 2009, с. 37), а для наиболее точного отражения современного характера военной действительности необходимо обращаться к понятию «гибридной войны» (Hoffman, 2009, с. 34–39).

Для описания виртуальных «сетевых войн» уже выработался целый арсенал разнообразных терминов: информационные войны, виртуальная атака, виртуальный шпионаж, виртуальное вторжение, виртуальные преступления, виртуальная дезинформация, виртуальная безопасность, виртуальные военные операции (разведывательные, наступательные, оборонительные и т. д.). Речь идет даже о таких феноменах, как использование «информационных виртуальных бомб» или «информационных виртуальных мин».

Еще одна особенность современных информационных войн заключается в том, что в виртуальные боевые действия, наряду со спецслужбами и специальными подразделениями вооруженных сил, подключаются практически все основные общественные институты. В их числе СМИ, учреждения культуры, неправительственные организации и общественные движения как агрессоров, так и стран – жертв агрессии.

Кроме того, современным объектом агрессивного воздействия становится человек-виртуальный, а «объектами разрушений являются ценностные установки противоборствующих сторон» (Сетевые войны..., 2009, с. 23). Интернет создал беспрецедентные возможности для подавления противника без использования традиционных средств поражения. «Основным оружием сетевых войн являются не пушки, а интеллектуальные и социально-психологические аберрации, „социальные перевертыши,» (Комлева, 2013, с. 30). При этом используются давно известные принципы *психологического воздействия*, о которых говорил еще Ницше, отмечая, что миф не обязательно должен быть правдой. Его функцией становится не адекватное отражение действительности, как это обстоит с научным знанием, а обеспечение психологического единства общества. В *перевертыше* цели воздействия – разобщенность общества, а функция мифа – дезинформация (Комлева, 2013).

Существует еще одна серьезная особенность виртуальных войн. В условиях реальных боевых действий (не виртуальных), которые традиционно ведутся в географическом пространстве, каждый гражданин государства понимает необходимость отстаивания ресурсов

общества (человеческих, географических, природных, технологических и др.), а возможность их утраты воспринимается как угроза для физического выживания народа, что мобилизует нацию. В виртуальных войнах преобладают «угрозы и разрушающие воздействия психолого-идеологического и экономического характера, в значительной степени скрытые от массового сознания» (Комлева, 2013, с. 30), вследствие чего они (угрозы) размыты и неочевидны, а потому недоступны осознанному восприятию и, как следствие, противодействию. Информационная инородность многих психологом может отражаться в сознании человека (в том числе, и в массовом сознании) как «возможность освобождения от определенных социальных комплексов» (там же, с. 31).

Специфично и то, что участниками таких боевых действий становятся не только правительства суверенных государств, но и неправительственные «политические акторы» вроде «Гринпис» и «Международной амнистии», так же как и участники сепаратистских группировок или сторонники радикального ислама, например. Иными словами, участником политических действий (обмена информацией, координации политического давления) на национальном или глобальном уровнях может стать практически любой человек или организация, располагающая доступом к глобальной сети Интернет (Smith et al, 2002).

Заключение

С конца прошлого века в условиях непрерывного возрастания международных *интеграционных* процессов мировое сообщество начало осознавать необходимость *регулирования* мировых глобальных процессов. Так, с конца прошлого века начата их координация, что нашло практическое воплощение в деятельности многих международных организаций (Организация объединенных наций – ООН, Большая семерка – G7, Всемирная торговая организация – WTO, Содружество независимых государств – CIS, Европейский союз – EU и пр.). Однако до сих пор остается не до конца понятным, какие концепции и принципы, технологии и механизмы должны быть положены в основу регулирования глобальных процессов, что переводит острую социальную проблему в русло научных изысканий.

К примеру, в отечественной психологии появились работы, отражающие исследования глобальных процессов, их психологические

предпосылки, тенденции и перспективы развития (Психологические исследования..., 2018). Вышел в свет и ряд монографий, в которых нашли свое отражение *психологические* характеристики массового сознания и поведения, рассмотрены социально-психологические оценки рисков развития современного общества, а также факторы обеспечения его *психологической безопасности*, проанализированы *психологические ресурсы, механизмы и средства воздействия* на массовое сознание и поведение в условиях развития глобальных информационных процессов (Макропсихология современного..., 2009; Журавлев и др., 2017; Социально-психологическая оценка..., 2017; и др.), но этого, конечно, недостаточно для глубокого и комплексного понимания феномена глобальных психологических угроз.

В завершение хотелось бы отметить, что характер и масштабы развития глобальных процессов позволяют говорить не только об их психологических особенностях и возможностях их изучения, но и о неизбежности зарождения нового научного направления — психологических исследований глобальных процессов, а в перспективе можно будет говорить и о новой отрасли — *глобальной психологии*.

Литература

- Владимиров В. А., Долгин Н. Н., Малышев В. П., Фоменко В. Г.* Концепция комплексного управления безопасностью территорий (проект) // Стратегия гражданской защиты: проблемы и исследования. 2013. Т. 3. № 1. С. 383–415.
- Журавлев А. Л., Китова Д. А.* Глобальные процессы как объект социально-психологического исследования // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2017а. № 4 (85). С. 4–9.
- Журавлев А. Л., Китова Д. А.* Социально-психологические детерминанты развития глобальной информационной сети // Наука. Культура. Общество. 2017б. № 3–4. С. 10–21.
- Журавлев А. Л., Соснин В. А., Китова Д. А., Нестик Т. А., Юревич А. В.* Массовое сознание и поведение: Тенденции социально-психологических исследований. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017.
- Калинина Н. В.* Профилактика рисков интернет-активности обучающихся: субъект-порождающее взаимодействие // Образование личности. 2017. № 1. С. 12–17.

- Комлева Н. А.* Геополитические ресурсы: попытка классификации // *Пространство и Время*. 2013. № 4 (14). С. 29–33.
- Нестик Т. А.* Исследование глобальной идентичности как социально-психологического феномена // *Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология*. 2017. Т. 2. № 4 (8). С. 145–185. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document399.pdf> (дата обращения: 11.02.2018).
- Макропсихология современного российского общества* / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. В. Юревич. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- Психологические исследования глобальных процессов: предпосылки, тенденции, перспективы* / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Д. А. Китова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
- Сетевые войны: угроза нового поколения: Сборник аналитических статей*. М.: Евразийское движение, 2009.
- Социально-психологическая оценка рисков современной реальности: очевидное и вероятное* / Под науч. ред. О. А. Белобрыкиной. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2017.
- Hoffman F. G.* Hybrid Warfare and Challenges // *Joint Force Quarterly (JFQ)*. 2009. P. 30–39.
- Smith R. S., Harris S. G., Phipps R., Iglewski B.* The Pseudomonas aeruginosa quorum-sensing molecule N-(3-oxododecanoyl) homoserine lactone contributes to virulence and induces inflammation in vivo // *J. Bacteriol.* 2002. 184. P. 1132–1139.

Трудовые интересы в условиях перехода к цифровой экономике

Т. Н. Лобанова

Одним из глобальных технологических трендов, который повлияет на тематику психологических исследований в ближайшие 15 лет, названа цифровая экономика. С этим связаны и особенности трудовых процессов современного работника, как например, big data, online-взаимодействие, роботизация, нейро-технологии, активное внедрение человека в технические среды. Если раньше взаимодействие человека с техникой было уделом только «технарей», то сейчас общепризнанной необходимой компетенцией стала работа с компьютером, iPhone, iPad и другими техническими устройствами, включая разные коммуникаторы и прикладные программные продукты. Растет технократизм не только жизненного, но и рабочего уклада.

Электронная экономика (цифровая, веб-, интернет-экономика) — экономическая деятельность, основанная на цифровых технологиях, связанная с электронным бизнесом и электронной коммерцией и производимыми электронными услугами. Следует учесть, что в 2017 г. Правительством Российской Федерации была разработана и утверждена программа по созданию условий для перехода страны к цифровой экономике¹ (Распоряжение Правительства РФ, 2017). Для ее реализации успешными российскими высокотехнологичными компаниями специально была создана Автономная некоммерческая организация «Цифровая экономика», которая работает в 5 направлениях: кадры и образование, информационная инфраструктура, информационная безопасность, формирование исследовательских компетенций и технологических заделов, нормативное регулирование. Одним из ключевых показателей достижения запланированных характеристик цифровой экономики к 2024 г. является

1 Распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации».

ся наличие более 500 успешно функционирующих малых и средних предприятий в сфере создания цифровых технологий и платформ оказания цифровых услуг.

С точки зрения психологии труда и организационной психологии наиболее актуальными являются задачи направления «кадры и образование». К ним в первую очередь относятся:

- задача совершенствования системы образования, которая должна обеспечивать цифровую экономику компетентными кадрами;
- трансформация рынка труда, который должен опираться на требования цифровой экономики;
- создание системы мотивации по освоению необходимых компетенций и участию кадров в развитии цифровой экономики России¹.

В этой связи тема анализа уровня мотивационно-ценностных особенностей населения РФ в условиях цифровой экономики особенно актуальна. Ведь проведение мониторинга операциональной готовности различных групп и категорий работников к жизни и деятельности в условиях цифровой экономики позволяет правильно использовать компетенции трудовых ресурсов и определить траектории их развития.

Особенно важно определить персональные профили мотивов и интересов молодых сотрудников как наиболее подготовленного сегмента для работы в условиях цифровой экономики. Именно эта категория работников может служить неким образцом, позволяющим формировать программы высшего и среднего профессионального образования в интересах подготовки и адаптации граждан к условиям цифровой экономики, готовить предложения по совершенствованию трудового законодательства в части отражения специфики работы компаний цифровой экономики, включая регулирование гибких трудовых отношений, в том числе дистанционных, уход от излишней отчетности и пр.

Причины внимания к трудовым интересам «цифрового» поколения

В России каждый год на рынок труда приходят молодые сотрудники нового, «цифрового», поколения, так называемые «игреки (Y)» (Howe et al., 2000) или «миллениалы» (Yamschikov, 2018), которые ро-

1 <https://data-economy.ru/education> (дата обращения: 20.05.2018).

дильсь с 1984 по 2000 г. По разным оценкам, в 2024 г. такой персонал будет составлять от 40 до 50% работающих в Российской Федерации, т. е. значительный трудовой потенциал страны.

Данные анализа мотивационно-ценностных особенностей «цифрового» поколения (Deloitte, 2016) показывают, что «игреки» демонстрируют существенно другие трудовые характеристики, нежели более старшие работники. Например, низкую лояльность к работодателю (43% респондентов планируют оставаться на текущем месте работу не более двух лет, 17% — от двух до пяти лет), отрицательное отношение к трудовому договору (высоко ценится баланс между работой и личной жизнью), свободу в трудовых правилах (гибкие условия труда), возможности самореализации и карьерного роста (делать то, что интересно). Следует отметить, что еще одной характеристикой, позволяющей увидеть разрыв между поколением Y и другими поколениями, также является речь. Развитие коммуникационных технологий, которых в период становления предыдущих поколений не существовало, оказало значительное влияние на навыки общения и речевой этикет поколения Y (Furlog, 2013). Поэтому для выражения своих мыслей они минимально используют жесткие правила и нормы в разговоре, а также знаки препинания в письменной речи.

Особенности поведения можно считать ключевыми факторами, которые характеризуют поколение, готовое к деятельности в условиях цифровой экономики (Hershatter, Epstein, 2015). Чтобы работать эффективно, «игрекам» нужно знать, что они делают и какие результаты это принесет. Для них обязательно должен существовать интерес к работе и возможность карьерного роста, неинтересная работа и рутинные задачи не имеют никакого отношения к поколению Y. Отсюда вытекает важная для современных психологов задача — исследовать феномен трудовых интересов как ключевой драйвер мотивационного процесса.

Объектом исследования, приведенного в данной статье, являются сотрудники «цифрового» поколения. Предметом — их трудовые интересы.

Теоретическая и методологическая база исследования

С развитием технологий появляются и новые подходы к изучению мотивации. Опираясь на базовые фундаментальные теории мотивации, психологи разрабатывают современные мотивационные меха-

низмы, включающие весь сложный набор движущих сил, побуждающих человека к деятельности. Один из таких подходов был подробно описан автором (Лобанова, 2018). Он включает внешние экономические и социально-общественные факторы, влияющие на формирование трудовых мотивов современного работника, а также следующие внутриличностные особенности: потребности, интересы, цели и ценности, установки и нормы. При этом если рассматривать мотивацию как совокупность внешних и внутренних факторов, стимулирующих субъекта к действиям для удовлетворения потребностей и достижения поставленных целей, то именно на внутреннюю мотивацию работника «цифрового» поколения следует обратить особое внимание.

Внутренняя мотивация проявляется как личное отношение субъекта к выполняемому действию, т. е. возникает из внутренних ощущений, удовольствий и удовлетворений. Она включает в себя факторы, которые помогают двигаться в том или ином направлении, развивать свои способности, такие как ответственность, независимость, любопытство, самоутверждение, потребность в общении, творчество и т. п. (Чирков, 1996). В свою очередь, внешняя мотивация – это достижение результатов, основанных на социальном давлении и нормах, на похвале, наказании или вознаграждении (Ryan, Deci, 2000). В прошлом гораздо больше внимания уделялось внешней мотивации работника, которая проявлялась в административной (распорядительной) или экономической (материальной) формах. Для поколения «цифровой экономики» эффективность работы сотрудников может снизиться до минимума сразу же, как только внешние стимулы перестанут действовать либо быть релевантными. Отсюда возникает настоятельная необходимость обратить пристальное внимание на внутренние факторы мотивации, одним из которых является интерес к работе.

Интерес фигурирует, как внутренняя причина трудовых действий человека. Рабочие интересы сотрудников могут повлиять на их результаты (Van Iddekinge et al., 2011). Понятийный анализ различных источников по проблеме интереса позволяет выделить потребностно-мотивационное направление трактовки интереса (интерес как осознанная потребность), векторное (интерес – направленность личности), аттitudное (интерес как отношение), аксиологическое (ценностное) и эмоциональное (интерес – эмоциональное состояние). В качестве осмысленной потребности интерес показывает, ка-

кое отношение люди проявляют к тем предметам, которые для них имеют большую ценность или притягательность. Е. П. Ильин относит интерес к «видам мотивационных образований», выделяя интерес как отношение, как склонность (Ильин, 2000). Н. И. Конюхов определяет интерес как эмоционально-окрашенную установку, направленность на тот или иной вид деятельности (Конюхов, 1992). Глубоко научный и предметно-практический взгляд на жизненные интересы человека, включенного в организацию, представлен А. А. Грачевым (2008).

В нашем представлении «трудовой интерес» подразумевает эмоционально-ценностную позицию человека, которая отражает его отношение к труду, деятельности и самому себе (Лобанова, 2015). Другими словами, наличие трудового интереса говорит о том, что выполнение работы сотрудником имеет для него определенную ценность и вызывает положительные эмоции и ощущения.

При осуществлении трудовых обязанностей интересы работников можно классифицировать по их основным принципам и сущности. Многолетний опыт исследований в разных организациях, трудовых коллективах дает возможность выделить семь типов интересов работников (Лобанова, 2018):

- Экономические – содержат в себе материальные условия труда, контингент группы, рабочий комфорт.
- Профессиональные – интерес, сосредоточенный на содержании и результатах работы.
- Карьерные – нацелены на улучшение карьеры и ее развитие.
- Интересы малых групп – общие интересы сотрудников, которые участвуют в локальных и/или проектных группах.
- Корпоративные – ориентируют работников на выполнении задач самой компании, на преданность организации.
- Территориальные – определяют ценностную приверженность «своим» людям, порядкам и обычаям.
- Общегражданские – ориентированы на то, чтобы служить людям, государству, стране, обществу.

На основании этой структурной типологии была разработана авторская Анкета корпоративных интересов (Лобанова, 2018), состоящая из 35 утверждений. Для оценки важности утверждений служат варианты ответа от 1 до 5 баллов. Следует отметить, что методические трудности при исследовании феномена трудовых интересов очевид-

ны. Поэтому для исключения эффекта социальной желательности параллельно рекомендуется применять другие методические приемы (анонимность, глубинные интервью, фокус-группы и пр.). Один из зарубежных аналогов данной анкеты – вопросник WPI (Work Preference Inventory) – имеет те же методические погрешности.

В качестве гипотезы исследования выдвинут приоритет интереса самореализации по сравнению с экономическими и карьерными интересами молодых работников. Другими словами, проверялась версия, насколько важнее для представителей «цифрового» поколения возможность интересной работы, саморазвития, чем все остальные интересы, особенно – материальные и карьерные.

Исследование проводилось в форме онлайн-опроса через google-форму с участием студентов Высшей школы экономики. Все полученные результаты были анонимны.

Результаты исследования

Для качественного исследования было выделено 40 молодых людей, отвечающих свойствам генеральной совокупности «цифрового» поколения: 50% девушек и 50% юношей от 20 до 30 лет, сотрудников различных организаций. Следует заметить, что все они отбирались как активно работающие с информационными технологиями (IT-отдел, служба работы с клиентами, HR-отдел по компенсациям и бенефитам, информационно-аналитическая служба и др.). Все респонденты на момент опроса имели опыт работы от одного до 3 лет.

Полученные результаты были сгруппированы по видам интересов, при этом в таблице 1 указана степень важности для представителей выборки тех или иных интересов или безразличия к ним. В качестве показателя «важный» учитывались баллы 4 и 5, а в качестве «не важного» – баллы 1 и 2, на безразличие указывал балл 3.

Из представленных данных следует, что наибольший приоритет у молодого поколения сегодня имеют профессиональные и карьерные (широкопрофессиональные) интересы. Т.е. молодежь ориентирована преимущественно на реализацию себя как работника по всем форматам: в качестве узкого профессионала с ориентацией на улучшение своих рабочих навыков и в качестве «широкого» профессионала, стремящегося найти для себя приемлемую трудовую нишу в верхних позициях либо в «параллельных», «сторонних». Она заинтере-

Таблица 1

Степень важности видов интересов для «цифрового» поколения

Вид интересов	% показателей «важно»	% показателей «безразлично»	% показателей «не важно»
Экономические	70	19	11
Профессиональные	86	12	2
Карьерные	87	12	1
Узкогрупповые	62	23	15
Корпоративные	70	15	15
Территориальные	30	17	53
Общегражданские	39	19	42

сована в продвижении по карьерной лестнице, чтобы утвердить свои позиции в компании, получить достаточно авторитета среди коллег, брать на себя более сложные задачи и большую ответственность.

Таким образом, в целом гипотеза приоритета профессиональных интересов у «цифрового» поколения подтвердилась.

Вместе с тем следующими по приоритету являются экономические интересы, т. е. молодое поколение заинтересовано, чтобы условия труда были максимально комфортными, а получаемая зарплата соответствовала их ожиданиям и профессиональным качествам. Экономические интересы как «не важные» определили больше человек, чем в случае профессиональных и карьерных интересов. Но данный факт еще не доказывает, что интересная и перспективная работа важнее хорошего заработка и комфорта, поскольку разница между экономическими и профессиональными интересами не очень существенна. Статистические доказательства будут получены в последующих работах.

Что касается узкогрупповых и корпоративных интересов, то они, как оказалось, также играют важную роль для «миллениалов», однако степени «отсутствия важности» и «безразличия» здесь заметно выше, чем в случае трех предыдущих видов интересов. Особо хотелось бы обратить внимание на то, что приоритет корпоративных интересов (т. е. «организационный патриотизм») здесь оказался выше приверженности молодых сотрудников своим «узким группам» — отделам, службам или департаментам. А это еще раз подчеркивает важность работы с брендом компаний.

Отдельно хочется отметить, что приоритет территориальных, национальных интересов оказался низким, что свидетельствует о тенденциях толератности и мультинационального взаимодействия внутри рабочих коллективов. А вот по показателю общегражданских интересов мнения разделились пополам: для кого-то они оказались важны, для кого-то нет. Здесь мы также можем ожидать поляризации гражданской активности молодежи и изменения данной балансировки в будущем.

Заключение

Теоретическая и методологическая база в области психологии мотивации содержит достаточно много подходов к вопросу мотивации сотрудников в зависимости от их индивидуальных особенностей. Однако данные особенности не рассматриваются в качестве общих трендов, свойственных определенным возрастным группам. В реальном бизнесе очень немногие компании учитывают аспект поколения «цифровой экономики» при формировании своих систем мотивации. Поэтому необходимы психологические инструменты для внутренней мотивации поколения Y, особенно в части управления трудовым интересом.

Основным выводом статьи является обоснование того, что «цифровое» поколение уже не так легко мотивировать вознаграждением, поскольку для него интересней профессиональное развитие и карьерный рост. Таким образом, трудовой интерес – сильный мотиватор современных сотрудников XXI в. Руководителям и HR-специалистам важно не только убедить «миллениалов» в том, что, выполняя работу качественно и инициативно, они смогут «продвинуться» и получить более ответственные задачи, но и реально подкрепить это «ненасильственными» действиями. Пристальное внимание к трудовым интересам сотрудников в условиях цифровой экономики означает повышение их внутренней мотивации за счет комплекса таких мер, как проведение различных полезных курсов и тренингов, деловых, ролевых игр и перфомансов, квестов и споттингов. Сюда же стоит отнести и оплату эффективной работы, комфортные условия в офисе, возможность самостоятельно распоряжаться рабочим временем и др. Управление трудовым интересом в условиях перехода к цифровой экономике – это то, к чему должна стремиться любая современная компания, ожидающая от своих работников максимальной продуктивности.

Все это позволяет говорить о серьезных перспективах исследований в области оценки и мониторинга мотивационно-ценностной и операциональной готовности различных групп и категорий населения к жизни и деятельности в условиях цифровой экономики.

Литература

- Грачев А. А. Психологическое проектирование производственной организации. СПб.: АНО «ИПП», 2008.
- Ильин Е. П. Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2002.
- Конюхов Н. И. Прикладные аспекты современной психологии: термины, законы, концепции, методы. М., 1992.
- Лобанова Т. Н. Взаимосвязь трудовых интересов и организационного поведения работников // Психологический журнал. 2015. № 2. Т. 36. С. 87–98.
- Лобанова Т. Н. Трудовые интересы: психологические аспекты. М.: Юстиция, 2018.
- Чирков В. И. Самодетерминация и внутренняя мотивация поведения человека // Вопросы психологии. 1996. № 3. С. 116–132.
- Furlog A. Youth studies: An introduction. N. Y.: Routledge, 2013.
- Hershatter A., Epstein M. Millennials and the world of work: An organization and management perspective // Journal of business and psychology. № 25. 2015. P. 211–223.
- Howe N., Strauss W., Matson R. J. Millennials rising: the next great generation. Vintage Books, 2000
- Ryan R. M., Deci E. L. Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development and well-being // American Psychologist. 2000. P. 68–78.
- Van Iddekinge C. H., Roth P. L., Putka D. J., Lanivich S. E. Are you interested? A meta-analysis of relations between vocational interests and employee performance and turnover // Journal of Applied Psychology. 2011. V. 96. P. 1167–1194.
- Yamschikov S. V. The theory of generations as a methodological basis of formation of staff motivation system. 2018. P. 2–3.

Феномен сетевой агрессии в закрытых сообществах молодых матерей

О. И. Маховская, Т. И. Семенова

Феномен материнской агрессии в сетевых сообществах не описан ни в отечественной, ни в зарубежной литературе. Сетевая этика и медиаграмотность слабо контролируются самими сообществами, а тон в сети задают не эксперты, психологи, педагоги, а «звезды» — наиболее популярные блогеры, часто молодые люди без образования и опыта. В условиях сетевой открытости, публичности некоторые формы поведения, которые описывались в терминах клинической психологии, быстро распространяются, нормализуются, и даже идеализируются (Маховская, 2010). Произошло радикальное изменение представлений об интимности, которая стала публичной, а вместе с ней процессы, которые протекали скрыто, за кадром, сдерживались стыдом и чувством вины, стали объектом групповой манипуляции и контроля. Отмечается, что выбор в освоении новой технологии определяет прерывание традиции, обостряет отношения между поколениями, меняет морально-нравственные основания поведения, требует новых норм и правил жизнедеятельности (Человек, 2015).

Оптимистические взгляды на роль сетевого общения среди молодых, уверенность, что оно помогает справиться с одиночеством, депрессиями и является источником формирования новых положительных идентичностей (Gray, 2011), сопровождается тревожными данными о росте сетевой агрессии. Оказывается, женщины ведут себя даже агрессивней и опасней, чем можно предположить, быстрее распространяя компрометирующую информацию, например активно сплетничают (Barlett et al., 2014). Вопреки стереотипам, женщины считают себя гораздо агрессивней и могущественней, чем предписано нормой и оценивается самими мужчинами. Предполагается, что женская вербальная агрессия — отложенная агрессия, на которую они решаются, поскольку в отличие от прямой физической агрес-

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 18-013-00754.

сии она не влечет опасных последствий (Кузьминых, Ениколопов, 2011).

Проблема материнской агрессии ставилась ранее вне проблемы сетевого общения. Психофизиологи и психологи описывали феномен послеродовой депрессии, которая может носить характер ажитации и принимать агрессивные формы. По данным, полученным десятилетия назад, не менее 13 процентов матерей страдают послеродовой депрессией, которая может запускать механизм биполярного расстройства (O'Hara, Swain, 1996).

Цель исследования: на основании экспертизы сетевых проектов, включенного наблюдения в закрытых родительских сетевых группах, анализа текстов сообщений, анкетирования, а также очных глубоких интервью с участницами взаимодействия описать и проанализировать главные характеристики сетевого поведения у молодых матерей.

Гипотеза: предполагается, что высокий уровень агрессии в сетевых материнских сообществах обусловлен не только физиологическими, но и социально-психологическими причинами — социально-экономической конкуренцией, низким уровнем поддержки внутри семьи, межпоколенческим разрывом, высокой нейротизацией молодых матерей, которые родились и выросли в период перестройки.

Методы: 21 глубинное интервью с участницами закрытых социальных групп, тексты сообщений 13 закрытых родительских сообществ (mamshare, mamochki, vladmama, uarmama и т. д., от 321 участника до сотен тысяч) на протяжении трех месяцев, анкетирование, в котором приняли участие 1472 женщин, участниц этих групп.

Авторы статьи принадлежат к поколению «мам перестройки»; нам было интересно, как менялись родительские стратегии у поколения «детей перестройки».

Мотивация. Почему они участвуют в «материнских» сетевых сообществах?

Как сообщили участники, общение в группе служит им «отдушиной», «способом выпустить пар», «поучиться у других», «убедиться, что у подруг такие же проблемы», «сеть отвлекает от трудностей», «помогает терпеливо ждать, пока «он сосет грудь» и т. д. Анкетирование, выявило два основных мотива — снять психологическое напряжение (около 24% ответов) и получить новую полезную информацию

(73%). Вместе с тем вовлеченность в сетевое общение снижает родительский контроль, создает эффект «психологически отсутствующей матери», которая свое благополучие и интересы ставит выше детских.

Из-за физиологических подробностей и откровенности сообщений, участницы выбирают закрытые однополюые группы. Появилась новое объединение высокомотивированных матерей – «мамашки-овуляшки», те, которые за два года до предполагаемой беременности садятся на диету, соблюдают особый режим, высчитывают циклы овуляции, выбирают лучший день, чтобы забеременеть. *Гиперответственность* молодых матерей – противоположный полюс полному отказу от ответственности за другого, за ребенка, которые мы наблюдаем в childfree движении, довольно распространённом и в России.

Сколько времени они проводят в социальных сетях?

Раз в неделю/месяц – 37%; периодически, 2–3 раза в неделю, – 12%; раз в день – 18%; постоянно на связи – 25%; не только читаю, но и выкладываю свои посты – 5%, другие – 3%.

Большинство записавшихся в состав закрытых групп являются пассивными участницами, они не задают вопросы, не реагируют «лайками» на сообщения других, не высказывают свое мнение. Это «невидимые» участницы обнаруживают свою уязвимость в случае «холиварных» спорных обсуждений (горячих, принимающих характер бескомпромиссной войны), количество «лайков» возрастает на два порядка. В среднем под сообщением обычно ставится 20–30 лайков. «Звезды», создающие прецеденты обсуждений, систематически выкладывающие свои посты, составляют всего 5% участников, и эта доля уменьшается по мере увеличения числа участников группы.

Высокая активность матерей в социальных сетях обнаруживает внутрисемейную конкуренцию за внимание, время и удовольствия не между родителями, а между матерью и ребенком. Согласно новым подходам, первородящие матери 25–26 лет (в среднем по России) сами являются играющими детьми. Родителей и первенцев связывает детская по своему характеру конкуренция. Мы наблюдаем ее, когда родители и уже подростки дети оспаривают время и место возле компьютера. В среднем у компьютера больше проводят времени первородящие и неопытные матери.

«Холивары» и рост агрессии

Периодически возникают так называемые «холивары» — обмен горячими, иногда откровенно оскорбительными сообщениями, цель которых — навязать свою точку зрения без всякой перспективы договориться. К таким темам относятся вопросы режима, кормления грудью, эмансипации детей, путешествий, раннего развития, сексуального воспитания и т. д. Внутри группы есть группировки вокруг наиболее активных, иногда именно агрессивных участниц, которые прибегают к обсценной лексике. Демонстрация агрессии и готовности нарушать социальные нормы сама по себе является неизжитым подростковым поведением. Удивительно, но именно грубые нападки на авторитетные или популярные личности в сети вызывают наибольший отклик. На наш взгляд, за ним скрываются страхи и одичание, невротическая неуверенность в своих силах и будущем. Жертвы сетевой агрессии служат мишенью переадресации агрессии, направленной на взрослых, более сильных и компетентных людей. Так отрабатываются детские страхи. Этот синдром одичания и особой жестокости у подростков, которые оказываются вне родительского контроля, был показан в знаменитой экранизации романа «Повелитель мух» (1954 г.) лауреата Нобелевской премии по литературе Уильяма Голдинга.

Почему сетевые сообщества закрыты?

Большинство групп закрыты, в них можно попасть только по рекомендации участников. На вопрос, от кого закрываются, мы получили разные ответы: «От журналистов, в группах участвуют известные персоны, певицы, ведущие, участники медийных проектов. Они не хотят, чтобы информация о проблемах или болезнях детей стала «достоянием общественности»; «От мужей. Иногда женщины жалуются на своих любимых, но не для того, чтобы уйти, зачем пугать?»; «От подруг, которые стремятся контролировать твои эмоции как в старые времена, но уже мало понимают, что с тобой происходит»; «От домашних: пусть думают, что я занимаюсь только домом, а не отвлекаюсь на подруг»; «Когда я пришла, у них уже была закрытая группа».

Мы можем предположить, что одна из культурно-исторических причин закрытых групп — православная традиция сестринства и по-

следующей советской традиции женской солидарности. Женщины (тещи, свекрови, соседки, подруги) всегда тайно помогали друг другу. Это обозначает, что теневая часть коллективной жизни женщин, построенной на взаимопомощи в трудных обстоятельствах, важна и для современных матерей. Они ищут опору вне семьи, не в отношениях с мужем и его семьей. Таким образом, можно предположить, что этот факт говорит в пользу размытости границы российской семьи, в которой решения принимаются вне семейного круга, на этот раз в закрытых сетевых группах (Маховская, 2010).

Закрытость поведения участников группы — это показатель незащищенности и высокой тревожности участников группы. Молодые мамы испытывают давление со стороны высоких стандартов материнства, которые сегодня транслируют не только через медиа, медицинских и социальных работников, но и через мужей, которые хотели бы, чтобы их жены и дети соответствовали высокому статусу семьи. Общение в группах носит компенсаторный характер, направлено на поддержание положительной самооценки и получение внесемейного признания и поддержки.

Скепсис в отношении традиционной материнской жертвенности

Материнские стратегии подвержены модам. Новая мода — вызов *традиционным представлениям о материнстве с идеалами жертвенности*. Детоцентризм сменился материнским центризмом, когда интересы, состояние, желания матери ставятся на первый план. Возник эпатажный «холиварный» книжный тренд. Самые популярные книги в сетевых сообществах не руководства от психологов, а жизнеописания молодых мам-блогеров: Е. Кронгауз «Я плохая мать?», В. Паевская «Я плохая мама? Как воспитать ребенка, не имея на это времени», Н. Папудогло «#Ты же мать», М. Трауб «Плохая мать», А. Быкова «Как стать ленивой мамой?». За нарочитой эпатажностью сообщений в материнских сетевых сообществах, на наш взгляд, скрывается запоздалая личностная эмансипация, когда психологический подростковый возраст матери перемежается с материнством. Демонстрация в сети своего достатка, способности решать проблемы и одновременное ревнивое отслеживание навыков развития у своих и чужих детей, которые мы видим в социальных сетях, указывает на преобладание ценности статуса и успеха матери над ценностями физического здоровья ребенка и его привязанности к матери,

которые поддерживались в условиях относительного социального равенства в советские времена (Маховская, 2011).

Агрессия у только что родивших матерей выше, чем у опытных или тех, чьи дети подросли. Об этом говорят участники интервью, многолетние участники социальных сетей. Об этом свидетельствуют и данные анкетирования. Дебют материнства для многих был связан с шоком. Страх не справиться, навредить, обмануть ожидания мужа, переживания по поводу болезней или непонятных, новых проявлений у ребенка, усталость из-за бессонницы, кормления грудью, разочарование новой ролью, ощущение, что она недооценена, не произошло радикальной перемены в жизни, материнство не стало счастливым периодом жизни. Послеродовая агрессия может достигать стадии психоза, сопровождаться неконтролируемой агрессией, опасной для ребенка и самой матери. Агрессию матери по отношению к ребенку связывают и со сбоем этологической программы, переадресацией агрессии. Психологически неприятный внешний фактор, не угрожающий безопасности женщины или ее ресурсам, воспринимается как угроза, агрессия переводится на более незащитное существо. Выделяется несколько стадий материнской агрессии: стадия упреждающей агрессии, стадия агрессивно-конфликтного поведения и агрессивно-контактное поведение. Первая стадия плохо осознается, но именно она в силу экспрессивности, вербализации, наиболее информативна и продуктивна с точки зрения социальной регуляции эмоций, связанной, как правило, с распределением ресурсов, территории и мест в иерархии (Исаенко, 2007). Возможно, именно эта фаза представлена в общении в сетевых сообществах. Активное общение в группах призвано оккупировать общественное внимание, обнаружить, упреждающе защитить символический статус, восполнить дефициты, как правило, изолированного материнства, когда мать замыкается на потребностях детей.

Феномены групповой идентичности

Полученные данные позволяют предполагать, что внутри многочисленных материнских сообществ при кажущемся демократизме существует определенная иерархия, которая определяется опытом (стажем) материнства, как в других закрытых сообществах, военных подразделениях или иммигрантских анклавах, например. В группе есть «звезды» и «фолловеры», последователи, фанаты или просто сим-

патизирующие им. Скрытая «дедовщина», презрение и агрессивное подавление проявляется со стороны тех, кто считает, что с рождением ребенка женщина должна получать внимание и заботу, а не отрабатывать определенные программы. Они пытаются получать удовольствие от воспитания, но считают такое времяпрепровождение привилегией избранных. Один их новых способов – путешествие вместе с младенцами по всему миру с выкладыванием в сети селфи и коротких рассказов о приключениях и впечатлениях. Так, на наш взгляд, декларируется идентичность элитарной группы, которая исполняет функцию психологической защиты. Известный отечественный культуролог Ю. Лотман выделял три типа русских женщин: несчастных женщин, обреченных жертв; «богемных кокоток», использующих свою власть над другими; женщин-героинь, гиперответственных женщин, опорных фигур в семье (Маховская, 2003). Материнство стало более гламурным, богемным, в том числе и благодаря социальным сетям с властью зрительного, визуального образа.

К категории психологических защит через групповую идентичность относится и укрепление горизонтальных связей внутри группы. Фигура серьезного опытного психолога не типична для сетевых сообществ. Социальные группы проявляют горизонтальное получение информации от сверстников в отличие от вертикального, от более опытных членов семьи, профессионалов.

Отличие современной «женской солидарности» в том, что мамы не перепоручают свое материнство другим, они стараются быть менеджерами воспитательного процесса, в который встроены остальные члены «воспитательной команды»: няни, отцы, педагоги, доктора. В советские времена, провозглашая лозунг «Все лучшее детям!», мамы были заняты на производстве и по дому, поэтому дети были не на первом месте. Распространена была низкая сиротская норма: «сыт, одет-обут, читать-писать умеет, и достаточно». Воспитание строилось на строгой дисциплине, аскезе, жесткой иерархии в семье, высоком авторитете взрослых.

«Идеализация», стремление выглядеть лучше, чем на самом деле, еще один защитный механизм. Они хотят быть не просто идеальными, они хотят быть новейшими, «модерновыми» мамами, а значит, более технологичными. Обратной стороной самоидеализации является низкая самооценка, компенсация чувства неуверенности и компетентности.

Заключение

Развитие новых технологий ставит новые социальные, этические и психологические вопросы. Анализ материнской агрессии в сетевых сообществах показал, что произошел разрыв поколений, который сам по себе стал фактором нарастания агрессии, защиты от традиционных идеалов материнской жертвенности. Феномен разрыва поколений, хотя и многократно отмечался, не получил еще должного психологического объяснения. Мы связываем его с трансформацией и кризисом традиционных моделей семьи в сложные исторические периоды. Традиционные, или нормативные, для разных культур модели семьи, как правило, содержат установки на сотрудничество и безусловное подчинение младших членов семьи старшим. Среди сегодняшних факторов, усугубляющих разрыв поколений, называют социально-экономическое расслоение, уменьшение количества традиционных социализаторов (бабушек, дедушек, родственников, руководителей детских студий и т. д.) или времени, которое они проводят с детьми, высокую мобильность, миграцию, социальную аномию (отсутствие целого ряда важных регулирующих ценностей) и нарушение традиционных сценариев социализации. Одно из объяснений могло бы состоять в том, что структура семьи и все сценарии взаимоотношений между поколениями были рассчитаны, скорее, на внешнюю поддержку, чем на внешнее давление (Маховская, 2011). Сетевое взаимодействие — только проекция реальных отношений и сложностей формирования новой идентичности у современных матерей. Их агрессия носит в основном демонстративный, защитный, компенсаторный характер (Маховская, 2009).

Литература

- Исаенко О. С.* Агресія в системі комунікації «мати—дитина» як фактор соціальної дезаптаптації молодших школярів: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Київ, 2007.
- Кузьминых А. А., Ениколопов С. Н.* Бытующие представления о мужской и женской агрессии // Психологическая наука и образование. 2011. № 5. С. 70—80.
- Маховская О. И.* Соблазн эмиграции, или Женщинам, отлетающим в Париж. М.: Пер Сэ, 2003.
- Маховская О. И.* Изменение опыта личности: сценарии и идентичность. Москва: Спутник+, 2009.

- Маховская О. И.* Культурно-историческая специфика решения проблемы «отцов и детей» в отечественной гуманитарной традиции: нравственно-психологические аспекты // Психологические исследования духовно-нравственных проблем. Сер. «Психология социальных явлений». М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. С. 168–182.
- Маховская О. И., Марченко Ф. О.* Дети и телевидение: история психологических исследований и экспертизы. М.: Инфра-М, 2014.
- Человек перед выбором в современном мире: проблемы, возможности, решения: Материалы Всероссийской научной конференции 27–28 октября 2015 г., ИФ РАН (Москва). М.: Научная мысль, 2015.
- Anderson C. A., Bushman B. J.* Effects of violent video games on aggressive behavior, aggressive cognition, aggressive affect // *Psychological Science*. 2001. V. 12. P. 353–359.
- Barlett C. P., Gentile D. A., Nanyang Ch.* Predicting Cyberbullying From Anonymity // *Psychology of Popular Media Culture*. 2014. V. 5. № 2. P. 171–180.
- Gray Nicola J.* The Adolescence of the Web – From Turbulence to Enlightenment // *Journal of Adolescents health*. 2011. February. V. 48. Iss. 2. P. 117–118.
- O'Hara M., Swain A.* Rates and risks of postpartum depression – meta-analysis // *International Review of Psychiatry*. 1996. № 8. P. 3–14.

Российская психология перед лицом «глобальных рисков»

И. А. Мироненко

Введение

В современном глобальном мире, где люди активно перемещаются из страны в страну, а социальные институты и процессы становятся транснациональными (подробнее см.: Россия в глобализирующемся мире..., 2007; Социально-психологическая оценка рисков..., 2017; и др.), наука тоже становится *глобальной* и закономерно изменяется, что предполагает формирование как новых объектов и предметов исследований, так и изменение совокупного субъекта исследовательской деятельности — научного сообщества (см.: Новое в науках о человеке..., 2015; Психологические исследования глобальных процессов..., 2018; и др.). Для естественных наук на первый план выходят процессы интеграции национальных наук в единую мировую науку, становление международной системы распределения труда ученых для достижения общего прогресса. Для социогуманитарных наук процессы интеграции существенно осложняются выраженной культурной опосредованностью как со стороны предмета, так и со стороны субъекта исследований.

Для «локальных», не относящихся к мейнстриму научных школ *глобализация*, наряду с новыми перспективами и возможностями, порождает целый ряд трудно разрешимых проблем, среди которых необходимо назвать проблему языка, проблему специфичности концептуального аппарата, используемого в национальных научных школах, и проблему имплицитных ценностно-смысловых устано-

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 17-06-50086-ОГН «Академическая интеграция в контексте становления глобальной психологии: вызовы и перспективы».

Автор благодарит А. Л. Журавлева за приглашение участвовать в конференции.

вок и картины мира в целом, присущих ученым национальных школ. Эти трудности находятся в фокусе внимания российского профессионального сообщества.

Страшна ли глобальная наука?

Тенденции глобализации в жизни мирового сообщества, диктуемая государственной стратегией необходимость входить в пространство мировой психологической науки, обязательно публиковаться в международных журналах и т. п. воспринимаются российским психологическим сообществом скорее как препятствия и риски, как угроза, чем как открытие новых перспектив (Мироненко, 2017). В коллективном сознании российского профессионального сообщества формирующаяся *глобальная наука* предстает как достаточно монолитная «универсальная» парадигма, в догматической и жесткой форме диктующая нам представления о человеке, методологию и теорию, для нас неприемлемые. Представление о ней, предположительно, строится по образу и подобию однополюсного мейнстрима «зарубежной» науки периода «холодной войны», с которой традиционно дискутировали советские ученые.

Такое представление не соответствует действительности (подробнее см.: Журавлев и др., 2018). Понятие «*глобальная психология*» вошло в мировой дискурс и интенсивно разрабатывается начиная с 1990-х годов, когда экономический и политический рост азиатских стран, рост национального самосознания, послужили толчком к критике западных психологических теорий. Несоответствие последних реальности жизни на местах, ограниченность этих теорий в объяснении и прогнозировании поведения и деятельности местного населения стали аргументом в пользу необходимости рассматривать психологические проблемы в контексте культуры той общности, к которой человек принадлежит, в контексте реального бытия в конкретном социуме. Иными словами, для психологии движение к глобализации с самого начала в существенной степени оказалось окрашенным «протестными» тенденциями сопротивления гегемонии западноцентрического мейнстрима, в котором после Второй мировой войны доминировала американская традиция.

Если за пределами Европы и Северной Америки в фокусе дискурса становления глобальной психологии находятся различия в предметной области психологических исследований, культурное раз-

нообразии людей, описываемых такими теориями которое делает очевидным ограниченность применимости западных теорий, то коренящийся в Европе дискурс фокусирован на процессах, происходящих в самом научном сообществе, со стороны субъекта психологических исследований. «Протестные» тенденции здесь тоже имеют место и направлены на преодоление сложившегося в психологии после Второй мировой войны тотального доминирования американской научной традиции. Представители «западных» школ отстаивают свои методологические предпочтения (Журавлев и др., 2018).

Дискурс становления глобальной психологии в зарубежной науке в целом направлен на становление дисциплины, способной адекватно ответить на вызовы времени, адекватно отразить психологию человека, живущего в современном мире, где происходит интенсивное взаимодействие культур, неизбежное в эпоху глобализации, и этот мир позитивно окрашен и овеян духом становления новых школ и роста разнообразия, освобождения от необходимости следовать устоявшимся положениям. Глобальная психологическая наука, формирование которой с неизбежностью происходит в процессе общей мировой глобализации, формируется как *сеть* различных по своим теоретико-методологическим основаниям, но активно *взаимодействующих центров*, что открывает новые возможности для совместного научного творчества (Журавлев и др., 2018).

Современная российская психология на пороге глобальной науки

Представляется, что выбора «вступить» или «не вступать» в глобальную психологическую науку у нас нет (см. также: Ковалева, Журавлев, 2017). Но мы можем еще выбрать, в каком качестве мы туда войдем: как «развивающаяся провинция» мировой науки или как наследники одной из великих школ XX в.

Современная российская психология сложилась на основаниях советской психологической науки. С падением советского государства были сняты идеологические и другие барьеры на пути развития психологии, которая в советское время искусственно удерживалась в русле монометодологического течения, естественнонаучного по своей ориентированности и основанного на марксистской философии, с приоритетом фундаментальных теоретико-методологических исследований. На фоне резкого сокращения программ фундаментальных исследований произошел бум в области психологического об-

разования и психологической практики, который с неизбежностью сопровождался радикальными изменениями в подготовке специалистов и выходом на рынок психологических услуг людей, уже никак не связанных с советской российской психологической школой. Достаточно вспомнить, что в 1984 г. в России психологов выпускали три университета (девять в СССР) и в весьма ограниченном количестве, а в 1990-е годы уже более 300 вузов России ежегодно выпускали более 5000 психологов. Таким образом, большая часть современного российского психологического сообщества к парадигме, сложившейся в советской психологии, непосредственного отношения уже не имеет.

Характеризуя в целом состояние психологии в России этого периода, авторы монографии «Психологическая наука в России XX столетия» обозначают его как *переходный период* от устойчивой, унифицированной и моноструктурированной системы к новой, в качестве существенной особенности которой прогнозировалась научно-практическая и прикладная ориентированность психологических исследований (Психологическая..., 1997).

Далее в цитируемой коллективной монографии отмечено возрастание в российской психологии удельного веса элементов и компонентов западноевропейской и американской моделей.

То, что было сильной стороной отечественной школы, — наличие мощных теоретических концепций и высокопрофессиональных специалистов в области теории и методологии — оказалось в значительной мере невостребованным. И напротив, неприоритетная в советской психологии часть психологической практики оказалась высоко востребованной (Служба социального развития..., 1989; Социально-психологические проблемы бригадной формы..., 1987; и др.).

На фоне сочетания процессов интеграции с мировой наукой и разрушения единства отечественного профессионального сообщества основную массу лавинообразного приращения психологического сообщества в 1990-е годы составили люди, обучавшиеся психологии по переводным учебникам и адаптированным пересказам под руководством преподавателей, не читавших оригиналов, что объясняется мощным приростом переводных зарубежных учебников на рынке психологического образования, который бурно разрастался в тот период. Нарастание *контрглобалистических тенденций* в современной России отчасти имеет в своей основе разочарование, которое постигло многих из этих людей при попытке выхода

на Запад. Их исследования на Западе не вызывают интереса, журналы их не печатают. И дело не столько в том, что Западу не интересна жизнь в России, а в том, что уровень многих статей не соответствует требованиям журналов. Это неудивительно, так как существенная часть этой группы ученых изучала иностранные теории по вторичным изложениям, современных западных журналов не читает и поэтому не может соответствовать сложившемуся там дискурсу. Можно было ожидать, что применение западных теорий в исследованиях на российской почве позволит получить новые интересные данные и позволит прийти к оригинальным прорывам в теории, но на сегодняшний день нет оснований говорить, что это произошло за четверть века развития нашей постсоветской (частично «прозападной») психологии или происходит сегодня. Можно согласиться с А. В. Юревичем (2009), что «скрытая» от Запада советская психология была Западу более интересна, чем современная, «широко открывшаяся ему», однако причина интереса – не в скрытости или открытости, а в том, что именно мы Западу показываем.

Однако в России еще есть научные центры и школы, развивающие широко понимаемый *субъектно-деятельностный подход*, к которому в мировой науке сохраняется высокий и устойчивый интерес. Так, в литературе отмечается, что с годами интерес зарубежных психологов к работам Выготского только возрастает, и это проявляется в росте индекса цитирования его работ. По данному показателю он в последние годы опередил многих классиков зарубежной психологии (Юревич, 2010; Кагров, 2005). У российских психологов есть все основания для полноценного участия в диалоге с представителями современного мейнстрима. Классические отечественные теории, известные на Западе, в частности популярная в интернациональной науке теория Л. С. Выготского, развивались и на родной почве, и развитие это было иным, нежели на Западе, и возьму на себя смелость сказать, что российские психологи продвинулись в этом значительно дальше зарубежных коллег. Так, теория Л. С. Выготского, признанная зарубежными коллегами, воспринимается ими в основном лишь в части описанного им механизма овладения культурой, но не в части понимания подлинно решающей роли культуры в формировании личности, революционного пафоса этой теории: «Культурно-историческую концепцию Выготского мог создать только человек, живший в эпоху революционных перемен, атеист, свято веривший в возможность „формирования нового человека“ в рам-

ках марксистской психологии, т. е. исповедовавший иудео-христианскую идею мессианства в ее новой сайентистской форме» (Петренко, 2007, с. 141).

Помимо диалога в области известных интернациональному читателю теорий представляет интерес и возможность обсуждения ряда научных концепций, сложившихся в русле субъектно-деятельностного подхода, которые в России справедливо полагают классическими и которые остаются за пределами России явно недостаточно известными. Прежде всего, необходимо назвать теорию Б. Г. Ананьева, содержание которой относится к областям, остро актуальным сегодня в мейнстриме, таким как Life-Span Human Development, влияние личности на психофизиологические функции, и др.

Таким образом, интеграция данного направления в мировую науку, как представляется, не только максимально может быть там востребована, но и способна мировую науку обогатить.

Нужна ли интеграция российским ученым?

С уверенностью могу сказать: *для того чтобы субъектно-деятельностный подход мог содержательно развиваться дальше, он должен быть интегрирован в мировую науку, только так может развиваться российская психология.* В самой России сегодня недостаточно необходимых ресурсов и соответствующего крупного социального заказа на фундаментальные разработки такого уровня и такой направленности. Уже стали повторяющимися слова о том, что в России фундаментальная наука мало финансируется. Уже никого не удивить тем, что на долю России приходится 1,7% валовых внутренних расходов на исследования и разработки в мире (Unesco..., 2015a). Для сравнения, на долю США приходится 28,1%, на долю Китая – 19,6%, на долю Японии – 9,6%, Южной Кореи – 4,4%. Как-то при этом российская наука все же развивается.... Думается, нашим психологическим сообществом не вполне осознано место *психологии* в настоящем и будущем российской науки. Уместно вспомнить, что в России принята программа приоритетного развития восьми направлений (отраслей) науки, на финансирование которых расходуется практически основное, что на науку в целом выделяется. Это:

1. Безопасность и противодействие терроризму.
2. Индустрия наносистем.

3. Информационно-телекоммуникационные системы.
4. Науки о жизни.
5. Перспективные виды вооружения, военной и специальной техники.
6. Рациональное природопользование.
7. Транспортные и космические системы.
8. Энергоэффективность, энергосбережение, ядерная энергетика¹.

При этом отмечается, что «Динамика затрат на ИР свидетельствует о растущей концентрации ресурсов на приоритетных направлениях развития науки, технологий и техники в Российской Федерации... Удвоился удельный вес приоритетных направлений в общем объеме внутренних затрат (с 34,8% в 2006 г. до 68,6% в 2015 г.)» (Исследования..., 2016, с. 1). На что же можно рассчитывать психологам, среди прочих неприоритетных научных направлений? Важно заметить, что доля расходов на развитие психологии в США пишется отдельной строкой, составляет почти треть того, что получают физики, и в последние десятилетия постоянно возрастает (Unesco, 2015).

Современные лаборатории, конечно, дорого стоят. В постперестроечные десятилетия активно обсуждались проблемы массового отхода российских психологов от естественнонаучной парадигмы и растущей популярности парадигмы гуманитарной. В методологических предпочтениях ли дело? Могло ли быть иначе в условиях отсутствия экспериментальных лабораторий? Много ли желающих профессионально учиться субъектно-деятельностному подходу в современной России на факультетах психологии, где редкостью становится реальный лабораторный практикум и обучение эксперименту? *Вот в этом я вижу «риски глобализации», которые угрожают российской психологии. Утрата значимости и значения, утрата собственного лица и достойного места в пространстве мировой психологической науки будущего.*

Субъектно-деятельностный подход в широком его значении и естественнонаучной постановке развивался в другой стране, с другой культурой и уже с другой ментальностью, в других университетах. Возможно, те, кто закончили университеты до перестройки, — по-

1 Указ президента Российской Федерации «Об утверждении приоритетных направлений науки, технологий и техники в Российской Федерации и перечня критических технологий Российской Федерации» от 7 июля 2011 г.

следнее поколение, которое научено понимать эти тексты, владеть этим языком, этим понятийным аппаратом. За ними «слой» стремительно истончается. Если не обеспечить вхождение в мировую психологическую науку разработок отечественного субъектно-деятельностного подхода, тех научных концепций, которые пока не вошли туда, то их, скорее всего, ждет судьба артефактов. Отказ от изоляционистских тенденций, активное участие в диалоге, развитие сотрудничества и интеграция сегодня представляются необходимыми для развития самой отечественной науки. Можно согласиться с утверждением, что «Сегодня позиция автаркии (самодостаточности) и квазипатриотизма российской науки не просто бесперспективна в силу отсутствия необходимых для этого у современной России огромных материальных и финансовых средств. Такая стратегия губительна, так как в силу своей иллюзорности приведет к полной растрате даже тех возможностей, которыми пока еще располагает отечественная наука» (Лебедев, 2012, с. 147–148).

Из новых оригинальных, российских по своим корням направлений, развившихся в постперестроечный период, можно назвать христианско-православную, или религиозно-философскую, психологию, которая активно развивается, ряды ее сторонников сегодня ширятся, продолжая традиции направления, существовавшего в России в досоветский период. Это совершенно оригинальное направление в мировой науке, тесно связанное с российской культурой, ориентированное в своей практике на обширный российский рынок, а в своей теории основывающееся преимущественно на русскоязычных источниках и апеллирующее к российской ментальности. Если внимательно проанализировать, то к этому научному направлению в последние годы тяготеют работы таких российских психологов, как: Н. В. Борисова, Б. С. Братусь, М. И. Воловикова, А. А. Гостев, В. А. Кольцова, В. А. Пономаренко, В. Е. Семенов, В. А. Соснин, А. В. Сухарев, Флоренская и многие другие.

Может показаться парадоксальным, но, фокусируясь на уникальности российской культурной идентичности, это направление созвучно идеям, положившим начало движению к глобальной психологии в мировой науке, отвечает установке на исследование личности в культурном контексте, с применением адекватного ему теоретико-методологического аппарата. Ее интеграция в глобальный контекст представляется органичной, так как в сети глобальной психологии российская наука может и должна сохранить свою специ-

фичность, потому что именно своей уникальностью она может быть интересна и полезна в мировой науке.

Заключение

В эпоху глобализации с неизбежностью происходит формирование глобальной науки, что предполагает как формирование новых объектов и предметов исследований, так и изменение совокупного субъекта исследовательской деятельности — научного сообщества. Выбора «вступить» или «не вступать» в глобальную психологическую науку у российской психологии нет. Но пока мы можем выбирать, в каком качестве туда войдем: как «развивающаяся провинция» мировой науки или как наследники одной из великих школ XX в.

Вызывает сожаление, что в российском профессиональном сообществе вхождение в глобальную науку воспринимается как некоторая угроза и риски. В коллективном сознании сообщества формирующаяся глобальная наука предстает как достаточно монолитная «универсальная» парадигма, в догматической и жесткой форме диктующая нам представления о человеке, методологию и теорию, для нас неприемлемые. Такое представление не соответствует действительности. Глобальная психология формируется как *многополюсное сетевое образование* (см.: Журавлев и др., 2018), включающее весьма различные центры, не как новое единое теоретическое течение, но, скорее, как дивергентное развитие новых и переосмысляемых старых психологических теорий в попытках дать объяснение новым эмпирическим реалиям, порождаемым эрой глобализации. Для российской психологической науки представляется необходимым отказ от изоляционистских тенденций, активное участие в диалоге, развитие сотрудничества и интеграция на новом этапе развития мировой науки. Это представляется необходимым условием будущего субъектно-деятельностного (в широком, характерном для отечественной психологии) подхода в контексте мировой науки, так как объективная реальность существования психологической науки в России, отсутствие финансирования, необходимого для развертывания современных лабораторных исследований, без которых невозможно развитие подхода в русле присущей ему естественнонаучной методологии, не оставляет надежды на его будущее в современной России. В то же время идеи и подходы, рожденные в контексте парадигмы, развивавшейся в советской науке, не утратили значимости в контексте мирового

развития психологии, и возможности их не исчерпаны. Утрата этого достояния, превращение в «развивающуюся провинцию» мировой науки представляются главным «глобальным риском» для российской психологической науки.

Интересными представляются и перспективы интеграции современной православной психологии, методология которой созвучна основной установке «глобальных» подходов: исследовать личность в культурном контексте, с применением адекватного ему теоретико-методологического аппарата.

В сети глобальной науки российская психология может занять достойное место, обладая серьезным теоретико-методологическим базисом и знанием психологических особенностей многомиллионного народа. В то же время российская психология может и должна сохранить свою особость, специфичность, которой она может быть интересна и полезна, а значит — востребована.

Литература

- Журавлев А. Л., Мироненко И. А., Юревич А. В.* Психологическая наука в глобальном мире: вызовы и перспективы // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 2. С. 58–71.
- Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития науки, технологий и техники // Наука. Технологии. Инновации. Вып. от 28.12.2016.
- Ковалева Ю. В., Журавлев А. Л.* Глобальная психология в условиях современных глобальных вызовов // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. С. 1830–1838.
- Лебедев С. А.* Наука в глобальном мире // Век глобализации. 2012. № 2. С. 145–151.
- Мироненко И. А.* От прогноза — к форсайту будущего российской психологии // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 3. С. 119–123.
- Новое в науках о человеке: К 85-летию со дня рождения академика И. Т. Фролова / Отв. ред. Г. Л. Белкина, ред.-сост. М. И. Фролова. М.: Ленанд, 2015.
- Петренко В. Ф.* Школа А. Н. Леонтьева в семантическом пространстве психологической мысли // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Вып. 4. С. 138–156.

- Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / Под ред. А. В. Брушлинского. М., 1997.
- Психологические исследования глобальных процессов: предпосылки, тенденции, перспективы / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Д. А. Китова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
- Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты / Отв. ред. В. С. Степин. М.: Наука, 2007.
- Служба социального развития предприятия: практическое пособие. М.: Наука, 1989.
- Социально-психологическая оценка рисков современной реальности: очевидное и вероятное / Под науч. ред. О. А. Белобрыкиной. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2017.
- Социально-психологические проблемы бригадной формы организации труда / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1987.
- Юревич А. В.* Российская психология в мировом мейнстриме // Методология и история психологии. 2009. Т. 4. Вып. 3. С. 76–89.
- Юревич А. В.* Оптимум интеграции // Наука. Инновации. Образование. 2010. Вып. 9. С. 45–56.
- Karpov Y. V.* The Neo-Vygotskian Approach to Child Development. Cambridge, 2005.
- UNESCO Science Report: towards 2030. Published in 2015 by the United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization. 2015a.
- UNESCO Science Report: towards 2030 – Executive Summary. Published in 2015 by the United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization. 2015b.

Возможности использования цифровых следов для прогнозирования поведения личности

Ю. С. Мурзина, В. П. Позняков

Эксперты из разных отраслей утверждают, что уже в ближайшем будущем все человечество столкнется с кардинальной сменой экономического и общественного уклада. Так, основатель и президент Всемирного экономического форума Клаус Мартин Шваб в своей речи на Форуме в Давосе в 2016 г. подробно остановился на идее четвертой промышленной революции: «В ближайшем будущем нас ожидают перемены такого масштаба и такой сложности, каких человечеству еще никогда не доводилось испытывать. В долгосрочной перспективе новый технологический переход может привести к революционному прорыву в эффективности и производительности труда и росту экономики, но в краткосрочной он может стать причиной существенного дисбаланса в мировой экономике, углубляя неравенство и провоцируя риск глобальной структурной безработицы» (Навыки будущего, 2017).

По прогнозам ведущих экспертов Всемирного экономического форума, приход инноваций стоит ожидать примерно через три года. А в течение последующих десяти лет мир существенно трансформируется во всех своих сферах. Основными трендами будущего станут следующие: 1) переносные и имплантируемые устройства создадут новые формы общения и отношений; 2) повсеместное проникновение компьютеров качественно изменит образ жизни большинства людей; 3) интернет вещей сделает умным не только дом, но и одежду; 4) развитие искусственного интеллекта будет оказывать влияние на принятие решений людьми; 5) появление новых экономических моделей будет основано на цифровых сетях и платформах (в том числе блокчейн); 6) оцифровка материалов и создание физических объектов с помощью 3D-принтера существенно повлияет на самые разные сферы производства (Deep Shift Technology, 2015).

А. А. Аузан, декан экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, пишет: «Думается, что шанс российской экономики на ближайшее время связан с перспективами диджитализации и цифровой экономики не потому, что это модно, а потому, что это неожиданно хорошо ложится на то, что мы традиционно умели делать: креативные разработки, уникальные, малосерийные, нестандартные продукты. Цифровая экономика есть полностью и целиком экономика индивидуализированных и кастомизированных продуктов, производимых небольшими группами. И для этого требуется не много капитала денежного, а много качественного человеческого капитала» (Отчет VCG, 2017).

Согласно стратегической программе развития «Национальная технологическая инициатива» – программе по созданию условий для эффективного развития России в новых высокотехнологичных отраслях – были выделены следующие девять интернет-сегментов: Аэронет (беспилотные летательные аппараты), Автонет (услуги современных систем и транспортных средств на основе интеллектуальных платформ), Нейронет (средства человеко-машинных коммуникаций), Маринет (морские интеллектуальные системы), Энерджинет (рынок энергии), Хелснет (персонализированная медицина), Сейфнет (новые персональные системы безопасности), Фуднет (продовольствие, обеспеченное интеллектуализацией, автоматизацией и роботизацией технологических процессов), Финнет (рынок децентрализованных финансовых систем и валют) (Национальная технологическая инициатива, 2018).

В связи с глобальной цифровизацией и необходимостью развития цифровой экономики появилась новая отрасль психологии – *киберпсихология* (или психология Интернета), которая объединяет методологию, теорию и практику исследования видов, способов и принципов применения людьми социальных сервисов Интернета (см. также: Журавлев и др., 2016; и др.). Как указывает А. Е. Войскунский (2013), современные киберпсихологические исследования могут быть по праву названы *комплексными* направлениями исследований внутри психологической науки, так как они охватывают разные ее отрасли:

- возрастную психологию (ранняя одаренность и возрастная специфика в применении компьютеров и Интернета);
- социальную психологию (взаимодействие в социальных сообществах, троллинг, эффект «эхо-камеры» и др.);

- клиническую психологию (поведенческие аддикции, зависимость от Интернета, применение систем виртуальной реальности для терапии страхов и фобий);
- педагогическую психологию (групповое и индивидуальное обучение посредством компьютеров, дистантное обучение, создание дружественных интерфейсов и игровых обучающих программ);
- организационную психологию (специфика новых форм занятости в секторе киберэкономики и креативной экономики; изменение трудовых функций, сокращение персонала через внедрение чат-ботов или программ искусственного интеллекта, например Рекрутер Vera);
- дифференциальную психологию (сопоставление личностных типов в условиях непосредственного и опосредствованного Интернетом общения, изучение и предсказание поведения человека на основе анализа его социальных профилей, профилактика правонарушений);
- когнитивную психологию (изучение особенностей восприятия информационных блоков, распределения объемов внимания, оперирования «внешней» памятью, Google-эффект, клиповое мышление);
- психологию общения и психолингвистику (синхронное и асинхронное общение, общение в форме полилога, речевые особенности мобильной связи) и т. п.

Цифровое поведение личности

В рамках социальных исследований, посвященных сфере интернет-коммуникаций, актуален вопрос изучения и предсказания цифрового поведения личности. Остановимся подробнее на анализе зарубежных исследований в этой области.

Цифровая экономика предполагает некоторые действия человека в сети, которые оставляют цифровые следы. Именно их и анализируют киберпсихологи. Так, например, «лайки» на Facebook и язык общения могут быть использованы для оценки личностных особенностей пользователей интернета. На основе данных 58000 Facebook-профилей добровольцев показано, что легкодоступные цифровые записи поведения, такие как «лайки», могут быть использованы для автоматического и достаточно точного прогнозирова-

ния личных характеристик, в том числе: сексуальной ориентации, этнической принадлежности, религиозных и политических взглядов, личностных качеств, уровня интеллекта, состояния счастья, применения препаратов (вызывающих привыкание), развода в семье, а также пола и возраста (Kosinski et al., 2013). В других исследованиях было показано, что личность в цифровом мире может быть описана многими показателями, включая успехи в учебе (Komarraju et al., 2009), характер работы (Judge et al., 1999; Neal et al., 2012), социальный статус (Anderson et al., 2001), здоровье (Soldz, Vaillant, 1999), успех в романтических отношениях (Donnellan et al., 2004, 2005), политические взгляды (Gerber et al., 2010), субъективное благополучие (Hayes, Joseph, 2003) и онлайн-поведение (Wang, 2013).

Вместе с тем одной из самых хорошо изученных моделей описания личности и часто используемых в киберпсихологии является Пятифакторная модель (Big Five Personality Model). В основе ее лежат исследования Г. Олпорта и Р. Кэттела, которые предполагали, что личность характеризуется индивидуальными различиями в степени и форме адаптации к социальной среде с учетом ее биологических свойств. В соответствии с названием, Модель предполагает, что личность человека включает в себя пять общих и относительно независимых факторов (диспозиций): экстраверсию, доброжелательность (способность прийти к согласию), сознательность (добросовестность), невротизм (эмоциональная нестабильность), открытость опыту. Некоторые взаимосвязи указанных пяти факторов личности и особенностей ее цифрового поведения, выявленные по материалам исследования 180000 Facebook-пользователей, представлены в статье «Личность и установки Facebook-пользователей» (Bachrach et al., 2012).

Экстраверсия измеряет склонность человека искать стимуляции во внешнем мире, выражать положительные эмоции. Экстраверты более общительны, дружелюбны и просоциальны. Интроверты более склонны быть в одиночестве, не ищут внешней стимуляции. Эмпирические результаты показывают, что экстраверты чаще обращаются к взаимодействию с другими пользователями Facebook. Они более активно делятся тем, что происходит в их жизни, в том числе своими чувствами, используя при этом обновления статуса профиля.

Доброжелательность – готовность идти к согласию – измеряет степень, в которой человек сосредоточен на поддержании позитивных социальных отношений. Высокая степень выражает склонность быть дружелюбным и сострадательным, низкая – холодность и по-

дозрительность. Доброжелательные люди более склонны вести себя в духе сотрудничества, приспосабливаться к потребностям и интересам других. Неудивительно, что пользователи с высоким показателем по этой шкале чаще появляются на фотографиях с другими людьми и ставят больше хеш-тегов. Те, у кого низкая доброжелательность, больше сосредоточены на себе, их меньше беспокоит, что думают о них другие, поэтому они и ставят меньше «лайков».

Сознательность (добросовестность) измеряет предпочтение организованного или спонтанного подхода к жизни. Человек с высокими показателями по этой шкале в большей степени организован, надежен и последователен. Таким людям нравится планировать и добиваться успехов. Люди с низкой «сознательностью», как правило, более спокойные, спонтанные и творческие. Они более терпимы и менее связаны правилами. В цифровом поведении эта шкала негативно связана с количеством «лайков» и членством в группах, но положительно связана с количеством загруженных фотографий. Это может обозначать, что «сознательные» люди меньше стремятся выразить свою признательность другим и считают использование Facebook пустой тратой времени, отвлечением от других важных дел, таких как работа.

Невротицизм — это тенденция испытывать перепады настроения и негативные эмоции, такие как чувство вины, гнев, беспокойство и депрессия. Люди с высоким уровнем невротизма чаще испытывают стресс и проявляют нервозность, в то время как люди с низким показателем более спокойны и уверены в себе. Данные показывают, что невротизм положительно коррелирует с количеством «лайков» на Facebook и незначительно — с количеством групп. Этот эффект похож на корреляцию со шкалой «Открытость к опыту». Уровень «невротизма» возрастает пропорционально количеству друзей и достигает пикового уровня при наличии 200 друзей. За пределами этого уровня показатели становятся отрицательно связанными с количеством друзей. Таким образом, очень невротичные люди могут иметь меньше друзей, но поддерживать более тесные отношения, обеспечивая большую поддержку.

Открытость опыту характеризует развитое воображение, любопытство, поиск новых впечатлений. Люди с высоким уровнем открытости опыту, как правило, проявляют высокий интерес к культуре, произведениям искусства, эстетическим проявлениям жизни, высоко ценят приключения и новые или необычные идеи. Эта черта свя-

зана с эмоциональной чувствительностью, толерантностью и политическим либерализмом. Те, у кого низкая открытость, как правило, более условны, менее креативны, более авторитарны. Они стараются избегать изменений, более консервативны и замкнуты. Результаты показывают, что «открытость опыту» положительно коррелирует с количеством «лайков» пользователей, групповых ассоциаций и обновлений статуса. Эти результаты не удивительны, поскольку все эти функции указывают на более активное участие пользователей в поиске новых впечатлений и идей и обмене ими со своими друзьями.

В целом в исследованиях последних 5 лет было неоднократно показано, что все переменные Пятифакторной модели взаимосвязаны с поведением пользователей в социальных сетях (Blackwell et al., 2017; Kuss, Griffiths, 2011; Kosinski et al., 2014; Seidman, 2013; Liu et al., 2016; Azucar et al., 2018).

В перечисленных работах прослеживается следующая логика выявления связи между качествами личности и ее поведением онлайн.

1. Проведение анкетных опросов по самооценке личностных качеств пользователей социальных сетей.
2. Сбор цифровых следов из профилей социальных сетей пользователей.
3. Обработка цифровых следов для извлечения отдельных или нескольких функций, которые будут использоваться в предсказательных моделях.
4. Оценка точности предсказаний личности на основе этих характеристик.

Тем не менее исследования различаются в зависимости от типа цифровых следов (текста, изображений, «лайков», активности пользователей, которые могут быть рассмотрены отдельно или в комбинации) и анализируемых платформ социальных сетей (Facebook, Twitter, Instagram, Youtube).

Китайскими исследователями (Gao et al., 2013; Li et al., 2014; Wei et al., 2017) удалось выделить личностные характеристики по Пятифакторной модели с использованием образцов текста из микроблога Sina Weibo¹: в анализе использовались различные комбинации циф-

1 Sina Weibo — китайский сервис микроблогов, запущенный компанией SinaCorp в 2009 г. Сервис является гибридом между Твиттером и Facebook. Это одна из самых популярных платформ в Китае. По состоянию на февраль 2013 г. число пользователей сервиса составляло более 500 млн.

ровых следов (активность, активность + язык, активность + язык + картинки).

Возможные ограничения и практическое использование результатов исследования цифровых следов личности. Несмотря на то, что исследования цифровых следов личности сейчас набирают популярность, эта область психологических исследований еще довольно молода, и это отчасти объясняет причину отсутствия сопоставимости в применяемых методах исследования. Например, исследования в значительной степени зависят от размеров выборки, типа анализируемых цифровых следов и платформы социальных сетей, используемых для сбора данных. Учитывая эти обстоятельства, необходимо каждый раз оценить их точность и возможные ограничения. Следует также отметить, что эти исследования развиваются в непосредственной связи с активно формирующимся направлением психологических исследований глобальных, в том числе информационных процессов (см., напр.: Китова, Журавлев, 2018; Психологические исследования..., 2018; Социально-психологическая оценка рисков..., 2017; и др.).

Вместе с тем возможность использовать цифровые следы для прогнозирования поведения личности и оценки личностных особенностей может представлять собой быструю, экономически эффективную альтернативу психологическому обследованию в прямом контакте, что дает новые возможности для развития цифровой экономики. Тем более что новый путь сбора данных позволяет охватить более широкие группы населения, что может быть полезно как для академических (психологических и медицинских), так и для коммерческих исследований. Что касается академических исследований, то разработка автоматизированных процедур измерения личности позволила бы охватить большие выборки и получить данные, менее подверженные феномену социальной желательности.

Некоторые личностные качества могут выступать как потенциальные факторы риска для здоровья человека, поэтому изучение профилей социальных сетей может способствовать повышению эффективности сообщений пользователям для профилактики нездоровых форм поведения, тем самым повышая результативность государственных программ здравоохранения и увеличивая продолжительность жизни. В рамках коммерческих приложений знания о личности пользователей могут помочь в персонализации системы рекомендаций для обучения. Кроме того, онлайн-рекламодате-

ли, электронная коммерция и провайдеры электронного обучения могли бы корректировать свою информацию с учетом личностных особенностей и потребностей интернет-пользователей.

Таким образом, киберпсихология открывает широкий диапазон возможностей для академических и практических исследований в разных социальных отраслях. Вместе с тем всегда стоит помнить о праве на неприкосновенность частной жизни и о «цифровых» правах человека (запрет на сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия; право контролировать информацию о себе; право на защиту персональных данных и т. д.). Именно соблюдение морально-этических и правовых аспектов в киберпсихологии позволит сделать новое направление в науке полезным для общества и будет способствовать развитию цифровой экономики в нашей стране.

Литература

- Войсункий А. Е.* Киберпсихология как раздел психологической науки и практики // *Universum: Вестник Герценовского университета.* 2013. № 4. С. 87–88.
- Журавлев А. Л., Нестик Т. А., Юревич А. В.* Приоритетные направления психологической науки и практики в 2030 г.: Результаты экспертного опроса среди российских психологов // *Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики.* 2016. № 3 (79). С. 1–14.
- Китова Д. А., Журавлев А. Л.* Интернет как психологический ресурс геополитического противоборства // *Проблемы социальных конфликтов в современной психологии: сущность, детерминанты, регулирование.* М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 343–363.
- Навыки будущего. Что нужно знать и уметь в новом сложном мире. URL: https://worldskills.ru/assets/docs/media/WSdoklad_12_okt_rus.pdf (дата обращения: 14.05.2018).
- Национальная технологическая инициатива. URL: <http://www.nti2035.ru/markets> (дата обращения: 14.05.2018).
- Отчет ВCG «Россия 2025: от кадров к талантам». URL: <http://marketing-course.ru/wp-content/uploads/2017/11/Sberbank-BCG-issledovanie.pdf> (дата обращения: 14.05.2018).
- Психологические исследования глобальных процессов: предпосылки, тенденции, перспективы / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Д. А. Китова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.

- Социально-психологическая оценка рисков современной реальности: очевидное и вероятное / Под науч. ред. О. А. Белобрыкиной. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2017.
- Azucar D., Marengo D., Settanni M.* Predicting the Big 5 personality traits from digital footprints on social media: A meta-analysis // *Personality and Individual Differences*. 2018. V. 124. P. 150–159.
- Bachrach Y., Kosinski M., Graepel T., Kohli P., Stillwell D.* Personality and patterns of Facebook usage // *Proceedings of the 4th Annual ACM Web Science Conference*. WebSci'12, 2012. P. 24–32.
- Deep Shift Technology // *Tipping Points and Societal Impact Survey Report*. September 2015. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GAC15_Technological_Tipping_Points_report_2015.pdf (дата обращения: 10.05.2018 г.).
- Gao R., Hao B., Bai S., Li L., Li A., Zhu T.* Improving user profile with personality traits predicted from social media content // *Proceedings of the 7th ACM conference on recommender systems*. 2013. doi: 10.1145/2507157.2507219 (дата обращения: 12.05.2018).
- Kosinski M., Stillwell D., Graepel T.* Private traits and attributes are predictable from digital records of human behavior // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2013. V. 110 (15). P. 5802–5805. URL: <http://www.pnas.org/content/110/15/5802#ref-9> (дата обращения: 14.05.2018).
- Li L., Li A., Hao B., Guan Z., Zhu T.* Predicting active users' personality based on micro-blogging behaviors // *PLOS One*. 2014. V. 9 (1). URL: <http://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone> (дата обращения: 05.05.2018).
- Wei H., Zhang F., Yuan N.J., Cao C., Fu H., Xie X., Ma W.Y.* Beyond the words: predicting user personality from heterogeneous information // *Proceedings of the 10th ACM international conference on web search and data mining*. doi: 10.1145/3018661.3018717 (дата обращения: 15.05.2018).

Социально-психологические предикторы отношения личности к искусственному интеллекту и роботизации

Т. А. Нестук

Скорость развития технических систем сегодня опережает способность социальных групп осмыслять новые технологии и договариваться о нормах их использования. Технологии становятся все менее понятными и требуют все большей готовности пользователей положиться на экспертизу других людей, их советы и подсказки, а отчасти и на государство. Между тем ускорение развития технологий практически во всем мире оказалось сопряжено с социальным пессимизмом, снижением социального доверия.

Одной из технологий, требующих договоренностей о правилах использования, является *искусственный интеллект* — небиологический интеллект, предназначенный для решения сложных задач. Различают узкоспециализированный, или слабый, искусственный интеллект, такой как фильтры для защиты почты от спама или программы для самоуправляемых автомобилей, и общий, или сильный, искусственный интеллект, способный с помощью глубинного обучения самостоятельно найти решения незнакомой ему ранее задачи. Сегодня потребность в сильном искусственном интеллекте связана прежде всего с развитием предиктивной аналитики, основанной на анализе больших данных. Кроме того, оказалось, что проще научить одну сверточную нейросеть множеству задач, чем создавать для каждой задачи отдельную сеть.

Среди технологий, стремительно меняющих повседневную жизнь людей, системы на основе искусственного интеллекта занимают особое место. Во-первых, в эпоху, когда технологический оптимизм сопровождается социальным пессимизмом, именно с этими технологиями связана надежда на улучшение работы социальных институтов и оздоровление целых сфер жизни общества, таких как государст-

Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 18-18-00439 «Психология человека в условиях глобальных рисков».

венное управление, коммунальные услуги, общественный транспорт, здравоохранение, даже образование и СМИ. Машинное обучение, анализ больших данных и блокчейн рассматриваются как своего рода лекарство или даже протез для слабеющего социального доверия. Во-вторых, искусственный интеллект, в отличие от других технологий, не только в массовом сознании, но и среди экспертов наделяется характеристиками субъекта, представляется как сила, способная со временем подчинить себе человека (Turchin, Denkenberger, 2018). Примером может служить программа AlphaGoZero, которая достигла сверхчеловеческих возможностей в игре всего за 3 дня игры сама с собой. Уже разработан возможный сценарий захвата власти искусственным интеллектом (Бостром, 2016).

Искусственный интеллект, интернет вещей и анализ больших данных являются ключевой частью того пакета цифровых технологий, которые лежат в основе автоматизации, «платформенной экономики» и сдвига границ отраслей (см. также: Нестик и др., 2018). По мнению экспертов PricewaterhouseCoopers, влияние этих технологий на общество не будет мгновенным и будет нарастать в виде трех волн автоматизации. Первая волна завершится к середине 2020-х годов, она охватила прежде всего финансовый, IT и телекоммуникационный сектора и затрагивает в основном легко автоматизируемые операции с доступными данными. Вторая волна к концу 2020-х будет связана с оснащением людей-операторов новыми физическими и когнитивными возможностями: охватит производство, хранение и доставку, а также сферу розничных продаж. Наконец, третья волна к середине 2030-х годов будет связана с появлением автономных систем (например, транспортных), где принятие решений в меняющейся обстановке будет доверено искусственному интеллекту. Эти изменения по-разному чувствуются людьми в зависимости от страны проживания и профессии: например, ожидается, что в Юго-Восточной Азии, Северной Европе и России влияние автоматизации затронет меньше рабочих мест по сравнению с Восточной Европой и США (Parlett et al., 2018).

В отличие от европейских стран и США, в российском массовом сознании последствия *роботизации труда* пока недооцениваются. Как показал опрос россиян, проведенный ВЦИОМ на репрезентативной выборке в декабре 2017 г., 74% убеждены, что в обозримом будущем их рабочее место не смогут занять роботы (Роботизация работы..., 2017). При этом 73% вообще никогда не задумывались об этой

проблеме. Большинство (62%) считают тенденцию к замене людей на рабочих местах роботами неправильной, причем наиболее категорично это мнение отстаивает именно молодежь, а не старшее поколение (так считают 70% в группе 18–24 лет по сравнению с 55% в группе 45–59 лет).

Для измерения *отношения личности* к автоматизации разработано несколько методик. Широкое распространение получили 14-пунктная «Шкала негативного отношения к роботам» Т. Номуры, а также 12-пунктная «Шкала отношения к автоматизации» Дж.-И. Джиган, разработаны 10-пунктная шкала ожидаемой удовлетворенности взаимодействием с социальными роботами П. Альес-Оливейра, 21-пунктная «Кросс-культурная шкала доверия к автоматизации» С. Чиен и др. Предложены поведенческие индикаторы доверия к роботам, такие как проксемика и хронемика в коммуникации, перехват управления или частота взглядов в сторону от дороги при поездке в самоуправляемом автомобиле. Предприняты попытки адаптировать шкалы межличностного доверия к взаимодействию с роботами, разработать шкалы доверия к роботам как участникам совместной деятельности. Тем самым активно развиваются исследования психологических проблем доверия в современном обществе (Доверие и недоверие..., 2013; и др.).

Вызывает удивление отсутствие в психологических исследованиях шкал, которые измеряли бы отношение личности к внедрению технологий специализированного и общего искусственного интеллекта, имеющих ряд важных отличий от традиционных роботов и алгоритмов (возможность самообучения, интеграция с интернетом вещей, незримость для человека и т. д.). С одной стороны, основанные на технологиях искусственного интеллекта программные решения приобретают все большее сходство с человеком и даже претендуют на наличие индивидуальности, решают задачи, все более связанные с эмпатией и межличностными отношениями. С другой – совмещенный с «облачными решениями» и «интернетом всего» искусственный интеллект становится «распределенным», его влияние на повседневную жизнь распространяется далеко за пределы ситуаций непосредственного взаимодействия человека с конкретными техническими устройствами (Келли, 2017). В этих условиях высокую актуальность приобретает изучение отношения личности к искусственному интеллекту не как к техническому решению, а как к *социальному явлению*. С одной стороны, речь идет об изучении

отношения человека к новому объекту, а с другой – такая постановка проблемы хорошо вписывается в психологические исследования отношения личности к социальным явлениям и будет способствовать их развитию (см., напр.: Психология отношений..., 2007; Ценностные трансформации..., 2010; и др.)

Для изучения *представлений* россиян о последствиях внедрения технологий искусственного интеллекта в повседневную жизнь и выявления социально-психологических *предикторов готовности* использовать эти технологии нами была проведена серия эмпирических исследований, участниками которых в общей сложности стали 948 человек.

Первое исследование было проведено совместно с А. Самекиным среди российской и казахстанской русскоязычной молодежи от 17 до 35 лет (N=526; 37% – мужчины, 63% – женщины; средний возраст 22,7). Изучались социальные представления о влиянии технологий на общество, а также социально-психологическая детерминация готовности использовать различные технологии, уже внедряемые или выводимые на рынок в странах ЕАЭС. Для измерения индивидуально-психологических и социально-психологических характеристик личности применялся «Стенфордский опросник временной перспективы» Ф. Зимбардо в адаптации А. Сырцовой и О. Митиной, «Социальные аксиомы» (SAS) М. Бонда и К. Леонга в адаптации А. Н. Татарко и Н. М. Лебедевой, а также «Опросник моральных оснований» (MFQ) Дж. Хайдта в адаптации О. А. Сычева. Для оценки готовности использовать технологии респондентам предлагалось по 5-балльной шкале оценить свою готовность использовать 22 новых технологии, существующие на уровне прототипов или уже появившиеся на рынке. Для измерения общего отношения к технологическому прогрессу использовалась шкала технооптимизма из Евробарометра, а также шкала цифрового технооптимизма из исследования Pew Research.

Факторный анализ с вращением Варимакс позволил выделить 4 фактора, объясняющие 54% дисперсии оценок готовности использовать технологии: 1) «технологии киборгизации» (вживляемые микрочипы и механические устройства, нейроинтерфейсы, устройства дополненной реальности, персональные консультанты на основе искусственного интеллекта, андройды-помощники и т. п.; 18,3% дисперсии); 2) «технологии умного города» (электромобили, каршеринг, домашние 3D-принтеры, «умная одежда», телемедицина, «умный

дом», беспилотное такси и т. п.; 14% дисперсии); 3) «диагностика здоровья» (выявление генетической предрасположенности к заболеваниям; носимые медицинские датчики здоровья, бытовые датчики токсинов и т. п.; 12,5% дисперсии); 4) «технологии генной инженерии» (ЭКО-зачатие, редактирование генома будущего ребенка, ГМО в пищевых продуктах; 8,8% дисперсии).

Оказалось, что системы, развивающиеся в направлении общего искусственного интеллекта (персональные консультанты и человекоподобные роботы), воспринимаются респондентами как связанные с инвазивными технологиями и вызывают больше опасений, чем технологии специализированного искусственного интеллекта («умный дом» и беспилотный автомобиль).

Было выдвинуто предположение о том, что на принятие личностью этих групп технологий влияют различные *психологические факторы*. Структурное моделирование с использованием статистической программы IBM SPSS Amos v. 20 ($\chi^2=92,54$; $p \leq 0,002$; $df=57$; CMIN/DF=1,624; CFI=0,993; RMSEA=0,034; PCLOSE=0,984) подтвердило эту гипотезу. *Предикторами готовности* использовать технологии киборгизации, в том числе основанные на ИИ персональные консультанты и человекоподобные роботы, являются технооптимизм ($\beta=0,363$), ориентация на престижность технологии ($\beta=0,242$), интерес к информации о новых технологиях ($\beta=0,126$), цинизм, проявляющийся в низком социальном доверии ($\beta=0,110$), а также ориентация на гедонистическое настоящее ($\beta=0,076$). Данный тип технологий воспринимается как маркер *ориентации на личный успех и получение удовольствия*, поэтому их польза и надежность менее важны, чем *престиж*. Готовность использовать «технологии умного города», в том числе основанные на ИИ «умный дом» и беспилотное такси, определяется прежде всего технооптимизмом ($\beta=0,375$), надежностью технологии ($\beta=0,192$), а также признанием сложности общества ($\beta=0,169$) и низкой лояльностью к своей группе ($\beta=-0,162$). Технологии специализированного искусственного интеллекта уже входят в повседневную жизнь, поэтому их принятие сопряжено с *готовностью к социальным изменениям*, а не с престижностью.

Второе исследование было проведено нами совместно с А. О. Петровой для выявления личностных характеристик, влияющих на отношение к технологиям искусственного интеллекта. Участниками исследования стали студенты гуманитарных факультетов Москвы и г. Симферополя (N=129; 31% – мужчины, 69% – женщины; сред-

ний возраст – 21,1 года). Для измерения отношения к новым технологиям использовался семантический дифференциал. Шесть новых технологий оценивались респондентами по 21 биполярной 7-балльной шкале, которые в результате последующего агрегирования и факторного анализа были объединены в четыре фактора, объясняющие 98,8% дисперсии: оценка, понятность, полезность и безопасность. Общее отношение к новым технологиям оценивалось 8-пунктной шкалой технооптимизма из Евробарометра. Для оценки личностных характеристик использовались 44-вопросная методика «Инвентарь большой пятерки» (BFI) О. Джон в адаптации С. Щebetенко, а также 21-пунктная версия опросника ценностных ориентаций (PVQ) Ш. Шварца. Нами было выдвинуто предположение о том, что отношение к разным технологиям искусственного интеллекта будет определяться разными личностными характеристиками.

Как показал линейный регрессионный анализ, общая позитивная или негативная оценка той или иной технологии связана с личностными особенностями. Так, предикторами *позитивной оценки беспилотного такси* ($R=0,454$; $R^2=0,206$; $F=8,03$, при $p\leq 0,001$) является открытость новому опыту ($\beta=0,209^*$) и готовность использовать новые технологии ($\beta=0,381^{***}$). *Положительная оценка технологии умного дома* зависит ($R=0,559$; $R^2=0,313$; $F=6,65$, при $p\leq 0,001$; значимость β не ниже $p\leq 0,05$) от технооптимизма ($\beta=0,355^{***}$), добросовестности ($\beta=0,213^*$), ориентации на ценности гедонизма ($\beta=0,204^*$), универсализма ($\beta=0,239^*$) и достижения ($\beta=0,232^{***}$). Предикторами *позитивной оценки персональных помощников на основе ИИ* ($R=0,559$; $R^2=0,313$; $F=6,65$, при $p\leq 0,001$; значимость β не ниже $p\leq 0,01$) оказались технооптимизм ($\beta=0,370^{***}$) и ориентация на достижения ($\beta=0,275^{**}$). Можно предположить, что идея «умного дома» находит больший отклик среди людей, ценящих хозяйственность и комфорт, беспилотное такси – среди тех, кто готов к новому опыту, а личные помощники – среди тех, кто видит в них средство повышения своей эффективности.

Анализ размещения объектов оценки в построенных семантических пространствах показал, что, в отличие от устройств дополненной реальности и редактирования генома, технологии специального ИИ в целом кажутся понятными студентам нетехнических специальностей. При этом персональные консультанты на основе ИИ и «умный дом», управляемый ИИ, оцениваются как относительно безопасные, а беспилотное такси – как наиболее опасная из оцени-

ваемых технологий, даже по сравнению с редактированием генома. Опрос проводился весной 2018 г., уже после публикаций СМИ о первой гибели пешехода при столкновении с самоуправляемым автомобилем Uber, что могло повлиять на более высокую оценку опасности беспилотного такси, чем в предыдущем исследовании. С другой стороны, технология персональных консультантов в виде мобильного приложения на смартфоне может быть более привычна респондентам в связи с использованием голосовых помощников Siri и Алиса.

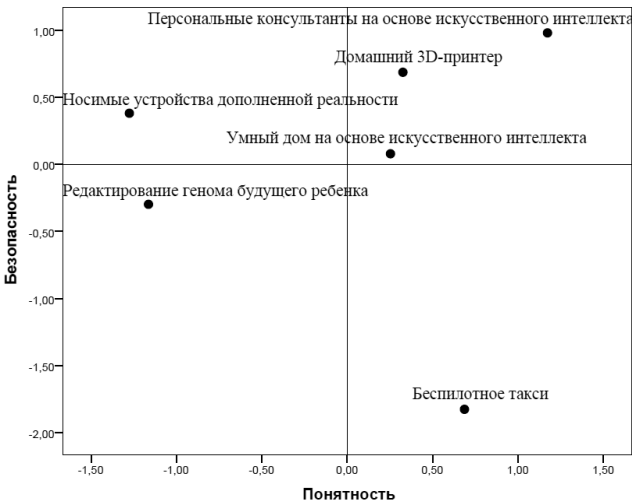

Рис. 1. Размещение оцениваемых новых технологий в семантическом пространстве факторов «Безопасность»–«Понятность»

Не было обнаружено значимых регрессионных связей между оценкой технологий по данным показателям и личностными характеристиками респондентов. По-видимому, степень опасности и понятности технологий определяются в большей степени групповыми и социетальными факторами, представления о них конструируются публичным дискурсом в СМИ и социальных медиа (о возможностях и методах см.: Психология воздействия..., 2012, 2014; и др.).

Участниками третьего исследования стали взрослые россияне (N=293; 28% – мужчины, 72% – женщины; от 16 до 56 лет, средний возраст 26,2; поскольку использовались разные версии анкеты, число опрошенных по некоторым шкалам различается от 115 до 293

человек). *Целью* исследования было выявление представлений о последствиях развития искусственного интеллекта, а также социально-психологических предикторов отношения к искусственному интеллекту. Для измерения отношения к искусственному интеллекту использовалась авторская анкета, включавшая методы ассоциативного эксперимента и семантического дифференциала. В пакет методик была включена анкета, измеряющая уровень технооптимизма, технофобию, блоки вопросов для измерения готовности к использованию 22 новых технологий (22 пункта, $N=526$, $\alpha=0,896$) и мотивации к их использованию (22 пункта, $N=526$, α от 0,590 до 0,764). Для измерения индивидуально-психологических и социально-психологических характеристик личности использовался опросник «Социальные аксиомы» в адаптации А. Н. Татарко и Н. М. Лебедевой, краткий 5-факторный опросник личностных черт ТИРІ, а также краткий опросник ценностных ориентаций Ш. Шварца PVQ21.

При обработке результатов ассоциативного эксперимента была использована методология анализа структуры социальных представлений, предложенная П. Вержесом и позволяющая выделить ядерные и периферийные ее элементы. В ядро *представлений о возможностях, возникающих в связи с развитием технологий искусственного интеллекта*, вошло расширение возможностей человеческого мышления и восприятия (с частотой 29 и рангом 1,6), более точная медицинская диагностика и новые технологии лечения (28; 1,5), автоматизация производства (30; 1,4), экономия времени (24; 1,3), повышение уровня образования и непрерывное обучение (14; 1,5), а также ускорение решения сложных интеллектуальных задач (10; 1,6). В ядро *представлений о новых угрозах, связанных с развитием искусственного интеллекта*, вошла безработица (63; 1,4), интеллектуальная и духовная деградация людей (57; 1,8), выход ИИ из-под контроля и захват мира машинами (44; 1,5), тотальный контроль и вторжение в частную жизнь (17; 1,5), безответственное использование ИИ людьми (13; 1,8), а также война, использование ИИ как оружия (14; 1,8). Воспринимаемые угрозы ИИ связаны не столько с надежностью и предсказуемостью самой технологии, сколько с ее использованием государством и другими людьми (подробнее о негативном отношении к новым технологиям см., напр.: Журавлев, Нестик, 2018; и др.).

Двухступенчатый кластерный анализ позволил выделить 5 групп респондентов в зависимости от субъективной значимости тех или иных рисков, связываемых с развитием искусственного интеллекта. В хо-

Таблица 1
Прототипический анализ социальных представлений о возможностях и угрозах, связанных с внедрением систем искусственного интеллекта (N=178)

Элементы структуры социального представления	Понятия-ассоциации (с указанием частоты встречаемости и среднего ранга)	Угрозы
	Возможности	
Ядро социального представления	Развитие возможностей человеческого мышления и восприятия (29; 1,6) Более точная медицинская диагностика и новые технологии лечения (28; 1,5) Автоматизация производства (30; 1,4) Экономия времени (24; 1,3) Повышение уровня образования и непрерывное обучение (14; 1,5) Ускорение решения сложных интеллектуальных задач (10; 1,6)	Безработица (63; 1,4) Интеллектуальная и духовная деградация людей (57; 1,8) Выход ИИ из-под контроля и захват мира машинами (44; 1,5) Тотальный контроль и вторжение в частную жизнь (17; 1,5) Безответственное использование ИИ людьми (13; 1,8) Война, использование ИИ как оружия (14; 1,8)
Потенциальная зона изменений социального представления (две подгруппы)	Превращение ИИ в личного помощника, собеседника и консультанта (7; 1,4) Персонализация производства и сбыта (6; 1,7) Борьба с преступностью и эффективная судебная система (1; 1) Расширение возможностей общения, в том числе на разных языках (4; 1,5)	Зависимость от ИИ, беспомощность людей (11; 1,9) Манипулирование сознанием людей с помощью ИИ (10; 1,9) Новые психологические расстройства (8; 1,8) Непредсказуемость ИИ (7; 1,7)

<p>Потенциальная зона изменений социального представления (две подгруппы)</p>	<p>Расширение возможностей для новых научных открытий (28; 1,9) Облегчение быта и расширение возможностей досуга (25; 2) Поиск, обработка информации и поддержка принятия решений (20; 2) Увеличение и экономия ресурсов (21; 2) Освоение новых труднодоступных пространств – океана и дальнего космоса (13; 1,9) Повышение мобильности людей и безопасности транспорта (10; 2,1) Замена человеку на опасном и тяжелом производстве (8; 1,9)</p>	<p>Катастрофические последствия сбоев/ошибок ИИ (19; 2) Сокращение живого общения между людьми (16; 2,1)</p>
<p>Собственно периферическая система социального представления</p>	<p>Помощь пожилым людям, больным и инвалидам (7; 2) Эффективное решение экологических проблем (4; 2) Прогнозирование будущего (3; 2) Новые возможности в военной сфере (4; 2) Вероятное создание альтернативной формы разумной жизни (3; 1) Цифровое бессмертие человека (2; 2) Справедливое правительство (2; 2,5)</p>	<p>Подмена человеческих ценностей машинными алгоритмами (10; 2,2) Снижение подвижности людей, физиологическая деградация (7; 2) Увеличение социального неравенства (5; 2,6) Сокращение ресурсов планеты и вред окружающей среде (3; 2)</p>

Примечание: * Условия включения понятия в зону 1: частота ≥ 7 ; средний ранг $\leq 1,8$; условия включения понятия в зону 2: частота < 7 ; средний ранг $\leq 1,8$; условия включения понятия в зону 3: частота ≥ 7 ; средний ранг $\geq 1,8$; условия включения понятия в зону 4: частота < 7 ; средний ранг $> 1,8$. ** Условия включения понятия в зону 1: частота ≥ 12 , средний ранг $\leq 1,9$; условия включения понятия в зону 2: частота < 12 , средний ранг $\leq 1,9$; условия включения понятия в зону 3: частота ≥ 12 , средний ранг $\geq 1,9$; условия включения понятия в зону 4: частота < 12 , средний ранг $> 1,9$.

де последующего анализа значимых различий по непараметрическому критерию Краскела–Уоллиса между данными группами были обнаружены статистически достоверные различия по ряду индивидуально-психологических и социально-психологических характеристик ($p \leq 0,05$). В *первую* группу вошли респонденты ($N=51$), опасющиеся выхода искусственного интеллекта из-под контроля (100%). По сравнению с другими группами, они более готовы использовать новые технологии ИИ, наиболее уверены в неизбежности внедрения систем ИИ в повседневную жизнь и более позитивно оценивают его последствия для общества. Во *вторую* группу вошли респонденты ($N=69$), не имеющие какого-то одного выраженного страха, связанного с искусственным интеллектом: для них характерно опасение безработицы (21,7%), новых психических расстройств (14,5%), увеличения социального неравенства (13%) и беспомощности людей (13%). По сравнению с другими группами они более готовы использовать новые технологии, характеризуются менее выраженной экстраверсией и меньшей ориентацией на ценность достижений. К *третьей* группе были отнесены респонденты ($N=48$), опасющиеся прежде всего катастрофических последствий сбоев и ошибок искусственного интеллекта (70,8%), безответственного использования искусственного интеллекта людьми (27,1%) и манипулирования сознанием людей с помощью ИИ (22,9%), подмены человеческих ценностей машинными алгоритмами (20,8%). По сравнению с другими группами они ниже оценивают вероятность внедрения ИИ в повседневную жизнь и пользу ИИ для общества, менее готовы осваивать новые технологии, более склонны характеризовать себя как добросовестных и ориентированных на достижения. К *четвертой* группе были отнесены респонденты ($N=68$), опасющиеся использования искусственного интеллекта для тотального контроля и вторжения в частную жизнь (60,3%), а также использования его как оружия (54,4%). Представители этой группы характеризуются наиболее низким уровнем технофобии, но при этом наименьшей готовностью к использованию новых технологий, оценивают как нежелательные проявления эмоций и наличие сознания у ИИ, наименее доверяют правительству и работникам ИИ в сфере регулирования новых технологий. Наконец, в *пятую* группу вошли респонденты ($N=55$), опасющиеся интеллектуальной и духовной деградации людей при использовании искусственного интеллекта (100%). По сравнению с другими группами они наименее высоко оценивают пользу ИИ для общества, наибо-

лее доверяют государству и ученым в области регулирования новых технологий, более склонны характеризовать себя как доброжелательных и добросовестных и менее склонны считать себя открытыми новому. Полученные данные свидетельствуют о существовании «инновационных» и «консервативных» страхов в отношении новых

Таблица 2

Характеристики групп респондентов, озабоченных различными негативными последствиями внедрения искусственного интеллекта (результаты анализа значимых различий по непараметрическому критерию Краскела–Уоллиса; приводятся средние значения)

Личностные характеристики	Группы респондентов (кластеры)					χ^2	Р
	1	2	3	4	5		
Желательность наличия сознания и переживаний у ИИ	1,6	1,7	1,5	1,4	1,7	13,108	0,011
Негативное отношение к проявлению эмоций во взаимодействии с ИИ	3,2	3,2	3,3	3,5	2,9	19,561	0,001
Ориентация на достижения (PVQ)	0,3	-0,1	0,2	0,3	-0,3	12,871	0,012
Вероятность внедрения ИИ в повседневную жизнь людей	3,6	3,5	3,2	3,4	3,2	9,247	0,055
Ожидание позитивных последствий внедрения ИИ	3,0	2,9	2,7	2,8	2,6	9,112	0,058
Технофобия	2,0	2,2	1,8	1,7	2,1	20,452	<0,001
Намерение использовать новые технологии	2,6	2,9	1,3	1,2	2,4	42,268	<0,001
Доверие к государству в сфере регулирования новых технологий	2,4	2,8	2,5	2,2	3,0	16,226	0,003
Доверие к ученым в сфере регуляции развития новых технологий	2,9	3,2	2,9	2,7	3,3	15,262	0,004
Готовность использовать технологии искусственного интеллекта	3,0	2,8	3,0	2,9	2,7	15,429	0,004
Экстраверсия (TIPI)	5,0	4,4	5,2	5,4	5,0	28,378	<0,001
Доброжелательность (TIPI)	4,2	4,3	4,4	4,3	4,8	10,002	0,04
Добросовестность (TIPI)	5,4	5,0	5,5	5,5	5,6	13,747	0,008
Открытость новому опыту (TIPI)	5,2	4,9	5,2	5,4	4,8	9,815	0,044

технологий, т. е. разные уровни готовности к использованию новых технологий сопряжены с разными страхами в отношении будущего. Например, опасения того, что искусственный интеллект выйдет из-под контроля и подчинит себе людей, более характерны для тех, кто готов использовать технологии ИИ, верит в его быстрое развитие и пользу для общества. Напротив, коллективные страхи по поводу тотального контроля и возможной деградация человека связаны с низкой ориентацией на использование новых технологий.

Как показал регрессионный анализ ($R=0,583$; $R^2=0,340$; $F=7,327$ при $p \leq 0,001$), позитивная оценка технологии ИИ, измеренная с помощью семантического дифференциала, отрицательно связана с технофобией ($\beta = -0,227$) и прямо связана с аутистическим доверием ($\beta = 0,289$), доверием к ученым и разработчикам ($\beta = 0,155$), ориентацией на ценности стимуляции ($\beta = 0,223$), достижений ($\beta = 0,153$) и безопасности ($\beta = 0,186$), тревогой по поводу будущего ($\beta = 0,260$), добросовестностью ($\beta = 0,206$) и эмоциональной стабильностью ($\beta = 0,159$). Иными словами, искусственный интеллект позитивно воспринимается в том случае, если ориентация на достижения и стремление к переменам совмещаются с тревогой по поводу будущего и социальным доверием. По-видимому, именно доверие к разработчикам и потенциальным пользователям искусственного интеллекта позволяет видеть в нем средство решения личных и общественных проблем, которые ожидаются в будущем.

Ожидание негативных последствий развития искусственного интеллекта, согласно результатам линейного регрессионного анализа ($R=0,596$; $R^2=0,355$; $F=6,998$ при $p \leq 0,001$), обратно связано с аутистическим доверием ($\beta = -0,220$) и прямо — с социальным цинизмом ($\beta = 0,246$), доброжелательностью ($\beta = 0,255$) и добросовестностью ($\beta = 0,137$), выраженностью технофобии ($\beta = 0,141$) и возрастом респондентов ($\beta = 0,173$). Таким образом, оценка технологии ИИ и представления о последствиях ее использования в наибольшей мере определяются доверием к другим людям, а не к надежности работы техники.

Для выявления представлений о долгосрочных последствиях развития искусственного интеллекта респондентам предложено оценить *вероятность 12 сценариев взаимодействия ИИ и человека* (Tegmark, 2017). Факторный анализ с вращением Варимакс позволил объединить сценарии в *три фактора*, объясняющие 53,7% дисперсии: 1) «ИИ — поработитель» (примеры сценариев: «Всемогущий искусственный разум оставляет в живых часть людей, которые чувст-

вуют себя словно звери в зоопарке»; «ИИ выходит из под контроля людей, видит в них угрозу или бессмысленную трату ресурсов и в итоге избавляется от них»); 2) «ИИ – помощник» (примеры сценариев: «Люди, киборги, загруженные в виртуальную реальность сознания и сверхразумы мирно сосуществуют друг с другом благодаря базовому доходу, который получают все люди»; «Все знают, что ИИ управляет обществом и строго следит за соблюдением правил, но большинство людей воспринимает это как благо»); 3) «ИИ – оружие в руках людей» (примеры сценариев: «ИИ находится под контролем людей, которые используют его для создания супертехнологий как во благо, так и во вред друг другу, в зависимости от того, кто его контролирует»; «Развитие ИИ ограничивается государством и спецслужбами, которые используют его для контроля над гражданами»).

Проведенный линейный регрессионный анализ ($R=0,472$; $R^2=0,222$; $F=2,93$ при $p \leq 0,001$) показал, что оценка вероятности сценариев «ИИ – *поработитель*» обратно зависит от религиозности ($\beta=-0,154$) и желательности использования ИИ для поддержки неэффективных социальных институтов ($\beta=-0,218$), а также прямо зависит от сочетания готовности использовать технологии ИИ ($\beta=0,144$) и значимости престижности технологий ИИ ($\beta=0,285$) с технофобией ($\beta=0,163$), ориентацией на ценность традиций ($\beta=0,159$) и верой в предопределенность судьбы ($\beta=0,212$). В данном случае наблюдается та же связь, которая была обнаружена при анализе ответов на открытый вопрос об угрозах ИИ: страх выхода ИИ из-под контроля сопряжен с готовностью использовать технические системы, основанные на ИИ, и одновременно – со стремлением избежать радикальных социальных изменений. Предикторами вероятности сценариев «ИИ – *помощник*» ($R=0,493$; $R^2=0,243$; $F=3,07$ при $p \leq 0,001$) оказались желательность использования ИИ для автоматизации производства и транспорта ($\beta=0,415$), интрупповое доверие ($\beta=0,124$), вера в награду за усилия ($\beta=0,173$), готовность использовать технологии ИИ ($\beta=0,158$), престижность технологий ИИ ($\beta=0,176$), а также открытость новому опыту ($\beta=0,218$). Наоборот, субъективная вероятность позитивных сценариев взаимодействия человека с ИИ отрицательно связана с возрастом респондентов ($\beta=-0,127$), с верой в сложность общества ($\beta=-0,178$), с желательностью использования ИИ для поддержки неэффективных социальных институтов ($\beta=-0,218$), со значимостью безопасности и удовольствия от использования технологий ИИ ($\beta=-0,190$), а также с экстраверсией ($\beta=-0,156$). Наконец, вероят-

ность сценариев «ИИ – оружие людей против друг друга» оценивается респондентами тем выше ($R=0,504$; $R^2=0,254$; $F=10,45$, при $p \leq 0,001$), чем выше технофобия ($\beta=0,127$) и одновременно – желательность использования ИИ на производстве и транспорте ($\beta=0,299$), тревога по поводу будущего ($\beta=0,158$), социальный цинизм ($\beta=0,169$), социальная сложность ($\beta=0,152$). Она отрицательно связана с убеждением в зависимости от судьбы ($\beta=-0,150$ и желательностью использования ИИ в сфере человеческих отношений ($\beta=-0,307$). Таким образом, полученные результаты указывают на то, что представления о долгосрочном влиянии ИИ на общество зависят от социального доверия, оценки эффективности социальных институтов и возможности влияния человека на свое будущее (см. также: Доверие и недоверие..., 2013; и др.).

Проведенное исследование представлений о возможностях и рисках, связываемых с развитием ИИ, показывает, что искусственный интеллект может рассматриваться как альтернатива плохо работающим социальным институтам и одновременно вызывать опасения дегуманизации самого человека. В ситуации, когда технооптимизм сочетается с социальным пессимизмом, возникает дилемма: использовать автоматизацию для замены доверия или укреплять доверие с помощью алгоритмов. От решения этой дилеммы, возможно, зависит выбор между сценариями будущего, где ИИ превращается в машину тотального контроля, и будущим, в котором ИИ помогает людям лучше понять себя и друг друга. Позитивные сценарии развития общего искусственного интеллекта предполагают способность людей и искусственного разума к диалогу, принятие друг друга как партнеров. Готовы ли мы к этому?

Чтобы измерить готовность респондентов к принятию ИИ в роли гипотетического Другого, мы предлагали им ответить на вопрос «Если у вас однажды появится персональный помощник, основанный на искусственном интеллекте, хотите ли вы, чтобы он обладал сознанием, т. е. субъективным опытом, внутренними переживаниями?», используя шкалу от 1 (определенно не хочу) до 5 (определенно хочу). Линейный регрессионный анализ показал ($R=0,490$; $R^2=0,241$; $F=7,64$, при $p \leq 0,001$), что готовность к взаимодействию с искусственным интеллектом, обладающим сознанием, прямо зависит от технооптимизма ($\beta=0,179$), ожидания позитивных последствий внедрения ИИ в жизнь общества ($\beta=0,158$), доверия к государству в сфере регулирования новых технологий ($\beta=0,164$), аутгруппового доверия, т. е. до-

верия к незнакомым людям ($\beta=0,105$), универсализма, т. е. желания понять людей с другой точкой зрения ($\beta=0,132$) и ориентации на ценность самостоятельности ($\beta=0,178$). Заинтересованность в личном помощнике, обладающем сознанием, меньше у женщин, чем у мужчин ($\beta=-0,155$), она отрицательно связана с возрастом ($\beta=-0,256$) и эмоциональной стабильностью респондентов ($\beta=-0,177$). Аналогичные результаты мы получили при анализе предикторов *негативного отношения к проявлению эмоций роботами* по «Шкале негативного отношения к роботам» Т. Номуры ($R=0,790$; $R^2=0,624$; $F=113,23$ при $p \leq 0,001$). Воображаемые ситуации проявления эмоций роботом вызывают тем больший дискомфорт, чем меньше аутистическое доверие ($\beta=-0,285^{***}$) и чувство контроля над жизненной ситуацией по шкале жизнестойкости ($\beta=-0,163^{***}$), а также чем больше тревога по поводу будущего ($\beta=0,301^{***}$) и принятие риска ($\beta=0,608^{***}$).

Таким образом, готовность к взаимодействию с искусственным интеллектом не просто как с машиной, но как с партнером, обладающим сознанием и переживаниями, требует сочетания техноптимизма с социальным оптимизмом, с доверием к социальным институтам и другим людям.

Факторный анализ с вращением Варимакс позволил объединить *16 сфер использования ИИ в повседневной жизни людей в четыре фактора*, объясняющие 61% дисперсии значений: 1) желательность использования ИИ для поддержки неэффективных социальных институтов: государственное управление и политика, образование, медицина, охрана правопорядка и суды (6, $a=0,718$); 2) желательность использования ИИ в сфере человеческих отношений: консультирование в семейных и романтических отношениях; управление персоналом (3, $a=0,731$); 3) желательность использования ИИ в сфере быта, досуга и повседневного потребления: управление домом, обслуживание, розничные продажи, новости и журналистика, развлечения и туризм (4, $a=0,747$); 4) желательность использования ИИ для автоматизации производства и транспорта (4, $a=0,800$).

Как показал линейный регрессионный анализ, *желательность использования ИИ для поддержки неэффективных социальных институтов* ($R=0,598$; $R^2=0,358$; $F=15,89$ при $p \leq 0,001$) определяется техноптимизмом ($\beta=0,283$), готовностью использовать технологии ИИ ($\beta=0,378$), верой в вознаграждение за усилия ($\beta=0,262$) и ориентацией на ценность конформизма, т. е. соблюдения правил ($\beta=0,154$); при этом была обнаружена отрицательная связь с ориентацией на межлич-

ностную гармонию ($\beta = -0,240$) и ценностью безопасности ($\beta = -0,107$). Иными словами, готовность передать искусственному интеллекту общественно значимые функции оказалась связана не с коллективистическими установками, а с индивидуалистическими ценностями, ориентацией на личный успех. Можно предположить, что, чем выше ориентация личности на достижения и одновременно – на соблюдение правил, тем выше требования к эффективности социальных институтов и тем больше вера в возможность их замены алгоритмами. По-видимому, это указывает на потенциальные риски при принятии решений о внедрении технологий ИИ в повседневную жизнь технократическими элитами в тех случаях, когда высокий индивидуализм и ориентация на достижения сочетаются с низкой ориентацией на заботу о других людях.

Желательность использования ИИ в сфере человеческих отношений связана ($R=0,398$; $R^2=0,159$; $F=8,16$ при $p \leq 0,001$) с информированностью о технологиях ИИ ($\beta=0,144$), признанием их престижности ($\beta=0,180$) и готовностью их использовать ($\beta=0,190$), а также с ориентацией на достижения ($\beta=0,171$). Ключевую роль здесь играет не технооптимизм, а престиж технологии и возможности, которые она открывает для личного успеха. Как оказалось, предикторами *желательности использования ИИ в сфере быта, досуга и повседневного потребления* ($R=0,567$; $R^2=0,322$; $F=15,17$ при $p \leq 0,001$) являются технооптимизм ($\beta=0,410$), готовность использовать технологии искусственного интеллекта ($\beta=0,242$), доверие к государству в сфере регулирования новых технологий ($\beta=0,125$) и гедонизм ($\beta=0,209$). Предикторами *желательности использования ИИ для автоматизации производства и транспорта* ($R=0,579$; $R^2=0,335$; $F=12,25$ при $p \leq 0,001$) является технооптимизм ($\beta=0,268$), готовность использовать технологии искусственного интеллекта ($\beta=0,330$), ориентация на достижения ($\beta=0,167$), высокая убежденность в возможности влиять на свое будущее ($\beta=0,154$) и, соответственно, низкая вера в предопределенность судьбы ($\beta = -0,141$), доверие к государству в сфере регулирования новых технологий ($\beta=0,139$) и внутригрупповое доверие ($\beta=0,165$).

Таким образом, желательность внедрения ИИ в быт связана с доверием к социальным институтам, а желательность автоматизации производства – еще и с доверием к семье, друзьям и знакомым людям. По-видимому, автоматизация производства не вызывает опасений потери работы в том случае, если личность уверена в своих силах

и полагается на социальную поддержку. Наоборот, если социальное доверие подорвано, автоматизация производства и транспорта вызывает опасения и кажется нежелательной.

Заключение

Результаты проведенных и представленных выше эмпирических исследований позволяют сделать следующие *выводы*.

Во-первых, принятие технологий ИИ прямо зависит от уровня социального доверия личности: к другим пользователям, разработчикам и государству. Воспринимаемые угрозы ИИ связаны не столько с изъянами самой технологии, сколько с ее использованием другими людьми. Согласно экспертным прогнозам, развитие специального искусственного интеллекта в ближайшие годы будет требовать от компаний и государства все больших усилий, направленных на объяснение того, как работают те или иные алгоритмы (Rao, Cameron, 2018). В СМИ нередко можно встретить точку зрения, согласно которой страх перед робототехникой и искусственным интеллектом можно преодолеть посредством повышения цифровой грамотности населения (подробнее см.: Нестик и др., 2018; и др.). Однако наше исследование показывает, что доверие к ИИ вызывает не понятность или ожидаемая польза технологии, а доверие к намерениям ее создателей и пользователей.

Искусственный интеллект сегодня рассматривается как своего рода расширение когнитивных возможностей человека при принятии решений в неопределенном, сложном и противоречивом мире (см., напр.: Нестик, Журавлев, 2010; Jarrahi, 2018). Вместе с тем включение самообучающихся алгоритмов в принятие решений обостряет проблему доверия между людьми, которые интерпретируют результаты работы ИИ для того, чтобы договориться между собой и обеспечить поддержку принятых решений другими заинтересованными сторонами.

Интересно, что принятие искусственного интеллекта не как вещи, а как *активного субъекта* требует сочетания технооптимизма с социальным оптимизмом, с доверием к социальным институтам и другим людям. Напротив, высокий технооптимизм в сочетании с низким социальным доверием и ориентацией на достижения заставляет видеть в ИИ не путь к собственному совершенствованию и налаживанию отношений с другими людьми, а машину, заменяющую неэф-

фективные социальные институты. Таким образом, при дефиците социального доверия широкомасштабное внедрение технологий ИИ усиливает социальные конфликты, а не приводит к их урегулированию (см. также: Проблемы социальных конфликтов..., 2018; и др.).

Во-вторых, совмещение ИИ с технологиями разных «психологических» типов («технологии умного города», «технологии киборгизации», «медицинская диагностика», «технологии генной инженерии») будет встречать в обществе разное сопротивление, так как попадает под влияние разных социально-психологических феноменов.

Предикторами оценки различных видов специализированного ИИ оказываются разные личностные характеристики. Это указывает на необходимость дифференцированного подхода при объяснении пользователям принципов работы разных алгоритмов (заметим, что с 2018 г. такого информирования уже требует законодательство европейских стран). Например, для пассажиров беспилотного такси наиболее важна безопасность, тогда как для пользователей персонального помощника на основе ИИ – возможности повышения личной эффективности и престиж. Кроме того, это означает, что ожидаемая волна совмещения человека и самообучающихся алгоритмов будет наталкиваться на различия в ценностных ориентациях, на необходимость встраивать тот или иной функционал ИИ в систему психологических отношений конкретного человека к своему делу и значимым другим людям. Ключевым условием успешности внедрения технологий специального ИИ будет возможность их персональной настройки по субъективно значимым параметрам.

В этой связи важное значение приобретает изучение социально-психологических особенностей разных технологий робототехники (Голиков, 2015; Журавлев, 2015; и др.), а также разных типов взаимодействия с роботами, обладающими ИИ (Knight, 2014). Мы можем по-разному относиться к взаимодействию с роботами, направляемыми оператором в режиме телеприсутствия, социальным роботам, выполняющим совместно с нами повседневные задачи, и к автономным роботам, например, самоуправляемым грузовикам, действующим без какого-либо участия человека. Можно предположить, что степень доверия личности к киберфизической системе при разных уровнях автоматизации, предложенных Шериданом (Sheridan, Parasuraman, 2005), будет связана с разными ценностными ориентациями, регулироваться разными групповыми нормами. Например, доверие к самоуправляемому автомобилю может зависеть от особен-

ностей профессиональной культуры: стремления IT-специалистов устранить человеческий фактор, и наоборот, недоверия представителей операторских профессий к автоматике, менталитета водителей, стремящихся к полному контролю движения для максимальной гибкости вождения в сложных ситуациях (Костин, 2017). Наконец, уже сегодня, до появления сильного ИИ, перед психологами стоит задача изучения социально-психологических особенностей взаимодействия с «оракулом» (система вопросов и ответов), «джинном» (система, целенаправленно и самостоятельно выполняющая поставленные человеком задачи в физическом мире) и «инструментом», т. е. системой, обладающей большими когнитивными возможностями, но не осознающей себя и не предназначенной для целенаправленного поведения (Бостром, 2016).

В-третьих, поддержка внедрения ИИ для повышения эффективности социальных институтов оказалась связана не с просоциальными и коллективистическими установками, а с ориентацией на личный успех и низкой ценностью безопасности. Это может указывать на потенциальное противоречие в ожиданиях от ИИ со стороны технократических элит и общества, когда автоматизация государственных служб, здравоохранения и образования будет происходить не в интересах большинства, а в интересах меньшинства, наиболее ориентированного на личные достижения.

В-четвертых, основным содержанием ядра социального представления об угрозах ИИ оказалась не сама технология, а ее использование людьми – работодателями, хакерами, государством и т. д. Это указывает на то, что внедрение ИИ в повседневную жизнь будет обострять внимание граждан к случаям несправедливости и дискриминации. Завышенные ожидания в отношении алгоритмов могут смениться разочарованиями, существенно снизив не только доверие к IT-индустрии, но и уровень доверия к социальным институтам в целом. Нейросети, призванные устранить субъективный фактор и неравенство в доступе к социальным благам, на первых этапах своего развития будут провоцировать эскалацию социальных конфликтов: семейных, трудовых, муниципальных, коммерческих, этнических и политических.

В-пятых, нами были впервые выявлены «инновационные технофобии», сила которых прямо связана с информированностью о новых технологиях, значимостью их престижа и готовностью их использовать. Чем больше вера в возможности ИИ и его позитивное

влияние на общество, тем больше страх порабощения человечества машинами. Такого рода риски широко обсуждаются передовыми социальными группами — технологическими предпринимателями и ведущими экспертами. По-видимому, такого рода инновационные страхи выполняют важную для общества социально-психологическую *функцию*: они повышают протяженность временной перспективы и, подобно научной фантастике, позволяют оценить текущую ситуацию из будущего.

Литература

- Бостром Н.* Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016.
- Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества. М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2013.
- Журавлев А. Л.* Проблема эргономического обеспечения проектирования и эксплуатации робототехнических комплексов // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Вып. 7. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2015. С. 363–367.
- Журавлев А. Л., Нестик Т. А.* Психологические факторы негативно-го отношения россиян к новым технологиям // Психологические исследования глобальных процессов: предпосылки, тенденции, перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 36–38.
- Келли К.* Неизбежно. 12 технологических трендов, которые определяют наше будущее. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017.
- Костин А. Н.* Влияние менталитета специалистов разных профессий на выбор стратегии автоматизации робототехнических систем // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2017. Т. 2. № 4. С. 82–105. URL: <http://work-org-psychology.ru/engine/documents/document270.pdf> (дата обращения: 20.07.2018).
- Нестик Т. А., Журавлев А. Л.* Управление совместной деятельностью в условиях неопределенности: основные направления и перспективы исследований // Психология управления в современной России: теория, экспериментальные исследования, практика: Материалы международной научно-практической конференции. Тверь: Изд-во ТвГУ, 2010. С. 4–11.

- Нестик Т. А., Журавлев А. Л., Юревич А. В. Глобальные вызовы и будущее психологии: развитие психологической науки и практики в цифровом обществе // Психологическое знание: современное состояние и перспективы развития. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 698–713.
- Проблемы социальных конфликтов в современной психологии: сущность, детерминанты, регулирование. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
- Психологическое воздействие: механизмы, стратегии, возможности противодействия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Психологическое воздействие в межличностной и массовой коммуникации. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
- Психология отношений человека и психическая регуляция деятельности. Владимир, 2007.
- Роботизация работы: возможность или опасность? // ВЦИОМ. № 3538. 4 декабря 2017. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116605> (дата обращения: 21.02.2018).
- Россиян пугает прогресс в сфере искусственного интеллекта и генной инженерии // Momri Institute – Институт современных медиа. 26.01.2018. URL: <http://momri.org/rossiyan-pugaet-progress-v-sfere-iskus> (дата обращения: 02.05.2018).
- Ценностные трансформации в психологии отношений: теория, социальная практика и перспективы: Материалы международной научно-практической конференции. Владимир, 2010.
- Jarrahi M. H. Artificial Intelligence and the Future of Work: Human–AI Symbiosis in Organizational Decision Making // Business Horizons. 2018. V. 61 (4). P. 577–586.
- Knight H. How humans respond to robots: Building public policy through good design. 2014. Brookings Report. URL: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2014/07/HumanRobot-PartnershipsR2.pdf> (дата обращения: 12.04.2018).
- Parlett N., Foyster R., Ho P. Will robots really steal our jobs? An international analysis of the potential long term impact of automation // PwC. 2018. URL: https://www.pwc.com/hu/hu/kiadvanyok/assets/pdf/impact_of_automation_on_jobs.pdf (дата обращения: 22.03.2018).
- Rao A., Cameron E. The Future of Artificial Intelligence Depends on Trust If it is to drive business success, ИИ cannot hide in a black box // Strategy + business. 2018. № 91. July 31. URL: <https://www.strategy-business>.

com/article/The-Future-of-Artificial-Intelligence-Depends-on-Trust
(дата обращения: 03.08.2018).

Sheridan T. B., Parasuraman R. Human-automation interaction // *Reviews of Human Factors and Ergonomics*. 2005. V. 1. № 89. P. 89–129.

Turchin A., Denkenberger D. Classification of global catastrophic risks connected with artificial intelligence // *ИИ & Society*. 2018. P. 1–17. doi: 10.1007/s00146-018-0845-5 (дата обращения: 13.08.2018).

Представления педагогов и родителей о жизнедеятельности подростков в сети Интернет: эмпирическое исследование

Э. В. Патраков

Введение

Развитие информационных и коммуникационных технологий способствовало ускорению глобальных изменений и затронуло почти все аспекты личной и общественной жизни. Большинство социальных взаимодействий перенесены в виртуальную среду или происходят в смешанной реальности, онлайн и офлайн. Все это привело к изменению ритма и образа жизни человека в XXI в., которое в значительной степени затронуло не только молодежь, но и детей. Так, по данным исследования «Левада-центра» «Российский медиаландшафт: основные тенденции использования СМИ-2017», доля использования Интернета среди лиц возрастной категории от 18 до 24 лет достигает 90%. Согласно исследованию Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) от 07.08.2017 г. о том, какими СМИ россияне пользуются в качестве источников информации, официальные Интернет-ресурсы по частоте обращений к ним превзошли региональное телевидение. При этом все большее количество различных видов жизнедеятельности (шопинг, обучение, построение отношений, ведение бизнеса и т. д.) реализуется в Сети, поэтому учеными уже достаточно давно показано, что Интернет является не только, да и не столько средством обмена информацией, сколько средой жизнедеятельности (Журавлев, Нестик, 2016; Солдатова и др., 2017б; Kuss et al., 2011; Livingstone, 2012).

При этом, современный Интернет, как глобальная сеть, наполнен самыми различными рисками, которые стали такой же частью нашей жизни, как и реальное пространство, но имеют свою специфику, переходит из виртуального мира в реальный и наоборот.

К числу угроз Интернета для молодежи и детей исследователи традиционно относят риски зависимости, кибербуллинг, вовлече-

ние в противоправную деятельность, стимулирование к асоциальному и самодеструктивному поведению. Так, в 2010 г. 16% детей стали жертвами издевательств в сети, 8% детей подверглись запугиванию в Интернете, а 5% подвергались угрозам по мобильным телефонам. Для сравнения, 9% детей подверглись издевательствам и 12% из них испытали киберзапугивание в 2013 г. (Livingstone et al., 2014) Данные исследований отечественных авторов по этим вопросам схожи (Солдатова и др., 2017а).

Интернет-зависимость во всех ее проявлениях является одной из самых частых опасностей виртуального пространства, что также подтверждается эмпирическими исследованиями авторов. В целом ценность виртуального общения у молодежи возрастает во всем мире, а иногда это проявляется и в приоритетах виртуального пространства над реальным, стремлении к репликации образа «Я» в Интернете или воплощении в роль, которая создана в Сети. Сюда относятся и модели создания преступных сообществ.

Систематизируя исследования в контексте предполагаемых рисков, мы можем выделить ряд тенденций, которые могут быть потенциально рискогенными для психологического благополучия молодежи.

Во-первых, происходит формирование новой культуры взаимодействия, включающей свои понятия, ценности, мысли и средства их выражения. Например, одним из новых и мало изученных кросс-культурных средств коммуникации становятся эмодиконы, формируются новые лексические единицы, либо старые замещаются новыми смыслами.

Во-вторых, сетевые технологии преимущественно активизируют поверхностные, неглубокие межличностные отношения. Более того, возможность анонимного участия в сетевом общении нередко формирует у пользователей представление о вседозволенности и ненаказуемости любых проявлений в сетевой среде, а правовая база пока лишь подстраивается под интенсивную динамику Интернета.

В-третьих, инструменты формирования общественного мнения и социальных представлений в целом смещаются от СМИ к Интернету и обретают признаки многовекторности в своем развитии. Иными словами, по одному и тому же вопросу можно получить самую противоречивую информацию, зачастую «фейковую» информацию практически невозможно отличить от реальной; на фоне повышения доступности информации размываются критерии ее

объективности и достоверности (Михеев, Нестик, 2017; Солдатова и др., 2013).

Систематизация различных аспектов жизнедеятельности молодежи в сети позволила нам выделить ряд предикторов таких рисков, объединенных в три категории.

К первой категории относятся *психофизиологические особенности* подростков: процесс когнитивной, гормональной и социально-личностной перестройки; напряженность и фрустрация, связанные с акселерацией и новыми влечениями, которые не имеют возможности реализоваться; инертность психических процессов; внутренняя противоречивость самооценки, зависимость от чужого мнения; неуверенность, потребность подражать идеалу; категоричность оценок и взглядов, недостаток критичности; потребность в эмоциональной поддержке; усиление интереса к вопросам смысла жизни, смерти, справедливости и т. д.

Ко второй категории можно отнести *социально-психологические предикторы*: недостаток жизненного опыта по сравнению со старшими; подверженности внешнему влиянию; наличие проблем в отношениях со сверстниками и референтными взрослыми; отсутствие или дефицит друзей (дружба в данном случае понимается как глубокое межличностное отношение, взаимопонимание) в реальности; дефицит содержательного общения.

К третьей категории следует отнести психолого-педагогические предикторы: попустительский стиль воспитания в семье либо сильный диссонанс и непоследовательность в воспитательных стратегиях разных членов семьи, импульсивность референтных взрослых, дефицит внимания со стороны педагогов, родителей и специалистов.

Одним из предикторов рисков Интернета для детей и подростков выступает низкая рискологическая компетентность родителей (особенно отцов), педагогов и самих подростков (Emmerova, 2016). Сам термин «рискологическая компетентность» имеет очень широкую трактовку; мы склонны ее понимать как способность действовать наиболее адекватно в условиях максимальной неопределенности, идентифицировать риски и активизировать личностные и социальные ресурсы для их нивелирования (преодоления).

При этом ряд исследователей отмечают, что не только современные молодые люди не владеют методами распознавания рисков в Сети, но и их родители.

Методика

Исследование проводилось по Управлению Роскомнадзора по Уральскому федеральному округу на основе информационного письма заинтересованным органам исполнительной власти. При реализации исследования нами были соблюдены все этические аспекты исследования в учреждениях образования. В исследовании приняло участие 18 школ, локализованных в различных территориях и различающихся по этническому составу (на территории Уральского федерального округа). Исследование проводилось в 2017–2018 гг. и было реализовано в два этапа: на первом, предварительно-диагностическом, этапе родителям и педагогам было предложено написать до 10 потенциально рисковенных характеристик современной молодежи, прямо или косвенно связанных с использованием Интернета. Аналогичное задание относилось к оценке моделей поведения родителей.

Далее были сопоставлены и объединены высказывания, схожие по коннотациям (например, «выглядит подавленным» и «выглядит депрессивным» или «уделяет ребенку мало внимания» и «мало занимается с ребенком»). В результате был сформирован список из 183 потенциально рисковенных характеристик, ядро которых составили 27 позиций, на основе которых далее была составлена анкета, включающая следующий ряд показателей, дифференцированных по группам.

Поведение в Интернете: проводит за компьютером более двух часов в день вне занятий (общается в социальных сетях, играет в компьютерные игры); проводит время в интернете в ущерб учебе и домашним делам; скрывает содержание общения в социальных сетях; скрывает игры, в которые играет.

Медико-психологические показатели: испытывает недостаток концентрации внимания; жалуется на частую головную боль; с трудом пробуждается/встает; проявляет гневливость, агрессивность, вспыльчивость; проявляет апатию, безразличие; покраснение глазных яблок; имел травмы головного мозга, инфекции центральной нервной системы либо врожденные заболевания, связанные с патологией мозга.

Социальное поведение: говорит, что некоторые настроены против него/нее; обвиняет людей или угрожает им; нечистоплотен и неопрятен; общается с плохой компанией; возвращается домой поздно ночью; выпрашивает деньги без объяснения расходов; проявляет скрытность, уединенность, задумчивость; ведет себя сексуально

неподобающим образом; безразличен к происходящему, потерял энтузиазм; высказывается о бессмысленности жизни; считает друзьями «френдс», которых не знает лично.

Поведение в общественных местах: переходит дорогу там, где удобно, а не там, где разрешено; при движении на улице использует наушники и капюшон, не смотрит по сторонам; на спор перебегает дорогу перед движущимися автомобилями; катается на мотоциклах, автомобилях с друзьями, у которых нет прав; переходит на запрещающий сигнал, если нет автомобилей; на светофоре стоит рядом с дорогой; наличие на одежде ребенка световозвращающих элементов (для отражения света в темное время суток).

Успеваемость: педагоги отмечают снижение успеваемости; не способен рассказать о том, как протекает жизнь в школе.

Уровень материального благосостояния семьи с вариантами ответов: экономим даже на еде, хватает только на питание, хватает на основные бытовые расходы, хватает на дополнительные расходы, живем в достатке.

Затем на основе шкалы Лайкерта респондентам было предложено дать оценку каждому явлению по трем позициям: частота (с вариантами ответов: никогда, иногда, появилось в последнее время, часто, постоянно, затрудняюсь ответить); беспокойство («Насколько сильно это поведение беспокоит Вас?»); с вариантами ответов: несколько, немного, умеренно, достаточно сильно, очень сильно, затрудняюсь ответить); а также с целью выяснить ресурсы родителей была предложена позиция «преодоление» («Насколько хорошо Вы справляетесь с таким поведением ребенка?»: очень хорошо, достаточно хорошо, умеренно, достаточно плохо, не справляюсь и нуждаюсь в помощи, затрудняюсь ответить).

В первую группу выборки вошли родители (N=367, средний возраст 37 лет, отцы – 68, матери – 299). Во вторую группу вошли дети (N=365, средний возраст детей – 14 лет, юношей – 181, девушек – 183). Наконец, третью группу составили педагоги старших классов (N=218). Педагогам дополнительно предлагалось сравнить поведение детей в этом же возрасте 3 года и 5 лет назад.

Результаты

Обработка полученных данных в настоящее время еще продолжается, но уже сейчас можно представить предварительные ре-

зультаты. Общая тенденция: педагоги отмечают рост ряда характеристик поведения подростков за последние 4 года на 10–15% (независимо от типов школ и их расположения). К таким характеристикам относятся использование неологизмов в речи, открытая демонстрация причастности к различным сообществам и субкультурам (стиль одежды, прически, знаки отличия, значки и т. п.).

Другие характеристики имеют незначительную тенденцию к увеличению, но это относится не ко всем типам регионов: считают друзьями «френдов» из соцсетей, которых не знают лично; нечистоплотны/неопрятны; затрудняются рассказать о жизни вне школы; ведут себя сексуально неподобающим образом; приглашают одноклассников/знакомых на встречи сообществ, цели которого неясны; проявляют гневливость, агрессивность, вспыльчивость или скрытность, уединенность, задумчивость; говорят, что некоторые настроены против него/нее; обвиняют людей или угрожают им; высказываются о бессмысленности жизни.

По наблюдениям педагогов, выявлена наибольшая зависимость между посещением школы в нечистоплотном/неопрятном виде и затруднениями в рефлексии о прошедшем дне (0,481), сексуально неподобающем поведением (0,532), проявлением скрытности, уединенности и задумчивости (0,448), обвинением людей или угрозами им (0,429).

По результатам исследования среди родителей выявлено, что наибольшую тревожность вызывают характеристики поведения их детей, представленные в таблице 1.

Факторный анализ показывает, что решающим фактором, тревожащим родителей и педагогов, является сокрытие детьми предмета общения в сети и длительное общение с «френдами», которых ребенок не знает в реальности. Таким образом, уже по результатам предварительного подсчета результатов исследования мы видим, что формируются риски совместной жизнедеятельности подростков в сети под влиянием комплекса психологических факторов, среди которых родительская некомпетентность играет, возможно, решающую роль. Пока косвенным подтверждением этому является то, что родители выражают малую обеспокоенность комплексом медико-психологических показателей, а из числа социально-психологических выделяют лишь наиболее очевидные. Высокий уровень родительской компетентности связан со способностью наблюдать и оценивать весь комплекс показателей.

Таблица 1

Наиболее значимые корреляции по результатам предварительного анализа результатов исследования среди родителей

Характеристики поведения подростков	Корреляция ($p \leq 0,05$)	
	Обеспеченность родителей	Затруднения родителей в самостоятельном разрешении ситуации
Проводит время в Интернете в ущерб учебе и домашним делам	0,612	0,688
Испытывает недостаток концентрации внимания	0,655	0,684
Скрывает содержание общения в социальных сетях	0,630	0,683
Не способен рассказать о том, как протекает жизнь в школе	0,612	0,638
Проводит за компьютером более двух часов в день вне занятий	0,617	0,620
Говорит, что некоторые настроены против него/нее	0,750	0,638
Проявляет апатию, безразличие	0,690	0,649
Считает друзьями «френдов», которых не знает лично	0,519	0,615
Проявляет гневливость, агрессивность, вспыльчивость	0,526	0,597
На светофоре стоит рядом с дорогой	0,568	0,606

Заключение

Таким образом, нами выделены риски интернета для современной молодежи (формирование новой культуры взаимодействия, активизация поверхностных межличностных отношений, использование инструментов формирования общественного мнения). Нами систематизированы предикторы таких рисков: психофизиологические, социально-психологические, психолого-педагогические.

На основе авторской методики показано, что в представлениях родителей ключевым индикатором риска является сокрытие ребенком игр или содержания общения в сети, снижение продуктивной содержательной деятельности в Сети, сексуально неподобающее поведение и затруднения в рефлексии о прошедшем дне.

Подводя итоги, следует отметить, что жизнедеятельность подростков в Сети является социально-психологическим феноменом, комплексная оценка рисков которого возможна лишь по совокупности показателей; к ним можно отнести: продуктивность совместной деятельности подростков в сети, наблюдение за динамикой медико-психологических показателей их состояния, социального поведения и успеваемости.

Литература

- Журавлев А. Л., Нестик Т. А.* Психологические факторы негативно-го отношения к новым технологиям // Психологический журнал. 2016. № 6. С. 5–14.
- Михеев Е. А., Нестик Т. А.*, Дезинформация в социальных сетях: состояние и перспективы психологических исследований // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии. Результаты и перспективы развития / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М., 2017. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30670262> (дата обращения: 25.03.2018).
- Нестик Т. А., Солдатова Г. У.* Представления о будущем цифровых технологий у российских студентов // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2. № 1. С. 90–118.
- Российский медиаландшафт: основные тенденции использования СМИ* Левада-центра: Аналитический отчет. М.: Левада-Центр, 2017. URL: <http://www.levada.ru/2017/08/22/16440> (дата обращения: 12.03.2018).
- Савиченко И. А.* Психологическое состояние личности, способствующее ее вовлечению в тоталитарные неокульти (секты) // Сибирский юридический вестник. 2006. № 3. С. 86.
- Солдатова Г. У., Рассказова Е. И., Зотова Е. Ю.* Российские подростки и родители: цифровая компетентность и онлайн-риски // Академический вестник Академии социального управления. 2017. № 3 (25). С. 7–18.
- Солдатова Г. У., Рассказова Е. И., Нестик Т. А.* Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. М.: Смысл, 2017.
- Цой Н. А.* Феномен интернет-зависимости и одиночество // Социологические исследования. 2011. № 12. С. 98–107.

- Emmerova I.* School Preventive Socio-Educational Work of Social Pedagogues in the Slovak Republic and an Outline of Their Activities in the Other V4 Countries // *The New Educational Review*. 2016. V. 46. № 4. P. 95–103.
- Kuss D. J., Griffiths M. D.* Online Social Networking and Addiction – A Review of the Psychological Literature // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2009. V. 8. 2011. P. 9.
- Livingstone S., Haddon L., Vincent J., Mascheroni G., Ólafsson K.* Net children, go mobile. 2014. URL: <http://www.lse.ac.uk/media@lse/research/EUKidsOnline/EU%20Kids%20III/Reports/NCGMUKReportfinal.pdf> (дата обращения: 20.04.2018).

Социально-психологические предикторы отношения к ближайшему, среднесрочному и отдаленному будущему у участников форсайт-сессий

А. Л. Силинг, Т. А. Нестик

Введение

Можно выделить три психологических механизма конструирования коллективного образа будущего в условиях неопределенности: групповую идентификацию на основе формируемого лидерами позитивного образа совместного будущего (лидерского видения); групповую рефлексию по поводу совместного будущего; а также коллективные тревожные состояния и защитные механизмы, запускаемые воспринимаемой угрозой существованию группы (Нестик, 2014а).

Если групповая рефлексия повышает способность группы преобразовывать себя в меняющихся условиях (стратегическую гибкость, поисковую надситуативную активность), то *групповая идентификация* на основе лидерского видения будущего выполняет совсем другую функцию — повышает приверженность совместным целям, несмотря на меняющиеся условия совместной деятельности и повышение неопределенности (подробнее см.: Журавлев, Нестик, 2010; и др.). Иными словами, сформированное лидерами видение мотивирует и сплачивает коллектив, одновременно «ослепляя» его, усиливая эффекты группового давления и сдвига к риску. *Групповая рефлексивность*, напротив, делает группу более чувствительной к информации, противоречащей коллективным базовым убеждениям (см. также: Журавлев, Нестик, 2012; и др.). Несмотря на разнонаправленность этих процессов, они тесно связаны друг с другом: групповая рефлексия в отношении долгосрочного будущего возможна лишь при сохранении позитивной групповой идентичности (Нестик, 2014б). Рефлексия обеспечивает *преадаптацию*, помогает создать запас альтернативных путей развития, тогда как лидерское

Статья написана по результатам исследований, проведенных при поддержке грантов РФФИ № 18-18-00439 и РФФИ № 17-06-00854-ОГН.

видение будущего стабилизирует, задает границы, в которых будут осуществляться изменения. По существу, взаимодействие этих социально-психологических механизмов позволяет группе меняться, «не изменяя себе».

Панические и тревожные коллективные состояния, возникающие при дефиците информации и воспринимаемой угрозе существованию коллектива, также способны повышать ориентацию членов группы на будущее. Это один из видов групповых эмоциональных состояний, возникающих под влиянием групповой идентификации, обмена переживаниями в межличностной коммуникации, сравнения членами группы своих переживаний друг с другом, а также эмоционального заражения. Тревожные состояния выполняют мобилизующую функцию, обостряя внимание коллектива к «слабым сигналам» приближающихся перемен. Однако при отсутствии групповой рефлексии и лидерского видения они запускают защитные механизмы, призванные сохранить позитивную идентичность: идентификация смещается на совместное прошлое, тогда как будущее оценивается негативно. Тревога по поводу будущего сужает внимание группы при принятии решений, снижает групповую креативность, одновременно повышая критичность членов группы по отношению друг к другу. Таким образом, нагнетание тревоги по поводу будущего препятствует формулированию отчетливых и долгосрочных целей совместной деятельности и снижает устойчивость организации к изменениям (см. также: Журавлев, Нестик, 2010; и др.).

Эмпирические исследования временной перспективы до сих пор были сосредоточены на выявлении психологических механизмов ориентации на будущее (Stolarski et al., 2015) и его оценки (Carelli et al., 2015; Košťál et al., 2016; Nuttin, 1980; Zalesky, 1996; Zalesky et al., 2017). Исследовалось влияние удаленности целей на мотивационную сферу личности (Gjesme, 1981; Zaleski, 1987), а также некоторые из психологических и нейробиологических механизмов дисконтирования ближайшего и отдаленного будущего (Berns et al., 2007; Tanaka et al., 2014). Изучались также культурные и социально-психологические предпосылки протяженности временной перспективы (Bluedorn, 2002) и долгосрочной ориентации (Нестик, 2016; Hofstede, Minkov, 2010; Venaik et al., 2013; Wang et al., 2016). Вместе с тем в психологических исследованиях будущее рассматривается в основном без дифференциации степеней его удаленности. Предпосылки формирования и функции ближайшего, среднесрочного и отдаленного

психологического будущего остаются малоизученными. Особенно остро дефицит таких исследований чувствуется в социальной психологии при изучении представлений о коллективном, а не индивидуальном будущем. Исследования феномена временного дисконтирования указывают на то, что оценка ближайшего и отдаленного будущего опирается на разные мотивационные, когнитивные и нейробиологические механизмы. Это дает основания предполагать существование различий в социально-психологической детерминации коллективного образа будущего разной степени удаленности. Данное исследование направлено на уточнение той роли, которую играют при формировании коллективного образа ближайшего, среднесрочного и отдаленного будущего социальная идентичность, представления о мире и моральные основания при оценке социально значимых явлений. Тем самым оно вписывается в макропсихологическое направление исследований в современной психологии (подробнее об этом см.: Макропсихология..., 2009; и др.).

Эмпирическое исследование отношения личности к ближайшему, среднесрочному и отдаленному будущему

С целью уточнения психологических функций образов ближайшего, среднесрочного и долгосрочного будущего проведено анкетирование представителей поколения «Y» (студенты вузов, N=332; 31% – мужчины, 69% – женщины). Для измерения отношения к будущему России использовался семантический дифференциал «Временные аттитюды» Ж. Нюттена в модификации Т.А. Нестика (2015). Респондентам предлагалось оценить по 8 биполярным шкалам будущее России через 1 год, 5 лет и 20 лет. Для оценки временной перспективы использовался Стенфордский опросник временной перспективы Ф. Зимбардо, а также «Индекс протяженности временной перспективы» А. Блюдорна. Для измерения социально-психологических характеристик личности в опросник были включены «Структура социальной идентичности» Н. Даудрих, «Социальные аксиомы» (SAS) М. Бонда и К. Леонга в адаптации Н. М. Лебедевой и А. Н. Татарко, а также «Опросник моральных оснований» (MFQ) Дж. Хайдта в адаптации О.А. Сычева.

Как показал регрессионный анализ методом обратных шагов, оценка предсказуемости ближайшего, среднесрочного и долгосрочного будущего связана с разными характеристиками социальной идентичности. Так, предикторами предсказуемости ближайшего будущего

($R=0,462$; $R^2=0,214$; $F=5,160$ при $p \leq 0,001$) являются идентификация с горожанами ($b=0,317$) и неготовность отождествлять себя с советскими людьми ($b=-0,227$). Предсказуемость среднесрочного будущего прямо связана ($R=0,528$; $R^2=0,279$; $F=4,369$ при $p \leq 0,001$) с идентификацией с семьей ($b=0,180$), людьми той же религии ($b=0,251$) и пользователями интернета ($b=0,221$), но отрицательно – с друзьями ($b=-0,190$), своим поколением ($b=-0,181$) и советскими людьми ($b=-0,174$). Предсказуемость отдаленного будущего прямо зависит ($R=0,550$; $R^2=0,303$; $F=5,355$ при $p \leq 0,001$) от того, насколько респонденты идентифицируют себя с людьми своей национальности ($b=0,164$) и человечеством ($b=0,188$), и обратно зависит от идентификации с друзьями ($b=-0,150$). Можно сделать вывод о том, что неопределенность ближайшего и среднесрочного будущего преодолевается через идентификацию с локальными сообществами (горожане, семья, религия, интернет-сообщество), а неопределенность отдаленного будущего – через идентификацию с широкими социальными категориями (национальность, человечество). Оценка предсказуемости будущего, которое наступит через 1 год, 5 и 20 лет, тем выше, чем меньше выраженность фаталистических установок, чем выше ориентация на будущее, большая протяженность временной перспективы, а также позитивная оценка ближайшего будущего. Пара-

Таблица 1

Личностные детерминанты предсказуемости будущего, которое наступит через 1 год ($N=332$)

Предикторы	B	SE	β	t	p
Шкала уважения к авторитетам (MFQ)	-0,045	0,027	-0,133	-1,691	0,093
Будущее (ZTPI)	0,484	0,166	0,238	2,915	0,004
Позитивное прошлое (ZTPI)	-0,317	0,156	-0,166	-2,032	0,044
Религиозность (SAS)	-0,333	0,134	-0,203	-2,484	0,014
Способность влиять на будущее (через 1 год)	-0,176	0,081	-0,178	-2,171	0,031
Идентификация с советскими людьми	-0,36	0,129	-0,227	-2,783	0,006
Идентификация с горожанами	0,482	0,125	0,317	3,844	<0,001
Позитивная оценка будущего через 1 год	0,38	0,127	0,271	3,003	0,003

Примечание: $R=0,462$; $R^2=0,214$; $F=5,160$ при $p \leq 0,001$.

Таблица 2

Личностные детерминанты предсказуемости будущего, которое наступит через 5 лет (N=332)

Предикторы	B	SE	β	t	p
Протяженность перспективы	0,096	0,042	0,164	2,27	0,025
Будущее (ZTPI)	0,33	0,162	0,167	2,035	0,044
Позитивное прошлое (ZTPI)	-0,318	0,163	-0,172	-1,954	0,053
Фаталистическое настоящее (ZTPI)	-0,324	0,136	-0,181	-2,393	0,018
Награда за усилия (SAS)	-0,442	0,15	-0,244	-2,94	0,004
Идентификация с семьей	0,276	0,143	0,18	1,922	0,057
Идентификация с друзьями	-0,344	0,152	-0,19	-2,26	0,025
Идентификация с людьми вашего возраста	-0,327	0,161	-0,181	-2,034	0,044
Идентификация с людьми вашей религии	0,343	0,117	0,251	2,937	0,004
Идентификация с советскими людьми	-0,269	0,124	-0,174	-2,175	0,031
Идентификация с пользователями Интернета	0,321	0,125	0,221	2,574	0,011
Позитивная оценка будущего через 1 год	0,409	0,134	0,299	3,043	0,003
Позитивная оценка будущего через 20 лет	-0,213	0,125	-0,155	-1,706	0,09

Примечание: R=0,528; R²=0,279; F=4,369 при p≤0,001.

доксальной оказалась связь предсказуемости разных горизонтов будущего со способностью влиять на них и их оценкой. Так, чем ниже респонденты оценивают свою способность повлиять на ближайшее будущее, тем более предсказуемым оно им кажется. Чем негативнее респонденты оценивают долгосрочное будущее, тем более предсказуемым им кажется будущее среднесрочное (b=-0,155). И наоборот, чем негативнее оценка среднесрочного будущего, тем более предсказуемо долгосрочное будущее (b=-0,181).

Позитивные оценки ближайшего, среднесрочного и долгосрочного будущего оказались прямо связаны. Противоречивая связь обнаружена между позитивной оценкой будущего и оценкой способности влиять на него: чем выше влияние на долгосрочное будущее, тем менее позитивно оценивается ближайшее будущее (R=0,845; R²=0,715;

Таблица 3

Личностные детерминанты предсказуемости будущего, которое наступит через 20 лет (N=332)

Предикторы	B	SE	β	t	p
Шкала справедливости (MFQ)	-0,07	0,028	-0,191	-2,538	0,012
Протяженность перспективы	0,077	0,043	0,128	1,793	0,075
Будущее (ZTPI)	0,381	0,161	0,186	2,371	0,019
Фаталистическое настоящее (ZTPI)	-0,348	0,139	-0,187	-2,499	0,014
Награда за усилия (SAS)	-0,41	0,156	-0,218	-2,633	0,009
Контроль над судьбой (SAS)	0,429	0,151	0,224	2,835	0,005
Межличностная гармония (SAS)	-0,272	0,161	-0,141	-1,692	0,093
Идентификация с друзьями	-0,282	0,134	-0,15	-2,104	0,037
Идентификация с людьми вашей национальности	0,276	0,135	0,164	2,05	0,042
Идентификация с человечеством	0,287	0,12	0,188	2,389	0,018
Позитивная оценка будущего через 1 год	0,387	0,14	0,273	2,765	0,006
Позитивная оценка будущего через 5 лет	-0,28	0,149	-0,181	-1,88	0,062

Примечание: R=0,550; R²=0,303; F=5,355 при p≤0,001.

F=24,209 при p≤0,001; b=-0,284); чем меньше возможность влиять на ближайшее будущее, тем выше позитивная оценка будущего, которое наступит через 5 лет (R=0,838; R²=0,702; F=51,457 при p≤0,001; b=-0,107), а также будущего, которое наступит через 20 лет (R=0,842; R²=0,708; F=25,344 при p≤0,001; b=-0,123).

Полученные данные указывают на то, что разные горизонты будущего выполняют разные психологические функции. Коллективный образ ближайшего будущего выполняет прежде всего функции регуляции совместной жизнедеятельности, прогнозирования и целеполагания. Он связан с осуществлением личных целей, планированием россиянами своей жизни, горизонт которого составляет в среднем от 1 года до 3 лет. Ближайшее будущее в наибольшей степени зависит от текущей экономической и политической ситуации в стране, его оценка определяет предсказуемость среднесрочного и долгосрочного будущего. Образы среднесрочного (через 5 лет) и долгосрочного (через 20 лет) будущего выполняют прежде всего

Таблица 4

Личностные детерминанты позитивной оценки будущего, которое наступит через 1 год (N=332)

Предикторы	B	SE	β	t	p
Доверие к людям	-0,188	0,097	-0,094	-1,926	0,056
Негативное прошлое (ZTPI)	-0,205	0,055	-0,191	-3,697	<0,001
Позитивное прошлое (ZTPI)	0,235	0,069	0,173	3,407	0,001
Награда за усилия (SAS)	0,122	0,067	0,092	1,825	0,07
Зависимость от судьбы (SAS)	0,216	0,065	0,169	3,327	0,001
Способность влиять на будущее (через 1 год)	0,187	0,041	0,266	4,537	<0,001
Способность влиять на будущее (через 5 лет)	0,113	0,058	0,15	1,954	0,053
Способность влиять на будущее (через 20 лет)	-0,184	0,047	-0,284	-3,961	<0,001
Идентификация с людьми вашего достатка	0,24	0,068	0,186	3,552	0,001
Идентификация с людьми вашей национальности	-0,136	0,069	-0,115	-1,988	0,049
Идентификация с европейцами	0,184	0,062	0,167	2,975	0,003
Идентификация с советскими людьми	-0,14	0,06	-0,123	-2,337	0,021
Предсказуемость будущего через 20 лет	0,073	0,033	0,104	2,222	0,028
Позитивная оценка будущего через 5 лет	0,372	0,081	0,339	4,566	<0,001
Позитивная оценка будущего через 20 лет	0,266	0,076	0,264	3,5	0,001

Примечание: R=0,845; R²=0,715; F=24,209 при p≤0,001.

защитную функцию, поддерживая позитивную групповую идентичность. При этом негативная оценка среднесрочного будущего компенсируется позитивной оценкой долгосрочного – и наоборот.

Проспективная рефлексия и образ будущего: эмпирическое исследование временной перспективы участников форсайт-сессий

Одной из форм «стратегического диалога» в сетевом сообществе является *форсайт* – система мероприятий, организационных процес-

Таблица 5

Личностные детерминанты позитивной оценки будущего, которое наступит через 5 лет (N=332)

Предикторы	B	SE	β	t	p
Будущее (ZTP1)	0,106	0,062	0,08	1,712	0,089
Способность влиять на будущее (через 1 год)	-0,069	0,037	-0,107	-1,834	0,069
Способность влиять на будущее (через 5 лет)	0,128	0,042	0,188	3,059	0,003
Идентификация с единомышленниками	-0,101	0,05	-0,096	-2,019	0,045
Идентификация с людьми вашей профессии	0,086	0,047	0,088	1,831	0,069
Позитивная оценка будущего через 20 лет	0,465	0,053	0,505	8,737	<0,001
Позитивная оценка будущего через 1 год	0,293	0,056	0,322	5,195	<0,001

Примечание: R=0,838; R²=0,702; F=51,457 при p≤0,001.

сов, структур, норм и ценностей, поддерживающих способность сообщества предвидеть и опережать изменения, преобразуя свою деятельность на основании совместно выработанных сценариев будущего. Безусловно, конструирование образа будущего в ходе «мозговых штурмов» не защищено от многочисленных когнитивно-мотивационных искажений: сверхуверенности экспертов, эвристики доступности, недооценки возможности событий, отсутствующих в личном опыте и др. Тем не менее главным результатом такой рефлексии является не сам образ вероятного будущего, а символические орудия для его непрерывного конструирования, в том числе групповые технологии проектирования будущего, доверие заинтересованных сторон друг к другу, готовность договариваться о будущем в меняющихся условиях (Нестик, 2018; Нестик и др., 2018; и др.).

Форсайт является одной из форм *групповой проспективной рефлексии* – открытого обсуждения коллективного будущего, трансформирующего конкурирующие образы грядущего, позволяющего членам группы оспаривать и пересматривать базовые представления о прошлом и настоящем. Ключевой особенностью рефлексии является «отстранение», принятие точки зрения Другого. Групповая рефлексия в отличие от индивидуальной осуществляется через межличностное и внутригрупповое взаимодействие, участники которого

Таблица 6

Личностные детерминанты позитивной оценки будущего, которое наступит через 20 лет (N=332)

Предикторы	B	SE	β	t	p
Шкала справедливости (MFQ)	0,065	0,022	0,252	2,959	0,004
Шкала уважения к авторитетам (MFQ)	-0,052	0,021	-0,218	-2,527	0,013
Прогрессивизм (MFQ)	-0,054	0,027	-0,171	-2,035	0,044
Позитивное прошлое (ZTPI)	-0,127	0,069	-0,094	-1,845	0,067
Способность влиять на будущее (через 1 год)	-0,086	0,041	-0,123	-2,105	0,037
Способность влиять на будущее (через 20 лет)	0,195	0,037	0,303	5,23	<0,001
Идентификация с единомышленниками	0,107	0,057	0,094	1,875	0,063
Идентификация с людьми вашего достатка	-0,161	0,069	-0,126	-2,32	0,022
Идентификация с коллегами	-0,117	0,058	-0,105	-1,996	0,048
Человечеством	0,13	0,066	0,122	1,974	0,05
Идентификация с европейцами	-0,147	0,07	-0,134	-2,089	0,038
Идентификация с советскими людьми	0,113	0,06	0,101	1,89	0,061
Позитивная оценка будущего через 1 год	0,267	0,074	0,27	3,626	<0,001
Позитивная оценка будущего через 5 лет	0,554	0,073	0,51	7,564	<0,001

Примечание: R=0,842; R²=0,708; F=25,344 при p≤0,001.

оказываются по отношению друг к другу «зеркалами» самоанализа, выполняют роль «резонаторов», помогая друг другу увидеть себя с позиции своей роли в совместной жизнедеятельности (подробнее см.: Психология совместной жизнедеятельности..., 2001; Совместная деятельность..., 1988; и др.). Содержанием групповой рефлексии называется образ «Мы» и коллективная судьба, т.е. те характеристики группы и события, которые значимы для членов группы в силу их зависимости друг от друга в прошлом, настоящем или будущем (Журавлев, Нестик, 2012). Можно предположить, что проспективная рефлексия является социально-психологическим *механизмом преадаптации* к изменениям, позволяет вырваться из диктата прошлого, экстраполированного в будущее, интерпретировать неопределенность будущего как возможность, а не угрозу.

Эта гипотеза подтверждается результатами исследования социально-психологических детерминант *отношения личности* к будущему, проведенного нами совместно с А. Л. Силингом среди участников инновационного сообщества региональных форсайт-флотов 2017 г. при организационной поддержке Агентства стратегических инициатив. Общая численность участников форсайт-навигации 2017 г., принявших участие в исследовании, составила 596 респондентов. Из них 146 человек составили экспериментальную группу, заполнившую анкету непосредственно до и сразу после участия в форсайт-навигации (мужчины – 50,3%, женщины – 49,7%, средний возраст – 37,9, от 15 до 68 лет). Контрольную группу составили студенты московских вузов, никогда не участвовавшие в форсайт-сессиях и «мозговых штурмах» о будущем (N=77, мужчины – 29%, женщины – 71%, средний возраст – 21,7, от 18 до 35 лет) и заполнившие анкету дважды с интервалом в одну неделю, как и экспериментальная группа.

Для оценки социально-психологических характеристик были использованы шкалы генерализованного доверия, внутригруппового и межгруппового доверия из опросника World Values Survey (Срепаз et al., 2014); шкалы объема социального капитала и радиуса влияния из Евробарометра (Вахштайн и др., 2017); шкалы глобальной и гражданской идентичности ($\alpha=0,770$ и $\alpha=0,877$). Для измерения характеристик временной перспективы были использованы сокращенная версия «Стенфордского опросника временной перспективы» Ф. Зимбардо в адаптации А. Сырцовой и О. Митиной (Košťál et al., 2016; Сырцова и др., 2007; N=6000, α от 0,6 до 0,7); семантический дифференциал «Временные аттитюды» Ж. Нютена в модификации Т. А. Нестика (Нестик, 2015; $\alpha>0,8$), а также «Индекс протяженности временной перспективы» А. Блюдорна в адаптации Т. А. Нестика (Bluedorn, 2002; Нестик, 2015; $\alpha>0,8$).

Были выявлены *предикторы* позитивной оценки краткосрочного, среднесрочного и долгосрочного будущего, среди которых наибольший вес имеют социальное доверие и групповая идентичность (таблица 7). При этом после участия в форсайте была выявлена обратная зависимость предсказуемости будущего от его позитивной оценки: эта связь была особенно сильной для горизонта 5 лет ($b=-0,813$ при $p\leq 0,001$; $R^2=0,683$; $F=66,275$, $p\leq 0,001$) и несколько менее значимой – для горизонта 20 лет ($b=-0,889$ при $p=0,074$; $R^2=0,731$; $F=112,422$, $p\leq 0,001$).

Таблица 7

Психологические предикторы положительной оценки будущего
(N =298, после участия в форсайте)

Предикторы позитивной оценки будущего через 1 год*	β	P
Генерализованное доверие к людям – после форсайт-флота	0,166	0,048
Гражданская идентичность – после форсайт-флота	0,233	0,006
Протяженность временной ретроспективы – после форсайт-флота	-0,093	0,023
Предикторы позитивной оценки будущего через 5 лет**	Beta	P
Негативное прошлое (ZTPI) – после форсайт-флота	-0,143	0,089
Доверие к сообществу форсайт-флота – после форсайт-флота	0,162	0,055
Гражданская идентичность – после форсайт-флота	0,208	0,016
Протяженность временной ретроспективы – после форсайт-флота	-0,186	0,026
Предикторы позитивной оценки будущего через 20 лет***	Beta	P
Гедонистическое настоящее (ZTPI) – после форсайт-флота	0,237	0,004
Генерализованное доверие к людям – после форсайт-флота	0,178	0,026
Гражданская идентичность – после форсайт-флота	0,282	0,001
Обсуждая будущее на форсайт-флоте, участники уделяли больше внимания угрозам, а не возможностям	-0,205	0,011

Примечание. * – R2=0,142; F=6,917, p<0,001; ** – R2=0,166; F=6,171, p<0,001; *** – R2=0,245; F=9,903, p<0,001.

Вопреки ожиданиям, проспективная рефлексия *не повышает оценку предсказуемости долгосрочного будущего* (таблица 8). Исследование показало, что после участия в серии «мозговых штурмов» по сравнению с контрольной группой увеличивается оценка прогнозируемости только ближайшего и среднесрочного будущего, повышается протяженность индивидуальной перспективы, значимость для участников отдаленного будущего России, социальное доверие, готовность идентифицировать себя с человечеством.

Чем выше социальное доверие (подробнее об этом см.: Доверие и недоверие..., 2013), тем выше оценка участниками своей способности влиять на будущее, но ниже оценка его предсказуемости. Эти данные указывают на то, что обсуждение сценариев развития социальной системы ее участниками – при условии наличия внутри-

Таблица 8

Изменения психологических характеристик участников форсайт-флота и в контрольной группе

Психологические характеристики	Участники форсайт-флота, N=146			Контрольная группа, N=77		
	Средние значения		Р по Краскелу–Уоллису	Средние значения		Р по Краскелу–Уоллису
	До	После		До	После	
Внутригрупповое («толстое») доверие*	3,9	4,0	0,006	3,5	3,6	0,7
Аутгрупповое («тонкое») доверие*	3,1	3,2	0,02	2,7	2,7	0,556
Доверие к сообществу форсайт-флота*	3,8	4,1	≤0,001	–	–	–
Генерализованное доверие к людям*	3,2	3,2	0,889	2,4	2,2	0,21
Глобальная идентичность*	3,7	3,9	0,024	3,3	3,2	0,696
Гражданская идентичность*	4,5	4,5	0,559	3,4	3,3	0,252
Негативное прошлое (ZТPI) *	2,3	2,2	0,045	3,0	2,9	0,376
Гедонистическое настоящее (ZТPI)*	3,8	3,9	0,345	3,6	3,6	0,59
Будущее (ZТPI)*	4,0	4,1	0,097	3,7	3,6	0,106
Позитивное прошлое (ZТPI)*	4,0	4,1	0,494	4,0	4,0	0,354
Фаталистическое настоящее (ZТPI)*	2,0	2,1	0,175	2,3	2,4	0,161
Протяженность временной перспективы****	8,4	9,1	0,002	7,2	6,9	0,014
Протяженность временной ретроспективы****	9,2	9,2	0,915	7,9	7,6	0,094
Протяженность временной перспективы при размышлениях о будущем России***	8,0	8,8	0,001	7,7	7,4	0,254
Позитивная оценка будущего через 1 год**	5,1	5,3	0,909	5,1	5,2	0,378
Позитивная оценка будущего через 5 лет**	5,3	5,4	0,287	5,3	5,3	0,892
Позитивная оценка будущего через 20 лет**	5,3	5,4	0,588	5,4	5,3	0,485
Оценка предсказуемости будущего через 1 год**	4,9	5,6	0,030	2,9	2,8	0,126

Продолжение таблицы 8

Психологические характеристики	Участники форсайт-флота, N=146			Контрольная группа, N=77		
	Средние значения		Р по Краскелу–Уоллису	Средние значения		Р по Краскелу–Уоллису
	До	После		До	После	
Оценка предсказуемости будущего через 5 лет**	4,0	4,4	0,047	2,8	2,8	0,749
Оценка предсказуемости будущего через 20 лет**	3,2	3,3	0,375	2,6	2,8	0,471
Оценка способности влиять на будущее, отдаленное на 1 год**	5,3	5,4	0,876	5,5	5,4	0,649
Оценка способности влиять на будущее, отдаленное на 5 лет**	5,2	5,3	0,830	5,4	5,4	0,566
Оценка способности влиять на будущее, отдаленное на 20 лет**	4,8	5,0	0,224	5,0	5,0	0,969

Примечание. * – 5-балльная шкала; ** – 7-балльная шкала; *** – 14-балльная шкала; **** – 15-балльная шкала.

группового и межгруппового доверия, – повышает *оптимизм и толерантность к неопределенности будущего*.

Заключение

Проведенные эмпирические исследования позволяют сделать несколько *выводов*.

Во-первых, было показано, что оценки ближайшего, среднесрочного и отдаленного будущего связаны с разными уровнями социальной идентификации. Оценки отдаленного будущего связаны с национальной и гражданской идентичностью, тогда как ближайшего будущего – с локальной. С одной стороны, это может объясняться когнитивными механизмами осмысления отдаленных в пространстве и времени явлений, хорошо описанными в рамках теории темпорального конструирования: события отдаленного будущего, и неизвестные нам, далеко от нас живущие люди осмысляются с высоким уровнем абстракции, через общие категории и стереотипы (Liberman, Trope, 2003). С другой стороны, это указывает на то, что социальная идентификация вносит вклад в совладание личности с неопределен-

ностью будущего (подробно о способах совладания см.: Психология повседневного и травматического стресса..., 2016; Стресс, выгорание, совладание..., 2011; и др.). Прогнозируя и оценивая ближайшее и среднесрочное будущее, мы прогнозируем поведение своей группы — тех, с кем мы себя сравниваем и на помощь которых рассчитываем (семья, горожане, люди нашей профессии, нашей религии, нашего достатка). Долгосрочное будущее в большей степени зависит от поведения незнакомых нам людей, объединенных общей судьбой, — россиян, человечества.

Во-вторых, обнаружена отрицательная связь внутригруппового доверия с оценкой предсказуемости будущего. Результаты показывают, что, чем выше социальное доверие, тем выше оценка участниками своей способности влиять на будущее, но тем ниже оценка его предсказуемости. Как известно из исследований жизнеспособности, вера в поддержку со стороны членов своего общества повышает уверенность личности в своих силах и готовность преодолевать неблагоприятные обстоятельства (Нестик, 2016). По-видимому, ингрупповое доверие повышает позитивную оценку будущего и снижает потребность в его субъективной предсказуемости: каким бы ни было будущее, мы поддержим друг друга и добьемся успеха.

В-третьих, впервые оценено влияние форсайт-сессий на временную перспективу личности. Полученные при этом результаты хорошо согласуются с данными предыдущего исследования: среди выявленных нами предикторов позитивной оценки краткосрочного, среднесрочного и долгосрочного будущего наибольший вес имеют внутригрупповое доверие и групповая идентичность. Подтверждено наличие статистически значимых различий в уровне социального доверия и характеристиках временной перспективы до и после форсайт-флота. После участия в форсайт-флоте увеличились: позитивная оценка собственного прошлого, протяженность индивидуальной перспективы, отдаленность будущего России, значимого для участников, позитивная оценка краткосрочного и среднесрочного будущего, уверенность участников в своих прогностических способностях, а также социальное доверие (внутригрупповое и аутгрупповое). По-видимому, какими бы ни были методы групповой работы в ходе форсайт-сессий, их основными социально-психологическими механизмами являются проспективная рефлексия и формирование доверия, повышающие толерантность к неопределенности.

Литература

- ДAUDРИХ Н. И.* Социальная идентичность: методический аспект // Социология: методология, методы, математическое моделирование, 2000. № 12. С. 77–95.
- Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества. М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2013.
- ЖУРАВЛЕВ А. Л., НЕСТИК Т. А.* Управление совместной деятельностью в условиях неопределенности // Социальная психология труда: Теория и практика. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 91–144.
- ЖУРАВЛЕВ А. Л., НЕСТИК Т. А.* Групповая рефлексивность: основные подходы и перспективы исследований // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 4. С. 27–37.
- Макропсихология современного российского общества. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
- НЕСТИК Т. А.* Социальная психология времени. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014а.
- НЕСТИК Т. А.* Отношение к будущему в российских управленческих командах: лидерское видение и корпоративный форсайт // Экономические стратегии. 2014б. № 2. С. 134–141.
- НЕСТИК Т. А.* Социально-психологическая детерминация группового отношения к времени: Дис. ... докт. психол. наук. М., 2015.
- НЕСТИК Т. А.* Жизнеспособность группы как социально-психологический феномен // Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты / Под ред. А. В. Махнач, Л. Г. Дикой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 176–192.
- НЕСТИК Т. А.* Психологические аспекты корпоративного форсайта // Форсайт. 2018. Т. 12. № 2. С. 78–90.
- НЕСТИК Т. А., ЖУРАВЛЕВ А. Л., ЮРЕВИЧ А. В.* Глобальные вызовы и будущее психологии: развитие психологической науки и практики в цифровом обществе // Психологическое знание: современное состояние и перспективы развития. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 698–713.
- Психология повседневного и травматического стресса: угрозы, последствия и совладание. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- Психология совместной жизнедеятельности малых групп и организаций. М.: Социум–Изд-во «Институт психологии РАН», 2001.

- Совместная деятельность: Методология, теория, практика. М.: Наука, 1988.
- Стресс, выгорание, совладание в современном контексте. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
- Bluedorn A. C.* The human organization of time: Temporal realities and experience. Stanford, CA: Stanford University Press, 2002.
- Carelli M. G., Wiberg B., Åström E.* Broadening the TP Profile: Future Negative Time Perspective // Time Perspective Theory. Review, Research and Application. Essays in Honor of Philip G. Zimbardo / M. Stolarski, N. Fieulaine, W. van Beek (Eds). Switzerland: Springer International Publishing, 2015. P. 87–97. doi: 10.1007/978-3-319-07368-2.
- Crepaz M. M. L., Polk J. T., Bakker R. S., Singh S. P.* Trust Matters: The Impact of Ingroup and Outgroup Trust on Nativism and Civicness // Social Science Quarterly. 2014. V. 95. № 4. P. 938–959. doi: 10.1111/ssqu.12082.
- Hofstede G., Minkov M.* Long- versus short-term orientation: new perspectives // Asia Pacific Business Review. 2010. V. 16. № 4. P. 493–504.
- Košťál J., Klicperová-Baker M., Lukavská, Jiří Lukavský K.* Short version of the Zimbardo Time Perspective Inventory (ZTPI-short) with and without the Future-Negative scale, verified on nationally representative samples // Time & Society. 2016. V. 25. № 2. P. 169–192. doi: 10.1177/0961463X15577254.
- Liberman N., Trope Y.* Temporal construal theory of intertemporal judgment and decision // Time and choice: Economic and psychological perspectives on intertemporal choice / G. Loewenstein, D. Read, R. Baumeister (Eds). N.Y.: Sage, 2003. P. 217–240.
- Nuttin J.* Motivation et perspectives d'avenir. Louvain, 1980.
- Time Perspective Theory. Review, Research and Application. Essays in Honor of Philip G. Zimbardo / M. Stolarski, N. Fieulaine, van W. Beek (Eds). Switzerland: Springer International Publishing, 2015. doi: 10.1007/978-3-319-07368-2.
- Venaik S., Zhu Y., Brewer P.* Looking into the future: Hofstede long term orientation versus Globe future orientation // Cross Cultural Management. 2013. V. 20. № 3. P. 361–385.
- Wang M., Rieger M. A., Hense T.* How time preferences differ: Evidence from 53 countries // Journal of Economic Psychology. 2016. V. 52. P. 115–135.
- Zalesky Z.* Future anxiety. Concept measurement and preliminary research // Personality and Individual Differences. 1996. V. 21 (2). P. 165–174.
- Zaleski Z., Sobol-Kwapinska M., Przepiorka A., Meisner M.* Development and validation of the Dark Future scale // Time & Society. 2017. P. 1–17. doi: 10.1177/0961463X16678257.

Групповая рефлексивность и проблема отношения к соблюдению требований безопасности в трудовых коллективах производственных подразделений АЭС

В. Н. Шабанова, Т. А. Нестик

Возрастание управляемой мощности в руках человека делает человеческий фактор (ЧФ) важнейшей составляющей техногенной безопасности (Либерман, 2006). На основании анализа исследований и опыта работы российских и зарубежных АЭС можно сделать вывод о том, что ЧФ проявляется в отношении персонала к правилам и инструкциям, которые каждый работник обязан соблюдать; информированности персонала о политике, ценностях организации и нормах поведения; степени приверженности работников декларируемым правилам работы и нормам поведения (И. А. Купрянова).

Производственную деятельность атомных электростанций (АЭС) характеризуют ключевые особенности, к которым относятся в первую очередь высокая наукоемкость отрасли, сложный технологический процесс, осуществляемый человеком, и самое главное – тяжесть последствий ошибок, представляющих опасность как для персонала, так и для населения и окружающей среды. Кроме того, деятельность производственных коллективов АЭС регламентирована большим количеством процедур, которые содержат требования безопасности, установленные на международном уровне такими организациями, как Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ) и Всемирная ассоциация организаций, эксплуатирующих атомные электростанции (ВАО АЭС, WANO); на государственном уровне – документом «Основы государственной политики в области обеспечения ядерной и радиационной безопасности РФ на период до 2025 года» (01.03.2012 № Пр-539); на уровне регулирующих органов – документом НП-001–15 Федеральные нормы и правила в области использования атомной энергии «Общие положения

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 18-18-00439 «Психология человека в условиях глобальных рисков».

обеспечения безопасности атомных станций» (пр. 17.12.2015 г. № 522); на отраслевом уровне – документами Государственной корпорации «Росатом»; на уровне эксплуатирующей организации – документами АО «Концерн „Росэнергоатом“».

Представления о первостепенной роли ЧФ в возникновении инцидентов на АЭС подтверждены результатами исследований нарушений. Так, за последние 25 лет почти все инциденты, произошедшие на АЭС, стали следствием человеческих ошибок, а не технических дефектов (А. Н. Анохин, Р. Эбель, И. А. Куприянова).

Как показал анализ коренных причин аварий в атомной отрасли, большинство недостатков, отмечаемых экспертами МАГАТЭ и ВАО АЭС, были связаны с организационными, а не технологическими факторами. В этой связи становится очевидной необходимость повышения не только технической компетентности работников, но и формирования у них мотивации действовать в соответствии с установленными требованиями, выявлять, анализировать и находить решения задач, влияющих на безопасность.

В 1998 г. по поручению МАГАТЭ и Агентства по ядерной энергии при ОЭСР (OECDNEA) был подготовлен доклад по идентификации и оценке организационных факторов, влияющих на безопасность АЭС. Тогда впервые была сформулирована задача оценить организационные и социально-психологические факторы, влияющие на *отношение работников АЭС к безопасности*. В производственной деятельности встречаются ситуации, формирующие неблагоприятный социально-психологический климат, в условиях которого главным для работника становится не осознанное выполнение инструкций, а следование указаниям руководства даже в том случае, если данные указания могут создать аварийную ситуацию. В ряде исследований рассматривалось влияние негативных социальных факторов, которые приводят к возникновению конфликтов между требованиями безопасности и интересами каких-либо субъектов взаимодействия (личности, группы или общества). В частности, исследовался ряд *групповых норм*, требующих пренебрежения техникой безопасности или прямого ее нарушения: нормы группового эгоизма, где узкогрупповые интересы превалируют над профессиональными (М. И. Бобиева).

Поведение работника определяется, с одной стороны, особенностями *личности работника* (подробнее см.: Личность профессионала..., 2013; и др.). С другой стороны, оно определяется *факторами*

внешней среды: влиянием социальной ситуации и рабочей атмосферы в том коллективе, в котором он работает, степенью его адаптации к существующим в организации нормам и правилам поведения и стандартам качества выполняемой деятельности (см.: Бодров и др., 2012; Психология адаптации..., 2007; и др.). Таким образом, поведение работника – это результат развития системы социальных связей и отношений, коллективных форм поведения и социального сотрудничества (см.: Журавлев, Нестик, 2010; и др.). Поэтому в целях изучения отношения к выполнению требований безопасности оценку деятельности работников необходимо проводить с учетом групповых характеристик трудового коллектива. Понять поведение работников можно лишь в контексте *организационной культуры*, которая формирует текущий регламент деятельности (Занковский, 2011). На наш взгляд, необходимо признание наличия многообразия типов культуры безопасности в российских организациях, а также их эмпирическое исследование.

Организационная культура представляет собой систему формальных и неформальных норм деятельности, традиций, особенностей поведения отдельных работников, стиля руководства, показателей вовлеченности и удовлетворенности условиями труда, уровня взаимного сотрудничества, идентификации работников с организацией и перспективами ее развития (подробнее см.: Культура и поведение в организации..., 2008; Российская деловая культура..., 1998; и др.).

Отношение к соблюдению требований безопасности является одним из компонентов *модели* культуры безопасности (КБ) МАГАТЭ, ВАО АЭС и АО «Концерн Росэнергоатом» и рассматривается через призму проявляющихся в деятельности персонала особенностей (таких как «строго регламентированный и взвешенный подход», «критическая позиция» и др.). КБ рассматривается через сформированные в организации нормы поведения, ценности и представления, осуществляет регулирующую функцию в обеспечении требований безопасности при выполнении процессов, связанных с рисками: определение целей и приоритетов, распределение ресурсов, выбор и контроль решений, достигнутых результатов (Руденко, Василенко, 2013). Формирование КБ у персонала АЭС как приоритетная задача, поставленная перед отраслью, может осуществиться только в рамках существующей на конкретных АЭС организационной культуры и в условиях профессиональной деятельности отдельно взятых производственных коллективов.

Изучением психологических и организационных аспектов культуры безопасности и выполнения требований безопасности занимались В. Н. Абрамова, В. П. Третьяков и Л. Н. Горюнова, И. В. Морозова и В. Г. Козлов, Т. Б. Мельницкая, В. Ю. Рыбников и Т. В. Белых, А. А. Грачев, А. А. Обознов, В. А. Машин, И. А. Куприянова и др.

В российской психологии тема отношения к соблюдению требований безопасности в трудовых коллективах во взаимосвязи с уровнем групповой рефлексивности трудового коллектива ранее не изучалась. Можно выделить несколько ключевых направлений исследования данной проблематики, в которых подчеркивается роль человеческих и организационных факторов в безопасности масштабных технологических систем:

- исследования оценки надежности работы операторов, процесса принятия решений, самоконтроля и совершения ошибок (С. А. Чачко, А. И. Нафтульев, М. А. Котик, А. М. Емельянов, Л. Г. Дикая, В. Ю. Шебланов, А. И. Губинский, Г. С. Никифоров);
- исследования психологических аспектов повышения уровня безопасности труда (Р. И. Мухамадеев, И. К. Бакиров, И. Г. Мухамадеев, А. А. Обознов);
- исследования деятельности оператора, ее психофизиологического содержания, работоспособности, надежности и эффективности (В. А. Бодров, Г. М. Зараковский и В. Д. Магазанник, А. Б. Леонова и В. И. Медведев и др.);
- проблемы группового взаимодействия и решения оперативных задач (В. Ф. Венда, Н. Н. Обозов и др.), вопросы совместной деятельности в социально-психологическом контексте, социально-психологических проблем аттестации руководителей производственных коллективов (А. Л. Журавлев);
- вопросы психологического обеспечения профессиональной деятельности (В. А. Бодров, М. А. Дмитриева), психологии человека опасной профессии, ошибочных действий и концепции опасной профессии (В. А. Пономаренко и Н. Д. Завалова);
- исследования психофизиологического обеспечения надежности профессиональной деятельности операторов сложных эргатических систем (Третьяков, 1993), проблема регуляции производственного стресса среди оперативного персонала, который управляет процессами производства энергии на тепловых и атомных электростанциях (Лазарев, 2012);

- вопросы выполнения эксплуатационных процедур операторами блочного щита управления АЭС с точки зрения эргономического анализа и качества процедур (Н. В. Плешакова, А. Н. Анохин).

В целом можно выделить *два подхода*, объясняющих закономерности нарушения работниками требований безопасности в процессе труда: во-первых, описание особенностей индивидуально-психического развития работников и, во-вторых, анализ особенностей выполняемых задач и объективных техногенных, материальных и социальных факторов.

На основании существующих исследований в данной области можно выделить ряд *социально-психологических* факторов отношения к соблюдению требований безопасности на индивидуальном, групповом и организационном уровнях (о совокупности таких факторов: Журавлев, Нестик, 2010; и др.).

Индивидуальный уровень включает феномены аффективной и ценностно-мотивационной сфер личности (эмоциональные переживания, отношение к риску, мотивы, склонности и т. д.), когнитивные феномены (интеллектуальная оценка степени опасности ситуации, опыт, навыки, знания, интересы и т. д.), а также предповеденческие установочные феномены (способность к саморегуляции, ориентация на самоконтроль).

К *групповым факторам* можно отнести уровень конфликтности, удовлетворенность условиями труда, ролевую структуру в коммуникации между членами коллектива, процессы передачи критически важных знаний, а также сложившиеся в коллективе нормы поведения.

На наш взгляд, одним из ключевых групповых факторов постоянного соблюдения требований безопасности в трудовых коллективах АЭС является *групповая рефлексия* совместной деятельности. Групповая рефлексивность — это ориентация группы на критическое осмысление результатов деятельности, поиск новых путей решения задачи, планирование и анализ совместных действий, приводящих к более глубокому пониманию членами группы сложившейся ситуации, и осуществляется через внутригрупповое взаимодействие, в котором содержание сознания одних членов группы становится доступным для анализа через действия других (см. также: Журавлев, Нестик, 2011 и др.). Работники производственных коллективов АЭС, выполняя общие задачи, действуют совместно, что позволя-

ет говорить о групповом принятии решений в условиях взаимного обмена информацией. Исследователями была обозначена проблема взаимодействия руководителей при принятии групповых решений, которая рассматривалась в рамках исследований *управления совместной деятельностью и коллективного субъекта управления* (А. И. Донцов, А. Л. Журавлев, Т. А. Нестик, В. А. Хашенко, С. Ю. Флоровский, А. Л. Журавлев, Т. А. Нестик). Однако роль групповой рефлексивности ранее не рассматривалась для сложных организационных структур, к которым относится АЭС, где существует большое количество трудовых коллективов, члены которых совершают совместную деятельность, но при этом удалены друг от друга или выполняют автономную работу.

Интерес к феномену групповой рефлексивности также вызван постоянной необходимостью принимать групповые стратегические решения, связанные с разработкой и внедрением корректирующих мероприятий по результатам расследования причин нарушений, связанных с ЧФ. Ретроспективные стратегии обеспечения надежной работы персонала составляют обучение на ошибках, анализ причин нарушений и недостатков деятельности по обеспечению надежности и успешности работы персонала, анализ тенденций снижения КБ в коллективах на энергоблоках, разработку, выполнение и анализ эффективности корректирующих мер по результатам (Абрамова, 2011). Групповая рефлексивность является инструментом организационного научения, прогнозирования возможностей и рисков, норм и ценностей (М. С. Schippers), она влияет на конструирование группой своего совместного прошлого, настоящего и будущего (Нестик, 2014).

Исследование групповой рефлексивности в совместной деятельности, извлечения группой уроков из опыта предыдущей совместной деятельности и проспективного построения планов и целей в первую очередь связано с изучением специфики функционирования трудовых коллективов в условиях инновационной деятельности (Нестик, Журавлев, 2010). Отечественные исследователи понимают групповую рефлексивность как реализуемую направленность, ориентацию группы на анализ своей деятельности, а также на изменение этой деятельности по итогам проведенного анализа. Изучение этого феномена складывалось в контексте исследований коллективного субъекта, основополагающим признаком которого является *совместная активность* (А. Л. Журавлев, К. М. Гайдар).

Исследователями выделяются ретроспективная и проспективная рефлексия (А. В. Карпов, А. С. Шаров), которые в групповом взаимодействии могут проявляться по-разному в зависимости от стадии развития группы. Исследовались *уровни* групповой рефлексивности: поверхностный — по поводу совместной задачи, умеренный — по поводу групповых процессов и глубинный — по поводу групповых норм и ценностей (М. А. West, М. С. Schippers). В исследованиях последних 15 лет рассматривались предпосылки рефлексивности и прогностической компетентности руководителей (Карпов, 2004).

На наш взгляд, можно выделить социально-психологические факторы, тесно связанные с групповой рефлексивностью, которые могут оказать как позитивное, так и негативное влияние на профессиональную деятельность трудовых коллективов. Данные факторы можно сгруппировать по уровням социально-психологического анализа: личностные, межличностные, групповые, межгрупповые, организационные.

На *личностном* уровне важную роль в формировании отношения к соблюдению правил безопасности играют индивидуальная рефлексивность членов группы, особенно ее лидера; временная ориентация; открытость к новому; стиль научения; эмоциональный интеллект членов группы; приверженность участников задаче и профессии, их мотивированность на достижение результата. На *межличностном* уровне анализа следует учитывать уровень межличностного доверия, ролевую взаимодополняемость в ходе обсуждения. На *групповом* уровне анализа на соблюдение правил безопасности влияют сила групповой идентичности, ценностное единство группы, динамичность ее ролевой и коммуникативной структуры, степень понимания целей деятельности, особенности коллективной памяти и отношения к совместному прошлому. На *межгрупповом* уровне — межгрупповое сравнение, выраженность ингруппового фаворитизма и аутгрупповой дискриминации, чувствительность членов группы к оценке другими группами. Наконец, на *организационном* уровне отношение к соблюдению правил безопасности связано с ориентацией корпоративной культуры на организационное научение и обмен знаниями, наличие специальных процедур анализа опыта и управления рисками.

Влияние данных факторов на формирование у работников отношения к соблюдению требований безопасности требует эмпирического подтверждения. В результате эмпирического исследования особенностей отношения к соблюдению требований безопасности

в производственных коллективах АЭС с разным уровнем групповой рефлексивности может быть проверен целый ряд *гипотез*. В частности, можно предположить, что, чем выше уровень групповой рефлексивности в трудовом коллективе, тем более позитивным является отношение к соблюдению требований безопасности в трудовых коллективах; при этом чем выше индивидуальный уровень групповой рефлексивности у линейных руководителей и их индивидуальной приверженности безопасности, тем выше уровень групповой рефлексивности соответствующих трудовых коллективов. Можно также предполагать наличие двунаправленной связи между этими феноменами: чем более линейный руководитель ориентирован на формирование у подчиненных приверженности безопасности, тем выше групповая рефлексивность трудового коллектива. В трудовых коллективах с разным уровнем групповой рефлексивности можно ожидать разной выраженности тех или иных стилей руководства в оценке подчиненными своих руководителей. Анализ предшествующих исследований позволяет предполагать, что в трудовых коллективах с высоким уровнем рефлексивности показатели обмена опытом и организационного научения будут качественно отличаться от показателей трудовых коллективов с низким уровнем рефлексивности, а трудовые коллективы с высоким уровнем групповой рефлексивности отличаются более благоприятным психологическим климатом.

Одним из ключевых факторов выживания организации в условиях высокой неопределенности сегодня признается укрепление процессов коллективного диалога, осмысления и рефлексивности. Групповая рефлексивность повышает способность управленческой команды адаптироваться к меняющимся условиям, делает группу более чувствительной к информации, противоречащей коллективным базовым убеждениям, повышает качество управления рисками. Вместе с усложнением внутриорганизационной и внешней среды, появлением новых отраслевых и глобальных вызовов дальнейшие исследования вклада групповой рефлексивности в соблюдение и обновление правил безопасности становятся все более актуальными.

Литература

Абрамова В. Н. Организационная психология, организационная культура и культура безопасности в атомной энергетике. Ч. 2: Психология формирования и повышения организационной культуры

- и культуры безопасности на атомных станциях. М.—Обнинск: Концерн «Энергоатом»—Прогноз, 2011.
- Бодров В. А., Дикая Л. Г., Журавлев А. Л.* Психологическая адаптация к профессиональной деятельности: Основные направления и результаты современных исследований // Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики. Вып. 3. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. С. 9—32.
- Занковский А. Н.* Психология лидерства: от поведенческой модели к культурно-ценностной парадигме. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.
- Журавлев А. Л., Нестик Т. А.* Психология управления совместной деятельностью: Новые направления исследований. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010.
- Журавлев А. Л., Нестик Т. А.* Групповая рефлексивность: основные подходы и перспективы исследований // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 3. С. 212—221.
- Карпов А. В.* Психология рефлексивных механизмов деятельности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004.
- Лазарев С. В.* Психология безопасности профессиональной деятельности. М.: Говорящая книга, 2012.
- Либерман А. Н.* Техногенная безопасность: человеческий фактор. СПб., 2006.
- Личность профессионала в современном мире. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- Нестик Т. А.* Социальная психология времени. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014.
- Нестик Т. А., Журавлев А. Л.* Психология совместного творчества и инновации // Высшее образование для XXI века: Доклады и материалы. М.: МосГУ, 2010. С. 3—19.
- Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
- Российская деловая культура: история, традиции, практика. М.: Торгово-промышленная палата РФ, 1998.
- Руденко В. А., Василенко Н. П.* Ценностная составляющая культуры безопасности // Глобальная ядерная безопасность. 2013. № 4 (9). С. 82—86.
- Третьяков В. П.* Психология безопасности эксплуатации АЭС. М.: Энергоатомиздат, 1993.

Доверие как условие принятия решений в VUCA-мире

Е. В. Шляховая

Теоретические основания

Современный мир все чаще определяют как VUCA-мир (*англ.* volatility – нестабильность, uncertainty – неопределенность, complexity – сложность, ambiguity – неоднозначность), в котором стабильность и ясность сменились постоянным изменением обстоятельств и появлением новых, ранее неизвестных, социальных явлений (Веселовский, Мосина, 2018; Лушин, 2016). Наряду с данным научным направлением, в последние годы активно проводятся исследования психологических проблем деятельности и поведения человека и его групп в условиях неопределенности, которые составляют относительно самостоятельное направление в современной психологии (см., напр.: Журавлев, Нестик, 2010; и др.)

По мнению Андрея Шаронова, президента Московской школы управления «Сколково», VUCA-мир связан с четвертой промышленной революцией и затрагивает не только экономику или национальные интересы, но и каждого отдельно взятого человека. Для более наглядного представления эпохи, в которую мы живем, приводят следующие факты:

- «90% информации в мире появилось за последние 2 года»;
- «ожидается, что средняя продолжительность жизни детей, родившихся в 2007 г. в США, Италии, Франции и Канаде, будет 104 года»;
- «стоимость хранения 1 Гб информации с 1980 г. снизилась в 1 миллиард раз»;
- «стоимость секвенирования генома одного человека снизилась в 100 тысяч раз»;
- «75% населения планеты имеет доступ к мобильной связи, но не все из них имеют доступ к чистой воде»;

- «еще десять лет назад не существовало как минимум 10 профессий, которые сегодня входят в число самых востребованных и высокооплачиваемых (специалист по Big Data, разработчик приложений, оператор дрона и т. д.)» (Веселовский, Мосина, 2018).

В подобной реальности проблема принятия решений, т. е. осуществления человеком выбора из имеющихся альтернатив, становится все острее и насущнее. Эффективное решение – управленческое или же решение, относящееся к частной жизни, – возможно при максимально подробном анализе ситуации, в которой необходимо принять решение, и выборе наименее трудоемкого способа реализации данного решения. В SPOD-мире (steady – устойчивый, predictable – предсказуемый, ordinary – простой, definite – определенный), существовавшем до недавнего времени, анализировать ситуации и принимать в них решения было гораздо проще, поскольку сами ситуации соответствовали «социальным алгоритмам» и содержали мало «неизвестных переменных» (Веселовский, Мосина, 2018). В настоящее время, когда непредсказуемость проявляется как на глобальном, (подробнее об этом см.: Психологические исследования..., 2018; Социально-психологическая оценка рисков..., 2017; и др.), так и локальном уровне, принятие решений может замедлиться из-за неуверенности человека в собственной способности правильно оценивать происходящее, выявляя в нем истинные логические связи, а также по причине сомнений в существовании данных логических связей в принципе.

Тем не менее задача общественных наук – не только констатировать возникающие изменения в современных реалиях, но и предлагать какие-либо решения возникающих проблем. В нашей профессиональной деятельности проблему принятия решений в VUCA-мире мы попытались рассмотреть с помощью практического применения модели доверия, представленной в авторском семинаре. Естественно, мы придерживаемся принципа, что доверие не является универсальным механизмом, помогающим существовать в сложной неопределенной повседневности. Однако именно доверие ответственно за нашу открытость миру и готовность пробовать новое и неизвестное. Значительная роль доверия отмечается и в исследовании совместной деятельности в условиях неопределенности (Журавлев, Нестик, 2010; и др.).

Многие исследователи выделяют следующие условия, необходимые для возникновения различных видов доверия: наличие значимой

ситуации, характеризующейся неопределенностью или связанной с риском; оптимистические ожидания исхода событий; уязвимость субъекта и его зависимость от поведения других участников взаимодействия; отсутствие контроля. Большинство из перечисленных условий возникновения доверия являются и условиями возникновения недоверия: неопределенность, уязвимость, отсутствие контроля. Условия, при которых различные виды доверия и недоверия выступают относительно автономными феноменами, существующими амбивалентно к одному и тому же объекту и проявляющимися в амбивалентных оценках, следующие: многоаспектность и динамичность отношений между людьми; наличие у партнера по взаимодействию противоречивых качеств; противоречивое отношение субъекта к ряду личностных свойств оцениваемого человека; высокая субъективная оценка рисков, возникающих в результате открытого и высокого доверия субъекта и партнера по взаимодействию (Купрейченко, Табхарова, 2012). Таким образом, одновременное существование доверия и недоверия имеет место в «пространстве», очень близком к сложному, неопределенному и непредсказуемому миру. При этом принятие решений в подобном «пространстве» возможно в случае преобладания доверия над недоверием, так как последнее связано с опасениями и ожиданиями «зла и чего-то вредного», что тормозит осуществление выбора.

Доверие мы понимаем как *психологическое отношение* (подробнее о теоретических представлениях см.: Купрейченко, Журавлев, 1999; Позняков, Журавлев, 2012; и др.), которое включает интерес и уважение к объекту или партнеру; представление о потребностях, которые могут быть удовлетворены в результате взаимодействия с ним; эмоции от предвкушения их удовлетворения и позитивные эмоциональные оценки партнера; расслабленность и безусловную готовность проявлять по отношению к нему добрую волю, а также совершать определенные действия, способствующие успешному взаимодействию (Купрейченко, 2008).

В наших работах мы придерживаемся принципа, что в любом виде доверия, проявляемого в конкретных условиях взаимодействия, всегда присутствует *базовое доверие*, формируемое с первых лет жизни. Иными словами, *ситуативное доверие*, проявляемое в конкретном взаимодействии, определяется уровнем доверия миру, доверия к другим людям и доверия к себе, образующих в своем триединстве фундаментальный психологический феномен — базовое доверие.

Величина каждой из составляющих базового доверия в конкретном доверии определяется личностью самого субъекта, условиями взаимодействия и спецификой объекта или партнера.

В случае, когда субъект может наполнить конкретное доверие проверенными, объективными и обоснованными оценками, заслуживающими доверия и условий взаимодействия (себя как компетентного в данной сфере жизнедеятельности, объекта или партнера взаимодействия), то его активность в данной ситуации будет регулироваться конкретным доверием. В противном случае (недостаток знаний, социального опыта именно в данной сфере жизнедеятельности) регулятором активности субъекта в конкретных условиях взаимодействия станет базовое доверие (и базовое недоверие). Примером подобного проявления базового доверия может быть ситуация, когда у человека нет достаточных оснований считать какое-либо предложение о взаимодействии надежным, но он все равно рискует, считая, «что не пропадет в трудных ситуациях» (доверие к себе), «другие люди могут помочь» (доверие к другим), и «этот мир на его стороне, и ему часто везет» (доверие к миру).

Стоит отметить, что базовое доверие, несмотря на свою «родительскую» роль для других видов доверия, остается самобытным специфическим феноменом. Точно так же самобытны и специфичны конкретные виды доверия, возникающие в жизни субъекта. Возможно, данное «многообразие» видов доверия выводит этот психологический феномен на уровень «повышенной сложности» при его изучении.

Базовое доверие по своей сути является фундаментальным личностным феноменом, позволяющим человеку чувствовать его интегративную связь с другими людьми и миром в целом. Доверие к себе без конкретизации сферы жизнедеятельности, доверие к другим людям без персонификации и доверие к миру без конкретизации объектов, составляющие базовое доверие, являются глубокой человеческой потребностью в общности и близости (Шляхова, 2013).

Практические результаты

Основная часть авторского семинара «Доверие как ответ VUCA-миру» была посвящена формированию практических навыков использования модели доверия при принятии решения о взаимодействии с каким-либо важным субъектом или объектом. Нам хотелось, чтобы за время проведения семинара участники более отчетливо заме-

чали, понимали и осмысливали основания, по которым они доверяют какому-либо значимому человеку или объекту.

Семинар был разработан и проведен в сентябре 2017 г. Средний возраст участников семинара – 32 года; сферы профессиональной деятельности участников семинара – маркетинг, бизнес-тренинги, юриспруденция, образование. Общее количество участников – 5 человек.

В практической части семинара использовалась модель доверия, включающая основания, описанные в исследованиях А. Б. Купрейченко: надежность, единство, предсказуемость, приязнь и расчет (два последних не являются полноценными основаниями доверия, но часто являются их заменителями). Каждое из оснований модели доверия описывалось утверждениями, относящимися к доверию другим, доверию себе и доверию миру. Утверждения разрабатывались на основе методики А. Б. Купрейченко «Взаимосвязь доверия/недоверия миру, себе и другим людям».

Задание, предложенное участникам семинара

«Примените модель доверия для оценки человека или любого объекта реального мира (организации, сайта, журнала и т. п.) как заслуживающих доверия. Постарайтесь обратиться к актуальному переживанию – оценить человека или объект, который для вас действительно важен.

Надежность

Оцените степень своего согласия/несогласия с утверждениями, используя следующую шкалу: не верно; скорее не верно; частично верно; скорее верно; верно.

Я выяснил, что человек (объект) надежен, особенно в тех случаях, которые важны для меня (*оценив степень согласия, укажите факты, подтверждающие оценку*) – доверие к другим.

Я правильно оценил информацию о человеке (объекте), выделив важное – доверие к себе.

В аналогичных ситуациях (взаимодействие с человеком/объектом) мне ничто не угрожало – доверие к миру.

Единство

Оцените степень своего согласия/несогласия с утверждениями, используя следующую шкалу: не верно; скорее не верно; частично верно; скорее верно; верно.

Этот человек (объект) близок мне по моему мировосприятию (*оцените степень согласия, укажите факты, подтверждающие оценку*) – доверие к другим.

Я знаю и понимаю свои взгляды и ценности – доверие к себе.

В аналогичных ситуациях (взаимодействие с человеком/объектом) я проявлял активность и был открыт миру – доверие к миру.

Предсказуемость

Оцените степень своего согласия/несогласия с утверждениями, используя следующую шкалу: не верно; скорее не верно; частично верно; скорее верно; верно.

Мне кажется, я могу предсказать поведение человека (или что будет с объектом) в различных ситуациях (*оцените степень согласия, укажите факты, подтверждающие оценку*) – доверие к другим.

У меня достаточно опыта, чтобы верно предсказать поведение человека (или что будет с объектом), – доверие к себе.

В аналогичных ситуациях (взаимодействие с человеком/объектом) все случалось именно так, как я предсказывал, – доверие к миру.

Приязнь

Оцените степень своего согласия/несогласия с утверждениями, используя следующую шкалу: не верно; скорее не верно; частично верно; скорее верно; верно.

Мне нравится этот человек (объект) (*оцените степень согласия, укажите причины симпатии/антипатии*) – доверие к другим.

Я ожидаю положительного взаимодействия с человеком (объектом), потому что он мне нравится, – доверие к себе.

Большинство людей (объектов окружающего мира) вызывают у меня симпатию – доверие к миру.

Расчет

Оцените степень своего согласия/несогласия с утверждениями, используя следующую шкалу: не верно; скорее не верно; частично верно; скорее верно; верно.

Этот человек заботится о своей хорошей репутации (у этого объекта поддерживается хорошая репутация) (*оцените степень согласия, укажите факты, подтверждающие оценку*) – доверие к другим.

Я понимаю, почему этому человеку (для этого объекта) выгоднее поддерживать хорошую репутацию – доверие к себе.

Мир держится на взаимовыгодном расчете – доверие к миру.

После данного задания участникам предлагалось ответить на следующие вопросы.

1. Какой из компонентов модели доверия для вас важнее при оценке данного человека (объекта)?
2. Какое утверждение/ния из всех предложенных вызвало у вас наибольшие трудности?
3. Стало ли ваше решение о доверии данному человеку (объекту) более осознанным и ясным, после применения модели доверия?

В качестве дополнительного задания участникам предлагались авторские кейсы «Аудитория массмедиа», представляющие собой описание трех типов пользователей, доверяющих информации, журналисту и массмедиа по различным основаниям (типология пользователей была взята из нашего исследования 2013 г.) (Шляховая, 2013). Участники семинара, прочитав «психологический портрет» каждого из пользователей, должны были определить основания, по которым пользователь доверяет информации и ее источнику.

В результате проведения семинара и выполнения практикума выяснилось, что в применении модели доверия в ситуации принятия решения о взаимодействии с каким-либо значимым субъектом или объектом самым важным основанием является «единство», а наибольшие трудности вызывает оценка субъекта или объекта по основанию «предсказуемость». По оценкам участников применение модели доверия делает принятие решения о взаимодействии действительно более осознанным и ясным. При выполнении кейсов и определении оснований, по которым пользователь доверяет информации и ее источнику, изначальные трудности вызывала фиксация участников на характерологических описаниях пользователей, из-за чего описания оснований медиадоверия упускались из виду. Однако при выполнении последнего кейса участники семинара верно определяли основания медиадоверия.

Заключение

Разработанный и проведенный нами семинар «Доверие как ответ VUCA-миру» является попыткой перевести академическое знание в область его практического применения обычными людьми. Естественно, полученные результаты являются ознакомительными и ско-

рее поводом для рассуждения о том, что подобные семинары имеют право на существование. Однако, по нашему глубокому убеждению, окружающую реальность, стабильную или неопределенную, нужно не только исследовать, но и помогать людям ее понимать на основе результатов проведенных исследований.

Литературы

- Веселовский Д. П., Мосина Л. М.* Теоретический анализ феномена лидерства в эпоху VUCA // Вестник университета. 2018. № 2. С. 143–146.
- Купрейченко А. Б.* Психология доверия и недоверия. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
- Купрейченко А. Б., Журавлев А. Л.* Отношение современных российских предпринимателей к морально-этическим нормам делового поведения // Социально-психологические исследования руководства и предпринимательства. М.: Институт психологии РАН, 1999. С. 89–109.
- Купрейченко А. Б., Табхарова С. П.* Доверие и недоверие: соотношения, критерии, детерминация // Ученые записки ИМЭИ. 2012. Т. 2. № 1. С. 57–71.
- Лушин П.* Когда хаос и неопределенность внутри: VUCA-люди // Теория и практика психотерапии. 2016. № 3 (ноябрь). С. 2–4.
- Нестик Т. А., Журавлев А. Л.* Управление совместной деятельностью в условиях неопределенности // Социальная психология труда: Теория и практика. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. С. 91–144.
- Позняков В. П., Журавлев А. Л.* Социальная психология российского предпринимательства: концепция психологических отношений. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012.
- Психологические исследования глобальных процессов: предпосылки, тенденции, перспективы. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018.
- Социально-психологическая оценка рисков современной реальности: очевидное и вероятное / Под науч. ред. О. А. Белобрыкиной. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2017.
- Шляховая Е. В.* Социально-психологические факторы доверия пользователей к информации в электронной массовой коммуникации. Дис. ... канд. психол. наук. Москва, 2013.

Аннотации

К истории становления и развития лаборатории социальной и экономической психологии Института психологии РАН (по материалам интервью)

Т. В. Дробышева, А. Л. Журавлев

В статье изложены результаты исследования основных этапов жизнедеятельности конкретного научного подразделения – лаборатории социальной и экономической психологии Института психологии РАН. Содержание исходного материала представлено в воспоминаниях академика РАН Анатолия Лактионовича Журавлева как непосредственного свидетеля и участника происходивших событий. Подробно изложены этапы и факторы развития научного подразделения, направления научных исследований, а также спектр социально-психологических проблем, решением которых занимались сотрудники лаборатории в разные годы. Исследование построено в форме интервью с научным руководителем института и руководителем научного направления «Социальная и экономическая психология», который длительный период времени активно участвовал в формировании основных тем НИР лаборатории. В работе раскрывается вклад научного подразделения в развитие отечественной социальной психологии. Статья посвящена двум важным событиям – 45-летнему юбилею лаборатории и 70-летнему юбилею А. Л. Журавлева, длительное время руководившего лабораторией.

Ключевые слова: история социальной психологии, лаборатория социальной и экономической психологии, Институт психологии Российской академии наук, исследовательское интервью, социально-психологические проблемы, Е. В. Шорохова, К. К. Платонов, А. Л. Журавлев.

To the history of formation and development of the laboratory of social and economic psychology of the institute of psychology, Russian academy of sciences (on materials of the interview)

A. L. Zhuravlev, T. V. Drobysheva

The article contains the results of the study of the main stages of the life path of a specific scientific unit – the laboratory of social and economic psychology of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. The content of the research material is presented in the memoirs of Academician Anatoly Laktionovich Zhuravlev as a participant and witness of the events taking place. Details are given of the stages, factors of the development of the scientific division, the direction of scientific research, the range of socio-psychological problems solved by the laboratory staff in different years. The study was constructed in the form of an interview with the scientific supervisor of the laboratory, which for a long period of time directly participated in the formation of the main lines of work. The paper touches upon the contribution of the scientific unit to the development of Russian social psychology. The paper is devoted to two important events – the 45th anniversary of the laboratory and the 70th anniversary of its leader.

Keywords: history of social psychology, laboratory of social and economic psychology, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, research interview, socio-psychological problems, A. L. Zhuravlev, E. V. Shorokhova, K. K. Platonov.

Взаимосвязь гармоничности ценностей с социальной зрелостью в экономической сфере

A. A. Акбарова

В статье представлены результаты исследования ценностных ориентаций, проявляющихся в экономической сфере у молодых людей. Гипотезой исследования является предположение о взаимосвязи между ценностями и различными аспектами экономической активности личности. В результате исследования были выявлены статистически значимые корреляционные связи между группами ценностей и экономической активностью. Так, высокая гармоничность выраженности ценностей индивидуального благополучия и личностного развития связаны с высокой экономической актив-

ностью, в то время как низкая значимость данных ценностей связана с экономической пассивностью респондентов. Также была выявлена взаимосвязь ценностей индивидуального благополучия со склонностью к совершению экономических рисков и к конкурированию с другими людьми. Выраженность гармоничности ценностей взаимодействия с близкими людьми и общественного благополучия связаны с выражением заинтересованностью материальным положением близких людей и стремлением к поиску дополнительного заработка (возможно, для оказания им помощи при необходимости). Проведенное исследование позволяет утверждать наличие значимой взаимосвязи между ценностными ориентациями и экономической активностью личности.

Ключевые слова: социальная зрелость, ценностные ориентации, социальная активность, экономическая активность, экономическое поведение.

Relationship between harmony of values and social maturity in economic sphere

A. A. Akbarova

The article presents the results of the study of value orientations that are manifested in the economic sphere among young people. The hypothesis of the study was the assumption of the relationship between values and various aspects of the economic activity of the individual. Because of the research, statistically significant correlation between groups of values and economic activity were revealed. Thus, the high harmony of the expression of the values of individual well-being and personal development is associated with high economic activity, while the low significance of these values is related to the economic passivity of the respondents. Also, a relationship was found between the value of individual well-being and the propensity to commit economic risks and to compete with other people. The expression of harmony of values of interaction with friends and values of public well-being relate to the expression of interest in the financial situation of friends and the desire to seek additional job (perhaps to help them if necessary). The conducted research allows to confirm presence of significant relationship between values and economic activity of the person.

Keywords: social maturity, value orientations, social activity, economic activity, economic behavior.

Политическая социализация в дошкольном возрасте

В. Л. Бозаджиев

В статье рассматривается малоизученная, находящаяся на стыке возрастной, педагогической и политической психологии проблема политической социализации личности, особенности этого процесса в дошкольном возрасте. Представлена авторская методика исследования политической социализации, предназначенная для детей старшего дошкольного возраста. Результаты эмпирического исследования воспитанников дошкольных образовательных учреждений позволили сделать вывод о том, что процесс политической социализации в старшем дошкольном возрасте проходит, скорее, стихийно. Семья, дошкольные образовательные учреждения участвуют в этом процессе весьма пассивно, что, естественно, не способствует формированию политической культуры, воспитанию активного участника общественно-политических процессов.

Ключевые слова: социализация, политическая социализация, старший дошкольный возраст, институты политической социализации, дошкольное образовательное учреждение.

Political socialization in the preschool age

V. L. Bozadzhiev

This article deals with the problem of the political socialization of the personality, the peculiarities of this process at the preschool age, which is poorly understood at the junction of the age, in pedagogical and political psychology. The author's methodology of the political socialization research intended for children of the senior preschool age is presented in the article. The results of an empirical study of pupils of pre-school educational institutions made it possible to conclude that the process of political socialization in the senior preschool age is more spontaneous. Family, preschool educational institutions participate in this process very passively, which, naturally, does not contribute to the formation of political culture, the education of an active participant in socio-political processes.

Keywords: socialization, Political socialization, Senior preschool age, Institutes of political socialization, Pre-school educational institution.

Психологическое исследование типологических характеристик инновационной личности

Е. С. Быкова

Сегодня не существует единого определения понятия «инновационность», поэтому в научной среде дискуссии по этому вопросу являются актуальными. Целью нашего исследования является определение особенностей инновационности личности в зависимости от принадлежности к типу темперамента по Д. Кейрси. В исследовании приняли участие 177 студентов. Результаты исследования показывают, что богатство и теснота связей показателей инновационности с творческими характеристиками (по Ф. Вильямсу), толерантностью к неопределенности выражена для интуитивных типов Д. Кейрси. Таким образом, инновационная личность интегрирует личностные переменные, такие как творческие характеристики, толерантность к неопределенности, готовность рисковать и активность.

Ключевые слова: инновационная личность, инновационность, толерантность к неопределенности, творческие характеристики, тип личности.

Psychological study of typological characteristics of innovative personality

E. S. Bykova

The relevance of the study of the characteristics of an innovative person is dictated by the interest in this object. The results of the study demonstrate that the innovativeness profiles are determined by type of temperament and the innovative personality integrates personal variables, such as creative characteristics, tolerance to uncertainty, willingness to take risks and activity.

Keywords: innovative personality, innovativeness, tolerance to uncertainty, creative characteristics, personality type.

Личностные черты, готовность к риску и финансовая грамотность должников

М. А. Гагарина

В работе приведен обзор отечественных и зарубежных исследований предикторов и коррелятов долгового поведения — личностных

черт, уровня финансовой грамотности, социальных факторов. Определяется понятие «долговое поведение». Представлены результаты эмпирического исследования, согласно которым, заемщики отличаются более низким уровнем финансовой грамотности по сравнению с незаемщиками. Также получены различия подгрупп заемщиков, выполняющих и не выполняющих свои долговые обязательства, по личностным характеристикам и уровню финансовой и юридической грамотности. Описаны личностные особенности и отношение к долгу респондентов, предпочитающих институциональный и неинституциональный займы. Делаются выводы о различиях между группами и о выраженности чувства долга.

Ключевые слова: Долговое поведение, личностные черты, чувство вины и стыда, финансовая грамотность, юридическая грамотность, институциональный заем, неинституциональный заем.

Personal traits, risk readiness and financial literacy of debtors

M. A. Gagarina

The paper provides an overview of Russian and foreign studies of predictors and correlates of debt behavior – personality traits, level of financial literacy, social factors. The concept of debt behavior is defined. The results of an empirical study are presented, according to which, borrowers have a lower level of financial literacy than non-borrowers. Also, subgroups of borrowers fulfilling and not fulfilling their debt obligations (debtors) differed in terms of personal characteristics and the level of financial and legal literacy. The personal characteristics and attitude to the debt of respondents who prefer institutional and non-institutional loans are described. Conclusions are made about the differences between groups and their sense of duty.

Keywords: Debt behavior, personal traits, guilt and shame, financial literacy, legal literacy, institutional loan, non-institutional loan.

К вопросу о формах экономической социализации личности: обоснование дифференциации

Т. В. Дробышева

Статья посвящена обоснованию подхода к выявлению форм экономической социализации личности. Сформулированы взгляды на проблему дифференциации процессов экономической социализации.

Проанализированы различия в понимании содержания первичной и вторичной экономической социализации, выделены их границы, описаны критерии перехода от первичной к вторичной экономической социализации. Обоснованы признаки выделения базовых форм экономической социализации, одним из которых является факт существования различий в функциях первичной и вторичной экономической социализации, а также экономической ресоциализации. Приведены примеры парциальных форм экономической социализации (предвосхищающая социализация, обратная социализация, институциональная и неинституциональная социализация). Намечены направления дальнейших исследований форм экономической социализации личности.

Ключевые слова: экономическая психология, экономическая социализация личности, первичная и вторичная социализация, формы социализации, субъект экономических отношений.

On the question of forms of economic socialization of the personality: the rationale for differentiation

T. V. Drobysheva

The article is devoted to the substantiation of the approach to revealing the forms of economic socialization of a person. Opinions are formulated on the problem of differentiation of the processes of economic socialization. The differences in the understanding of the content of primary and secondary economic socialization are analyzed, their boundaries are outlined, and the criteria for the transition from primary to secondary economic socialization are described. Grounds for highlighting the basic forms of economic socialization are substantiated. One of these signs is the fact that there are differences in the functions of primary and secondary economic socialization, as well as economic resocialization. Examples of partial forms of economic socialization (anticipating's socialization, reverse socialization, institutional socialization, non-institutional socialization) are given. Areas for further research into the forms of economic socialization of the individual are outlined.

Keywords: economic psychology, economic socialization of the person, primary and secondary socialization, forms of socialization, subject of economic relations.

**Социально-психологические свойства личности
в разных условиях ранней социализации в семье:
с наемным работником (няней) и без него**

Т. В. Дробышева, М. А. Романовская

В статье приводятся результаты сравнительного исследования социально-психологических свойств личности детей дошкольного возраста, воспитывающихся с рождения и до 3 лет в семьях с наемным работником (няней). Выборка респондентов включала членов 41 семьи с наемным работником и такого же числа семей без наемного работника. Все семьи полные. Непосредственное участие в исследовании принимали: дети, мамы и няни из семей с наемным работником, а также дети и мамы из семей без наемного работника. Выявлено, что дети, воспитывающиеся в семьях с няней, отличаются от своих сверстников низким уровнем проявления эмпатии, эгоистической направленностью на взаимодействие со сверстниками, зависимостью от взрослого как партнера по взаимодействию и низким уровнем проявления интереса к взаимодействию со сверстниками. Показано, что низкий уровень выраженности социально-психологических свойств личности детей из семей с наемным работником связан с условиями их ранней социализации в семье. Психологическая готовность мамы к передаче своих функций наемному работнику, а также профессиональное взаимодействие няни с воспитанником рассматриваются в исследовании как комбинированная причина специфики выраженности социально-психологических свойств детей, проявляемых ими во взаимодействии со сверстниками.

Ключевые слова: социальная психология семьи, социально-психологические свойства личности детей, условия ранней социализации в семье, наемный работник (няня), семья с наемным работником (няней).

**Socio-psychological characteristics of the personality
in different terms of early socialization in the family:
with an employed worker (nanny) and without one**

T. V. Drobysheva, M. A. Romanovskaya

The article presents the results of the study of socio-psychological characteristics of the personality of preschool children who are brought up from birth to 3 years old in families with an employed worker (nanny). The selection

of respondents included 41 families with an employed worker (nanny) and the same number of families without one. All the families are full. Children, mothers and nannies from families with a nanny, as well as children and mothers from families without a nanny took a direct part in the study. It is revealed that children who are brought up in families with a nanny differ from their peers in their low level of empathy, egoistic focus on interaction with peers, dependence on an adult as a partner for interaction and low level of interest in interaction with peers. It is proved that low level of socio-psychological characteristics of the personality of children from families with a nanny is associated with the conditions of their early socialization in the family. The psychological readiness of the mother to transfer her functions to a nanny, as well as the professional interaction of the nanny with the child are considered in the study as a combined cause of the specificity of the socio-psychological characteristics of the children they demonstrate in interaction with peers.

Keywords: social psychology of the family, social and psychological characteristics of the personality of a child, conditions of early socialization in the family, an employed worker (nanny), a family with an employed worker (nanny).

Волонтерская деятельность и ценностно-мотивационная сфера личности

А. Н. Капустина

Статья посвящена изучению социально-психологических свойств, проявляющихся в ценностных и смысложизненных ориентациях личности студента, занимающегося волонтерской деятельностью. Основная гипотеза исследования: волонтерская деятельность является ресурсом самореализации личности, формируя ее ценностно-мотивационную сферу. В исследовании сравнивались контрольная (81 человек) и экспериментальная – волонтерская (79 человек) – группы студентов Санкт-Петербурга. Выявлено, что волонтерская деятельность способствует саморазвитию и самореализации личности, формирует ее альтруистическую направленность, смысложизненные ориентации, ценностно-мотивационную сферу студентов-волонтеров.

Ключевые слова: волонтерская деятельность, самореализация, ценности, мотивационные и смысложизненные ориентации, альтруистическая направленность личности.

Volunteer activities and value-motivational sphere of personality

A. N. Kapustina

The article is devoted to the study of socio-psychological properties, manifested in the value and life orientations of the personality of a student engaged in volunteer activities. The main hypothesis of the study: volunteer activity is a resource of self-realization of the individual, forming its value-motivational sphere. In research control (81 people) and experimental – volunteer (79 people) groups of students of St. Petersburg were compared. It is revealed that volunteer activity promotes self-development and self-realization of personality, forms its altruistic orientation, life orientation, value-motivational sphere of students-volunteers.

Keywords: volunteer activities, motivation, self-actualization, values, life-meaning orientations, the altruistic orientation of the personality.

Проблема нравственного выбора и саморазвитие личности

A. H. Лебедев

В первой половине XX в. С.Л. Рубинштейн рассматривал *саморазвитие личности* как важную исследовательскую проблему, хотя большинство российских ученых ориентировались только лишь на изучение его биологических и социальных факторов. Он сформулировал *концепцию нравственного развития личности*, однако в силу ряда причин эти идеи не получили широкого распространения в отечественной науке. В зарубежной психологии *концепция саморазвития* стала популярной во второй половине XX в. Она была реализована в теории самодетерминации Э. Деси и Р. Райана. Теория утверждает, что человек самостоятельно способен определять свою судьбу, принимать решения и нести ответственность за свои поступки. Другой подход, предлагающий *концепцию саморазвития*, основан на теории хаоса и синергетике, разработанной немецким физиком и методологом Г. Хакеном. Здесь случайность рассматривается как причина события, а личность как открытая система, способная к самоорганизации и саморазвитию. В рамках данных подходов природа *нравственного выбора* остается нерешенной проблемой. Третий подход предполагает изучение понятия личности не как свойства психики, а как ее наивысшего уровня. Он раскрывается в работах Б.Ф. Ломова. В этом случае *саморазвитие* связано с рефлексивным мышлением человека.

Ключевые слова: методология и теория психологии, личность, саморазвитие личности, теория самодетерминации, синергетика, самоорганизация, рефлексивное мышление, принятие решений, неопределенность, нравственный выбор.

The problem of moral choice and self-development of personality

A. N. Lebedev

In the first half of the XX c., S. L. Rubinstein considered self-development as an important research problem, although most Russian scientists focused only on the study of biological and social factors. He formulated the concept of moral development of the personality, but due to several reasons these ideas are not widely used in Russian science. In foreign psychology, the concept of self-development became popular in the second half of the twentieth century. It was implemented in the theory of self-determination by E. Deci and R. Ryan. The theory declares that people can determine their own destiny, make decisions and be responsible for their actions. The second approach, which offers the concept of self-development, is based on the theory of chaos and synergetics developed by the German physicist and methodologist H. Haken. The randomness is the cause of the event, and personality as an open system. It is capable of self-organization and self-development. Within these approaches, the nature of moral choice remains an unsolved problem. The third approach involves the study of the concept of personality not as a property of the psyche, but as its highest level. It is revealed in the works of B. F. Lomov. In this case, the self-development of the individual is associated with the reflexive thinking of the person.

Keywords: methodology and theory of psychology, personality, personality development, self-determination theory, synergetics, self-organization, reflexive thinking, decision-making, uncertainty, moral choice.

Структура социальных представлений о совести у верующих и неверующих старшеклассников

Л. Ш. Мустафина

Целью данного исследования являлось изучение структуры социальных представлений о совести у старшеклассников в зависимости от их религиозной идентичности. Выборку исследования составили 175 школьников 9–11 классов (14–16 лет), проживающих в Моск-

ве и Казани. Результаты показали, что старшеклассники, считающие себя верующими, имеют более полное и четкое представление о феномене совести, чем их неверующие сверстники. В группе верующих подростков чаще соглашаются с утверждениями, характеризующими существенные аспекты понятия совести, а группа неверующих статистически чаще согласна с ненужностью совести для человека в современной жизни. Полученные результаты ожидаемы и закономерны в связи с особыми характеристиками религиозного мировоззрения и привычкой верующей молодежи к нравственному самоконтролю.

Ключевые слова: совесть, ядро и периферия социальных представлений, религиозная идентичность, старшеклассники.

The structure of the social representations about conscience of believers and non-believer students

L. Sh. Mustafina

The results of a study of social representations about conscience in senior pupils are presented, depending on their religious identity. High school students who consider themselves believers have a more complete and clear idea of the phenomenon of conscience than their non-believing peers. In the group of believing adolescents they more often agree with the statements that characterize the essential aspects of the concept of conscience, and a group of non-believers statistically more often agrees with the need for conscience for a person in modern life.

Keywords: conscience, core and periphery of social representations, religious identity, high school students.

Типы отношения личности к глобальным рискам и его социально-психологические предикторы

Т. А. Нестук

Разработан авторский опросник «Отношение к глобальным рискам», приводятся результаты его апробации (N=924). Опросник позволяет измерить различные *компоненты отношения личности* к глобальным рискам: аффективные (тревога в отношении глобальных рисков); когнитивные (убеждение в необходимости сотрудничества для прогнозирования и предотвращения глобальных рисков; фата-

листическое игнорирование; допустимость радикальных решений и выживания одних за счет других; оптимизм в отношении глобального будущего; апокалиптизм), а также поведенческие компоненты (готовность участвовать в предотвращении глобальных рисков; готовность к активным действиям для защиты от глобальных рисков себя и своих близких). Разработана шкала для измерения ценностно-мотивационного компонента отношения к глобальным рискам (ценность выживания человечества). В ходе эмпирического исследования (N=551) выделены шесть *типов отношения* к глобальным рискам: «радикальные пессимисты», «активисты», «игнорирующие», «встревоженные традиционалисты», «пассивные прагматики» и «оптимисты». В ходе структурного моделирования выделены три группы *предикторов отношения* личности к глобальным угрозам (групповая идентификация, тревога по поводу будущего, а также социальные аксиомы и моральные основания), описаны их психологические функции.

Ключевые слова: глобальные риски, социальное доверие, групповая идентичность, тревога по поводу будущего, социальные аксиомы, моральные основания.

The types of person's attitude to global risks and its socio-psychological predictors

T. A. Nestik

The questionnaire "Global Risks Attitudes" was developed, the results of its approbation are given (N=924). The several components of individual attitude to global risks were identified by the confirmatory factor analysis: affective (anxiety about global risks); cognitive (need for cooperation to predict and prevent global risks, fatalistic ignorance, religious authoritarianism for salvation, the admissibility of radical solutions and the survival of some at the expense of others, optimism about the global future, apocalypticism), as well as behavioral components (willingness to participate in collective actions to prevent global risks, person's readiness for actions to protect herself against global risks). A scale is developed for measuring the value-motivational component of attitudes toward global risks (the value of humanity survival). Based on the empirical study (N=551), six types of attitude to global risks are identified: "radical pessimists", "activists", "ignoring", "alarmed traditionalists", "passive pragmatists", "optimists". In the course of struc-

tural modeling, three groups of predictors of the attitudes to global threats are identified (group identification, anxiety about the future, as well as beliefs – social axioms and moral foundations), their psychological functions are described. Global, civil and local identification increases the value of human survival, global risk concerns, cooperation for forecasting and preventing global risks. Anxiety about the future mobilizes the person, makes it more susceptible to alarmism about global threats in news feeds. The beliefs fulfill a stabilizing function through increased conformity at the face of a possible catastrophe (religiosity, moral foundations of purity and authority), the function of pre-adaptation to the threats of the future through increasing tolerance for uncertainty (resilience, moral foundations of fairness and care, social axioms of social complexity and reward for application), as well as a protective function in a situation of scarcity of social resources to cope with risks (social cynicism, fate control).

Keywords: global risks, social trust, group identity, anxiety about the future, social axioms, moral foundations.

Социально-психологические факторы оценки воспринимаемого возраста человека

Т. А. Шкурко

Изучались факторы оценки воспринимаемого возраста человека на основе восприятия его внешнего облика. Использовались: процедура «Фото-видеопрезентации внешнего облика», методика «Оценочно-содержательная интерпретация своего внешнего облика и его соответствия гендерно-возрастным конструктам» и социально-демографическая анкета. Выборку исследования составили: в качестве объектов восприятия («моделей») выступили 20 человек (10 мужчин и 10 женщин в возрасте от 18 до 58 лет); в качестве субъектов восприятия – 60 человек (47 женщин и 13 мужчин в возрасте от 14 до 77 лет), всего 80 человек. Обнаружена общая тенденция завышения воспринимаемого возраста *Другого*. Описан вклад разных типов возраста субъекта восприятия (хронологического, психологического, самооценки воспринимаемого возраста) в точность оценки им возраста другого человека. Систематизированы факторы, оказывающие влияние на оценку воспринимаемого возраста другого человека.

Ключевые слова: внешний облик, возраст, воспринимаемый возраст, восприятие возраста, оценка воспринимаемого возраста.

Socio-psychological factors of estimation of a person's perceived age

T. A. Shkurko

Research was devoted for the studying the factors of a person's perceived age estimation based on the perceiving his/her appearance. Methods of the study: procedure "Photo and video presentations of appearance", method "Person's estimate-and-content interpretation of his/her own appearance and its correspondence with gender-and-age related constructs" and social-and-demographic questionnaire. Sample group of the study: 20 persons (10 men and 10 women at the age from 18 to 58 years) were selected as perception objects («models»); 60 persons (47 women and 13 men at the age from 14 to 77 years) were selected as perception subjects. 80 persons in total participated in the study. General tendency towards overstating another person's perceived age detected. The contribution of different types of a perception subject's age (chronological, psychological, perceived age self-estimation) to the precision of his/her estimation of another person's age described. Factors effecting/not effecting the estimation of another person's perceived age systematized.

Keywords: appearance, age, perceived age, perception of age, estimation of perceived age.

Феномен доверия у представителей волонтерского движения

А. А. Алдашева, М. А. Логинова, О. В. Рунец

В статье рассматривается уровень доверия к себе как системообразующий фактор просоциальной активности волонтеров. Показано, что волонтеры с высоким уровнем доверия к себе характеризуются меньшей психологической дистанцией в отношениях с другими, и это доверие основано на тождестве, в то время как волонтеры со средним уровнем доверия к себе отношения с другими строят на знании. Волонтеры с низким уровнем доверия к себе в просоциальном поведении при взаимодействии заменяют доверие другому взаимобменом с учетом собственных интересов.

Ключевые слова: доверие к себе, доверие другим людям, критерии доверия другим людям, альтруизм, эгоизм, социальная ответственность, волонтерская деятельность, просоциальная активность.

Trust phenomenon among representatives of the volunteer movement

A. A. Aldasheva, M. A. Loginova, O. V. Runets

The article considers the level of self-trust as a system-forming factor of the prosocial activity of volunteers. It is shown that volunteers with a high level of self-trust are characterized by less psychological distance in the relationship to others, which is based on identity, while volunteers with an average level of self-trust relate to others on knowledge. Volunteers with a low level of self-trust in prosocial behavior during interaction replace their trust with other interchange considering their own interests.

Keywords: self-trust, trust and distrust in other people, criteria of trust, altruism, egoism, social responsibility, volunteering, prosocial activity.

Взаимосвязь удовлетворенности условиями проживания в мегаполисе и социально-психологического благополучия личности детей

М. Ю. Войтенко, Т. В. Дробышева

Статья посвящена проблеме детерминации социально-психологического благополучия личности (СПБЛ) детей в условиях мегаполиса. Одним из компонентов СПБЛ детей является их позитивное восприятие социально-психологического климата в семье. Представлены результаты эмпирического исследования, раскрывающего взаимосвязь удовлетворенности и неудовлетворенности детей условиями проживания в городе и показателей их восприятия социально-психологического климата в семье. В исследовании принимали участие дошкольники, проживающие в двух округах Москвы. Получены данные, указывающие на различия в содержании удовлетворенности и неудовлетворенности маленьких москвичей элементами городской среды. Описана модальность социально-психологического климата в семье в представлениях дошкольников, принимавших участие в исследовании. Ключевым параметром позитивного восприятия детьми социально-психологического климата является наличие совместного времяпрепровождения семьи в вечерние часы в будни и в выходные дни. Поддержание этой традиции в семье определяет удовлетворенность детей условиями проживания в мегаполисе.

Ключевые слова: социально-психологическое благополучие личности, представления о городе проживания, социально-психологический климат, позитивные отношения со значимыми взрослыми.

The relationship of satisfaction with living conditions in the megapolis and personality's socio-psychological well-being of children

M. Yu. Voytenko, T. V. Drobysheva

The article is devoted to the problem of determining the socio-psychological well-being of children in the megapolis. One of the components of the socio-psychological well-being children is their positive perception of the socio-psychological climate in the family. The article presents the results of an empirical study that reveals the relationship of satisfaction and dissatisfaction of children with living conditions in the city and indicators of their perception of the socio-psychological climate in the family. The study involved preschoolers living in two districts of Moscow. The specific data testifying to the differences in the content of satisfaction and dissatisfaction of preschool children living in Moscow, elements of the urban environment. The article describes the modality of the socio-psychological climate in the family in the representation of preschool children who participated in the study. The interrelation of satisfaction and dissatisfaction of children with living conditions in the megalopolis and their positive perception of social and psychological climate in the family is analyzed. A key parameter of the positive perception of children's socio-psychological climate is the presence of a joint family pastime in the evening on weekdays and weekends. The preservation of this tradition in the family determines the satisfaction of children with living conditions in the megapolis.

Keywords: personality's socio-psychological well-being, representation about city of the living, socio-psychological climate, positive relations with significant adults.

Городской саундшафт как составляющая социальной психологии города

И. В. Грошев, Ю. А. Давыдова, А. А. Краснослободцев

Рассматривается проблема формирования образа города через его звуковой ландшафт. Представлена авторская схема составляющих детерминации бренда города, одной из которых является музыка города, представленная в работе как его неотъемлемая часть, формируемая не только его жителями, гостями и туристами, но и самим городом. Представлено исследование саундшафта – звукового ландшафта, как важной части анализа культуры и социальной психологии города. В его составе выделены группы и виды звуков, со-

здающие музыкальный фон города, посредством которого изменяются поведенческие паттерны его жителей и гостей. Предложена схема формирования саундшафта города, включающая звуки города и звуки жителей, гостей и туристов города. Отдельно исследуются звуки публичных городских пространств, где происходят коммуникационные процессы; соотношение между звуком и местом в пространстве города, конструируемое посредством звука; звуковая агрессия, дифференцирующая городской ландшафт и детерминирующая городские формы общения. Приводится схема формирования музыкального бренда города и делается вывод, что звуковой ландшафт является важным элементом социальной психологии города.

Ключевые слова: бренд, город, звуковой ландшафт, звуки, жители, музыка, образ, поведенческие паттерны, пространство.

The urban soundscape as a component of the social psychology of the city

I. V. Groshev, Y. A. Davydov, A. A. Krasnoslobodtsev

The article deals with the problem of the formation of the image of the city through its sound landscape. The author presents the scheme of the components of the definition of the brand of the city, one of which is the music of the city, presented in the work as an integral part of the brand of the city, formed not only by its residents, guests and tourists, but also by the city itself. The authors present soundscape research as an important part of the analysis of the city's culture and social psychology. As part of the sound landscape of the city, the authors distinguish groups and types of sounds that create the musical background of the city, through which the behavioral patterns of its residents and guests change. The authors present a scheme for the formation of the city's soundscape, including the sounds of the city and the sounds of residents, visitors and tourists. The sounds of public spaces of the city where communication processes take place are studied separately; the relationship between sound and space in the city space constructed by means of sound; sonic aggression that differentiates the urban landscape and determines the urban forms of communication. The scheme of formation of a musical brand of the city is resulted and the conclusion that the sound landscape is an important element of social psychology of the city is drawn.

Keywords: brand, city, soundscape, sounds, residents, music, image, behavioral patterns, space.

**Особенности экономического сознания
студенческой молодежи в условиях глобализации
(результаты кросс-культурного исследования России и Японии)**

Е. В. Забелина, Ю. В. Честюнина, Э. З. Ягнакова

В статье представлены результаты пилотного исследования особенностей *экономического сознания* у студенческой молодежи в России и Японии. Было установлено, что при объективно более высоком уровне жизни (экономического развития, уровня дохода и др.) студенты-японцы субъективно оценивают свой уровень дохода (материального достатка) ниже, чем студенты из России. В обеих выборках было выделено 4 фактора, объединяющих экономические аттитюды, однако содержание факторов различно. Результаты подтверждают гипотезу о зависимости экономического сознания от объективных экономических условий и культуры, а также высвечивают национальные стереотипы.

Ключевые слова: экономическое сознание, экономические аттитюды, студенты, молодежь, субъективное экономическое благополучие.

**Economic mind particularities of student's youth in global world
(the results of cross-cultural research in Russia and Japan)**

E. V. Zabelina, Y. V. Chestyunina, E. Z. Yagnakova

In the article the results of the pilot research of economic mind particularities at student's youth in Russia and Japan are provided. It is shown that in case of objectively higher level of life (economic development, income level, etc.) Japanese students subjectively estimate the income level (the material prosperity) lower, than students from Russia. In both samples 4 factors integrating economic attitudes were revealed, however, the psychological content of the factors varies a lot. The results confirm the hypothesis of dependence of economic mind on objective economic conditions and culture, as well as highlight the national stereotypes.

Keywords: economic mind, economic attitudes, students, youth, subjective economic wellbeing.

**Токсические практики управления персоналом:
социально-психологические аспекты**

О. А. Коронец, А. Э. Фёдорова

Предметом исследования данной статьи является токсические практики управления персоналом, распространенность которых увеличивается в условиях прекаризации занятости и неопределенности, что способствует снижению социально-психологического благополучия персонала организации. Авторы акцентируют внимание на гендерных различиях в восприятии токсического менеджмента, изучение которых имеет как теоретическое, так и практическое значение для социальной психологии управления. Результаты исследования показали, что для женщин наиболее значимым токсическим фактором является неблагоприятный социально-психологический климат в коллективе, а для мужчин – недостаточное признание их профессиональных достижений. Наиболее токсическими факторами рабочей среды и для мужчин и для женщин в равной степени являются: нарушения в оплате труда, токсическое лидерство и неофициальное трудоустройство.

Ключевые слова: социальная психология управления, токсические практики управления, социально-психологическое благополучие, социальное загрязнение, прекаризация занятости, гендерные различия.

Toxic human resource management practices: the psychosocial aspects

O. A. Koropets, A. E. Fedorova

The subject of the study presented in the paper are toxic human resource management practices, the prevalence of which increases in conditions of precarious employment and uncertainty, contributing to the reduction of the psychosocial well-being of employees. The authors focus on gender differences in the perception of toxic leadership, the examination of which has both theoretical and practical significance for social psychology of management. The study results show that the most significant toxic factor for women is the unfavourable psychosocial climate in the labour collective and insufficient recognition of professional achievements for men. The most toxic factors of the working environment for both men and women are equally: infringement in salary payment, toxic leadership and unofficial employment.

Keywords: social psychology of management, toxic management practices, psychosocial well-being, social pollution, precarious employment, gender differences.

Социально-средовые и индивидуально-субъективные функции вандализма в городской среде

О. В. Кружкова, И. В. Воробьева, Р. Ю. Порозов

В статье раскрывается явление «вандализм» как социально-психологический феномен. Дается определение вандализма с позиции его объективных (фактологических) характеристик. Обосновывается его значение для общества в целом, отдельных (например, субкультурных) групп или индивидуального субъекта с учетом его интересов. Выявлено 4 социальных функции вандализма (функция подготовки к социальным изменениям, сигнализирующая функция, функция управления общественными настроениями и конструирующая функция) и 5 индивидуально-субъективных функций вандализма (тактическая функция, демонстрационно-протестная, функция отреагирования, функция возмещения, функция самовыражения).

Ключевые слова: вандализм, городская среда, мегаполис, функции вандализма, деструктивное поведение, личность.

Socio-environmental and individual-subjective functions of vandalism in the urban environment

O. V. Kruzhkova, I. V. Vorobyeva, R. Yu. Porozov

The article reveals the socio-psychological understanding of the phenomenon of vandalism in the context of its significance for society and urban environment (environment for the realization of vandalism) and the individual (subject of vandalism). Vandalism is defined from the standpoint of its objective (factual) characteristics, that substantiates its significance for society as a whole, for groups (for example, subcultural), or for an individual subject, taking into account his interests. As a result, four socio-environmental functions of vandalism are distinguished (function of preparation for social changes, signaling function, function of managing of public mood and constructive function), and 5 individual-subjective functions of human vandal activity (tactical function, demonstrative-protected, reactive function, function of compensation, function of self-expression).

Keywords: vandalism, urban environment, megalopolis, vandalism, destructive behavior, personality.

Восприятие мигрантами себя в качестве «мишеней дискриминации» как фактор принятия ими наблюдаемого дискриминационного поведения Другого

В. А. Лабунская

Цель исследования заключалась в установлении различий в уровнях *принятия дискриминационного поведения Другого*, по отношению к представителям этно-культурных групп, отличающихся типом внешнего облика (принятия этнолукизма), в группах, воспринимающих себя в качестве мишеней дискриминации и не воспринимающих себя в качестве таковых. Использовалась ситуативная методика «Диагностика уровня принятия дискриминационного поведения Другого, направленного на представителей этнокультурных групп в различных ситуациях взаимодействия». Результаты исследования подтверждают гипотезу о том, что восприятие мигрантами себя в качестве *мишеней дискриминации* обуславливает высокий уровень принятия наблюдаемого дискриминационного поведения, направленного на других людей.

Ключевые слова: мигранты, мишень дискриминации, воспринимаемая дискриминация, принятие дискриминации, ситуации дискриминации.

Perception of migrants themselves as “targets of discrimination” as a factor in their acceptance of observed discriminatory behavior of the Other

V. A. Labunskaya

The research objective consisted in the finding of differences in levels of adoption of discrimination behavior of Another, concerning representatives of the ethno cultural groups differing in appearance type (acceptance of an etnolookizm), in groups which are perceiving themselves as targets of discrimination and not perceiving themselves as those. The situational technique «Diagnostics of the level of adoption of the discrimination behavior of Another directed to representatives of ethno cultural groups in various situations of interaction» was used. Results of research confirm a hypothesis that

perception by migrants of as targets of discrimination causes the high level of adoption of the observed discrimination behavior directed to other people.

Keywords: discrimination target, the perceived discrimination, discrimination acceptance, situation of discrimination.

Свобода группы как предмет социально-психологического исследования

Г. Н. Ларина

В статье предлагается понимание свободы группы как социально-психологического феномена. Данный феномен сравнивается с другими социально-психологическими феноменами – свободой личности, групповым субъектом, жизнеспособностью группы, групповой рефлексивностью, психологической безопасностью группы. Предлагаются перспективы дальнейших исследований.

Ключевые слова: свобода группы, свобода личности, группа, групповой субъект, коллектив, социально-психологический климат, жизнеспособность группы, психологическая безопасность группы, групповая рефлексивность.

Freedom of the group as a subject of socio-psychological research

G. N. Larina

The article offers an understanding of the freedom of the group as a socio-psychological phenomenon. This phenomenon is compared with other socio-psychological phenomena – freedom of personality, group subject, group resilience, group reflexivity, psychological safety of the group. Prospects for further research are proposed.

Keywords: group freedom, the freedom of personality, group, group subject, collective, socio-psychological climate, group viability, psychological safety of the group, group reflexivity.

Социально-психологические и этнокультурные факторы выбора школы родителями дошкольников

В. Ю. Печковская

Исследуется вопрос влияния различных социально-психологических и этнокультурных факторов на выбор школы родителями дошколь-

ников, а также проблема существования этнической предубежденности в этой области. Анализируются различные группы мотивов выбора школы родителями. На основе качественного исследования методом полуструктурированного интервью, проведенного среди родителей дошкольников Москвы, выявляются критерии привлекательности школы и различные аспекты выбора начальной школы. Также анализируются источники информации о школе, страхи и опасения родителей. Подтверждается результатами исследования выдвинутая гипотеза о выраженном влиянии этнических предубеждений родителей на выбор школы. Также выявлена половая специфика отношения родителей к наличию мигрантов в школе.

Ключевые слова: социальная психология, этнические стереотипы, этническая предубежденность, выбор школы, мигранты.

Social-psychological and ethno-cultural factors of choice of school by parents of preschool children

V. U. Pechkovskaya

The article explores the impact of socio-psychological and ethno-cultural factors on the choice of the school by parents of preschoolers, as well as the problem of the existence of ethnic prejudice in this domain. On the example of a qualitative study conducted among the parents of preschoolers in Moscow, the criteria for the attractiveness of the school and the various aspects of the choice of an elementary school are revealed. The hypothesis about the pronounced influence of the parents' ethnic prejudices on the choice of the school is confirmed by the results of the research.

Keywords: social psychology, ethnic stereotypes, ethnic prejudice, school choice, migrants.

Образ города проживания в представлениях жителей с разной городской идентичностью

Е. Н. Покатиловская, Л. В. Шibaева

В статье рассмотрена проблема изучения городской идентичности жителей «кризисного» города в контексте разрабатываемого социально-психологического подхода к анализу жизнеспособности города. Представлены результаты конкретного эмпирического исследования образа города проживания в представлениях жителей

г. Сургута с разной городской идентичностью. Выделены типы горожан с разной выраженностью городской идентичности. На основе данных методики репертуарных решеток и факторного анализа выявлено, что жители с выраженной идентичностью характеризуются более дифференцированным описанием семантического образа города, эмоционально позитивной модальностью данного образа по сравнению с жителями с низко выраженной идентичностью, испытывающими состояние «кризиса мигранта».

Ключевые слова: социальная психология города, жизнеспособность города, субъект территориального сообщества, городская идентичность, самоопределение, социальные группы горожан.

Image of a city of accommodation in representations of residents with different city identity

E. N. Pokatilovskaya, L. V. Shibaeva

The article examines the problem of studying the urban identity of residents of a “crisis” city in the context of the developed socio-psychological approach to the analysis of the city’s viability. The results of a concrete empirical study of the image of the city of residence in the representations of the inhabitants of Surgut with different urban identities are presented. The types of townspeople with different expressiveness of urban identity are singled out. Based on data from the repertory grids and factor analysis methodology, residents with a pronounced identity are characterized by a more differentiated semantic description of the city, its emotionally positive coloring compared to residents with a lowly expressed identity experiencing the state of the “migrant crisis”.

Keywords: social psychology of city, city vitality, subject of territorial community, urban identity, self-determination, social groups of townspeople.

Социально-психологическая теория социального капитала организации

Л. Г. Почебут, Д. С. Безносков

В статье рассмотрены основные положения социально-психологической теории социального капитала организации. Проанализированы типы капитала: финансовый, человеческий, социальный, креативный, физический. Опираясь на идеи Р. Патнэма, Дж. Коулмана,

П. Бурдьё, авторы разработали теоретические основы социального капитала организации. Подробное рассмотрение ресурсного, сетевого и экономического аспектов изучения социального капитала позволило сформулировать социально-психологический аспект. Определены четыре уровня исследования социального капитала: личностный, групповой, организационный и социетальный. Дано определение социального капитала как единого смыслового поля, объединяющего и сплачивающего людей в процессе совместной деятельности. Предложены четыре компонента социального капитала: взаимное доверие, нормы взаимодействия, приверженность целям и ценностям, репутация организации. Описаны позитивные и негативные факторы формирования *социального капитала*.

Ключевые слова. Социальный капитал организации, доверие, нормы взаимодействия.

Socio-psychological theory of social capital organization

L. G. Pochebut, D. S. Beznosov

Article discusses the basic of socio-psychological theories of social capital the organization. Analyzed types capital: financial, human, social, creative, physical. Building on the ideas of R. Putnam, J. Coleman, P. Bourdieu authors developed the theoretical framework of social capital organization. Detailed consideration of resource, network, and economic aspects of the study of social capital, allowed to formulate socio-psychological aspect. Defined four levels of social capital study: personal, group, organizational and societal. Social capital is defined as a single semantic field, unifying and embrace people in the process of joint activities. Four components of social capital are proposed: trust, norms of interaction, commitment to the objectives and the values and the credibility of the organization. The paper describes the positive and negative factors of the formation of social capital.

Keywords: social capital of oorganization, trust, interoperability standards.

Компетентность в интерпретации результата творческой работы группы

Ю. Э. Ширков, А. Н. Рчеулишвили

Приведены результаты исследования, начатого форсайт-сессией о будущем социальной психологии на конференции, посвященной

45-летию кафедры социальной психологии факультета психологии МГУ им. М. В. Ломоносова в декабре 2017 г. В продолжение этой работы были проведены еще 18 групповых сессий с участниками пяти уровней компетентности в обсуждаемой задаче. Данная статья посвящена теоретической проблеме использования образного и ассоциативного материала для согласования картины будущего и широкого диапазона индивидуальных интерпретаций этого группового результата между участниками группы. Доказано, что максимальная адекватность интерпретации группового результата наблюдается при среднем уровне компетентности участников в обсуждаемом вопросе. При низком и высоком уровне компетентности проявляются факторы, мешающие участникам группы согласованно интерпретировать сконструированный ими образ будущего.

Ключевые слова: форсайт-сессия, групповое решение, метафорический рисунок, компетентность в задаче, индивидуальная интерпретация.

Competence in interpreting the result of the creative group work

Y. E. Shirkov, A. N. Recheulishvili

The article presents the results of a study launched by the foresight session aimed to the future of social psychology at the conference dedicated to the 45th anniversary of the Department of Social Psychology Faculty of Psychology of Moscow State University named after M. V. Lomonosov in December 2017. In continuation of this work, 18 more group sessions were held with participants who performed five levels of competence in the subject of discussion. This article does not contain the results of various ideas about the future of social psychology. It is devoted to the theoretical problem of using visual and associative material for coordinating the picture of the future between the group members and a wide range of individual interpretations of this group result. It is proved that the maximum adequacy of interpreting the group result is observed when the participants' competence in the discussed question was at the average level. The persons with a low and high level of competence were affected by the factors that prevent them from consistently interpreting the image of the future manifested by the group.

Keywords: foresight session, group decision, metaphorical drawing, competence in the task, individual interpretation.

Рольевой репертуар женщины в современном обществе

В. А. Баранова, М. А. Утробина

Рассматривается теория аккумуляции социальных ролей, в соответствии с которой женщина, сочетающая несколько ролей, чувствует себя более благополучной. Комбинирование сфер жизни является основанием для самореализации: женщина проявляет себя с разных сторон, справляется с трудностями, формирует свой многосторонний и сложный образ. С помощью семантического дифференциала выявлено отношение к женщинам, принадлежащим к различным типам, выделенным на основании выполняемых социальных ролей и их количественного сочетания. Проверяются гипотезы о взаиморасположении различных типов в семантическом пространстве, а также о взаимосвязи между принадлежностью респондента к той или иной социальной группе и оценкой образов женщин с различным рольевым репертуаром. Была получена связь между типом, аккумулятирующим максимальное количество ролей, и типом «успешная женщина». Обнаружены статистически достоверные различия в оценке предложенных образов у респондентов, принадлежащих к разным социальным группам.

Ключевые слова: теория аккумуляции социальных ролей, успешная женщина, социальные роли современной женщины.

The role repertoire of women in modern society

V. A. Baranova, M. A. Utrobina

The theory of the accumulation of social roles is considered in this paper, according to which a woman combining several roles feels more prosperous. Combining several spheres of life is a field for self-realization. A woman manifests herself from different sides, copes with difficulties, forms her multi-faceted and complex image. The attitude to different types of women identified based on their social roles and their quantitative combination is revealed by the semantic differential. Hypotheses about the interposition of various types in the semantic space and the relationship between the respondent's belonging to a social group and the evaluation of women with different role repertoires are tested. As a result, the minimum distance between the type accumulating the maximum number of roles and the type «Successful woman» was obtained. There were statistically significant dif-

ferences in the evaluation of the proposed images between respondents belonging to different social groups.

Keywords: theory of accumulation of social roles, successful woman, social roles of modern women.

Социально-психологические условия становления правового сознания современной российской молодежи

Н. В. Борисова

В статье рассматриваются морально-правовые представления российской молодежи, полученные с помощью методики Тапп в 1989 и 2017 гг. Анализ осуществляется через онтологию человеческого бытия, развиваемую в работах С.Л. Рубинштейна. Согласно его научным взглядам, полнота жизни в отношении к полноте бытия определяется через следование нравственному закону, который в силу объективности своего содержания имеет форму общеобязательного положения и занимает центральное место в процессе становления этического субъекта. Указывается, что преемственность в правовой сфере тесно связана с преемственностью традиций и смысложизненных ориентаций. Рассматриваются социально-психологические условия и предпосылки становления правового сознания молодежи периодов «перестройки» и современной России.

Ключевые слова: морально-правовые представления, правосознание, методика Тапп, молодежь, С.Л. Рубинштейн, онтология человеческого бытия, нравственный закон.

Social and psychological conditions of formation of legal consciousness of modern Russian youth

N. V. Borisova

In article the moral and legal representations of the Russian youth received by means of a technique Tapp in 1989 and 2017 are considered. The comparative analysis is under construction on S. L. Rubinstein's provisions entered in ontology of human life about the person as the subject of the rights according to which the completeness of life in the attitude towards completeness of life is defined by following to the moral law which owing to objectivity of the contents has the form of obligatory situation and takes the central place during formation of the ethical subject. It is specified that continuity

in the legal sphere is closely connected with continuity of traditions and the life meaning' orientations. Social and psychological conditions and prerequisites of formation of legal consciousness of youth of the period of "reorganization" and modern Russia are considered.

Keywords: moral and legal representations, sense of justice, technique Tapp, youth, S. L. Rubinstein, ontology of human life, moral law.

Об актуальности исследования феномена «нравственной элиты»

М. И. Воловикова, А. Л. Журавлев

Статья посвящена обоснованию актуальности социально-психологического исследования феномена «нравственной элиты», впервые выделенного и описанного в публикациях А. Л. Журавлева и А. Б. Купрейченко начиная с 2006 г. Обсуждается проблема неоднозначной роли элит в постсоветский период российской истории. Делается вывод о ведущем значении духовно-нравственной детерминанты в российском менталитете.

Ключевые слова: нравственная элита, интеллигенция, российский менталитет, социальная психология.

The relevance of the study of the phenomenon of "moral elite"

M. I. Volovikova, A. L. Zhuravlev

The article is devoted to the substantiation of the relevance of the socio-psychological study of the phenomenon of "moral elite", first identified and described in 2010 in the publications of A. L. Zhuravlev and A. B. Kupreychenko. The article raises the problem of ambiguous role of elites in the post-Soviet period of Russian history. The conclusion is made about the leading importance of spiritual and moral determinants in the Russian mentality.

Keywords: moral elite, intellectuals, Russian mentality, social psychology.

Доверие молодежи к интернет-магазинам

А. Е. Воробьева

Ставится проблема доверия к такому виду новых технологий, как электронная коммерция. Отмечается специфика доверия к различным видам организаций, в частности интернет-магазинам. Обозначена недостаточность исследований доверия к интернет-магазинам на рос-

сийской выборке. Рассматривается отношение к времени в контексте потребительского поведения и отношения к новым технологиям. Исследование доверия молодежи к интернет-магазинам выполнено на выборке московского региона. В программу входила авторская анкета и методики оценки доверия и отношения ко времени. Были выявлены субъективные достоинства и недостатки интернет-магазинов, три эмпирических типа пользователей интернет-магазинов, роль отношения к времени, доверия к себе, миру, другим людям и социально-групповых характеристик в доверии молодежи к интернет-магазинам.

Ключевые слова: доверие, отношение к времени, отношение к интернет-магазинам, временная перспектива, отношение к новым технологиям.

Yoith's trust to internet-shops

A. E. Vorobieva

The trust problem to such type of new technologies as electronic commerce put. The specifics of trust for different kinds of organizations, in particular, online stores noted. Insufficiency of researches of trust to online stores on the Russian selection designated. The attitude toward time in the context of consumer behavior and the attitude toward new technologies considered. The research of trust of youth to online stores is executed on selection of the Moscow region. The program included the author's questionnaire and techniques of assessment of trust and the relation at the right time. Subjective merits and demerits of online stores, three empirical types of users of online stores, a role of the attituded to time, trust to themselves, the world, other people and social-group characteristics in trust of youth to online stores revealed.

Keywords: trust, attitude toward time, attitude toward online shopping, time perspective, attitude toward new technologies.

Романтические отношения и готовность к браку, репрезентируемые интернет-сообществами (опыт анализа визуальных сообщений)

Т. П. Емельянова, Д. А. Шмидт

В статье представлены результаты исследования интернет-материалов по тематике отношений в паре, представленных в форме из-

ображений (фотографий, рисунков, графики). Выборку составили подписчики четырех интернет-групп в возрасте 24–29 лет. Целью исследования было выявление основных тенденций в визуальной репрезентации романтических отношений в паре по пяти параметрам: содержание, характеристики изображения, символическое наполнение, контекст, вероятная мотивация коммуникатора. Анализ визуализации отношений в паре по всем параметрам обнаруживает тенденцию к преимущественной репрезентации романтики, позитивных переживаний (радости, получение поддержки, удовлетворенности) и практически полное отсутствие восприятия романтических взаимоотношений как шага к созданию семьи.

Ключевые слова: визуальное сообщение, любовь, брак, общение в Интернете, готовность к браку.

Romantic relationships and readiness for marriage, represented by online communities (experience in analyzing visual messages)

T. P. Emelyanova, D. A. Shmidt

The article presents the results of the research of Internet materials on the topics of relations in a pair, presented in the form of images (photographs, drawings, graphics). The sample consisted of subscribers of four Internet groups aged 24–29. The purpose of the study was to identify the main trends in the visual representation of romantic relationships in a pair of five parameters: content, image characteristics, symbolic content, context, probable motivation of the communicator. The analysis of the visualization of relations in pairs on all parameters reveals a tendency to preferential representation of romance, positive experiences (joy, reception of support, satisfaction) and almost complete absence of perception of romantic relationships as a step towards the creation of a family.

Keywords: visual communication, love, marriage, communication on the Internet, readiness for marriage.

Основные подходы к пониманию глобальной психологии

А. Л. Журавлев, Ю. В. Ковалева

Проведен анализ современных трактовок глобальной психологии в соответствии с методологическими положениями глобалистики. Такое сравнение показало, что современную глобальную психоло-

гию характеризуют следующие черты: особый тип организации исследовательского сообщества (сетевой, неиерархический, полицентричный, декоммерциализированный); представления о человеке как динамичном, балансирующем в своих психологических границах для решения жизненных задач включенности и сохранения автономности; нетривиальный подход к предмету и объекту психологических исследований, которые могут изменяться в соответствии с изменениями условий жизни человека; ориентация на междисциплинарность исследований; высокая степень неравномерности проявления интереса (по регионам мира) к глобальным проблемам, свидетельствующая о начальном этапе его развития.

Ключевые слова: глобальная психология, глобалистика, науковедческий анализ, глобальный вызов, глобальные процессы, глобальные феномены, «архетип глобальности», всеобщее, индивидуальное, интеграция, дифференциация, публикационная активность.

Main approaches to understanding global psychology

A. L. Zhuravlev, Y. V. Kovaleva

The analysis of six modern interpretations of global psychology in compliance was carried out by methodological provisions of global studies. This comparison showed that the following lines have to characterize modern global psychology: particular type of the organization of research community (network, not hierarchical, polycentric, un-commercial); the attitude towards the person as dynamic, balancing in the psychological borders for the solution of vital problems of inclusiveness and autonomy; uncommon approach to a subject and an object of psychological researches which can change according to change of living conditions of the person; orientation to interdisciplinary of studies; the high degree of unevenness of the indication of interest (on regions of the world) to global problems that are testifying the initial stage of its development.

Keywords: global psychology, global studies, science analysis, global problems, global challenge, global processes, global phenomena, “archetype of the global”, general, individual, integration, differentiation, printing activity.

Ориентация будущих STEM-специалистов на социально-профессиональные навыки в условиях перехода к цифровой экономике

П. А. Кисляков, Е. А. Шмелева

Актуализируется проблема развития у будущих STEM-специалистов социально-профессиональных навыков в условиях перехода к цифровой экономике. Представлены результаты исследования ориентации будущих STEM-специалистов на такие навыки, как: умение решать сложные задачи, критическое мышление, креативность, управление людьми, навыки взаимодействия, эмоциональный интеллект, скорость принятия решений, клиентоориентированность, умение вести переговоры, когнитивная гибкость. Показано, что студенты претендуют на высокий уровень будущей сформированности ключевых социально-профессиональных навыков цифровой экономики (в среднем 8 баллов), но оценивают их сформированность ниже (в среднем 7 баллов), что указывает на необходимость включения в систему профессионального STEM-образования практико-ориентированных программ психологического профиля, а также участия в образовательном процессе представителей профильных организаций – ролевых моделей и носителей социально-профессиональных компетенций.

Ключевые слова: STEM-специалисты, социально-профессиональные навыки, цифровая экономика, уровень притязаний.

Orientation of future STEM-specialists on social and professional skills in the conditions of transition to the digital economy

P. A. Kislyakov, E. A. Shmeleva

The article actualizes the problem of development of social and professional skills of future STEM-specialists in the conditions of transition to the digital economy. The article presents the results of a study of the orientation of future STEM-specialists on social and professional skills: the ability to solve complex problems, critical thinking, creativity, people management, interaction skills, emotional intelligence, judgment and speed of decision-making, customer focus, negotiation skills, cognitive flexibility. The study showed that students claim a high level of future development of key social and professional skills of the digital economy (average 8 points), but assess their formation below (average 7 points). That indicates the need

to include in the system of professional STEM-education practice-oriented programs of psychological profile, as well as participation in the educational process of representatives of specialized organizations – role models and carriers of social and professional competencies.

Keywords: STEM-specialists, social and professional skills, digital economy, level of claims.

Психологические угрозы в Интернете: состояние и перспективы исследований

Д. А. Китова

Информатизация мировых социально-экономических процессов сопровождается усилением виртуальных угроз, среди которых относительно самостоятельное значение приобретают угрозы психологического характера, которые оказывают значительные нагрузки на психологическое состояние человека, групп и общества. Цель работы – рассмотреть основные источники таких угроз.

Ключевые слова: информатизация общества, психологические угрозы, детерминанты распространения психологических угроз, социальная идентичность, информационная война.

Virtual information and psychological threats in conditions of development of global processes

D. A. Kitova

The informatization of world socio-economic processes is accompanied by the intensification of virtual threats, among which psychological threats acquire relatively independent significance. They exert significant stress on the psychological state of individuals, groups and societies. The purpose of the work is to consider the main sources of such threats.

Keywords: information society, psychological threats, determinants of the spread of psychological threats, social identity, information war.

Трудовые интересы в условиях перехода к цифровой экономике

Т. Н. Лобанова

В статье показана важность исследований в области анализа уровня мотивационно-ценностных особенностей категории современ-

ного персонала, способного работать в условиях цифровой экономики. Основной идеей статьи является ответ на проблемный вопрос: как мотивировать на более продуктивную работу, управляя трудовым интересом сотрудников нового поколения? В качестве гипотезы выдвинут приоритет интереса самореализации по сравнению с экономическим и карьерным интересом молодых работников. Исследование проводилось методом анкетирования в форме онлайн-опроса через google-форму, использовалась авторская методика. Результаты исследования выборки 40 специалистов в области информационных технологий и клиентского менеджмента подтвердили важность профессиональных и карьерных интересов молодежи и позволили выделить мотивационные особенности работников в условиях перехода к цифровой экономике.

Ключевые слова: мотивация, трудовые интересы, «цифровое» поколение, самореализация, карьера.

Labor interests in the transition to a digital economy

T. N. Lobanova

The article shows the importance of research in the field of analyzing the level of motivational and value features of the category of modern staff able to work in a digital economy. The main idea of the article is the answer to the problematic question: how to motivate for more productive work, managing the labor interest of employees of the new generation? As a hypothesis, priority is given to the interest of self-realization in comparison with the economic and career interests of young workers. The study was carried out using the questionnaire method in the form of an online survey through goole-form, the author's methodology was used. The results of a survey of a sample of 40 specialists in the field of information technology and client management confirmed the importance of professional and career interests of young people and allowed to highlight the motivational characteristics of employees in the transition to a digital economy.

Keywords: motivation, labor interests, “digital” generation, self-realization, career.

Феномен сетевой агрессии в закрытых сообществах молодых матерей

О. И. Маховская, Т. И. Семенова

Впервые поставлен вопрос о социально-психологической природе *женской агрессии* на примере закрытых материнских сообществ. Использовались: интервью, включенное наблюдение и анкетирование участников исследования. Показано, что проявление агрессии считается нормой даже среди участников; агрессивные «*холиварные*» посты (от. «*holy war*», священная религиозная война) вызывают наибольший ажиотаж и используются для привлечения внимания. Среди причин сетевой агрессии у женщин выделяется разрыв межпоколенных связей, стремление изменить *традиционную материнскую роль* «жертвы», компенсировать многократно возросшее давление со стороны социальных и экономических стандартов. Агрессия у женщин носит демонстративный, компенсаторный характер как способ обратить внимание на проблему.

Ключевые слова: агрессия, нарциссизм, защитные механизмы, межпоколенный разрыв, интервью

The phenomenon of network aggression in closed groups of young mothers

O. I. Makhovskaya, T. I. Semenova

For the first time, the question of the socio-psychological nature of female aggression on the example of closed parent network groups raised. During the interview, including observation and questioning of the participants of the study, found out that the manifestation of aggression considered as the norm by most participants; aggressive “*holy war*” posts caused the greatest excitement and used to attract attention. Among the causes of the network aggression among women is the generation gap with the desire to overcome the traditional maternity role of the “*victim*”, to compensate rapidly increased pressure from outside social and economic standards. Aggression among women is demonstrative, defensive, compensatory, a way to attract attention to the problem.

Keywords: aggression, female, narcissism, defense mechanisms, inter-generational gap, interview.

Российская психология перед лицом «глобальных рисков»

И. А. Мироненко

У российской психологии нет выбора «вступать» или «не вступать» в глобальную психологическую науку, которая с неизбежностью формируется в глобальном мире. Но сейчас мы можем выбирать, в каком качестве мы туда войдем: как «развивающаяся провинция» мировой науки или как наследники одной из великих школ XX в. Главным «глобальным риском» для российской психологии представляется утрата достижений национальной науки предшествующего периода. В российском профессиональном сообществе вхождение в глобальную науку многими воспринимается как угроза и риск утраты своей аутентичности. Напротив, отказ от изоляционистских тенденций, развитие сотрудничества являются необходимыми условиями будущего субъектно-деятельностного и других подходов, так как объективная реальность существования психологической науки в России, отсутствие финансирования лабораторий, делает затруднительным развитие этих подходов в русле присущей им естественно-научной методологии. В сети глобальной науки российская психология может и должна сохранить свою особость, потому что именно своей уникальностью она может быть интересна и полезна, а значит – востребована.

Ключевые слова: глобальная психология; научное психологическое сообщество в эпоху глобализации; интеграция и дифференциация мировой науки; место и роль российской психологии в мировой науке.

Russian psychology facing “global risks”

I. A. Mironenko

Russian psychology has no choice to “join” or “not to join” the global psychological science, which is inevitably forming in the global world. But we can still choose the role we will play there: a “developing” province of the international science, or heirs of one of the great schools of the twentieth century. The main “global risk” for Russian psychology is the loss of the achievements of the national science of the previous period. In the Russian professional community, entry into global science is widely perceived as a threat and risk of losing its authenticity. On the contrary, rejection of iso-

lationalist tendencies, development of cooperation is a necessary condition for the future of the subjekt-activity approach, since the objective reality of the existence of psychological science in Russia, the lack of financing of laboratories, makes it impossible to develop here the approach in line with its inherent natural science methodology. In the network of global science, Russian psychology can and must preserve its specialty, because it is by its uniqueness that it can be of interest and in demand there.

Keywords: global psychology; scientific psychological community in the era of globalization; integration and differentiation of international science; the place and role of Russian psychology in the international science.

Возможности использования цифровых следов для прогнозирования поведения личности

Ю. С. Мурзина, В. П. Позняков

В статье рассматриваются основные тренды развития человечества по прогнозам экспертов Всемирного экономического форума, обозначается неизбежность перехода нашей страны к цифровой экономике, выделяются перспективные отрасли развития в рамках сети Интернет, согласно программе «Национальная технологическая инициатива». Все это приводит к необходимости развития новой отрасли психологии – киберпсихологии. В основной части статьи, анализируя зарубежные источники, демонстрируются возможности академического изучения цифровых следов личности. Более подробно, с опорой на Пятифакторную модель личности, представляется взаимосвязь цифрового поведения и личностных особенностей. В завершение анализируется логика таких исследований, даются направления для практического использования результатов.

Ключевые слова: глобальные тренды, цифровая экономика, киберпсихология, цифровое поведение личности, Пятифакторная модель личности.

The possibility of using digital traces to predict personal behavior

J. S. Murzina, V. P. Pozniakov

The article discusses the major trends of the future according to the forecasts of experts of the World Economic Forum. Russia will inevitably enter the era of digital economy. That is the main reason why we characterize the

sectors of future economic development using the Internet-service, according to the Program of “National Technology Initiative”. All technological changes in the economy contribute to the emergence of Cyberpsychology. In the main part of the paper we demonstrate the possibility of using digital traces to predict personal behavior, using Big Five Model of personality. In conclusion, we represent the logic of digital traces studies and show the practical application of the results.

Keywords: Global Trends, Digital Economy, Cyberpsychology, Digital Behavior, Big Five Personality Model.

Социально-психологические предикторы отношения личности к искусственному интеллекту и роботизации

Т. А. Нестик

В работе приводится обзор современных исследований отношения личности к искусственному интеллекту (ИИ), анализируются особенности доверия человека к ИИ и роботам. Приводятся результаты серии эмпирических исследований (N=526, N=129, N=293), посвященных социально-психологическим предпосылкам отношения россиян к внедрению систем ИИ в повседневную жизнь. Выделены разные психологические типы технологий ИИ («технологии киборгизации» и «технологии умного города»), на отношение к которым влияют различные психологические факторы. Показано, что воспринимаемые угрозы ИИ связаны не столько с надежностью и предсказуемостью самой технологии, сколько с ее использованием государством и другими людьми. При этом опасения по поводу того, что искусственный интеллект выйдет из-под контроля и подчинит себе людей, более характерны для тех, кто готов использовать технологии ИИ, верит в его быстрое развитие и пользу для общества. Показано, что оценка технологий специализированного ИИ и их возможного влияния на общество прямо зависит от уровня социального доверия личности. Обнаружено, что готовность к взаимодействию с общим ИИ как с партнером, обладающим сознанием и переживаниями, требует сочетания технооптимизма с социальным оптимизмом, с доверием к социальным институтам и другим людям. Поддержка внедрения ИИ для повышения эффективности социальных институтов оказалась связана не с просоциальными и коллективистическими установками, а с ориентацией на личный успех и низкой ценностью безопасности.

Ключевые слова: искусственный интеллект, роботизация, социальное доверие, коллективные страхи, технооптимизм, технофобия.

Socio-psychological predictors of attitudes toward artificial intelligence and automation

T. A. Nestik

The review of contemporary research on the attitudes toward artificial intelligence (AI) is given, antecedents of human confidence in AI and robots are analyzed. The results of a series of empirical studies (N=526, N=129, N=293) are presented, that were devoted to the socio-psychological predictors of Russian adults' attitudes toward the introduction of AI systems into everyday life. Different psychological types of AI technologies ("cyborgization technologies" and "smart city technologies") are identified, which are influenced by different psychological factors. It is shown that the perceived threats of AI are associated not so much with the reliability and predictability of the technology as with its use by the state and other people. At the same time, fears that artificial intelligence will get out of control and subjugate people are more typical for those who are ready to use AI technologies, believes in its rapid development and benefit to society. It is shown that the estimation of the technologies of specialized AI and their possible influence on society directly depends on the person's level of social trust. It was found that the willingness to interact with the general AI as a partner that has consciousness and emotions requires a combination of techno-optimism with social optimism, with confidence in social institutions and other people. Support for the using of AI to improve the effectiveness of social institutions was not associated with prosocial and collectivist attitudes, but with an emphasis on personal success and a low value of safety.

Keywords: artificial intelligence, robots, social trust, social representations, collective fears, technooptimism, technophobia.

Представления педагогов и родителей о жизнедеятельности подростков в сети Интернет: эмпирическое исследование

Э. В. Патраков

Рассматривается проблема восприятия родителями рисков, которые возникают у подростков в процессе их жизнедеятельности в Интернете. Показана динамика смещения социальных взаимодействий

в виртуальную среду и многогранность ее рисков для подростков. Проведена систематизация теоретических исследований и выделены риски интернета для современной молодежи. На основе авторской методики, исследующей поведение в Интернете, медико-психологические показатели, социальное поведение, поведение в общественных местах, успеваемость, а также уровень материального благосостояния семьи, показано, что в представлениях родителей ключевым индикатором риска является сокрытие ребенком игр или содержания общения в Сети, снижение продуктивной содержательной деятельности в Сети (когда подросток проводит время в ущерб учебным занятиям и домашним делам), сексуально неподобающее поведение и затруднения в рефлексии о прошедшем дне. Показано, что свыше 80% опрошенных родителей обращают внимание на проблемы подростков, только когда они начинают приобретать очевидный, нарастающий характер. Подчеркивается необходимость исследований совместной жизнедеятельности подростков в Интернете как комплексного социально-психологического феномена.

Ключевые слова: совместная жизнедеятельность в Интернете, Интернет, риски, подростки, родители.

Representations of parents and teachers about adolescents' live activity in internet: an empirical study

E. V. Patrakov

The dynamics of the shift of social interaction into the online media and the variety of its risks for adolescents is demonstrated. The generalization of theoretical research is carried out and internet risks for modern youth are given, such as forming of new culture of interaction, active role of interpersonal relations. setting of public opinions. Also, the predictors of such risks are summed up: psycho-physiological, social-psychological and psychological-pedagogical. On the basic of author's methodology which research the behavior in the Internet as well as the medical-psychological indices, social behavior, behavior in public places, studying excellency, the level of family welfare, it is shown that the hey indicator of the parental risks has been the children's hiding of their games and communication in the Internet decreasing of the productive activity when an adolescent spends his time, ignoring studying and housework activity; sexually improper behavior and difficulties in the self-reflection on the past day. overall, the empirical part of research demonstrates that more than 80% of parents-respondents are pay-

ing attention to the problems of adolescents only when they start acquiring an evident, growing character. The perspective trends of research on the cooperate life activity of adolescents in the Internet as a social-psychological phenomenon are suggested.

Keywords: joint activity on the Internet, Internet, risks, adolescents, response of parents.

Социально-психологические предикторы отношения к ближайшему, среднесрочному и отдаленному будущему у участников форсайт-сессий

А. Л. Силинг, Т. А. Нестик

Рассматриваются механизмы конструирования коллективного образа будущего: лидерское видение, групповая рефлексия и коллективная тревога. Приводятся результаты двух эмпирических исследований, направленных на прояснение механизмов формирования отношения личности к ближайшему, среднесрочному и отдаленному коллективному будущему. В первом исследовании (N=332) было показано, что разные горизонты будущего связаны с разными уровнями социальной идентификации. Отдаленное будущее связано с национальной и гражданской идентичностью, тогда как ближайшее будущее – с локальной. При этом чем выше социальное доверие, тем выше оценка участниками своей способности влиять на будущее, но тем ниже оценка его предсказуемости. Во втором исследовании впервые изучено влияние проспективной рефлексии на социально-психологические характеристики личности и отношение к будущему (N=298). Были выявлены предикторы позитивной оценки краткосрочного, среднесрочного и долгосрочного будущего, среди которых наибольший вес имеют социальное доверие и групповая идентичность. Обнаружена обратная зависимость предсказуемости будущего от его позитивной оценки. Замеры до и после участия в форсайт-флоте (N=146) и в контрольной группе студентов московских вузов (N=77) показывают, что после обсуждения будущего в ходе форсайт-сессий оценка прогнозируемости долгосрочного будущего не повышается, однако возрастает протяженность индивидуальной перспективы, значимость для участников отдаленного будущего России и социальное доверие. Делается вывод о вкладе групповой проспективной рефлексии в формирование толерантности к неопределенности будущего.

Ключевые слова: коллективный образ будущего, ближайшее, среднесрочное и долгосрочное будущее, форсайт, социальное доверие, групповая идентичность, временная перспектива, толерантность к неопределенности.

Socio-psychological predictors of attitudes toward nearest, mid-term and long-term future among participants of foresight sessions

A. L. Siling, T. A. Nestik

The socio-psychological mechanisms of construing the image of collective future are analyzed: leadership vision, group anxiety and group prospective reflexing. The foresight activities are interpreted as future oriented group reflexing and collective coping with uncertainty. The results of two empirical studies are presented. The 1st study (N=332) was to explore how attitudes toward near, mid-term and long-term future are related to time perspective (ZTPI), social identity, moral foundations (MFQ), and social axioms (SAS). It was shown that images of mid-term and long-term future are predicted by identification with larger social groups and protecting the positive self-esteem. It was revealed that the higher the social trust, the higher the participants' assessment of their ability to influence the future, but the lower the assessment of its predictability. The 2nd study examined the influence of prospective reflexing on the socio-psychological characteristics of the personality and attitudes to the future (N=298). The regression analysis revealed that ingroup and outgroup trust, civil and global identity are predictors of positive evaluations of nearest, mid-term and long-term future (in 1, 5 and 20 years). An inverse relationship between the predictability of the future and its positive assessment is found. After foresight sessions, the perceived predictability of future is negatively affected by its positive evaluation, that could be explained by growth of the tolerance to uncertainty. The comparison of experimental (N=146) and control group (N=77) showed that after foresight brainstorming the perceived predictability of long-term future remain unaffected, but significantly higher levels of time perspective extension, importance of long-distant collective future, social trust, and global identity were found.

Keywords: collective image of future, tolerance of uncertainty, collective anxiety, group prospective reflexing, foresight, social identity, social trust, time perspective, tolerance of uncertainty.

Групповая рефлексивность и проблема отношения к соблюдению требований безопасности в трудовых коллективах производственных подразделений АЭС

В. Н. Шабанова, Т. А. Нестик

Статья раскрывает основные подходы к исследованию отношения к соблюдению требований безопасности в производственных коллективах АЭС. Проанализированы результаты отечественных и зарубежных исследований причин нарушений требований безопасности. Выделены социально-психологические факторы отношения личности к соблюдению правил безопасности. Выдвигается предположение о связи отношения к соблюдению требований безопасности с уровнем групповой рефлексивности. Намечаются перспективные направления исследований в данной области.

Ключевые слова: атомная электростанция, культура безопасности, человеческий фактор, отношение к соблюдению требований безопасности, групповая рефлексивность.

Group reflexivity and employees' attitudes to compliance with safety requirements in the workforce of production units of the npp

V. N. Shabanova, T. A. Nestik

This article reveals the main approaches to the study of the attitude to the compliance with safety requirements in the production teams of nuclear power plants. The article analyzes the results of Russian and foreign research on the causes of violations of security requirements. Socio-psychological factors of the person's attitude to observance of safety rules are proposed. It is suggested that the attitudes to the compliance with safety requirements is related with the level of group reflexivity. Promising areas of research in this field are outlined.

Keywords: nuclear power plant, safety culture, human factor, attitude to safety requirements, group reflexivity.

Доверие как условие принятия решений в VUCA-мире

Е. В. Шляховая

В статье описываются результаты применения авторского семинара, посвященного формированию знаний о роли доверия и недовере-

рия в VUCA-мире, а также взаимосвязи доверия и недоверия и формирования практических навыков использования модели доверия при принятии решения о взаимодействии с каким-либо важным субъектом или объектом. Программа семинара была разработана в сентябре 2017 г. Средний возраст участников семинара 32 года; сферы профессиональной деятельности участников семинара – маркетинг, бизнес-тренинги, юриспруденция, образование. В результате проведения семинара установлено, что в практическом применении модели доверия в момент принятия решения о взаимодействии с каким-либо значимым субъектом или объектом самым важным основанием является «единство», а наибольшие трудности вызывает оценка субъекта или объекта по основанию «предсказуемость».

Ключевые слова: VUCA-мир, принятие решений, доверие, ситуативное доверие, базовое доверие.

Trust as a condition of decision-making in the VUCA world

E. V. Shlyakhovaya

The article describes the results of the author's seminar on the formation of knowledge about the role of trust and distrust in the VUCA world, the relationship of trust and distrust and the formation of practical skills of using the model of trust in making decisions about the interaction with any important subject or object. The program of the seminar was developed in september 2017. The average age of the participants is 32 years; the spheres of professional activity of the participants are marketing, business training, law, education. As a result of the seminar, it was found out that in the practical application of the trust model at the time of making a decision on interaction with any important subject or object, the most important basis is "unity", and the most difficulties are caused by the assessment of the subject or object on the basis of "predictability".

Keywords: VUCA-world, decision-making, trust, situational trust, basic trust.

Об авторах

- Акбарова Анастасия Азаматовна* – соискатель, ФБГУН «Институт психологии РАН»; e-mail: anastasia.akbarova@gmail.com
- Алдашева Айгуль Абдулхаевна* – ведущий научный сотрудник лаборатории психологии труда, эргономики, инженерной и организационной психологии ФГБУН «Институт психологии РАН», доктор психологических наук; e-mail: aigulmama@mail.ru
- Баранова Виктория Анатольевна* – старший научный сотрудник кафедры социальной психологии факультета психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова», кандидат психологических наук; e-mail: bva06@mail.ru
- Безносков Дмитрий Сергеевич* – доцент ГАОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы», кандидат психологических наук; e-mail: don_bizon@inbox.ru
- Бозаджиев Владимир Лукьянович* – доцент кафедры психологии ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет», кандидат педагогических наук; e-mail: bvl_psy@inbox.ru
- Борисова Наталья Владимировна* – старший научный сотрудник лаборатории психологии личности ФГБУН «Институт психологии РАН», кандидат психологических наук; e-mail: borisova07@bk.ru
- Быкова Евгения Сергеевна* – старший преподаватель психологии и педагогики ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный технический университет»; e-mail: zhenyabykova@mail.ru
- Войтенко Мария Юрьевна* – соискатель, лаборатория социальной и экономической психологии ФГБУН «Институт психологии РАН»; e-mail: m.voytenko@yandex.ru
- Воловикова Маргарита Иосифовна* – главный научный сотрудник лаборатории психологии личности ФГБУН «Институт психологии РАН», доктор психологических наук, профессор; e-mail: margarita-volovikova@ya.ru

Воробьева Анастасия Евгеньевна – старший научный сотрудник лаборатории социальной и экономической психологии ФГБУН «Институт психологии РАН», кандидат психологических наук; e-mail: aeovorobieva@yandex.ru

Воробьева Ирина Владимировна – доцент кафедры философии и акмеологии ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет», кандидат психологических наук; e-mail: orisha@mail.ru

Гагарина Мария Анатольевна – доцент кафедры «Управление персоналом и психология» ФГОУ ВО «Финансовый университет»; ассоциированный научный сотрудник лаборатории социальной и экономической психологии ФГБУН «Институт психологии РАН», кандидат психологических наук; e-mail: mgagarina224@gmail.com

Грошев Игорь Васильевич – начальник управления организации научной деятельности, и. о. заведующего кафедрой социологии и психологии управления ФГБОУ ВО «Государственный университет управления», заместитель директора по науке НИИ образования и науки, доктор психологических наук, доктор экономических наук, профессор; e-mail: aus_tgy@mail.ru

Давыдова Юлия Александровна – заместитель директора НИИ образования и науки, кандидат психологических наук, доцент; e-mail: aus_tgy@mail.ru

Дробышева Татьяна Валерьевна – старший научный сотрудник лаборатории социальной и экономической психологии ФГБУН «Институт психологии РАН», кандидат психологических наук; e-mail: tdrobysheva@mail.ru

Емельянова Татьяна Петровна – ведущий научный сотрудник лаборатории социальной и экономической психологии ФГБУН «Институт психологии РАН», доктор психологических наук, профессор; e-mail: t_emelyanova@inbox.ru

Журавлев Анатолий Лактионович – научный руководитель ФГБУН «Институт психологии РАН», главный научный сотрудник лаборатории социальной и экономической психологии ФГБУН «Институт психологии РАН»; академик РАН, доктор психологических наук, профессор; e-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru

Забелина Екатерина Вячеславовна – доцент кафедры психологии ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет», кандидат психологических наук; e-mail: katya_k@mail.ru

Об авторах

- Капустина Александра Николаевна* – доцент кафедры социальной психологии ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», кандидат психологических наук; e-mail: kan45@mail.ru
- Кисляков Павел Александрович* – заведующий кафедрой психологии труда и специальной психологии, ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет», доктор психологических наук, доцент; e-mail: pask.81@mail.ru
- Китова Джульетта Альбертовна* – ведущий научный сотрудник лаборатории психологии личности ФГБУН «Институт психологии РАН»; доктор психологических наук; e-mail: j-kitova@yandex.ru
- Ковалева Юлия Валерьевна* – старший научный сотрудник лаборатории психологии личности ФГБУН «Институт психологии РАН»; кандидат педагогических наук; e-mail: julkov@inbox.ru
- Коропец Ольга Анатольевна* – доцент кафедры экономики труда и управления персоналом ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет»; кандидат психологических наук; e-mail: okor78@mail.ru
- Краснослободцев Алексей Александрович* – ведущий научный сотрудник НИИ образования и науки, кандидат экономических наук; e-mail: aus_tgy@mail.ru
- Кружкова Ольга Владимировна* – заведующий кафедрой философии и акмеологии, ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет», кандидат психологических наук, доцент; e-mail: galiat1@yandex.ru
- Лабунская Вера Александровна* – профессор кафедры социальной психологии личности Академии психологии и педагогики ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», доктор психологических наук; e-mail: vlab@aanet.ru
- Ларина Галина Николаевна* – доцент кафедры психологии, ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», кандидат психологических наук; e-mail: galka.larina@yandex.ru
- Лебедев Александр Николаевич* – ведущий научный сотрудник лаборатории психологии личности ФГБУН «Институт психологии РАН», доктор психологических наук; e-mail: lebedev-lubimov@yandex.ru
- Лобанова Татьяна Николаевна* – доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», кандидат психологических наук; e-mail: lobanova@hse.ru

- Логинава Мария Александровна* – аспирант факультета психологии ФГБОУ ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук»; e-mail: loginovama@inbox.ru
- Маховская Ольга Ивановна* – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории психологии и психофизиологии творчества ФГБУН «Институт психологии РАН»; e-mail: olyam@inbox.ru
- Мироненко Ирина Анатольевна* – профессор кафедры психологии личности факультета психологии ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», доктор психологических наук; e-mail: mironenko.irinal@gmail.com
- Мурзина Юлия Сергеевна* – доцент кафедры общей и социальной психологии Института психологии и педагогики ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», кандидат психологических наук; e-mail: j.s.murzina@yandex.ru
- Мустафина Лилия Шаукатовна* – старший научный сотрудник лаборатории психологии личности ФГБУН «Институт психологии РАН», кандидат психологических наук; e-mail: leila.mus@gmail.com
- Нестик Тимофей Александрович* – заведующий лабораторией социальной и экономической психологии ФГБУН «Институт психологии РАН», доктор психологических наук, профессор; e-mail: nestik@gmail.com
- Патраков Эдуард Викторович* – заведующий лабораторией социальной безопасности, доцент кафедры инноватики и интеллектуальной собственности ФГБОУ ВО «Физико-технологический Уральский федеральный университет», кандидат педагогических наук; e-mail: e.v.patrakov@urfu.ru
- Печковская Вера Юрьевна* – магистр психологии факультета социальной психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»; e-mail: rechulia@yandex.ru
- Позняков Владимир Петрович* – главный научный сотрудник ФГБУН «Институт психологии РАН», действительный член Международной академии психологических наук (МАПН), доктор психологических наук, профессор; e-mail: pozn_v@mail.ru
- Покатиловская Елизавета Николаевна* – аспирант, БУ ВО «Сургутский государственный педагогический университет», Сургут, Россия; e-mail: elizabet3462@mail.ru
- Порозов Роман Юрьевич* – доцент кафедры художественного образования, ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагоги-

Об авторах

ческий университет», кандидат культурологии; e-mail: r.pogozov@yandex.ru

Почебут Людмила Георгиевна – профессор кафедры социальной психологии факультета психологии ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», доктор психологических наук; e-mail: ludmila.pochebut@gmail.com

Романовская Мария Александровна – соискатель, лаборатория социальной и экономической психологии ФГБУН «Институт психологии РАН»; e-mail: m.a.romanovskaya@mail.ru

Рунец Оксана Владимировна – старший лаборант лаборатории психологии труда, эргономики, инженерной и организационной психологии ФГБУН «Институт психологии РАН»; e-mail: orunez@gmail.com

Рчеулишвили Анна Нодаровна – студентка факультета психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова»; e-mail: anacaot2@gmail.com

Семенова Татьяна Игоревна – научный сотрудник, лаборатория психологии и психофизиологии творчества, ФГБУН «Институт психологии РАН», кандидат психологических наук; e-mail: semenova-t-i@mail.ru

Силинг Андрей Леонардович – заместитель директора направления «Молодые профессионалы» Агентства стратегических инициатив РФ, кандидат экономических наук

Утробина Мария Анатольевна – студентка 6-го курса кафедры социальной психологии факультета психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова»; e-mail: maryutro95@yandex.ru

Фёдорова Алена Эдуардовна – доцент кафедры экономики труда и управления персоналом. ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет»; доцент кафедры управления персоналом и психологии ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина», кандидат экономических наук»; e-mail: a.e.fedorova@urfu.ru

Честюнина Юлия Владимировна – доцент кафедры психологии, ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет», кандидат психологических наук; e-mail: chestyunina@list.ru

Шабанова Виктория Николаевна – специалист по профессиональному обучению АНО ДПО «Техническая академия Росатома», магистр; e-mail: reisen_here@mail.ru

- Шибаяева Людмила Васильевна* – профессор БУ ВО «Сургутский государственный педагогический университет», доктор психологических наук; e-mail: shibaeva2003@gmail.com
- Ширков Юрий Эдуардович* – старший научный сотрудник кафедры социальной психологии факультета психологии ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова», кандидат психологических наук; e-mail: shirkov@mail.ru
- Шкурко Татьяна Алексеевна* – доцент кафедры социальной психологии Академии психологии и педагогики ФГАОУ ВО «Южный Федеральный университет», кандидат психологических наук; e-mail: shkurko@sfedu.ru
- Шляховая Елена Вадимовна* – кандидат психологических наук, заместитель проректора по научной работе, декан факультета психологии НОУ ВО «Московский экономический институт»; e-mail: elena_shlyakhovaya@yahoo.com
- Шмелева Елена Александровна* – заместитель директора Шуйского филиала ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет», доктор психологических наук, доцент; e-mail: pos_shmeleva@mail.ru
- Шмидт Дарья Александровна* – аспирант кафедры социальной и этнической психологии АНО ВО «Московский гуманитарный университет»; e-mail: dariashmidt@mail.ru
- Ягнакова Эльвина Зуфаровна* – декан факультета Евразии и Востока, ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет», кандидат педагогических наук; e-mail: elvina21@yandex.ru

Научное издание

Серия «Труды Института психологии РАН»

СОЦИАЛЬНАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Часть 2

Новые научные направления

Редактор – *Н. А. Калинина*

Макет и верстка – *В. П. Ересько*

Лицензия ЛР № 03726 от 12.01.01

Издательство «Институт психологии РАН»

129366, Москва, ул. Ярославская, д. 13

Тел.: +7(495) 540-57-27

E-mail: vbelop@ipras.ru; www.ipras.ru

Сдано в набор 13.11.18. Подписано в печать 21.11.18
Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная
Гарнитура NewtonС. Усл. печ. л. 32,6. Уч.-изд. л. 25,7
Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Паблит»
127282, Москва, ул. Полярная, д. 31в, стр. 1
Тел. (495) 685-93-18

Книги издательства «Институт психологии РАН»

2018 г.

Нестик Т. А., Журавлев А. Л. Психология глобальных рисков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. 402 с.

Махнач А. В., Лактионова А. И., Постылякова Ю. В., Лотарева Т. Ю. Жизнеспособность замещающей семьи: профилактика отказов от приемных детей. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. 223 с.

Психофизиологическое обеспечение профессиональной надежности персонала предприятий и организаций атомной отрасли:

Сборник материалов III отраслевой научно-практической конференции, г. Обнинск, 15–17 октября 2018 г. / Отв. ред. Е. В. Леонова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. 294 с.

Артемова Т. И. Аннотированный указатель трудов сотрудников Института психологии Российской академии наук за 2007–2015 годы. Вып. 2 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, В. А. Кольцова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. 152 с.

Разработка понятий современной психологии / Отв. ред. А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. 702 с. (Методология, теория и история психологии)

Психологические исследования: Вып. 9 / Под ред. А. Л. Журавлева, Е. А. Сергиенко, Н. Е. Харламенковой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. 174 с.

Вяткин Б. А., Дорфман Л. Я. Системная интеграция индивидуальности человека. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. 176 с.

Носуленко В. Н., Харитонов А. Н. Жизнь среди звуков: психологические реконструкции. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. 422 с.

Проблемы социальных конфликтов в современной психологии: сущность, детерминанты, регулирование. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. 412 с. (Психология социальных явлений)